А6 8/II
т. 1

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ
РУССКАГО НАРОДА

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

Д. МОРДОВЦЕВА

Томъ I

Екатерининскіе дѣятели и пугачевцы.—Пугачевскій полковникъ Ивановъ.—Кто былъ усмиритель пугачевщины.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева

1871

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ

РУССКАГО НАРОДА

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ

РУССКАГО НАРОДА

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

Д. МОРДОВЦЕВА

Томъ I

Екатерининскіе дѣятели и пугачевцы.—Пугачевскій полковникъ Ивановъ.—Кто былъ усмиритель пугачевщины.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева

1871

ЧИТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Въ Типографіи М. Хана, Болотная, № 5

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКАЯ
№ 5482
VII 1931.
БИБЛІОТЕКА

ОТЪ АВТОРА.

«Политическія движенія русскаго народа», составляющія содержаніе двухъ настоящихъ томовъ, являются непосредственнымъ продолженіемъ того рода историческихъ моихъ монографій, которыя изданы были въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Самозванцевъ и понизовой вольницы.»

Въ настоящихъ очеркахъ, какъ и во всѣхъ доселѣ напечатанныхъ мною историческихъ монографіяхъ, прослѣдуются однѣ и тѣже цѣли, именно обнаруженіе тѣхъ массовыхъ и единичныхъ народныхъ движеній, въ которыхъ по возможности сказывалось участіе русскаго народа въ политическомъ и гражданскомъ ростѣ русскаго государства, участіе, то ускорявшее этотъ ростъ, какъ качанье молодаго дерева вѣтромъ и бурями ускоряетъ ростъ этого дерева,

то, по законамъ историческаго рефлекса, замедлявшее этотъ ростъ на многіе годы и искривлявшее самый стволъ молодаго, гибкаго, но крѣпкаго и неподатливаго дерева.

Правда активное участіе русскаго народа, въ политической жизни своего великаго отечества, къ сожалѣнію, сказывалось большею частью явленіями скорбными, не рѣдко возмущающими человѣческое чувство историка, какъ это и обнаруживаетъ цѣлый рядъ моихъ историческихъ монографій о политическихъ самозванствахъ, о такихъ проявленіяхъ народнаго—позволяю себѣ такъ выразиться—темперамента, какъ массовыя преступленія и массовыя убійства, вызвавшіяся пугачевщиною, гайдамачиною, послѣдовательнымъ рядомъ возстаній, крестьянскихъ бунтовъ и разбоевъ понизовой вольницы какъ поволжской, такъ и поднѣпровской; но задача современнаго историка въ томъ именно и должна состоять, чтобы то, что повидимому ложится темнымъ пятномъ на память русскаго народа, было снято съ этой памяти разоблаченіемъ истинной причины и источника тѣхъ или другихъ скорбныхъ явленій и уясненіемъ той несомнѣнной истины, что не конечная деморализація народа двигала его на массовыя убійства и преступленія, а неудачно сложившійся строй общественной жизни, острыя боли живаго государственнаго тѣла выдавливавшія или слезы, или крикъ, или судорожныя движенія въ страж-

дущемъ организмѣ. Эти проявленія народнаго духа доказали только еще болѣе осязательно, что и въ жизни государства, какъ и въ жизни отдѣльныхъ единицъ, нравственныя явленія подчиняются тѣмъ же законамъ тяготѣнія, движенія, роста и развитія, какъ и въ мірѣ физическомъ, и что въ исторіи, какъ и въ физикѣ, уголъ отраженія всегда ровенъ углу паденія.

Подкрѣпляясь глубокимъ убѣжденіемъ въ несомнѣнной истинѣ вышесказаннаго, авторъ «Пугачевщины», «Гайдамачины» и прочихъ политическихъ самозванствъ и коллективныхъ преступленій русскаго народа, въ нѣкоторые моменты своей политической жизни, противъ законовъ государственности и человѣчности отдалъ свои симпатіи и свой трудъ, какъ черно-рабочаго для будущей исторіи русскаго народа, исключительно этому народу и его историческимъ ошибкамъ и несчастіямъ, а не полководцамъ и не государственнымъ дѣятелямъ, которые уже внесены исторіею въ пантеонъ нашего историческаго прошлаго и ожидаютъ, чтобъ въ этомъ пантеонѣ стали съ нимъ рядомъ и потомки тѣхъ, кои хотя и запятнали свою память преступленіями противъ законовъ государственности и человѣчности, однако не лишили тѣмъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ права благородно дѣйствовать нынѣ на пользу Россіи въ качествѣ гласныхъ въ земствѣ, въ качествѣ мировыхъ судей и присяжныхъ въ новомъ судѣ

и въ качествѣ полезныхъ дѣятелей въ литературѣ, на государственной службѣ и вообще вездѣ, гдѣ требуются знанія, умъ, честность и на добро направленная воля.

Петербургъ,
1 іюня, 1870 г.

ЕКАТЕРИНИНСКІЕ ДѢЯТЕЛИ И ПУГАЧЕВЦЫ.

I.

Чѣмъ болѣе вникаемъ мы въ мельчайшія подробности событія, глубоко поколебавшаго спокойствіе Россіи во второй половинѣ прошлаго вѣка и извѣстнаго подъ именемъ Пугачевщины, тѣмъ непоколебимѣе становится убѣжденіе наше въ томъ, что событіе это вызвано было не какою-либо интригою, не махинаціею отдѣльныхъ личностей, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей, не явленіемъ, наконецъ, Пугачева, а единственно лишь неотвратимостью закона историческаго возмездія. Что законъ историческаго возмездія, какъ и законъ исторической преемственности существуетъ—это неоспоримо. Какъ въ жизни отдѣльныхъ личностей, за отступленіе отъ непреложныхъ законовъ человѣческой правды и добра, за измѣну, какова бы ни была эта измѣна—измѣна ли своему призванію, своему слову, своему чувству, самому себѣ,—рано ли, поздно ли, личности эти наказываются и клеймятся, если не общественнымъ презрѣніемъ и отчужденіемъ, то внутреннимъ самопаденіемъ, такъ и въ кол-

лективной жизни государствъ за политическія и общественно-гражданскія преступленія предковъ исторія наказываетъ потомство, передавая какъ бы по наслѣдству политическіе долги отцовъ на отвѣтственность дѣтей. Это также несомнѣнно, какъ и то, что въ физической природѣ существуетъ наслѣдственность и преемственность видовъ, формъ, качествъ, какъ хорошихъ, такъ и порочныхъ, передаваемыхъ видовыми родичами своимъ видовымъ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. И чѣмъ крупнѣе политическія и гражданскія ошибки предковъ, чѣмъ болѣе ихъ безтактность шла въ разрѣзъ съ настоятельными требованіями правды и добра, съ общими симпатіями человѣчества и законами человѣческой чести, тѣмъ болѣе тяжести ложится на нравственную отвѣтственность послѣдующихъ поколѣній, и тѣмъ сомнительнѣе и медленнѣе вочеловѣченіе такихъ людей и такого народа, потому что исторія, какъ и нравственные законы, ничего не прощаетъ, никогда не забываетъ долговъ и нравственныхъ промаховъ кого бы то ни было, и никого не милуетъ. Жизнь и развитіе, какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ личностей, подчиняются своимъ неизмѣннымъ законамъ, и жестоко караютъ всѣхъ нарушителей этихъ законовъ, караютъ до тѣхъ поръ, пока не возстановится нарушенное равновѣсіе. Историческая кара, какъ и кара нравственная, до того жестока, что часто бываетъ похожа на кару людскую, и такимъ образомъ, переходитъ въ месть.

— Богу угодно было наказать Россію черезъ мое окаянство, говоритъ Пугачевъ на первомъ допросѣ, когда, закованный въ колодку, самозванецъ сидѣлъ уже передъ членами секретной слѣдственной коммисіи, въ Яицкѣ.

Пугачевъ, конечно, по своему понималъ эту кару, кото-

рую мы называемъ историческимъ возмездіемъ; но въ словахъ его уже слышится невольное сознаніе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ какъ орудіе исторической мести, что̀ еще болѣе проглядываетъ въ разговорѣ его съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, въ Симбирскѣ, куда Суворовъ привезъ въ деревянной клѣткѣ своего страшнаго плѣнника.

— Какъ ты смѣлъ, воронъ, назваться государемъ? спросилъ его Панинъ.

— Я не воронъ, а вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ, дерзко отвѣчалъ самозванецъ.

Въ этихъ словахъ предсказывалась еще горшая кара Россіи за ея историческія ошибки. Месть должна была послѣдовать уже за Пугачевымъ, хотя, къ счастію, предсказанію самозванца не суждено было сбыться... Историческая ошибка Россіи, самая капитальная, была поправлена 19-го февраля 1861 года, почти черезъ сто лѣтъ послѣ предсказанія самозванца о новой карѣ, которая должна постигнуть Россію.

Въ особой монографіи, напечатанной нами въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1866-й годъ, подъ заглавіемъ „Пугачевщина“, мы высказали убѣжденіе, выработавшееся въ насъ ближайшимъ изученіемъ этой знаменательной эпохи, преимущественно по неизданнымъ документамъ, что Пугачевщина была не послѣдствіемъ яицкихъ смутъ и появленія самозванца и не продуктомъ какой-либо интригующей политической партіи, а естественнымъ продуктомъ всей Россіи и плодомъ ненормальнаго состоянія всего государственнаго строя. Для этого, самой исторіи смутнаго времени мы предпослали, въ видѣ введенія, по возможности обстоятельное изображеніе тогдашняго состоянія Россіи, состоянія, которое неизбѣжно должно было кончиться той или другой насильственной и весьма опасной

встряской всего государственнаго организма нашего отечества. Эта встряска и была—Пугачевщина, которую мы начертали вкратцѣ, избѣгая общеизвѣстныхъ подробностей, напечатанныхъ уже у Пушкина, Шебальскаго и въ особыхъ статьяхъ и изданіяхъ, и упоминая только о томъ, что̀ могли мы извлечь изъ имѣющихся у насъ и никому неизвѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. Мы давали, такимъ образомъ, читателю, въ краткомъ конспектѣ, только то *новое*, что̀ успѣла, въ послѣднее время, пріобрѣсти историческая наука изъ знаменательной эпохи екатерининскихъ самозванцевъ, изъ коихъ Пугачевъ былъ не первымъ и не послѣднимъ (Степанъ Малый, Кремневъ, Богомоловъ, Ханинъ и друг.). Богатыя подробности мы отлагали до полнаго историческаго труда, который обнялъ бы собою весь циклъ самозванцевъ Петровъ Третьихъ и особенно же Пугачева.

Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ „Пугачевскій полковникъ Ивановъ“, мы взяли только одинъ эпизодъ изъ богатой событіями и драматизмомъ эпохи, взяли одну только личность изъ множества такъ-называемыхъ пугачевскихъ генераловъ и полковниковъ, и разработали этотъ эпизодъ съ тѣми подробностями, какія представляютъ намъ находящіеся у насъ подъ руками документы изъ эпохи екатерининскихъ самозванцевъ.

На основаніи подобныхъ же неизданныхъ документовъ, мы намѣрены теперь представить, вопервыхъ, что̀ дѣлалось въ остальной Россіи, и особенно въ мѣстностяхъ, которымъ грозилъ ужасный пожаръ, вспыхнувшій на Яикѣ и въ окрестностяхъ Оренбурга, въ то время, когда самозванецъ уже успѣлъ покорить подъ свою власть нѣсколько генералъ-губернаторствъ; какія принимались въ этихъ мѣстностяхъ мѣры къ отвра-

щенію грозившей нашему отечеству опасности, въ какомъ беззащитномъ положеніи находилось оно; вовторыхъ, какія были послѣднія и самыя страшныя вспышки этого пожара передъ его прекращеніемъ и, втретьихъ, что̀ послужило гибелью самозванцу и всему его дѣлу. Этихъ самыхъ, впрочемъ, важныхъ сторонъ предмета, не разработывали ни Пушкинъ, ни Щебальскій, безъ сомнѣнія, потому что они не располагали тѣми матеріалами, которые намъ посчастливилось добыть. Мы рылись въ провинціальныхъ архивахъ городовъ, по которымъ прошла эта страшная гроза. Мы видѣли бумаги, которыя хватали своими окровавленными руками „сами служители сатанина внука Емельки“, и бросали ихъ въ воду и въ огонь, и которыя спаслись какимъ-то чудомъ, разнесенныя вѣтромъ или припрятанныя какимъ-либо усерднымъ подканцеляристомъ въ темномъ углу архива. Мы читали эти самыя бумаги, писанныя подъ вліяніемъ непреодолимаго ужаса, дрожащими отъ волненія руками, измятыя гдѣ нибудь за пазухой у нарочнаго, проносившаго эти бумаги сквозь толпу волнующихся массъ. Мы видѣли помѣтки на этихъ бумагахъ, дѣланныя въ торопяхъ, съ обозначеніемъ часа, въ который получались страшныя вѣсти одна за другою. Мы ознакомились даже съ почеркомъ всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда лицъ, генераловъ, полковниковъ, комендантовъ, воеводъ и губернаторовъ: смѣлый и спѣшный почеркъ Суворова, бойкій почеркъ Михельсона, каракули самаго Пугачева, старческія руки генералъ-губернаторовъ фонъ-Брандта, фонъ-Рейнсдорпа, почеркъ храбраго Бошняка, напоминающій собою почеркъ какого-нибудь безграмотнаго лавочника, почерки Цыплетева, воронежскаго губернатора Шетнева, знаменитаго графа Захара Чернышева, князя Багратіо-

на, генерала Мансурова, почеркъ генерала Допрерадовича— почеркъ несмѣлый, женскій, почеркъ всѣхъ донскихъ атамановъ, полковниковъ, походныхъ старшинъ, изъ которыхъ каждый что-либо сдѣлалъ, чѣмъ-либо отличился — все это живьемъ встаетъ передъ вами и краснорѣчиво говоритъ о пережитыхъ этими людьми ужасахъ. Мы можемъ узнать любой почеркъ канцеляристовъ того времени, и скажемъ, изъ какой канцеляріи, воеводской, комендантской или провинціальной вышла та или другая бумага. Почеркъ Михельсона пріучилъ насъ видѣть въ бумагѣ извѣстіе о побѣдѣ, почеркъ Цыплетева говоритъ о его неутомимой дѣятельности. Все это цѣликомъ переноситъ васъ въ ту эпоху, и вы сами чувствуете эту лихорадочную дрожь, какую должны были испытывать люди, писавшіе въ то время, когда изъ оконъ канцеляріи видно было кругомъ зарево пожаровъ, пыль отъ двигающихся и бѣгущихъ массъ. Тутъ и смертные приговоры, и разсчеты о томъ, сколько употреблено денегъ на покупку веревокъ для связыванія рукъ плѣнныхъ пугачевцевъ, и отчетности въ израсходованныхъ пуляхъ и порохѣ во время стычекъ съ шайками самозванца.

Тутъ и подлинныя показанія преступниковъ, показанія, исполненныя драматическаго лаконизма, перечерченныя и исправленныя подъ диктовку самихъ преступниковъ, сообщниковъ самозванца. Тутъ и ихъ подписи, ихъ почеркъ. Есть бумаги, писанныя на измятомъ клочкѣ, спѣшно, тихонько, гдѣ-нибудь въ углу или за кустомъ, какъ, напримѣръ, извѣстіе донскихъ старшинъ объ измѣнѣ казаковъ, извѣстіе, писанное въ торопяхъ, въ ужасѣ, тайкомъ отъ казаковъ, которые могли застать старшинъ за писаньемъ и погубить ихъ всѣхъ.

Вотъ чѣмъ дороги матеріалы, которыми мы располагаемъ. Это—живые свидѣтели прошлаго, которые пережили и то страшное время, и тѣхъ страшныхъ людей, и тѣхъ главныхъ дѣятелей, которыхъ не должна забывать исторія. Какая-нибудь бумага, писанная на походѣ, въ палаткѣ, подъ открытымъ небомъ, говоритъ больше, чѣмъ цѣлые трактаты о томъ времени.

Но обратимся къ самымъ событіямъ.

18-го сентября 1773 года, Пугачевъ, съ тремястами человѣкъ яицкихъ казаковъ и киргизовъ, въ первый разъ показался подъ стѣнами Яицкаго городка. Это былъ первый день, въ который его бѣлое, съ раскольничьимъ крестомъ знамя выставлено было, какъ знакъ притязанія самозванца на русскій престолъ.

20-го сентября самозванецъ взялъ Илецкій городокъ, повѣсилъ атамана и, пропировавъ тамъ три дня, пошелъ дальше.

24-го сентября онъ взялъ уже Разсыпную крѣпость, повѣсилъ коменданта, маіора Веловскаго, нѣсколько офицеровъ и священника, и пошелъ дальше.

27-го сентября онъ уже бралъ Нижне-Озерную крѣпость. Крѣпость была взята. Комендантъ, маіоръ Харловъ, раненый въ глазъ копьемъ такъ, что глазъ висѣлъ на щекѣ, былъ повѣшенъ. Съ нимъ были повѣшены офицеры Фигнеръ и Кабалеровъ, писарь и татаринъ Бикбай. Всходя на лѣстницу, приставленную къ висѣлицѣ, магометанинъ Бикбай перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю.

27-го же сентября Пугачевъ взялъ Татищеву крѣпость. Защитниковъ крѣпости казнилъ жестокою казнью: съ толстаго коменданта Елагина содралъ кожу и саломъ его бунтов-

щики мазали свои раны; Билову отрубили голову; вдову Веловскаго, повѣшеннаго за три дня передъ этимъ въ Разсыпной крѣпости, удавили. Хорошенькую дочь Елагина, бывшую замужемъ за Харловымъ, котораго накапунѣ повѣсили въ Озерной крѣпости, самозванецъ взялъ къ себѣ въ наложницы. Всѣхъ офицеровъ повѣсилъ. Солдатъ и башкирцевъ разстрѣлялъ картечью.

У самозванца было уже болѣе 3,000 войска и сильная артиллерія.

29-го сентября онъ взялъ Чернорѣчинскую крѣпость. Коменданта, капитана Нечаева, повѣсилъ. Повѣсилъ и другаго офицера, который хотѣлъ бѣжать.

— Отъ великаго государя бѣгать не зачѣмъ, замѣтилъ онъ, вѣшая несчастнаго.

1-го октября онъ взялъ Сакмарскій городокъ.

5-го октября онъ уже расположился съ своими войсками подъ Оренбургомъ. Предмѣстье было взято. На паперти церкви поставлена была батарея.

8-го октября ограбленъ былъ Мѣновой дворъ.

12-го октября Пугачевъ разбилъ высланныя противъ него изъ Оренбурга войска. Силы его росли съ каждымъ днемъ: къ нему стекались со всѣхъ сторонъ бунтующіе крестьяне, татары, калмыки, башкиры, солдаты и казаки. Къ декабрю армія его уже состояла изъ 120,000 человѣкъ, при ста орудіяхъ, четырехъ гаубицахъ и множествѣ военныхъ снарядовъ.

Что же въ это время дѣлалось въ остальной Россіи и преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда могли рано или поздно нахлынутъ эти страшныя силы?

Вотъ что отвѣчаютъ намъ на этотъ предметъ документы

того времени, еще неизвѣстные исторіи. По самой сущности возникавшихъ событій все вниманіе администраціи надо было сосредоточить на нѣкоторыхъ пунктахъ, наиболѣе опасныхъ, въ случаѣ успѣховъ самозванца. О томъ, что онъ можетъ дойдти до такой дерзости, чтобы направить свои толпы на столицы, въ то время и думали и не думали. По крайней мѣрѣ въ первое время никто не думалъ, чтобы начавшееся обыкновеннымъ образомъ дѣло приняло такіе страшные размѣры. Послѣ, конечно, когда Пугачевъ доказалъ, на что можетъ подвинуть избытокъ силъ, которыя онъ въ себѣ разомъ почувствовалъ, стали уже бояться за цѣлость обѣихъ столицъ, западала уже въ иныя головы и такого рода боязнь — уцѣлѣетъ ли Россія, устоитъ ли государство, которому тысячелѣтнее существованіе выработало извѣстный общественный строй, извѣстную форму, извѣстные законы; западала въ иныя головы и другая мысль — не замѣнится ли государство Екатерины II, Петра I, царей Алексѣя Михайловича, Ивана Грознаго и др., державою казацко-вѣчеваго строя, державою съ демократическо-охлократическимъ характеромъ. Все это передумалось, когда самозванецъ сталъ властвовать въ половинѣ Россіи, чеканить свою монету, лить пушки на государственныхъ заводахъ; но въ началѣ, когда на самозванца смотрѣли, какъ на страшнаго разбойника, ставшаго въ головѣ движенія яицкихъ казаковъ и бунтующихъ крестьянъ, башкировъ, калмыковъ и татаръ, опасались только за тѣ пункты, въ которыхъ самозванецъ могъ придти въ соприкосновеніе съ силами, ему болѣе или менѣе родственными, и съ элементами, тожественными съ тѣми, изъ коихъ состояла его нестройная толпа. Надо было подумать о пунктахъ соприкосновенія съ Дономъ. Пункты эти — военная царицын-

ская линія, проведенная между Волгою и Дономъ, именно тамъ, гдѣ Волга близко подходитъ къ Дону, на томъ перешейкѣ, который служитъ соединеніемъ средняго поволжья съ степями, лежащими между нижнею Волгою и Дономъ и въ то время служившими притономъ для кочевавшихъ на югѣ Россіи полудикихъ народовъ. Главная защита въ этихъ мѣстностяхъ сосредоточивалась въ Царицынѣ, крѣпостью котораго начальствовалъ полковникъ Цыплетевъ. Надо было подумать о томъ, чью сторону приметъ Донъ, въ случаѣ, еслибы самозванецъ, хотя бы и пораженный на сѣверѣ, вздумалъ пробраться на югъ—на Кубань ли, какъ онъ обѣщалъ это раскольникамъ на Иргизахъ и яицкимъ казакамъ, подговаривая ихъ идти на рѣку Лабу—на Донъ ли, чтобы увлечь донцовъ, подобно яицкимъ казакамъ, вслѣдъ за своимъ знаменемъ. Во всякомъ случаѣ, надо было помѣшать ему пробраться на югъ: а единственный путь туда лежалъ черезъ царицынскую линію и собственно мимо Царицына.

Царицынъ вообще игралъ важную роль въ исторіи самозванцевъ прошлаго вѣка. Съ Царицынымъ связаны кратковременныя похожденія предшественниковъ Пугачева, самозванца Богомолова и его лжеканцлера Долотина. Въ Царицынѣ онъ содержался подъ карауломъ; въ Царицынѣ вспыхнуло возмущеніе во имя этого лжеимператора, возмущеніе, дорого стоившее царицынскому коменданту Цыплетеву, который былъ раненъ въ свалкѣ, завязавшейся между приверженцами самозванца и мѣстной воинской командой (1). Въ Царицынѣ же былъ и преемникъ Пугачева, самозва-

---

(1) Самозванецъ Богомоловъ («Парусъ», 1859 г. № 1).

нецъ Ханинъ, о которомъ, какъ и о Богомоловѣ, мы говорили особо, когда нашли документы, свидѣтельствовавшіе объ этихъ двухъ самозванцахъ, неизвѣстныхъ исторіи ([1]). Царицынъ же, наконецъ, былъ тѣмъ роковымъ мѣстомъ, гдѣ померкла счастливая звѣзда Пугачева.

На эту-то мѣстность мы и перенесемъ наше вниманіе.

Первыя вѣсти о Пугачевѣ дошли до Царицына 25-го октября, то-есть въ то время, когда Пугачевъ взялъ уже около десяти городовъ и крѣпостей. Вѣсти эти дошли до Царицына отъ казанскаго губернатора фонъ-Брандта. Для того, чтобы достигнуть до Царицына, вѣсти эти должны были странствовать изъ города въ городъ, изъ канцеляріи въ канцелярію, пока, наконецъ, посланный изъ Дмитріевска (нынѣшній Камышинъ) конный казакъ Колпаковъ, какъ нарочный, не вручилъ Цыплетеву отъ дмитріевскаго коменданта полковника Касперы Меллина ([2]) многознаменательный пакетъ, на которомъ написано было: *по секрету*. Въ Дмитріевскъ попали эти тревожныя извѣстія изъ Саратова, въ Саратовъ изъ Петровска, въ Петровскъ изъ пензенской провинціальной канцеляріи, въ пензенскую провинціальную канцелярію изъ сызранской воеводской, туда изъ симбирской провинціальной, въ Симбирскъ изъ Казани и т. д. На все это было нужно время, потому что пакеты посылались съ нарочными: отъ Пензы до Царицына, такимъ образомъ, первое извѣстіе о Пугачевѣ шло пятнадцать дней. Извѣстіе это было самаго неопредѣленнаго свойства. Въ

([1]) Самозванецъ Ханинъ («Русскій Вѣстникъ» 1860 г. кн. 6).

([2]) Этотъ Касперъ Меллинъ былъ казненъ Пугачевымъ при взятіи имъ Камышина, о чемъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

немъ говорилось только, что отъ оренбургскаго губернатора фонъ-Рейнсдорпа сообщено въ Казань „о взятьѣ осторожности отъ собравшейся изъ яицкихъ казаковъ злодѣйской толпы“; вслѣдъ за тѣмъ отъ него сообщалось, что „опасность отъ сихъ злодѣевъ не умаляется, а прибавляется даже до того, что около Оренбурга взяли уже четыре крѣпости, и, въ самой близости къ Оренбургу находясь, идутъ на оной съ немалою артиллеріею и многими силами, и что посланныя отъ господина оренбургскаго губернатора команды, сдѣлались неисполнителями его предписанія.“ Тутъ же объяснялась и причина бунта—явленіе Пугачева. Для Цыплетева, усмирявшаго самозванца Богомолова, подобное явленіе было уже не новостью, хотя онъ по опыту зналъ, что съ самозванцами шутить небезопасно.

Вотъ что̀ узнали изъ привезеннаго казакомъ Колпаковымъ секретнаго пакета: „Матерія всего возмущенія состоитъ въ томъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ назвалъ себя ложно бывшимъ Третьимъ Петромъ императоромъ и тѣмъ сдѣлался начальникомъ показанной злодѣйской толпѣ, и намѣревается идти по помѣщичьимъ жительствамъ, преклоняя крестьянъ въ свою волю обнадеживаніемъ дать волю.“

Въ такомъ-то неопредѣленномъ образѣ дошла до Царицына вѣсть о той личности, которая была какимъ-то роковымъ явленіемъ для Россіи и которая такъ дорого обошлась для нея. Но изъ всего того, что сообщалось о принятыхъ вездѣ предосторожностяхъ противъ явленія, котораго грозный образъ еще не успѣлъ вполнѣ обрисоваться, нельзя было не видѣть, что призракъ и при самомъ появленіи своемъ показался слишкомъ страш-

нымъ, слишкомъ зловѣщимъ, чтобы не бояться его. По всему поволжью принимались мѣры, конечно, жалкія, сообразныя со средствами, какими располагала страна; но видно было, что на карту ставилось все, что находилось въ рукахъ мѣстной администраціи. Всѣ мѣстныя войска были поставлены подъ ружье. Но этихъ мѣстныхъ войскъ генералъ-маіоръ Миллеръ, „главный надъ поселенными изъ отставныхъ командиръ“, едва могъ набрать до 500 человѣкъ, и надо замѣтить, что такія ничтожныя оборонительныя силы должны были расположиться въ самыхъ важныхъ пунктахъ, черезъ которые должны были пройдти бунтовщики, въ случаѣ еслибы ихъ принудили отступить отъ Оренбурга къ поволжью. Пункты эти—рѣка Черемшанъ и собственно городъ Ставрополь и Кечунскій фельдшанцъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ поволжью, нашлись еще болѣе жалкія средства, это—гарнизонныя команды, которыхъ въ иномъ городѣ насчитывалось не болѣе десяти-двадцати человѣкъ, да и то были такіе жалкіе, съ такими жалкими командирами, что генералъ Бибиковъ имѣлъ полное право третировать ихъ названіемъ „негодницы“, или называлъ ихъ „скаредами и срамцами“, которые сидятъ по своимъ мѣстамъ, какъ сурки“, никуда носа не смѣютъ показать, и „только что рапорты страшные присылаютъ“ (1). Всѣмъ этимъ защитникамъ страны предписывалось, чтобы они „имѣли недреманнымъ окомъ наблюденіе и развѣдываніе впереди своихъ городовъ и уѣздовъ отъ оренбургской и яицкой сторонъ, а особливо по тому тракту, по которому помяну-

---

(1) Письма Бибикова помѣщены у Пушкина.

тымъ злодѣямъ можно будетъ пробираться на Донъ, чрезъ нарочныхъ, къ тому поставленныхъ, для чего въ пристойныхъ мѣстахъ и маяки учинить надлежитъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ вмѣнялось въ обязанность „всѣми силами дѣлать злодѣямъ супротивленіе и отъ ихъ злодѣйствъ должную оборону, равно же и о разбитіи и о совершенномъ ихъ истребленіи стараться всевозможно.“ Но что могли сдѣлать эти жалкіе защитники, когда, какъ мы видѣли, силы Пугачева постоянно, съ каждымъ днемъ возрастали отъ 300 до 3,000, потомъ до 10,000 и до 100,000 человѣкъ? Объ этихъ страшныхъ силахъ не знали защитники, а только догадывались, и потому заблаговременно приняты были мѣры, чтобы казенныя суммы свезены были, по возможности, въ безопасныя мѣста. А гдѣ было найдти эти безопасныя мѣста? Симбирскъ считался безопаснѣе въ сравненьи съ Сызранью, Саратовъ въ сравненьи съ Петровскимъ, Царицынъ въ сравненьи съ Дубовкою. Но мы впослѣдствіи увидимъ, на сколько безопасными оказались эти мѣста.

Изъ полученнаго такимъ образомъ въ Царицынѣ перваго извѣстія о Пугачевѣ, не могли не замѣтить, что казанскимъ губернаторомъ и всѣми властями приволжскихъ городовъ овладѣло сильное безпокойство. Въ этомъ безпокойствѣ сдѣланы были такія распоряженія:

1) „Всего паче имѣть осторожность при рѣкѣ Волгѣ, чтобъ показанныхъ злодѣевъ не перепустить чрезъ оную и тутъ имъ сдѣлать сильное препятствіе.

2) „Наблюдать осторожно иргизскія селенія, чтобъ предъоказанные злодѣи не расположили и не усилили свои тамъ дистанціи.

3) „Всѣхъ помѣщиковъ собравъ и сдѣлать съ ними со-

вѣтъ, чтобъ они сами и людей своихъ, кто сколько можетъ вооружа, въ потребномъ случаѣ, какъ имъ будетъ повѣщено для защищенія себя и все общество, къ настоящему дѣлу были готовы.

4) „Какъ скоро появятся предъоказанныхъ злодѣевъ толпы, такъ и расположиться симъ вооруженнымъ людямъ по рѣкѣ Волгѣ въ пристойныхъ мѣстахъ и нетолько въ сопротивленіи противъ ихъ, но и о настоящемъ ихъ истребленіи стараться всевозможно, не щадя своего живота!“

Но кого могли вооружить помѣщики? „Людей своихъ“, на которыхъ имъ указывали, они могли считать такими же союзниками, какъ и самого Пугачева. Наблюденіе за иргизскими селеніями также поручить было некому: вездѣ или казаки, прямые союзники самозванца, или крестьяне, которые уже провѣдали, что таинственная личность, которую называютъ Пугачевымъ и которая называетъ себя царемъ, сулитъ имъ волю со всею прелестью безначальнаго и безпомѣщичьяго распоряженія землею, лугами и лѣсами, пастбищами, рѣками и озерами. Въ распоряженіи мѣстныхъ властей находилось, однимъ словомъ, нѣсколько инвалидныхъ солдатъ, которые и должны были содержать караулы „въ пристойныхъ мѣстахъ.“ Этимъ-то инвалидамъ вмѣнено было въ обязанность, „чтобъ они никого, кромѣ прохожихъ и проѣзжихъ изъ жительства въ жительство людей, а паче всего въ казачьемъ платьѣ подъ видомъ казаковъ отнюдь не пропущали, а ловили бъ оныхъ.“ Но кого могли поймать дряхлые инвалиды, которые за то только и держались на службѣ, что могли сидѣть въ переднихъ воеводскихъ канцелярій и принимать и развозить пакеты, да иногда ѣздить за водой и сѣномъ для своихъ начальниковъ. А между тѣмъ, они

должны были „всячески стараться намѣренный ими злодѣями трактъ пресѣкать и ко искорененію ихъ всевозможные свои способы употреблять.“

Въ ближайшемъ къ Царицыну городѣ, въ Дмитріевскѣ, приняты были слѣдующія мѣры: „для опасенія отъ таковыхъ злодѣевъ, какъ городъ Дмитріевскъ состоитъ, за малоимѣніемъ воинской команды въ опасности, къ защищенію со всѣхъ сторонъ нарядить изъ дмитріевскихъ обывателей съ оружіемъ: отъ купечества 60, отъ бобылей 120, отъ малороссіянъ 30, а всего 210 человѣкъ, коимъ и велѣть при опредѣленныхъ для караула мѣстахъ всегда быть безотлучнымъ, и прочимъ всѣмъ жителямъ егда провѣдано будетъ, то всѣмъ со оружіемъ собраться въ городъ и обще съ воинскою командою отпоръ чинить. Сверхъ же сего, находящемуся за Волгою въ дмитріевской малороссійской Николаевской слободѣ, дмитріевской командированной роты, порутчику Волкову дать ордеръ, дабы и онъ для принятія таковой же предосторожности всѣмъ жительствующимъ во оказанной Николаевской слободѣ малороссіянамъ и другаго званія людямъ подтвердилъ накрѣпко, и потому онъ бы учредилъ, гдѣ надлежитъ, пристойные караулы и излишные въѣзды въ слободу заперъ, а поставилъ бы отъ степи, отъ верхней и нижней стороны, тожъ отъ Волги, достаточные караулы, при коихъ самому во всегдашнемъ наблюденіи безотлучно быть.“

Вотъ все, что 25 октября царицынскія власти узнали изъ полученнаго ими пакета о Пугачевѣ и принятыхъ противъ него предосторожностяхъ. Всѣ распоряженія клонились къ тому, чтобъ не допустить самозванца перебраться на нагорную сторону Волги и соединиться съ донскими казаками,

на которыхъ, какъ видно, не бо́льшую возлагали надежду, какъ и на яицкихъ. Къ этому взгляду на вѣрноподданническія чувства донскаго войска подало поводъ, во-первыхъ, то, что Пугачевъ самъ былъ служилый донской казакъ; во-вторыхъ, измѣна яицкаго войска; въ третьихъ, бывшій уже подобнаго рода примѣръ, что донскіе казаки подъ предводительствомъ Некрасова вышли изъ подданства Россіи и передались на сторону турокъ, и въ четвертыхъ то, что казаки вообще отличались безпокойнымъ характеромъ и наклонностью къ бунтамъ. Изъ донскихъ казаковъ былъ не-только Игнатій Некрасовъ, но и Стенька Разинъ, а равно и бо́льшая часть его соумышленниковъ происходили изъ донскихъ казаковъ. Неудивительно, что съ перваго раза правительство взглянуло на все это движеніе, какъ на казацкое своеволіе, которое могло принять широкіе размѣры, лишь сообразно той степени участія, какое донскіе казаки могли принять въ яицкомъ бунтѣ. Но къ этому примѣшивалось и другаго рода опасеніе: съ движеніемъ казацкихъ элементовъ связывалось упоминаніе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. А это уже были такія двѣ силы, совокупное дѣйствіе которыхъ могло разстроить на долго весь государственный организмъ Россіи. Казацкій бунтъ былъ самъ по себѣ страшенъ, но въ соединеніи съ бунтомъ крестьянскимъ онъ становился такимъ призракомъ, который заставлялъ трепетать все, что̀ только стояло за выработавшійся въ Россіи государственный порядокъ. Притомъ же это былъ не простой бунтъ: въ головѣ взволнованнаго казачества стояла личность, которая называла себя императоромъ. Россія уже испытала, что̀ такое самозванцы: еще въ началѣ XVII вѣка она пережила такую смутную эпоху мнимыхъ царей, что мнимый

царь, да еще въ головѣ казацкаго движенія, не могъ не смутить правительство. Но при всемъ томъ, въ самомъ началѣ появленія Пугачева, опасность не представлялась такою страшною, какою она оказалась впослѣдствіи. Оттого всѣ опасенія правительства и мѣстныхъ властей сосредоточивались главнымъ образомъ на томъ, чтобы бунтовщики не вошли въ соприкосновеніе съ родственными имъ элементами въ государствѣ. Однимъ словомъ, на первое время надо было подумать о томъ, чтобы Пугачевъ не вышелъ изъ той мѣстности, гдѣ онъ появился и гдѣ надѣялись его уничтожить.

II.

Три дня потомъ въ Царицынѣ ничего не знали о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла самозванца. Царицынскія власти могли предполагать, что дѣло успѣли прекратить въ самомъ началѣ. Но 28 октября получены вдругъ новыя, нерадостныя вѣсти. Вѣсти эти пришли въ Царицынъ уже не съ сѣвера, не съ мѣста дѣйствій Пугачева, а съ самаго крайняго военнаго пункта на югѣ Россіи. Воронежскій губернаторъ, генералъ-поручикъ Шетневъ, получивъ отъ каспскаго губернатора извѣстіе о первыхъ дѣйствіяхъ Пугачева и понимая всю опасность, какая могла угрожать Россіи въ случаѣ успѣховъ самозванца, извѣщалъ объ этомъ оберъ-коменданта крѣпости св. Дмитрія (Ростовъ на Дону), генералъ-маіора Потапова. Крѣпость св. Дмитрія также считалась важнымъ стратегическимъ пунктомъ въ тогдашней Россіи: крѣпость эта была у рубежа нашихъ владѣній на югѣ

и была ближайшимъ отъ Турціи укрѣпленіемъ. Съ Турціею въ то время Россія вела упорную войну, и потому надо было обезопасить наши владѣнія съ юга. Если бы Донъ принялъ сторону самозванца, то у насъ оставалась еще крѣпость св. Дмитрія, въ самомъ крайнемъ углу владѣній войска Донскаго.

Шетневъ извѣщалъ Потапова, что, по извѣстіямъ отъ фонъ-Брандта и фонъ-Рейнсдорна, „въ жилищахъ яицкихъ казаковъ бѣглый изъ Казани донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, назвавъ себя ложно Третьимъ Петромъ, бывшимъ императоромъ, и тѣмъ ложнымъ злодѣйскимъ возмущеніемъ единомышленныхъ себѣ собралъ изъ тѣхъ казаковъ великую толпу, чрезъ которую около Оренбурга и нѣкоторыя крѣпости, атаковавъ, уже взялъ, и набравъ не малую артиллерію, идетъ на Оренбургъ, а далѣе, какъ слышно, намѣреніе его есть идти на казанскую губернію помѣщичьими жительствами и крестьянъ преклонить на свою сторону обольщеніемъ дачею имъ волп.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Шетневъ сообщалъ дальнѣйшія свѣденія по этому дѣлу. Онъ писалъ, что „помянутый злодѣй имѣлся въ Казани въ содержаніи подъ карауломъ, по присылкѣ изъ синбирской провинціальной канцеляріи, а во оную отъ малыковскихъ (1) дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ, по доносу на него вѣдомства малыковской волости, Мечетной слободы, крестьянина Семена Филипова въ говореніи ему, Филипову, самимъ имъ, Пугачевымъ (ѣхавъ изъ яицкаго городка), такихъ словъ, что будто онъ, Пугачевъ, въ бытность его въ томъ городкѣ, подговари-

---

(1) Городъ Вольскъ, до образованія нынѣшней Саратовской губерніи, назывался Малыковкою. Это было дворцовое село.

валъ всѣхъ яицкаго войска казаковъ, чтобъ онѣ и съ семействы ихъ, взявъ отъ него жалованья на каждаго казака по двадцати рублевъ, изъ Россіи бѣжали въ турецкую область, на рѣку Лабу, объявляя, яко бы у него на границѣ оставлено до двухъ сотъ тысячъ рублей денегъ да на семдесятъ тысячъ рублей товару, изъ которыхъ-де онъ то яицкое войско и коштовать обѣщался.“ Сообщалось также, что противъ этого оговора Пугачевъ на допросѣ показалъ, что „всѣ сіи слова, будучи на Яикѣ, казаку Денису Пьянову, у котораго онъ квартиру имѣлъ, говорилъ смѣючись, пьяной, а умыслу къ измѣнѣ никакого не имѣлъ и ни отъ кого къ тому подговариваемъ не былъ.“ Когда казанскій губернаторъ представилъ обо всемъ этомъ въ сенатъ и ждалъ разрѣшенія своихъ сомнѣній, Пугачевъ бѣжалъ изъ-подъ каула. Дальнѣйшія обстоятельства и результатъ его побѣга извѣстны всѣмъ, какъ изъ Пушкина, такъ и изъ напечатанныхъ въ „Чтеніяхъ москов. общества“ подлинныхъ допросовъ Пугачеву.

Извѣщая обо всемъ этомъ Потапова, фонъ-Брандтъ прибавлялъ, „что не столько онъ ожидаетъ злодѣйскаго его приходу къ Казанѣ, сколько думаетъ, не будетъ ли онъ черезъ симбирскую и пензенскую провинціи, а потомъ и черезъ уѣзды воронежской губерніи пробираться на Донъ“, а потому и требовалъ, „для всякаго непредвидимаго случая, какъ къ оборонѣ отъ разграбленія жителей ввѣренной Шетневу губерніи, такъ и ко искорененію помянутаго злодѣя съ его толпою взять надлежащую осторожность“. Потаповъ съ своей стороны писалъ объ этомъ Цыплетеву, воображая, что Пугачева очень легко поймать („учинить поискъ и поимку онаго злодѣя чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“). Повиди-

мому никто не догадывался, что въ злодѣѣ, котораго такъ легко думали поймать, кроется страшная сила. Всѣ говорили о поимкѣ, о „разрушеніи партій“, точно рѣчь шла о какомъ нибудь атаманѣ понизовой вольницы. Оберъ-комендантъ предписывалъ простому коменданту взять предосторожность не только „отъ входу“ злодѣя въ земли, подвѣдомственныя Цыплетеву, но и донскія станицы, чинить о немъ „прилежныя развѣдыванія“ и, „обратя всѣ силы и возможности, стараться его и съ сообщниками поймать и захватить“. Потаповъ рекомендовалъ Цыплетеву брать для себя вспомоществованіе отъ всѣхъ мѣстъ и начальниковъ; въ случаѣ же крайней опасности—обращаться за подкрѣпленіемъ къ самому Потапову и къ „деташементному командиру“ полковнику Бринку, который командовалъ регулярными войсками на Дону.

Все это, надо замѣтить, сообщалось подъ строжайшимъ секретомъ какъ государственная тайна, о которой должны были вѣдать только люди, посвященные въ нее и несшіе на себѣ отвѣтственность за все, что могло произойти. Тайна пряталась по канцеляріямъ, и губернаторы, коменданты и воеводы находились въ полной увѣренности, что тайна, довѣренная одной только бумагѣ, не перейдетъ на базары и торжки. Между тѣмъ она уже ходила изъ села въ село, и шла она по селамъ, деревнямъ и городамъ скорѣе, чѣмъ скакали нарочные на заморенныхъ лошадяхъ съ секретными пакетами, передававшими эту государственную тайну отъ коменданта къ коменданту. Когда нарочные являлись въ городъ, тамъ уже народъ перешептывался о „явленномъ царѣ“, а въ кабакахъ уже секретничали мужики о томъ, что скоро будетъ „воля“, что отмѣняются рекрутскіе набо-

ры, что подати и подушныя сбавятся, что понизится пошлина на соль, а, можетъ быть, и безденежно будутъ раздавать народу хлѣбъ и соль и всѣ царскія милости.

Едва только въ Царицынѣ успѣли распечатать два секретные пакета, одинъ отъ дмитріевскаго коменданта полковника Каспера Меллина, привезенный нарочнымъ Колпаковымъ, другой отъ оберъ-коменданта крѣпости св. Димитрія на Дону, какъ на базарѣ уже взята была личность, которая съ увѣренностью говорила, что „проявился государь Петръ Ѳедоровичъ, и въ скорости къ Царицыну прибудетъ.“ Къ удивленію, эта была женщина, которая уже не первый разъ замѣчена была въ болтливости о предметахъ политическаго свойства и уже пострадала за свою любовь къ политикѣ. Однимъ словомъ, на базарѣ арестована была солдатская жена Авдотья Васильева, которая обвинялась въ „непристойныхъ“ толкованіяхъ „о проявившемся яко бы государѣ.“ Это была та самая Авдотья Яковлевна Васильева, жена капрала Васильева, которая пострадала за свое пристрастіе къ политикѣ во время бывшаго въ Царицынѣ, въ 1772 году, бунта, произведеннаго именемъ самозванца Богомолова. Авдотья Васильева, какъ можно видѣть изъ нашей статьи о Богомоловѣ, обвинялась тогда въ томъ, что „непристойные плодила разговоры“ о самозванцѣ. Съ прочими наказанными тогда по дѣлу о Богомоловѣ подверглась и Авдотья оригинальной казни. Она подлежала „жестокому кнутомъ наказанію“ за свои сплетни о политикѣ; но, какъ сказано въ сентенціи суда, „уважая ея императорскаго величества высочайшее ко всѣмъ матернее милосердіе, отъ того избавя, а во унятіе и въ подлежащій всѣмъ страхъ, дабы перестали непристойные плодить разговоры и совсѣмъ

предали оное вкоренившееся зло забвенію“, велѣно было: „учинить ей (Авдотьѣ Васильевой) публичное, съ барабаннымъ боемъ, жестокое плетьми наказаніе, и сверхъ того, подрѣзавъ платье, яко нетерпимую въ обществѣ, чрезъ профосовъ выгнать за-городъ метлами“ (1). Эта-то охотница до политики, Авдотья Васильева, попалась и теперь.

Авдотью Васильевну обвиняли въ томъ, что она, будучи на базарѣ, проговаривала:

— Въ прошедшемъ году наказана я плетьми неправедно, и въ томъ отвѣтъ будутъ держать за меня предъ Богомъ и государемъ.

На это одинъ пахотный солдатъ замѣтилъ ей:

— Тебя судили за твою провинность—за бездѣльство.

— Не за бездѣльство, а по опасности.

— Опасности отъ тебя никакой не видать, замѣтилъ ей солдатъ, потому какъ ты женщина, и непристойныхъ рѣчей тебѣ бъ не говорить.

На это Васильева возразила:

— О государѣ говорили всѣ, а не я одна.

Потомъ прибавила:

— Истязали жь меня срамнымъ образомъ за говореніе яко-бы непристойныхъ рѣчей про государя: а нынѣ государь вторично идетъ къ Царицыну съ войскомъ.

— Ложно ты говоришь, яко бы это государь: проявился не государь, а бѣглый яицкой казакъ Емельянъ Пугачевъ.

Васильева стояла на своемъ.

---

(1)Самозванецъ Богомоловъ («Парусъ», № 1).

— Не повѣрю я тѣмъ словамъ: и тогда тако-жь говорили, что-де онъ не государь, и за то ему наказаніе учинено, и что онъ-де сосланъ въ Сибирь—и то неправда.

— Подлинно сосланъ.

На этомъ разговорѣ ихъ взяли и посадили подъ караулъ.

— Уличаютъ тебя въ говореньи пустыхъ рѣчей, яко бы говорила ты, что проявился государь Петръ Ѳедоровичъ.... Говорила-ль? спрашивалъ ее караульный офицеръ.

— Говорила, отвѣчала та.

— А то ты говорила съ глупости?

— Не съ глупости, а отъ истинной правды.

— За ту ли правду тебя сѣчено публично? спросилъ офицеръ.

— Сѣчено, отвѣчала та: потерпѣла жь я то истязаніе безвинно.

— Врешь ты, дура баба! закричалъ на нее офицеръ: вина твоя была большая.

— Вину мою самъ государь разберетъ, а васъ я не слушаю.

За таковыя продерзостныя рѣчи офицеръ ударилъ ее по лицу и велѣлъ замолчать.

Что́ было потомъ съ этой женщиной, мы не нашли въ имѣющихся у насъ дѣлахъ; но, безъ сомнѣнія, во второй разъ она уже не избавилась отъ кнута, если не умерла гдѣ-нибудь въ сыромъ арестантскомъ подвалѣ, куда въ то время нерѣдко сажали преступниковъ.

Это было въ концѣ октября. Государственная тайна была, такимъ образомъ, уже не тайною: объ ней говорили на базарахъ, и хотя за говоренье о Пугачевѣ брали подъ арестъ,

однако молва о немъ не умолкалась. Народное нетерпѣніе и ожиданіе воли предупреждало всѣ распоряженія правительства.

29-го октября въ Царицынѣ получен былъ наконецъ указъ военной коллегіи, подписанный графомъ Захаромъ Чернышевымъ. Видно было, что и Петербургъ взглянулъ съ безпокойствомъ на появленіе самозванца, и военная коллегія, подобно мѣстнымъ поволжскимъ начальникамъ, обратила вниманіе на Царицынъ, какъ на такой пунктъ, мимо котораго самозванецъ не могъ пройти, еслибы дѣйствительно имѣлъ намѣреніе провести въ Турцію яицкое войско и всѣхъ примкнувшихъ къ его знамени. Въ указѣ говорилось о Пугачевѣ, какъ о самой свѣжей новости. Да и не удивительно: вѣсть о самозванцѣ зашла въ Петербургъ только 14-го октября, когда Пугачевъ осаждалъ уже Оренбургъ, а въ тылу своей нестройной толпы имѣлъ уже до десяти взятыхъ крѣпостей, городовъ и форпостовъ. „Вчерашняго числа—говорилось въ указѣ ([1])—получены здѣсь рапорты отъ казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ, что содержавшійся въ Казани и бѣжавшій оттуда изъ-подъ караула раскольникъ донской казакъ Емелянъ Пугачевъ, появясь въ жилищахъ яицкихъ казаковъ и дерзнувъ наименовать себя императоромъ Петромъ Третьимъ, обольстилъ немалое число простаго тамошняго народа всякими лжевымышленными обѣщаніями, и, собравъ толпу онаго, сдѣлалъ (какъ пишутъ) не только возмущеніе, но причиняетъ смертныя убійства и разореніе селеній.“

([1]) Этого указа нѣтъ ни у Пушкина, ни у Щебальскаго, ни въ другихъ доселѣ изданныхъ документахъ о Пугачевщинѣ.

Правительство, какъ видно, взглянуло въ первый разъ на Пугачева, какъ на раскольника. Хотя самъ онъ и не сознавался въ принадлежности къ старой вѣрѣ, но, какъ увидимъ впослѣдствіи, расколъ и раскольники играли не малую роль, какъ въ самомъ бунтѣ, такъ и въ характерѣ самыхъ дѣйствій самозванца. Вообще, значеніе раскольниковъ въ пугачевскомъ движеніи до сихъ поръ не уяснено и не опредѣлена степень и дѣйствительность старообрядческаго вліянія на созданіе самаго плана, который положенъ въ основу пугачевщины.

Но вообще о степени вліянія раскольниковъ на пугачевскую смуту мы скажемъ въ свое время.

„И хотя—говорилось далѣе въ указѣ военной колегіи—сверхъ возможнѣйше-принятыхъ обѣими тѣми господами губернаторами мѣръ, къ пресѣченію злодѣйскихъ замысловъ онаго раскольника Пугачева, посланъ и отсюда по высочайшему имянному ея императорскаго величества указу, генералъ-маіоръ Каръ, съ тѣмъ, чтобъ стараться, какъ самого означеннаго злодѣя, такъ и мятежническую его шайку переловить; но, какъ на случай злодѣйскаго ево, Пугачева, уклоненія къ переходу чрезъ Волгу, нужны къ отвращенію того и съ вашей стороны учинены быть надлежащія распоряженія, то симъ коллегія и предписываетъ, дабы употребленіемъ, какъ находящейся въ Царицынѣ легкой полевой команды, такъ и возможнѣйшаго числа людей изъ гарнизонныхъ баталіоновъ приняли вы такія мѣры, и въ верхъ по Волгѣ взяли предосторожности, чтобъ, въ случаѣ приближенія туда реченнаго Пугачева, встрѣтя онаго вооруженно, какъ ево самого, такъ и злодѣйскую бродящую съ нимъ толпу переловить и переходу его за Волгу всемѣрно воспрепятствовать,

въ случаѣ-жь требованія кѣмъ либо помощи, оную подавать; а о содѣйствованіи вамъ въ томъ и о равномѣрномъ принятіи мѣръ посланъ отъ военной коллегіи указъ и къ астраханскому господину оберъ-коменданту генералъ-маіору Левину."

Мы уже говорили, что царицынская крѣпость господствовала надъ всею мѣстностью, которая служила гранью нашихъ владѣній на югѣ, и за которою уже начинались степи, находившіяся во владѣніи народовъ, враждебныхъ Россіи и дружественныхъ съ Турціею, бывшею тогда въ войнѣ съ нами (1). Она служила ключемъ къ царицынской военной линіи. Она же служила главнымъ сторожевымъ пунктомъ для наблюденія за движеніями калмыковъ и киргизъ-кайсаковъ, изъ которыхъ послѣдніе часто дѣлали набѣги на русскія владѣнія, перебирались на правый берегъ Волги, угоняли стада, брали въ плѣнъ жителей и производили вообще не малыя опустошенія. Для всего этого нужны были большія силы и крайняя напряженность наблюденія за всѣмъ, что происходитъ въ этой мѣстности. Между тѣмъ, военныя силы, которыми располагала эта крѣпость, были весьма ограничены. Въ ея расположеніи находилась легкая полевая команда. Полевыя команды составомъ своимъ не могли даже сравняться съ нынѣшними губернскими баталіонами. Въ по-

---

(1) «Здѣшнее мѣсто (писалъ Цыплетевъ въ военную коллегію) и безъ сего (то есть кромѣ опасности со стороны Пугачева) состоитъ разнымъ частямъ опасности подвержено, во первыхъ, съ кубанской стороны и отъ разныхъ народовъ, прилежащихъ къ Кубани, склонныхъ турку, а потомъ отъ переходу изъ за Яика на внутреннюю къ Волгѣ степь въ великихъ силахъ киргизъ-кайсакъ, которые переходъ имѣли на стѣ семьдесять верстахъ, заставляютъ думать, какъ въ прежнихъ годахъ оные касались и до Волги, чиня свои нападенія на россійскихъ людей».

левой командѣ находилось только 500 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Самая крѣпость располагала незначительными военными силами. Кромѣ того, въ Царицынѣ находилось болѣе 900 плѣнныхъ турокъ,—а это была огромная цифра для такого маленькаго города, какъ Царицынъ. Мѣстныя власти были, такимъ образомъ, въ довольно щекотливомъ положеніи: опасность грозила со всѣхъ сторонъ; надо было, дѣйствительно, смотрѣть за всѣмъ „недреманнымъ окомъ“; впереди вставали еще болѣе грозныя опасности,—а людей было мало, да и этихъ нужно было употребить на разъѣзды и развѣдыванья. Въ случаѣ какой либо близкой опасности—отъ пугачевцовъ ли, или отъ киргизъ-кайсаковъ—турки могли взбунтоваться, и тогда городъ и крѣпость очутились бы въ безвыходномъ положеніи. Объ этомъ надо было подумать спѣшно, не теряя времени, и царицынскій комендантъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ врага, который могъ придти оттуда, откуда его и ожидать не могли ([1]).

Только къ половинѣ декабря, Цыплетевъ могъ сдѣлать слѣдующія распоряженія къ встрѣчѣ врага:

([1]) Цыплетевъ, говоря о внѣшнихъ опасностяхъ, грозившихъ всей мѣстности, прибавлялъ: «да и внутренній здѣшній городъ содержитъ у себя непріятельскихъ людей, то есть турецкихъ подданныхъ, болѣе девяти сотъ человѣкъ: въ нашествіе внѣшняго непріятеля съ которой бы ни было стороны оные гораздо опасными кажутся, такъ что занимать будутъ почти у всего гарнизона руки на предостереженіе отъ нихъ. По каковой колеблемости, видя со всѣхъ сторонъ утѣсненныя обстоятельства, за долгъ счелъ къ пользѣ государственной, по моему предусмотрѣнію, при такой малости силъ, которыхъ ни на одно дѣйствіе доставать, по обширности линіи, не можетъ, сдѣлать нижеписанное распоряженіе». Объ этомъ распоряженіи мы скажемъ ниже.

1) Легкой полевой командѣ и одной ротѣ царицынскаго баталіона („не обнажая, впрочемъ, крѣпости“, какъ выражался Цыплетевъ), а равно царицынскимъ казакамъ быть готовымъ при первомъ востребованіи („къ выступленію быть во всякой ежечасной готовой исправности“).

2) Отъ войсковой канцеляріи донскаго войска потребовалъ пятитысячную команду, чтобъ она была готова по первому его востребованію, и просилъ войсковую канцелярію дать командѣ повелѣніе о подчиненности царицынскому коменданту. Ближайшіе къ царицынской линіи донскіе казаки, находясь при своихъ домахъ, должны были исполнять приказанія Цыплетева во всякое время. Кромѣ того, двѣ пятисотныя команды, подъ начальствомъ своихъ полковниковъ, должны были расположиться на Дону. Имъ же ввѣрялась и защита своихъ границъ со стороны Кубани ([1]).

3) Въ волжскомъ ([2]) войскѣ, главнымъ городомъ котораго былъ посадъ Дубовка, по луговой сторонѣ Волги, начиная отъ Камышина до Царицына, противъ каждаго городка учрежденъ былъ особый форпостъ, съ достаточною командою, а въ Ахтубинскомъ городкѣ, или въ Ахтубинскомъ шелковомъ заводѣ, находящемся нѣсколько выше Ца-

---

([1]) ...«для безопаснаго случая, изъ оныхъ ближнихъ къ линіи донскихъ станицъ нарядилъ двѣсти человѣкъ, которые, слушая моего повелѣнія, къ тому изготовились; но донское войско, съ своей стороны, также сооружая предосторожность, при двухъ полковникахъ, по пяти-сотъ человѣкъ, всего тысячу, поставя нарочно на Дону, въ станицахъ, оныхъ подъ мое послушаніе препоручило, ввѣря имъ и охраненіе съ кубанской стороны своихъ границъ».

([2]) Оно называлось также и «вольскимъ»—по принятому тогда правописанію.

рицына, устроена была застава. Форпостныя команды должны были дѣлать частые разъѣзды отъ форпоста къ форпосту, и „смотрѣть нетолько появившихся людей, но и отъ яицкой стороны не окажутся-ль подъѣзды“: всякаго сомнительнаго человѣка должны были останавливать, и объ оказавшемся давать знать по начальству.

4) Подобнымъ же форпостамъ, учрежденнымъ отъ Царицына внизъ по Волгѣ до самаго Чернаго Яра, велѣно было дѣлать подобные же разъѣзды.

5) Царицынской артиллеріи быть въ готовности („ко всякому нечаянному движенію“), на походныхъ лафетахъ, со всѣми снарядами и со всею конскою упряжью.

6) Отъ астраханской губернской канцеляріи Цыплетевъ требовалъ, чтобы изъ кочующихъ близъ Царицына калмыкъ „Дербетева владѣнія“ наряжено было до двухъ тысячъ человѣкъ, но съ тѣмъ, „чтобъ оные не знали матеріи сего нечаяннаго замѣшательства, а единственно, яко бы для нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ“, и чтобъ они, не трогаясь изъ своихъ кочевьевъ, были въ полной готовности и ждали приказаній.

7) Всѣ эти войска поручить начальству одного лица, такъ чтобы въ случаѣ опасности, они могли быть сосредоточены и выступили въ походъ по первому требованію.

8) „А какъ въ такое нужное время и отъ обывателей была-бъ помощь“, то наряжены въ команду и самые обыватели Царицына и купечество, которые должны были поставить до 300 человѣкъ; эти наряженные „по мѣстамъ въ крѣпости расписаны“, а съ тѣмъ вмѣстѣ должны были имѣть ружья и порохъ.

„И такъ — заключалъ Цыплетевъ свое донесеніе военной

коллегіи — по сему учрежденію на всякое время изъ вышеписанныхъ опасностей на здѣшнія границы съ которой стороны ни оказалось бы устремленіе, то старатца буду, какъ сынъ отечества, дѣлать скорое отраженіе, собирая тѣ силы посшѣшнѣйшимъ образомъ, не трогая ихъ до случая въ своихъ мѣстахъ, по неизвѣстности, съ которой стороны что по-слѣдовать можетъ, ибо всякое мѣсто теперь краемъ состоитъ къ непріятелю.“

Изъ этихъ распоряженій видно, что Цыплетевъ вполнѣ понималъ всю опасность положенія, въ которое поставлена была Россія бунтомъ яицкихъ казаковъ и появленіемъ Пугачева. Онъ справедливо могъ сказать, „что теперь всякое мѣсто краемъ состоитъ къ непріятелю.“ Только высшія правительственныя лица, повидимому, не понимали того, что понималъ простой комендантъ малоизвѣстной крѣпости. Правительственныя лица небрежно относились къ грозному явленію и апатически принимали необходимыя мѣры.

Но не одна заволжская сторона требовала устройства заставъ и форпостовъ. Прилегающая къ Царицыну мѣстность открыта была со всѣхъ сторонъ. Выше Царицына находились земли волжскаго войска; положеніе ихъ военныхъ силъ было не совсѣмъ надежно, да и въ другихъ отношеніяхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, онѣ были также ненадежны. Надо было позаботиться объ устройствѣ форпостовъ и на нагорной сторонѣ Волги, и Цыплетевъ устроилъ эти форпосты. Главная застава была на рѣчкѣ Пичугѣ. Форпосты находились въ Томиловомъ буеракѣ,- на рѣчкѣ Верхней Мечетной при самомъ ея устьѣ у Волги. Офицерамъ и командамъ, поставленнымъ на форпостахъ, даны были особыя инструкціи, въ которыхъ, между прочимъ, велѣно было: „имѣть

денно и нощно часовыхъ и наикрѣпчайше смотрѣть, какъ по сей рѣчкѣ (Пичугѣ), такъ и по протчимъ вблизѣ лежащимъ жительствамъ, чтобъ никакихъ пришлыхъ людей, а особливо безпачпортныхъ и бродягъ не было; а если оные окажутся, таковыхъ, бравъ подъ караулъ, представлять въ комендантскую канцелярію.“ Затѣмъ въ инструкціи добавлялось: „а какъ вамъ, будучи при оной заставѣ, поступать и какихъ людей присматривать, о томъ при сей дается вамъ печатной экземпляръ“, по коему накрѣпко подтверждается всякое чинить и непремѣнное исполненіе, а особливо проѣзжающимъ купцамъ, идущимъ обозамъ, крестьянамъ съ запасами или за собственными нуждами никакой остановки не дѣлать, но свободно пропускать всѣхъ порядочныхъ людей.“

Принимая всѣ эти мѣры, мѣстныя власти не знали, что противъ такого врага, какъ Пугачевъ, всѣхъ подобныхъ мѣръ было слишкомъ недостаточно. Противъ самозванца могли дѣйствовать только войска, правильно организованныя и притомъ тысячныя арміи, а всѣ эти форпосты, всѣ заставы, разъѣзды годились только на то, чтобъ ловить бѣглыхъ, чтобъ не пропускать къ Пугачеву тѣхъ охотниковъ, которые пробирались къ нему со всѣхъ концовъ Россіи, особенно когда прошли слухи, что онъ бьетъ правительственныя войска на каждомъ шагу, и что въ арміи его живется весело, вина пьется много, всякаго добра грабится въ волю. Въ его войскахъ, около его палатокъ, пиры шли за пирами, между тѣмъ какъ во всей остальной Россіи, пировали только тѣ, противъ которыхъ мнимый царь велъ свои страшныя толпы.

Но посмотримъ, что̀ дѣлалъ Пугачевъ, когда противъ не-

го за тысячи верстъ принимались такія жалкія мѣры, о какихъ мы сейчасъ сказали.

III.

Мы оставили самозванца подъ Оренбургомъ, когда онъ, сдѣлавъ приступъ къ этому городу, занялъ предмѣстье и потомъ, послѣ пораженія высланныхъ противъ него изъ Оренбурга войскъ, отошелъ на зимнія квартиры въ Берду, намѣреваясь вести правильную осаду города.

— Не стану тратить людей, а выморю городъ моромъ, говорилъ онъ, приказывая убрать пушки съ баттарей и отправляя всю артиллерію въ лагерь.

Но передъ выходомъ въ Берду, онъ велѣлъ сдѣлать приступъ къ городу. Канонада была страшная; однако, городъ уцѣлѣлъ. Одна пушка встащена была даже на колокольню церкви въ предмѣстьѣ, и оттуда громила городъ.

7-го ноября самозванецъ разбилъ посланнаго противъ него главнокомандующаго войсками генерала Кара. Это былъ страшный ударъ для государства. Довѣріе народа къ правительству было поколеблено въ самомъ основаніи.

14-го ноября былъ разбитъ Чернышевъ. Весь его отрядъ взятъ въ плѣнъ. Въ этотъ же день разбиты были: оренбургскій оберъ-комендантъ Валенштернъ и маіоръ Варнстедъ.

Къ концу ноября пугачевскіе генералы Чика, Хлопуша, Тарновъ и другіе завладѣли всею окрестною мѣстностью, побрали бо́льшую часть крѣпостей, поставили на ноги все тамошнее населеніе. Они владѣли краемъ, въ полномъ смыслѣ слова.

Правительство начало сознавать весь ужасъ своего положенія. Въ Оренбургѣ уже чувствовали голодъ. Правительство не имѣло надежнаго человѣка, на котораго можно было бы положиться. Только въ декабрѣ выборъ палъ на опальнаго сановника А. И. Бибикова.

Въ декабрѣ же рѣшились прибѣгнуть къ мѣрѣ, которая оказалась совершенно безполезною. Именнымъ указомъ повелѣно публиковать по имперіи, что „тому, кто извѣстнаго злодѣя Пугачева живаго приведетъ, тотчасъ изъ казны выдано будетъ вознагражденіе—тысяча рублевъ (1)“. Въ этой публикаціи описывались примѣты самозванца: „оной Пугачевъ ростомъ двухъ аршинъ четырехъ вершковъ съ половиною, отъ роду имѣетъ не съ большимъ сорокъ лѣтъ, примѣтами—волосы на головѣ темнорусые, усъ и борода черные, съ сѣдиною, отъ золотухи на лѣвомъ виску шрамъ, да отъ золотухи-жъ, ниже правой и лѣвой титекъ, двѣ ямки.“

Эти-то „двѣ ямки ниже правой и лѣвой титекъ“ и были тѣ знаменитые „царскіе знаки“, которые играли такую важную роль не только въ исторіи Пугачева, но и въ исторіи другихъ самозванцевъ. Когда Пугачевъ еще никому не открывалъ о своемъ мнимомъ царственномъ происхожденіи и, послѣ побѣга изъ казанскаго острога, жилъ на уметѣ у Еремкиной Курицы, на Узеняхъ, онъ разъ былъ съ своимъ хозяиномъ въ банѣ. Замѣтивъ шрамы на груди у самозванца, Еремкина Курица спросилъ:

— Что̀ это у тебя на груди?

— Это знаки государевы, отвѣчалъ Пугачевъ.

---

(1) Послѣ увидимъ, что, по мѣрѣ возрастанія могущества самозванца, цѣна на его голову поднималась.

— Что ты говоришь? Какіе государевы?

— Я самъ государь Петръ Ѳедоровичъ, сказалъ на это Пугачевъ изумленному хозяину.

Объ этихъ знакахъ было не мало толковъ между приверженцами самозванца. Когда въ первый разъ пріѣхали на Уметъ яицкіе казаки посмотрѣть „явленнаго царя“, одинъ изъ нихъ просилъ самозванца:

— Покажи-тко намъ царскіе знаки, чтобъ было намъ чему вѣрить, и не прогнѣвайся, что я васъ о семъ просилъ.

Пугачевъ, взявъ ножикъ и разрѣзавъ до пупа воротъ у рубашки, показывалъ свои раны.

— Отчего эти знаки? спрашивали его.

Самозванецъ отвѣчалъ:

— Когда въ Петербургѣ противъ меня возмутились, такъ это гвардейцы кололи штыками.

Подобные же знаки были у предшественника Пугачева, у самозванца Богомолова. Когда онъ сидѣлъ въ Царицынѣ подъ арестомъ, къ нему сходились вѣровавшіе въ его царское происхожденіе и просили его показать имъ „царскіе знаки.“ Богомоловъ дѣлалъ тоже, что и Пугачевъ, и народъ вѣрилъ, что золотушные шрамы на груди — это-то и есть знаки царственнаго происхожденія.

Чего же нельзя было сдѣлать съ подобнымъ народомъ?...

Эти публикаціи примѣтъ Пугачева разнесены были по всей Россіи. Самозванецъ пересталъ быть государственною тайной и съ тѣхъ поръ бумаги о немъ уже не подписывались: *по секрету*.

Выше мы говорили, что между прочими мѣрами, принятыми въ Царицынѣ на случай отраженія врага, отъ царицынскаго коменданта было потребовано, чтобъ изъ Дербете-

выхъ улусовъ нарядить двѣ тысячи калмыковъ, которые, находясь при своихъ кибиткахъ, могли собраться въ походъ по первому требованію. Но астраханскій губернаторъ призналь эту мѣру неудобною и предписывалъ „сихъ калмыкъ въ зимнее время, соображаясь съ ихъ житіемъ и обыкновеніемъ, безъ всякой нужды употребленіемъ въ службу не отягощать и тѣмъ напраснаго изнуренія имъ не дѣлать, кромѣ самой необходимой надобности, ибо они во всякое время, а особливо въ зимнее, стоятъ на одномъ мѣстѣ, отлучась отъ домовъ своихъ, ни мало не способны.“ Вслѣдствіе этого Кречетниковъ велѣлъ оставить калмыковъ въ покоѣ, но при всемъ томъ разрѣшилъ содержать въ нарядѣ только половинное число, но съ тѣмъ, чтобы они находились въ своихъ улусахъ и кочевали зимнею кочевкою въ ближайшихъ отъ Царицына мѣстахъ, чтобы, въ случаѣ надобности, этими калмыками можно было воспользоваться не только для отраженія Пугачева, но и для отраженія кубанцевъ.

Послѣдующія обстоятельства докажутъ, что на калмыковъ нечего было разсчитывать: калмыки первые дрогнули, когда завязалась съ Пугачевымъ битва при Пролейкѣ, и при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ разсыпались, оставивъ на жертву донскихъ казаковъ и легкую полевую команду съ ея начальникомъ фонъ-Дицемъ, который и поплатился жизнью за трусость калмыцкаго войска.

Какъ бы то ни было, но калмыцкому коммисару Везелеву, находившемуся въ Дербетевыхъ улусахъ въ качествѣ представителя русскаго правительства, дано было знать, чтобы калмыки, до времени, оставлены были въ покоѣ.

Между тѣмъ въ войскахъ оказывался положительный недостатокъ. Русскіе солдаты, а съ ними и русскіе полковод-

цы дрались въ это время съ турками и потому не могли подать помощи своему отечеству, которое колебалось въ основаніи Пугачевымъ и такими личностями, какъ его генералы съ рваными ноздрями или колодники, бѣжавшіе изъ остроговъ, Хлопуша, Чика, татаринъ Идорка и другіе. Въ Россіи не было въ это время ни Румянцева, ни Суворова, которые находились за тысячи верстъ отъ театра дѣйствій Пугачева; а остававшіеся въ Россіи генералы и полковники — Каръ, Фрейманъ, Голицынъ, Чернышевъ, Корфъ и другіе, были разбиваемы Пугачевымъ, обращаемы въ бѣгство; иныхъ онъ вѣшалъ, съ другихъ кожу сдиралъ. Приходилось брать войска изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ и стягивать ихъ къ Оренбургу. Гренадеры Кара были въ плѣну; правительственная артиллерія почти вся уже была перетащена въ Берду. Оставалась только гарнизонная „негодница“; но и этой было мало. Пришлось стягивать со всей Россіи легкія полевыя команды. Царицынская легкая полевая команда, съ командиромъ фонъ-Дицемъ, взята была Кречетниковымъ для прикрытія Самары. Самъ Кречетниковъ изъ Астрахани ускакалъ въ Саратовъ, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій, а впереди себя послалъ Дица. Приходилось выписывать войска... изъ Бѣлоруссіи! И дѣйствительно, въ декабрѣ вытребованы были изъ Бѣлоруссіи двѣ легкія полевыя команды, которыя, черезъ Саратовъ, потянулись на смѣну команды Дица, а этотъ послѣдній долженъ былъ воротиться назадъ, въ Царицынъ. Бѣлорусскія полевыя команды отправлены были къ Фрейману, а за ними черезъ Саратовъ прослѣдовали и два гусарскіе эскадрона.

А тамъ, гдѣ былъ Пугачевъ, шли каждый день пиры, рѣзня и вѣшанье попавшихся въ плѣнъ. Отдѣльные отряды,

подъ предводительствомъ генераловъ-самозванцевъ, рыскали по всѣмъ направленіямъ: на заводахъ лились пушки, чеканились монеты; въ церквахъ упоминалось, на эктеніяхъ, имя Петра Ѳедоровича. Въ лагерѣ шло каждодневное артилле-рійское ученіе. За Пугачевымъ и его генералами слѣдовали удачи; неудачи же шли по пятамъ правительственныхъ войскъ. Можно было, дѣйствительно, потерять голову—весь государственный строй былъ опрокинутъ вверхъ ногами шайкой каторжниковъ, за знаменемъ которыхъ шло все то, что составляло ядро населенія въ государствѣ. Иностранцы уже въ то время винили Россію, что она сама своей безпечностью накликала на себя это страшное бѣдствіе ([1]).

Въ это время, въ декабрѣ, когда опаспость казалась уже слишкомъ страшною и неотвратимою, правительство издало тотъ знаменитый манифестъ (23 декабря), который начинался словами: „Къ крайнему оскорбленію и сожалѣнію нашему“ и т. д. Въ этомъ манифестѣ государыня обращается къ здравому смыслу русскаго народа и изображаетъ тотъ ужасъ, въ который смута повергла Россію. Она напоминаетъ страшное время первыхъ самозванцевъ; указываетъ на по-

---

([1]) «Was in diesem Reiche die Rebellionen so leicht macht ist auf der andern Seite die Sorglosigkeit, die in den Provinzen herrscht. Der Güterbesitzer glaubt alles gethan zu haben, wenn er die auf seinen Theil fallenden Rekruten abgeliefert hat, und er verläszt sich übrigens blos auf die Veranstaltungen, die die Krone zu seiner Sicherheit trifft. Bei plötzlichen Empörungen wird er also, wenn die Armee im Felde und weit entfernt steht, immer ein Opfer seiner Sorglosigkeit werden. Nie könnte es die Regierung verargen, wenn der Landadel sich unter einander vereinigte und auf seine Vertheidigung bedacht wäre»—такъ говоритъ одинъ современникъ-иностранецъ, бывшій въ Россіи во время пугачевскаго бунта.

добнаго же предателя отечества, на Гришку Отрепьева, говоря, что одно воспоминаніе объ этихъ плачевныхъ временахъ приводитъ каждаго въ содроганіе.

Манифестъ этотъ изданъ при назначеніи Бибикова командующимъ войсками, посланными противъ самозванца (1). Но распространявшееся повсюду пламя должно было прекратиться только тогда, когда не стало бы болѣе горючихъ матеріаловъ. А матеріалы эти прибывали день ото дня и огонь все больше и больше разгорался. Правительство куда ни обращалось, вездѣ находило недостатки, упущенія. Надо было подумать о приведеніи въ оборонительное положеніе всѣхъ крѣпостей, точно на Россію шли всѣ народы Европы. Тамъ не было войскъ; тамъ не хватало пушекъ; въ третьемъ мѣстѣ ружья не годились. Въ волжскомъ войскѣ, которое велѣно было поставить на военную ногу, не оказалось ни одного заряда пороху. Пушки не имѣли фитилей, и надо было какъ о порохѣ и свинцѣ, такъ и фитиляхъ просить царицынскаго коменданта. Гдѣ были пушки и снаряды боевые, тамъ не оказывалось канонировъ; гдѣ были канониры, тамъ не оказывалось ядеръ и картечи. Все это надо было выписывать изъ Сибири или брать изъ другихъ скудныхъ складовъ, тогда какъ всѣ литейные заводы уже были въ рукахъ самозванца и онъ отливалъ пушки для своей и безъ того богатой артиллеріи.

Бунтовщики нагло издѣвались надъ правительствомъ, надъ всѣмъ государственнымъ строемъ и надъ сановниками имперіи. У нихъ были свои столицы: деревня Каргале называлась Петербургомъ, Берда—Москвою. Даже свой Кіевъ соз-

---

(1) Онъ напечатанъ у Пушкина, ч. II, стр. 17—19.

дали себѣ пугачевцы: Сакмарскій городокъ переименованъ ими въ Кіевъ. Какъ самозванецъ Богомоловъ выдавалъ за своего государственнаго секретаря казака Долотина, такъ и у Пугачева былъ свой фельдмаршалъ и графъ Чернышевъ—это Чика, графъ Панинъ—это Овчинниковъ, графъ Воронцовъ—это Шигаевъ и т. д.

Между тѣмъ изъ разныхъ ордеровъ, промеморій и рапортовъ нельзя не видѣть, что какъ ни отчаянно было положеніе Россіи, потерявшіеся отъ страха губернаторы, командиры и воеводы все еще старались какъ бы маскировать безвыходность положенія страны и отъ самихъ себя скрывать ту страшную пропасть, въ которую они падали. Прибывшій въ Казань Бибиковъ не засталъ тамъ губернатора, старика Брандта. Онъ бѣжалъ въ Козмодемьянскъ. Ободренный пріѣздомъ Бибикова и скорымъ приходомъ войска, онъ воротился. Бибиковъ, въ частномъ письмѣ къ фонъ-Визину, говоритъ, что „бѣдный старикъ, губернаторъ Брандтъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается“, что обстоятельства изъ рукъ вонъ плохи, а между тѣмъ этотъ же старикъ, Брандтъ, въ ордерахъ своихъ пишетъ не то: онъ все еще на что-то надѣется. Вотъ какъ онъ описываетъ положеніе дѣлъ, въ какомъ засталъ ихъ Бибиковъ: Пугачевъ съ своею разбойническою шайкою стоитъ подъ Оренбургомъ въ Бердѣ, и сколько ни дѣлалъ нападенія на крѣпость, всегда былъ отбиваемъ съ урономъ; городъ Уфа, „по генеральному возмущенію башкирцовъ“, содержится ими въ осадѣ; по самарской линіи тревога дошла до самой Самары; этотъ городъ былъ взятъ бунтовщиками на праздникъ рождества Христова; 28-го числа пришла изъ Бѣлоруссіи легкая полевая команда, разбила бунтовщиковъ и выгнала изъ города

„съ великимъ уропомъ“, захвачено до двухсотъ пугачевцевъ; къ концу декабря въ этотъ городъ прибыли еще три легкія полевыя команды и два эскадрона гусаръ; по оренбургской линіи, вверхъ яицкой крѣпости, стоитъ съ своими командами генералъ-поручикъ Декалонгъ; а на новой московской дорогѣ, въ Бугульминской слободѣ, въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и въ Черемшанской крѣпости съ вновь пришедшими войсками расположился генералъ-маіоръ Фрейманъ. „Нынѣ же (прибавляетъ онъ), по особливому имянному ея императорскаго величества всевысочайшему указу, къ командованію всѣми наряженными войсками прибылъ сюда господинъ генералъ-аншефъ, лейбъ-гвардіи преміеръ-маіоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ Александръ Ильичъ Бибиковъ, да господа генералъ-маіоры князь Голицынъ и Мансуровъ; равно и наряженные полки, второй гренадерской володимерской пѣхотной и изюмскій гусарскій въ Казань уже пошли, а архангелогородской карабинерной въ скорости прибыть имѣетъ. Къ тому же изъ Польши идутъ санктпетербургскій карабинерный и чугуевскій казацкій полкъ. Слѣдовательно—говоритъ онъ въ заключеніе—теперь со здѣшней стороны, и никакой опасности нѣтъ, и за помощью божіею ожидать надобно незамедлительнаго пораженія и совершеннаго истребленія всего разбойническаго сборища и ихъ сообщниковъ.“

Для офиціальнаго донесенія, особенно въ то время, оно дѣйствительно было такъ. Кажется, все было сдѣлано, а если къ тому и Богъ поможетъ, то еще лучше будетъ. Но не такъ думалъ Бибиковъ и не такъ было въ самомъ дѣлѣ. Въ письмѣ къ графу Захару Чернышеву, онъ пишетъ, между прочимъ: „Обстоятельства столько дурны, что я довольно того описать не могу... опаспостью грозитъ всеобщее возму-

щеніе башкиръ, калмыкъ и разныхъ народовъ, обитающихъ въ здѣшнемъ краю, а паче если и приписанные къ заводамъ крестьяне къ нимъ прилѣпятся, къ чему уже въ пермской провинціи и есть начало. Коммуникація съ Сибирью отъ опасности на волоску, да и самая Сибирь тому жъ подвержена. Всего же болѣе прилѣпленіе черни къ самозванцу и его злодѣйской толпѣ.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ къ Чернышеву же: „На гарнизонныя команды ничего считать нельзя, что̀ я уже испытаніемъ знаю. Сія негодница довольна, что ихъ не трогаютъ, и до первой деревни дошедши, останавясь, присылаетъ рапорты, что окружены и далѣе идти нельзя. Они ободрили и злодѣевъ, что осмѣлились въ самые имъ лѣзть глаза.“ Въ третьемъ письмѣ онъ говоритъ, что всего страшнѣе „народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе... Внутри и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей. Не очистя саранчу злую, впередъ шагу подасться нельзя.“ Къ другу своему, фонъ-Визину, онъ пишетъ: „Буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать, что могу. Неужели же проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры, яицкіе казаки, играютъ... Да и то бѣда: какъ нарочно все противу насъ—и снѣга, и мятель, и бездорожицы“... Или вотъ что̀ писалъ онъ своей женѣ черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Казань: „Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать буде-бъ хотѣлъ, не могу: вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю все возможное, и прошу Господа о помощи. Онъ единъ испра-

вить можетъ своею милостію. Правда, поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже — помнишь? на петербургскій пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ, губернаторъ Брандтъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростью перепакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ, я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ молитвахъ, а праведную Евпраксію нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно.“

Въ частномъ письмѣ, писанномъ въ концѣ того же декабря, мы читаемъ: „не чаялъ я вырваться изъ проклятаго мѣста, Богомъ отданнаго во власть злодѣевъ за грѣхи наши. Что я видѣлъ, то и описать не могу и разсказать не умѣю. Вся самарская и оренбургская сторона изъ себя адъ кромѣшный изображаетъ, и горе всякому, живущему тамъ. Мертвыхъ тѣлъ, еслибы и хотѣли предавать погребенію, по многочисленности оныхъ, того сдѣлать невозможно. По цѣлымъ мѣсяцамъ на реляхъ мертвецы виспутъ, и снѣгомъ покрыты, что и разобрать не можешь, человѣкъ ли то кажется или комъ снѣгу. По селеніямъ остались только престарѣлые и немощные, а собаки самыя ушли со злодѣями. Всѣ города и крѣпости во власти того изверга Пугачева; въ войскахъ непослушаніе оказывается. Пожаръ ширится во всѣ

четыре стороны—и къ востоку, и къ западу, къ югу и сѣверу, и единъ Богъ знаетъ, гдѣ предѣлъ ему положенъ."

Изъ дальнихъ заволжскихъ степей нагрянули, наконецъ, и киргизъ-кайсаки на среднее поволжье. Огромная партія ихъ, тысячи въ полторы или болѣе, атаковала разомъ всѣ форпосты, поставленные за Волгою противъ земель волжскаго войска. Киргизы шли въ разсыпную, такъ что нельзя было ни на одномъ пунктѣ сосредоточить военныя силы для отпора ихъ. Притомъ они налетѣли, какъ саранча, такъ что никто не могъ и предвидѣть этого. На форпостахъ была ничтожная горсть казаковъ, такъ-какъ все волжское войско было или въ походахъ или въ раскомандировкахъ. Въ станицахъ оставались большею частію или отставные или малолѣтки, да и у тѣхъ, какъ мы видѣли выше, не было ни свинцу, ни пороху. Форпостные казаки были захвачены въ расплохъ. Лавой обложили киргизы всѣ форпосты, такъ что нѣкому даже было подать въ волжское войско вѣсть о томъ, что дѣлается за Волгой и что, быть можетъ, киргизъ-кайсаки скоро налетятъ и на нагорныя селенія. Удалось пробиться сквозь тучу саранчи только одному лицу ([1]): это былъ войсковой старшина и депутатъ Осипъ Терсковъ. Засѣвшіе въ форпостахъ казаки отчаянно отстрѣливались; но непріятель былъ слишкомъ многочисленъ и слишкомъ упорно кидался на слабозащищаемые форпосты. Одинъ форпостъ отстрѣлялся, несмотря на свое отчаянное положеніе: нѣсколько киргизъ-кайсаковъ было убито; ранено было и нѣсколько казаковъ, и только одинъ умеръ отъ ранъ. Другой форпостъ

([1]) «Пробивъ ихъ, едва для подачи войску извѣстія уйтить могъ».

не устоялъ: форпостные взяты въ плѣнъ; а другіе, отстрѣливаясь отъ нихъ, освободились.

Всѣ оставшіеся на лицо въ волжскомъ войскѣ старшины и казаки кинулись на спасеніе своихъ форпостовъ. Имъ удалось отбить одинъ форпостъ. Посѣли они на помощь и другому форпосту—но было уже поздно. Киргизы углубились въ степь.

Другая партія киргизъ-кайсаковъ, въ то же самое время, выше Дубовки, перебралась черезъ Волгу по льду, на нагорную сторону, и разсыпалась по степнымъ хуторамъ волжскаго войска. Защищать этихъ селеній было некому; но, при всемъ томъ, оставшіеся тамъ казаки защищались сколько могли, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Не мало было побито народу; не мало угнано за Волгу и скота ([1]). Гнаться за этими разбойниками по степямъ не было никакой возможности.

Только послѣ этого случая въ волжское войско присланы были пушки, находившіяся въ Царицынѣ.

Въ другихъ мѣстахъ было еще хуже. Тамъ уже не было никакого сопротивленія, потому что сами жители, при видѣ бунтовщиковъ, бросали свои жилья и шли вслѣдъ за пугачевскими знаменами.

Въ такомъ положеніи находились дѣла при началѣ новаго 1774 года.

([1]) «Какъ ихъ, кайсакъ, весьма множественно, то-де тамошнихъ многихъ въ плѣнъ побрали, равно лошадей и скотъ угнали, а сколько-де числомъ побито и побрано въ плѣнъ людей и скота угнато. нынѣ въ скорости справиться невозможно».

IV.

Съ новымъ годомъ начались новыя усилія правительства къ подавленію мятежа. Страшно было общее настроеніе умовъ, особенно въ простомъ народѣ, въ крестьянствѣ. Это настроеніе поддерживалось разсылаемыми вездѣ пугачевскими манифестами или такъ называемыми „воровскими письмами.“ Въ письмахъ этихъ самозванецъ не скупился на обѣщаніе народу всего, что только могло тѣшить народъ—тутъ была и безначальная воля, и безпошлинная, дешевая соль, и уничтоженіе, даже „истребленіе проклятаго рода дворянъ“, и земли во владѣніи народа, и свободныя пастбища, и общественное, свободное владѣніе лѣсами, и озера съ рыбными ловлями, и рѣки сытовыя и молочныя съ кисельными берегами. Понятно, что для такого народа, который золотушные шрамы на груди арестантовъ Богомолова и Пугачева принималъ за какіе-то „государевы знаки“, все было возможно — все можно было вбить въ голову, лишь бы это льстило его тайнымъ, смутнымъ чаяніямъ. Эти воровскія письма были страшною приманкою для народа, и правительство справедливо называло ихъ „измѣнническимъ ядомъ наполненными листами.“ Отъ нихъ нельзя было нигдѣ и никакъ уберечься. Они подбрасывались вездѣ, передавались всѣмъ, кто желалъ и не желалъ ихъ имѣть, читались по кабакамъ, по торжкамъ, ярмаркамъ и базарамъ. Если народъ не хотѣлъ ихъ принимать, если солдаты стрѣляли въ пугачевцовъ, подъѣзжавшихъ къ нимъ съ воровскими письмами, пугачевцы втыкали

въ землю палку и въ эту палку ущемляли свои возмутительные манифесты. Воровскія письма какою-то невѣдомою, „продерзостною рукою“ подбрасывались даже во дворецъ государыни, въ Петербургѣ.

Понимая всю опасность для спокойствія государства отъ этихъ воровскихъ писемъ, — этой пугачевской литературы, правительство, въ январѣ, публиковало по народу особое объявленіе, въ которомъ повелѣвалось не вѣрить этимъ, разсылаемымъ бездѣльникомъ и разбойникомъ Пугачевымъ письмамъ, хватать самыхъ *подсыльщиковъ* съ этими письмами, а самыя письма жечь на площадяхъ черезъ палачей, а гдѣ нѣтъ палачей—черезъ профосовъ ([1]). Само собою разумѣется, что и эта мѣра могла только послужить въ пользу этому „бездѣльнику и разбойнику“, особенно потому, что самая публикація только разжигала любопытство народа: эти письма не велѣно было не только читать, но даже объявлять о ихъ содержаніи.

„До свѣденія правительствующаго сената дошло—писалось въ странныхъ публикаціяхъ, которыя должны были читаться народу въ церквахъ и на площадяхъ ([2]),—что из-

---

([1]) ...«Емельянъ Пугачевъ, дерзнувъ принять на себя имя покойнаго императора Петра третьяго, и посылаетъ во многія мѣста злодѣйскія свои письма къ обольщенію подъ тѣмъ именемъ разными нелѣпыми обѣщаніями простаго народа, и велѣно всѣ таковыя получаемыя куда либо отъ того бездѣльника и разбойника Пугачева письма на площадяхъ жечь чрезъ палачей и профосовъ».

([2]) Этихъ публикацій нѣтъ у Пушкина. Мы вообще передаемъ въ настоящей статьѣ только то, чего нѣтъ ни у Пушкина, ни у Щебальскаго, ни въ другихъ, изданныхъ объ этой эпохѣ, матеріалахъ, а къ общеизвѣстнымъ фактамъ прибѣгаемъ только изрѣдка, для связи событій.

вѣстный въ Оренбургской губерніи оказавшійся разбойникъ и государственный злодѣй Емельянъ Пугачевъ, разсылаетъ по разнымъ мѣстамъ свои измѣнническимъ ядомъ наполненные листы; а какъ многими прежними законами повелѣно таковыя воровскія письма жечь публично, то правительствующій сенатъ, слѣдуя симъ законамъ, разсудилъ за нужное публиковать и подтвердить чрезъ сіе накрѣпко, что естьли отъ объявленнаго измѣнника и злодѣя Пугачева, въ который либо городъ или селеніе подоплется кто ни на есть съ воровскимъ письмомъ, или оное гдѣ подкинуто будетъ, чтобъ жители тѣхъ мѣстъ не токмо ни малѣйшей вѣры тому не давали, но паче бы старались самого подсыльщика съ письмомъ, есть ли возможность допустить, изловя, представить, или же одно подмѣтное письмо, гдѣ кто найдетъ, предъявить безъ всякаго опасенія въ ближнюю городовую канцелярію, а ей, получа оное, такъ какъ воровское и измѣнническое сочиненіе, не читая въ народѣ, и ниже объявляя о его содержаніи, тотъ часъ на городской площади сжечь чрезъ палача.“

Понятно, что церемонія сожженія на площадяхъ подметныхъ писемъ не могла не производить на народъ глубокаго впечатлѣнія, не совсѣмъ благопріятнаго для правительства. Народъ стекался на эти церемоніи, и толкамъ о самозванцѣ, о содержаніи таинственныхъ писемъ, о царѣ, о льготахъ, о дворянахъ—не было конца. Популярности Пугачева, такимъ образомъ, помогало само правительство, потому что сжечь всѣ подметныя письма не было никакой возможности.

Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ правительство не могло не задаваться нѣкоторыми вопросами, нѣсколько без-

покойнаго свойства: какъ поступитъ войско донское въ виду грозящей государству опасности: останется ли оно вѣрнымъ, или, по примѣру яицкаго, примкнетъ къ самозванцу? Пугачевъ въ своихъ ложныхъ манифестахъ слишкомъ искусно билъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ казачества, которое, въ большинствѣ случаевъ, проникнуто было расколь-ническимъ духомъ, да и въ самомъ строѣ дикаго государства, которое создалъ около себя самозванецъ, все было казацкое; приближенные его, мнимые царедворцы, были „атаманы-молодцы“ или „старшины“; государственныя дѣла самозванца рѣшались въ казацкомъ кругу: по приговору атамановъ и стариковъ, какъ это отъ старины велось „на славномъ, на тихомъ Дону, на томъ ли Донѣ Ивановичѣ.“ Судъ и расправа самозванца велись по казацки, по старинному: вино-вать кто—на рели, измѣнилъ кто—въ куль, да въ воду. Государственный совѣтъ его также рѣшалъ государственныя дѣла въ казацкомъ кругу: коли либо что атаманамъ-молодцамъ, старикамъ и всему славному войску яицкому — такъ быть по сему, а самъ самозванецъ или самозванецъ-атаманъ не могъ ничего сдѣлать противъ воли круга; а не по-сердцу казакамъ распоряженіе атамана, такъ поднимется крикъ: „нѣ любо! къ черту!“—и петиція его не принималась народною волею и всѣ, сдѣланныя имъ безъ совѣта великаго и славнаго войска распоряженія, кассировались. Все это и для донскихъ казаковъ было свое, родное. Притомъ, въ манифестахъ самозванца постоянно повторяется, что всѣхъ, кто покорится ему, онъ жалуетъ „крестомъ и бородою, рѣкою и землею, травами и морями, и денежнымъ жалованьемъ и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностью.“ Эти кресты—конечно осьмиконечные, и эти боро-

ды, конечно, раскольничьи, не могли не льстить національному чувству казаковъ, особенно въ 73 году прошлаго вѣка, когда еще оставались между казаками въ живыхъ старики, которыхъ истязали за небритье бородъ и за ношеніе неуказнаго платья или родители коихъ были казнены за эти же дорогія для всякаго русскаго, а особенно для казака-раскольника, бороды.

Такимъ образомъ правительство не могло не задаваться этими безпокойными вопросами: что-то сдѣлаетъ войско донское? какъ оно отнесется къ посуламъ самозванца, въ которомъ такъ много казацкаго? Яицкіе казаки были родные братья, скорѣе родныя дѣти донскихъ казаковъ. Яицкое войско было колоніей, которую выдѣлило изъ себя, въ XV столѣтіи, войско донское. Что было любо колоніи, то могло быть еще болѣе любо метрополіи, такъ какъ ни органическая связь между Яикомъ и Дономъ не разрывалась, ни раздѣльность жизни того и другаго войска не измѣнила въ ихъ обычаяхъ, въ жизни и общественномъ распорядкѣ того испоконнаго строя, на которомъ выросли и воспитались казаки, какъ яицкіе, такъ и донскіе, а за ними и волжскіе и царицынскіе, и астраханскіе, и саратовскіе. Тѣ же атаманы, старшины, старики, тотъ же порядокъ, тотъ же казацкій кругъ, тотъ же казацкій дротикъ (пика)—національное казацкое оружіе, та же нагайка, та же борода, тотъ же киверъ, то же двуперстное сложеніе. И къ тому и къ другому казацкому войску правительство относилось граматами; и то и другое войско избирали себѣ атамановъ, временныхъ президентовъ казацкой республики, съ вѣчевымъ характеромъ.

Атаманомъ донскаго войска былъ въ то время Семенъ Сулинъ. Онъ замѣнилъ собою атамана Ефремова.

Правительство должно было отнестись и къ войску донскому, чтобъ и оно съ своей стороны приняло участіе въ возстановленіи общественнаго спокойствія. Хотя почти всѣ служилые казаки были въ это время внѣ своей родины, участвуя въ войнѣ съ турками, однако на Дону еще оставалось нѣсколько казаковъ, большею частью отставныхъ, а также казацкихъ дѣтей и малолѣтковъ или такъ называемыхъ „выростковъ.“ Поэтому военная коллегія отнеслась съ граматою къ войсковой канцеляріи и велѣла, „для усиленія корпуса, наряженнаго къ пресѣченію злодѣйскихъ дѣлъ самозванца Пугачева“, командировать къ дѣйствующей противъ самозванца арміи полковника Илью Денисова, на котораго, безъ сомнѣнія, правительство могло положиться, и съ нимъ 500 казаковъ „изъ отставныхъ и выростковъ, которыхъ велѣть ему, Денисову, самому выбрать“ и, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ „къ слѣдованію и военному дѣйствію“, отправить „прямѣйшимъ трактомъ въ Самару“, подъ команду генерала Мансурова. На эту пятисотную команду отпущено, для военныхъ дѣйствій, по одному фунту пороху и по два фунта свинцу на каждаго казака. Въ половинѣ февраля Денисовъ долженъ былъ отправиться къ мѣсту военныхъ дѣйствій.

До настоящаго времени, т. е. до конца марта, Россія ничего больше не слыхала, какъ только о пораженіяхъ войскъ императрицы скопищами ея дикаго противника, о постоянномъ усиленіи этой странной, все болѣе и болѣе становившейся загадочною, личности, о всѣхъ ужасахъ, какіе производилъ этотъ страшный человѣкъ съ своими, еще болѣе страшными сподвижниками. До конца марта 1774 года по всѣмъ уголкамъ Россіи и въ Европѣ только и ходили вѣсти,

что Русское царство погибаетъ, распадается, что половина его уже отпала и сдѣлалась добычею какой-то новой, всесокрушающей дикой силы. О Пугачевѣ заговорилъ Вольтеръ; о его побѣдахъ надъ войсками императрицы писали къ своимъ дворамъ посланники иностранныхъ государей; о Пугачевѣ трубили иностранныя газеты и уже заживо хоронили царствующую въ Россіи династію и выработанные тысячелѣтнимъ существованіемъ Россіи государственные порядки. Русскіе уже сами не надѣялись, чтобъ ожила прежняя Россія, съ прежнимъ правительствомъ, съ прежними законами и учрежденіями, съ прежними порядками и сословіями. Возставали новые порядки, уничтожались сословія, возникало какое-то новое хаотическое государство, высылавшее свои демократическо-казацкіе порядки, чуть ли не изъ глубины Азіи, съ Урала и Оренбурга.

Но вотъ пронеслась первая радостная вѣсть о томъ, будто счастіе вновь обернулось лицомъ къ правительству. Это счастіе какъ бы принесъ съ собою даровитый и неутомимый Бибиковъ. Мы не будемъ говорить о тѣхъ распоряженіяхъ его, о тѣхъ битвахъ съ самозванцемъ, о томъ утомительномъ бѣганьѣ за пугачевскими толпами правительственныхъ войскъ—все это болѣе или менѣе извѣстно изъ Пушкина, Щебальскаго и нашей „Пугачевщины“. Мы намѣрены дать только новые факты, новыя подробности, которыхъ нельзя найти въ томъ, что вообще печаталось о Пугачевѣ.

Въ концѣ марта, такимъ образомъ, пронеслась по Россіи первая вѣсть, что таинственная личность, слухами о которой полна была Россія и Европа около полугода, не непобѣдима. Но вѣсть эта была какого-то страннаго, сомнительнаго свойства: слишкомъ неопредѣленны были выраженія, въ ко-

торыхъ она передавалась. Это были, по видимому, какія-то общія фразы, которыми хотѣли успокоить Россію. Какъ бы то ни было, но говорили и писали, будто отъ Бибикова получено „вѣрное увѣдомленіе, что извѣстнаго вора и возмутителя Пугачева злодѣйскія толпы во всѣхъ мѣстахъ прогнаны, да и всѣ злодѣи, съ самымъ начальникомъ ихъ, при Оренбургѣ поисками стѣснены.“ Но въ этомъ извѣстіи не говорилось ни о какой битвѣ, ни о какомъ-либо пораженіи самозванца. Какъ бы то ни было, но тонъ этого извѣстія былъ слишкомъ самоувѣренный, чтобы можно было подозрѣвать въ немъ общее мѣсто, тѣмъ болѣе, что далѣе говорится и о послѣдствіяхъ такого стѣснительнаго положенія дѣлъ Пугачева. Сообщалось даже, что самозванцу „остается одинъ способъ — куда либо бѣжать съ своими единомышленниками и возымѣть въ жительствахъ укрывательство, почему, для предостереженія ихъ въ сомнительныхъ около Саратова мѣстахъ и присмотры восприняты, а равно тожъ самое надобно имѣть и по всѣмъ мѣстамъ по Волгѣ рѣкѣ, дабы сіи злодѣи, будучи отвсюду гонимы, а особливо самъ начальникъ не покушался-бъ искать себѣ способу, явно или тайно, подъ какимъ либо видомъ пробираться чрезъ Волгу рѣку въ противную кубанскую сторону, или же мимо Гурьева городка уйти на судахъ и лодкахъ въ Каспійское море и тамо искать убѣжища въ Трухменскихъ и Персицкихъ предѣлахъ и на островахъ, и оттуда дѣлать намъ вредъ своимъ воровствомъ.“

Первая, хотя, можетъ быть, сомнительная удача придала бодрости не только полководцу, но и другимъ военачальникамъ, а также комендантамъ отдѣльныхъ крѣпостей и воеводамъ. Они ревностнѣе стали слѣдить за дѣломъ, поживѣе

начали дѣйствовать и распорядаться, зорче начали глядѣть во всѣ стороны, пока новые громы страшнаго человѣка не загремѣли надъ ихъ головами.

Въ ожиданіи, что, стѣсненный или разбитый у Оренбурга, Пугачевъ кинется на Кубань или на лодкахъ выбѣжитъ въ Каспійское море, чтобы укрыться въ Персіи или Трухменіи и оттуда, подобно своему предшественнику, Стенькѣ Разину, снова двинуться на Россію съ разрушительными силами, мѣстныя власти усилили сторожевую линію, отъ Каспійскаго моря вверхъ по Волгѣ, „крѣпость отъ крѣпости“, до самаго Саратова. По этой сторожевой линіи, усѣянной форпостами, должны были ходить постоянные разъѣзды отъ форпоста къ форпосту и „крайне наблюдать безъ пашпортовъ ѣдущихъ казаковъ“, а если и найдется какое подозрительное лицо, то „съ крайнею строгостью и разсмотрѣніемъ“ разспрашивать его и узнавать, „не изъ злодѣйской ли толпы посланъ для неистоваго разглашенья.“ Разъѣзды должны были осматривать этихъ подозрительныхъ людей и, по описанію примѣтъ Пугачева, доискиваться, не самъ ли онъ укрывается бѣгствомъ, и всякаго сомнительнаго брать подъ караулъ. Разъѣзды должны были развѣдывать и въ глубинѣ заволжскихъ степей, не пройдутъ ли слухи „о какой-либо посланной кучѣ или объ немъ самомъ“, и если, дѣйствительно, окажется, что по степямъ рыщутъ пугачевскія партіи или онъ самъ, то должны были, „собравшись, силою чинить на нихъ нападеніе и старатца ихъ разбить.“

Для этой цѣли и въ Гурьевъ-городокъ командирована была возвратившаяся изъ-подъ Самары въ Царицынъ легкая полевая команда.

Но не такъ легко было разбить и искоренить Пугачева,

какъ казалось послѣ первой удачи. Это былъ какой-то исполинскій спрутъ, у котораго безчисленное множество ногъ, все захватывавшихъ и все къ себѣ притягивавшихъ. На мѣсто отрубленной ноги выростали десятыхъ новыхъ, еще болѣе цѣпкихъ, которыя впивались во все попадавшееся на пути и увлекали съ собою въ самую середину разгорѣвшагося пламени. А между тѣмъ, мѣстныя власти на время торжествовали: онѣ могли въ свои ордеры и промеморіи включать годную фразу—„по таковому реченныхъ злодѣевъ гоненію и утѣсненію“ и т. д.

Пугачевъ скоро докажетъ имъ, каково было это „гоненіе и утѣсненіе“... Какъ бы то ни было, но и ему удалось испытать неудачу подъ Татищевой, гдѣ, полгода назадъ, онъ въ первый разъ испытывалъ полное торжество побѣдителя—отрубилъ голову Бѣлову, содралъ кожу съ Елагина, съ живаго, и мазалъ его саломъ раны своихъ буйныхъ сотоварищей, изрубилъ въ куски жену Елагина, взялъ себѣ въ наложницы овдовѣвшую Харлову, мужа которой наканунѣ повѣсилъ въ Нижне-Озерной крѣпости, удавилъ вдову Веловскаго, мужа которой, за два дня, повѣсилъ въ крѣпости Разсыпной, повѣсилъ остальныхъ офицеровъ, разстрѣлялъ картечью солдатъ и башкирцевъ, взятыхъ въ плѣнъ въ той же Татищевой. Подъ этой же Татищевой онъ потерпѣлъ и первую неудачу, но неудачу какъ бы по ошибкѣ того слѣпаго счастія, которое до сихъ поръ вездѣ слѣдовало за нимъ и рабски служило ему.

По всей Россіи пронеслась вѣсть, что 22-го марта „князь Голицынъ, съ корпусомъ своимъ, извѣстнаго государственнаго вора и бунтовщика, бѣглаго донскаго казака Пугачева, съ толпою, атаковавъ, разбилъ, и сихъ злодѣевъ побито

тутъ болѣе трехъ тысячъ, да въ плѣнъ взято болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ слишкомъ шестьсотъ однихъ воровъ яицкихъ и илецкихъ казаковъ, пушекъ получено большихъ тридцать-шесть, съ снарядами, да и самого того изверга Пугачева если не найдется между убитыми, то по крайней мѣрѣ съ самою малѣйшею партіею, и не болѣе какъ человѣкахъ въ пятидесяти считать должно убѣгшихъ, потому что вся его злодѣйская толпа, составленная изъ разной сволочи, разбита и побрана, какъ то плѣнные объявляютъ, что онъ всѣ свои силы и артиллерію забралъ изъ Берды на воспрепятствованіе входу нашихъ войскъ въ ту Татищеву крѣпость...“

Дѣйствительно, пораженіе было полное, какого еще ни разу не испытывалъ Пугачевъ... А между тѣмъ, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ разсказывалъ онъ, впослѣдствіи, на допросѣ, объ этой страшной рѣзнѣ! Повидимому, для него эта рѣзня была дѣломъ шуточнымъ, и, говоря о распоряженіяхъ битвою, онъ говоритъ какъ власть имѣющій: „моя конница“, „моя артиллерія“, „мои войска“. Какое-то странное величіе, что-то сильное, смѣлое проявляется во всѣхъ словахъ этого человѣка...

— А какъ уже повидимому и мнѣ надлежало *свои* батареи открыть (говорилъ Пугачевъ при началѣ дѣйствій подъ Татищевой, когда князь Голицынъ, подходя къ крѣпости, первый открылъ по ней огонь), то и исполнили, и въ такое корпусъ князя Голицына привелъ замѣшательство, что еслибъ вылазка моя, приготовленная какъ прежде, и приказано было въ такомъ случаѣ ударить, то уповаю, что князь Голицынъ приведенъ былъ бы въ великій безпорядокъ. Но толпа *моей* конницы оробѣла, и изъ воротъ выбить (каза-

ковъ Голицына) никакъ не могла; то хотя и долгое время продолжалась пальба съ обѣихъ сторонъ, но князь Голицынъ сталъ насъ побивать, а я, видя неудачу, и что надежды нѣтъ отбиться, приказалъ Овчинникову (это его графъ Панинъ) какъ можно стоять, самъ же поскакалъ въ Берду..." (1).

Рѣзня была страшная. Но труна Пугачева не нашли между убитыми, какъ предполагали по первымъ радостнымъ вѣстямъ объ этой битвѣ. Извѣстіе о пораженіи писалось слишкомъ наскоро, лихорадочно, и только послѣ оглядѣлись, что самозванецъ ускакалъ раньше и опять началъ метаться отъ крѣпости къ крѣпости, покидая пушки и войска при первой неровной битвѣ и опять отбивая ихъ у своихъ враговъ въ гораздо большемъ противъ прежняго количествѣ. Это была какая-то неутомимая упругая сила, которая крѣпла отъ наиболѣе тяжелыхъ ударовъ, направленныхъ противъ нея.

Какъ бы то ни было, но ни самозванецъ, ни мнимый графъ Панинъ—Овчинниковъ не отстояли Татищевой крѣпости. Пугачевъ со своими любимцами бѣжалъ въ Берду, гдѣ былъ его лагерь, его столица—Москва.

Татищева крѣпость стоитъ на рѣкѣ Яикѣ. Когда Голицынъ бралъ эту крѣпость, была еще зима (22-го марта). Трупы оставались вокругъ крѣпости и на рѣкѣ неприбранными, потому что труповъ этихъ было болѣе 3,000, а убирать было ихъ некому и некогда, потому что мертвыхъ тѣлъ вездѣ валялось множество и около любой деревни тор-

---

(1) Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. рос. 1858 «Допросы Пугачеву».

чали изъ-подъ снѣгу или заиндивѣлая коса солдата (тогда солдаты носили напудренныя косы), или отрубленныя ноги, или туловища безъ головъ. Когда весной вскрывалась рѣка Яикъ, то трупы убитыхъ подъ Татищевой плыли внизъ по рѣкѣ, мимо крѣпостей, расположенныхъ на этой рѣкѣ, а жены и матери убитыхъ, какъ говоритъ Пушкинъ, стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей. Въ крѣпости Озерной старая казачка каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ берегу плывущіе трупы и приговаривая: „Не ты ли, мое дѣтище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свѣжа вода моетъ?“ И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала трупъ (1).

— Прибѣжавъ въ Берду, призвалъ я тотчасъ Максима Шигаева, Андрея Витошкова, Ивана Творогова, Максима Горшкова и многихъ ближнихъ своихъ старшинъ, объявилъ имъ свое несчастіе, случившееся въ Татищевой крѣпости, и требовалъ отъ нихъ совѣта: куда намъ теперь, противъ ли князя Голицына съ достаточною силою вооружиться, или въ другое мѣсто слѣдовать? Тогда всѣ мнѣ присовѣтывали, чтобъ, обойдя князя Голицына мимо, идти чрезъ Сорочинскую крѣпость въ Яицкой городокъ; а я, на ихъ предложеніе согласившись, тотчасъ приказалъ собираться въ походъ,—говорилъ впослѣдствіи Пугачевъ о своей неудачѣ подъ Татищевой.

И въ самомъ дѣлѣ, въ Бердѣ онъ оставался не долго. Когда въ столицѣ самозванца узнали, что онъ разбитъ, все бросилось бѣжать изъ Берды. Пугачевъ также быстро от-

---

(1) Пушкинъ, ч. I, стр. 52, 98.

ступилъ, бросивъ въ Бердѣ всѣ свои припасы, провіантъ, деньги и артиллерію. Съ собой онъ захватилъ только десять пушекъ (1). Лагерь самозванца, такимъ образомъ, легко было взять, хотя оффиціальныя извѣстія того времени сообщали, будто Берда взята со всею оставшеюся въ ней толпою. Напротивъ, вся толпа бѣжала, и оренбургскій гарнизонъ, вышедшій изъ крѣпости, захватилъ только скудные остатки.

Оренбургъ былъ освобожденъ послѣ продолжительной и тяжелой осады. Войска вступили въ этотъ городъ.

Вотъ что писалъ Бибиковъ къ князю М. Н. Волконскому по поводу этого торжества: „принеся должную и покорную благодарность за почтеннѣйшее письмо ваше отъ 10-го марта и за увѣдомленіе объ отправленіи артиллеріи, изъ которой въ Казань уже три пушки прибыли, поспѣшаю васъ, м. г., [illegible]

---

(1) Пушкинъ говоритъ, что когда Пугачевъ хотѣлъ бѣжать изъ Берды, то Шигаевъ (одинъ изъ его любимцевъ, котораго и называли графомъ Воронцовымъ), видя, что все пропало, и желая выслужиться у правительства, задержалъ будто бы Пугачева и Хлопушу и послалъ къ оренбургскому губернатору объ этомъ извѣстіе съ предложеніемъ выдать ему самозванца и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами, и что будто бы бѣдный Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастію, и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ». Самъ Пушкинъ уже сомнѣвается въ вѣрности этого извѣстія, переданнаго Рычковымъ въ его лѣтописи (Пушк. I, 92—51). И дѣйствительно, самъ Пугачевъ говорилъ совершенно противное на допросѣ. Выдать его хотѣлъ не Шигаевъ, а Григорій Бородинъ. „На другой день (говорилъ Пугачевъ), пришедъ ко мнѣ старшины, доносили на Григорья Бородина, что онъ ихъ подговаривалъ меня отдать руками въ Оренбургъ, «а чрезъ то-де мы себѣ лучше сдѣлаемъ, а мы де на сіе его умышленіе не согласились, пришли къ тебѣ донесть». Я тотчасъ было послалъ Бородина взять, привесть къ себѣ, но Бородинъ уѣхалъ уже отъ насъ въ Оренбургъ, и догнать его не могли». Чтен. Моск. Общ. истор.

увѣдомить, что патріотическое ваше желаніе совершилось: я отъ сердца васъ поздравляю, что преодолѣны всѣ трудности. Одержали 22-го марта при крѣпости Татищевой, въ 52-хъ верстахъ отъ Оренбурга, совершенную и полную побѣду надъ самимъ самозванцемъ. Въ 22-й день марта сей злодѣй имѣлъ сонмище свое проклятое въ 9,000 измѣнниковъ, которое въ шести часахъ огня разбито и крѣпость взята, съ 36-ю большими орудіями. На мѣстѣ побито измѣнниковъ около 2,000, полонено 3,000 слишкомъ, въ томъ числѣ больше 600 яицкихъ воровъ; но послѣднѣйшихъ безпрестанно привозятъ. Я не считаю солдатъ, взятыхъ имъ съ Чернышевымъ, и гренадеръ, потерянныхъ Каромъ. Неизвѣстно еще, что живъ ли самъ злодѣй или нѣтъ; но если онъ живъ остался, то побѣжалъ онъ къ Илецкому городку, ибо отъ Оренбурга путь имъ пресѣченъ. Теперь первое извѣстіе получите, ваше сіятельство, что корпусъ съ провіантомъ и фуражемъ вступилъ въ Оренбургъ, но столь долгомъ и бѣдственномъ его страданіи. Къ счастію, дороги стояли и стоятъ еще изрядныя. Яицкой городъ, по многократномъ покушеніи злодѣя, уцѣлѣлъ. Симоновъ, недавно, въ отсутствіи изверга, сдѣлалъ на измѣнниковъ удачную вылазку и чуть не захватилъ новую злодѣя самозванца жену, на которой онъ женился (1). Теперь, уповаю, не будутъ затруднять насъ съ

---

(1) Рѣчь идетъ о второй женѣ самозванца, Устиньѣ Кузнецовой. У Пушкина объясненіе женитьбы Пугачева на Кузнецовой слишкомъ романтично и невѣрно. Онъ говоритъ, что въ Яицкомъ городкѣ Пугачевъ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Потомъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать не хотѣли отдать дочери, говоря: «Помилуй, государь! дочь наша не княгиня, не королевна—какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ

толпой достальныя хлопоты. Жаль только того, что робкіе сибирскіе военные начальники допустили сему злодѣю распространиться, а паче недѣйствіемъ своимъ генералъ Декалонгъ“ и т. д. (1).

V.

Послѣ пораженія Пугачева начались новыя заботы о поимкѣ

жениться, когда матушка государыня еще здравствуетъ»? Но Пугачевъ все-таки женился, назвалъ ее императрицей, назначилъ ей статсъ-дамъ и фрейлинъ изъ яицкихъ казачекъ и велѣлъ на ектеньи поминать «государя Петра Ѳедоровича и государыню императрицу Устинью Петровну». Самъ же Пугачевъ разсказывалъ объ этомъ иначе. Во время осады Яицкаго городка пришли къ нему казаки, все люди престарѣлые, въ томъ числѣ Никита Коргинъ, Ерофѣевъ, три брата Толкачовы и множество другихъ, и говорили:

— Не угодно ли вашему величеству у насъ жениться?

— Если я здѣсь женюсь, то Россія мнѣ не повѣритъ, что я царь, сказалъ самозванецъ.

Но казаки возразили:

— Когда мы повѣрили, такъ, конечно, и вся Россія повѣритъ, а за то больше, что мы славные яицкіе казаки.

«Какъ же я разсудилъ въ томъ имъ сдѣлать удовольствіе, то и приказалъ искать невѣсты. А между тѣмъ и самъ, бывъ въ одно время на дѣвишникѣ, увидѣлъ одну дѣвицу и велѣлъ записать имя; однакожъ, призвалъ Михаилу Толкачова и велѣлъ ему невѣсту присматривать, который много разъ ѣздилъ и объявилъ, что лучше той не нашелъ, которую я самъ видѣлъ, а именно дочь казака Петра Кузнецова. Почему я послалъ Толкачова къ Кузнецову съ тѣмъ спросить: если отдастъ онъ волею дочь свою, такъ и женюсь, а когда не согласится, такъ силою ее возьму. Толкачовъ по пріѣздѣ сказывалъ мнѣ, что невѣсту видѣлъ, а отца ея не засталъ, только-де очень хороша дѣвица».

(1) Изъ рукописнаго сборника: «Продолженіе времени 1774, 1775, 1776, 1777 годовъ». (Записки Васильева, Опис. рукоп. Румянцов. муз., А. Востокова, № 26).

этого удивительнаго человѣка. Думали, что его легко поймать, но время его погибели еще не наступило. Надо было, чтобъ страшное явленіе прошло всѣ фазы развитія. Опять полетѣли въ разныя мѣста промеморіи и ордеры о томъ, что „злодѣи, по тому ихъ разбитію, могутъ себѣ искать убѣжища и укрываться отъ поимки въ разныхъ мѣстахъ“, что они „будутъ иногда покушаться уйти чрезъ Волгу рѣку въ кубанскую сторону и мимо Гурьева городка въ Каспицкое море, въ заграничные трухменскіе и персицкіе предѣлы.“ Опять велѣно было усилить разъѣзды отъ Каспійскаго моря вдоль всего берега Волги, отъ города къ городу, отъ крѣпости къ крѣпости и отъ форпоста къ форпосту.

Побѣду эту торжествовали слишкомъ радостно. Объ ней велѣно было объявить по всѣмъ городамъ, всѣмъ комендантамъ и начальникамъ войскъ, а особенно калмыцкому предводителю князю Дундукову, чтобъ отъ каждаго города отряжены были за Волгу, въ степь, сыщики и разъѣздные, которые бы „наикрѣпчайше“ присматривали, нѣтъ ли кого изъ разбитой пугачевской толпы, не скитаются ли бѣглецы въ степныхъ мѣстахъ, не пробираются ли они къ морю и къ Волгѣ. Мало того: велѣно было публиковать объ этой побѣдѣ и объ этихъ распоряженіяхъ по всѣмъ церквамъ. Такъ страшенъ былъ этотъ человѣкъ и такъ мало надѣялись на успѣхъ, когда такъ открыто и неумѣренно выражалась радость.

Но радость эта была не надолго, счастье было такъ перемѣнчиво. Счастье же Пугачева еще не совсѣмъ покинуло своего баловня.

Нѣсколько дней о самозванцѣ ничего не было слышно.

Но вотъ, 8-го апрѣля, около Чернаго Яра, на Волгѣ,

находившіеся на Владимірской пристани у грузки или въ карауле казаки увидѣли какую-то невѣдомую партію, на коняхъ, отъ которой отдѣлились четыре человѣка и подъѣхали къ караульнымъ казакамъ. Послѣдніе спрашивали неизвѣстныхъ всадниковъ:

— Что за люди? откуда и куда ѣдете?

На это одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

— Мы, яицкіе казаки — пятьдесятъ человѣкъ, отпущены мы отъ генерала-поручика Демедема, и ѣдемъ въ домы свои... Переправясь черезъ Волгу ниже Царицына, подъ Сарпою, однако, по незнанію дороги, принуждены ѣхать къ Селитренному городку, и тамо у насъ есть старики, то и насъ на Яикъ довести могутъ.

Потомъ этотъ пріѣзжій началъ просить у нихъ хлѣба. Затѣмъ, стала приближаться вся партія, и черноярскіе казаки замѣтили, что пріѣзжіе — „на доброконныхъ лошадяхъ, вооружены ружьями, пистолетами и шашками, тожъ и платьемъ по большей части кайсацкимъ.“ Затѣмъ, партія эта, сѣвъ въ лодку, переправилась на нагорную сторону Волги и скрылась изъ глазъ черноярскихъ казаковъ.

Черноярскіе казаки тотчасъ донесли объ этомъ обстоятельствѣ черноярскому коменданту Перепечину. Перепечинъ сообщилъ объ этомъ въ Астрахань. Сообщеніе это надѣлало много тревоги. Не Пугачевъ ли это? А если не онъ самъ, то не изъ его ли партіи эти люди? Перепечинъ послалъ розыскъ, а между тѣмъ, кромѣ Астрахани, далъ объ этомъ знать въ Царицынъ, коменданту Цыплетеву, въ Енотаевскъ — коменданту Петрулину, въ калмыцкое войско — князю Дундукову. Тревога была весьма естественна. „О объявленной партіи не можно заключать, чтобъ она была отпущенною изъ

корпуса генералъ-поручика Демедема (говорили мѣстныя правительственныя власти), а точно признается быть измѣнническою, паче же всего мнится, что въ оной, видя отъ россійскихъ войскъ неминуемый случай, и самъ государственный злодѣй Пугачевъ обрѣтается и намѣревается пройти въ кубанскую сторону и вдаль къ непріятелю, ибо ежелибъ точно она была изъ корпуса Демедема, въ такомъ случаѣ, съ луговой на нагорную сторону и переправы имѣть слѣда имъ не было.“ При этомъ являлось новое сомнѣніе и новые вопросы: „гдѣ и у кого они, яицкіе казаки, для переѣзду своего столь не малую для пятидесяти человѣкъ лодку взяли и на ней съ лошадьми или безъ оныхъ на нагорную сторону переправились? Буде сплѣшились, то сухопутно пошли? а водою—то вверхъ или внизъ рѣки Волги поѣхали, также и лошади, гдѣ ими оставлены?“

Коменданты всполошились. Разъѣзды поскакали во всѣ мѣста отъ комендантовъ, отъ казачьихъ городовъ и станицъ, отъ всѣхъ воинскихъ дистанцій, съ тѣмъ, чтобъ обнять всѣ мѣста и дороги, „дабы сія злодѣйская партія конечно упущена не была“. Разъѣздамъ повелѣвалось—и все напрасно—разбить, истребить, переловить эту партію. Сколько разъ это повелѣвалось—а все даромъ. Разъѣзды рыскали вездѣ, дѣлали обыскъ по ватагамъ рыболовнымъ, по степнымъ хуторамъ и „по сдѣланнымъ въ степи и лѣсахъ жильямъ.“ Дано знать въ Гурьевъ-городокъ, Кандаурову, въ Кизляръ и генералу Демедему.

Но таинственная партія какъ въ воду канула, нигдѣ не нашли ни слѣда, ни вѣстей о ней. Можетъ быть, это были посланные отъ самозванца къ войску донскому для переговоровъ; можетъ быть, партія эта отправлена была имъ къ

кубанцамъ или въ Персію для заключенія союза, — только мѣстныя власти ничего не могли доискаться. Тревога, такимъ образомъ, была совершенно напрасная, хотя и доказываетъ, какъ жалки были средства, которыми располагала Россія, и какъ дурно организовано было внутреннее управленіе краемъ, когда такая огромная партія, какъ 50 всадниковъ, хорошо вооруженныхъ и въ такихъ, бросающихся въ глаза костюмахъ, какъ кайсацкое одѣяніе при прочей казацкой обстановкѣ, могла пропасть безъ вѣсти. Значитъ, цѣлый полкъ какихъ угодно людей могъ пройти по населеннымъ мѣстамъ имперіи, хотя бы это былъ полкъ турецкихъ янычаръ, и его бы напрасно искали потомъ коменданты и воеводы, посылая разъѣзды по всѣмъ направленіямъ. Неудивительно, что „понизовая вольница“ гуляла по поволжью цѣлыми шайками, дѣлала пиратскія экскурсіи по самой большой рѣкѣ имперіи, грабила города, караваны судовъ (какъ Брагинъ, Шагала, Заметаевъ, Беркутъ и др.), и правительство безсильно было умиротворить край, пока само теченіе историческихъ дѣлъ не замѣнило старые, безобразные порядки новыми, болѣе человѣчнаго свойства.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, хотя и исчезла безъ слѣда таинственная партія, надѣлавшая столько шуму по всему поволжью, но вѣрно то, что Пугачева въ этой партіи не было. А его-то и думали найти въ ней. Самозванецъ, между тѣмъ, метался въ это время изъ стороны въ сторону, преслѣдуемый Голицынымъ. Въ другихъ мѣстахъ шла лихорадочная гонка за любимцами Пугачева — за Чикою, Шигаевымъ, Падуровымъ, Почиталинымъ, Овчинниковымъ, Чумаковымъ и проч. Бунтовщики выбивались изъ однихъ мѣстъ и захватывали другія. Правительственныя войска давили

мятежниковъ со всѣхъ сторонъ, но сила ихъ все еще была несокрушима, какъ ни геніальны были распоряженія Бибикова. Этотъ человѣкъ работалъ неутомимо; да и неудивительно, это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ головъ того безпутнаго времени. Другъ фонъ-Визина, покровитель молодаго поэта Державина, Бибиковъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и серьезно-направленныхъ генераловъ и офицеровъ вѣка Екатерины. Онъ повелъ дѣло такъ хорошо, что, не застигни его смерть въ самомъ разгарѣ его дѣятельности и въ самую цвѣтущую пору его жизненной дѣятельности (Бибиковъ умеръ на 45-мъ году), дѣло Пугачева было бы скоро проиграно. Но, успѣвъ однако надломить нѣсколько самоувѣренность самозванца нѣсколькими крупными пораженіями, успѣвъ доказать, что и эта дикая, и повидимому, неотразимая сила можетъ быть сломлена, сдѣлавъ, наконецъ, главнѣйшія распоряженія къ дальнѣйшей борьбѣ съ страшнымъ врагомъ, Бибиковъ умеръ въ Бугульмѣ, 9-го апрѣля, отъ горячки. Говорили, будто его отравили польскіе конфедераты, находившіеся въ плѣну въ Казани, изъ коихъ нѣкоторые (какъ Пулавскій) поступили на службу къ Пугачеву.

При всемъ томъ, плоды ума и дѣятельности Бибикова были замѣчательны, но только плоды эти пожиналъ уже, до первой крупной неудачи, другой полководецъ, менѣе даровитый.

Вотъ какія радостныя вѣсти разсылалъ по Россіи князь Щербатовъ, вскорѣ послѣ того, какъ умирающій Бибиковъ сдалъ ему начальство надъ войсками: „Злодѣй, по послѣднему и недавнему извѣстію, находится теперь въ Башкиріи, перебѣгая изъ одного мѣста въ другое, и послѣднее было Вознесенскіе казенные заводы его убѣжищемъ. Но стережет-

ся онъ отъ всѣхъ сторонъ воинскими командами, дабы на къ сторонѣ Яику пробраться не могъ, ниже вскочить внутрь Башкиріи. Уфимская же провинція почти вся приведена въ законное ея императорскому величеству повиновеніе, произведеннымъ съ особливою удачею пораженіемъ на главную толпу, городъ Уфу утѣснявшую, которой и самъ начальникъ, столь извѣстной всей провинціи, названный графъ Чернышевъ (1), захваченъ. Санктпетербургскаго карабинернаго полку подполковникъ Михельсонъ, отправленный для сего съ деташементомъ, производя сіе, стремительно сдѣлалъ поиски и въ окрестности Уфы, и многія злодѣйскія собранія сокрушивъ, овладѣлъ и всею ихъ артиллеріею, и теперь непрестанно съ повинною къ нему изъ многихъ и отдаленныхъ селеній являются; лучшіе же башкирскіе старшины, обратясь отъ злодѣйствъ и сообщества съ злодѣемъ Пугачевымъ, въ заслуженіе своихъ преступленій, обязались ему, подполковнику, нетолько вездѣ злодѣйскія сборища истреблять, но и самаго злодѣя, обольстившаго ихъ, изловить стараться.“

Дѣйствительно, распоряженія Бибикова и побѣда князя Голицына подъ Татищевой круто поворотили ходъ дѣлъ, до того времени столь безнадежный. Бѣжавъ изъ Берды съ небольшою толпою и съ 10 пушками, Пугачевъ думалъ ударить на Сорочинскую крѣпость; но на дорогѣ они наткнулись на лыжниковъ князя Голицына и, боясь опять столкнуться съ этимъ, страшнымъ уже для самозванца, противникомъ, бросились опять назадъ, прибѣжали въ Каргалу, освободили содержавшихся тамъ, въ погребахъ, плѣнныхъ татаръ, которые тамошними татарами засажены подъ караулъ

---

(1) Названный графъ Чернышевъ—это Чика.

во время отсутствія Пугачева, за то, что служили въ его войскѣ. Освобожденные самозванцемъ, татары успѣли произвести въ Каргалѣ рѣзню: мстя за свою обиду, они, съ дозволенія самозванца, перекололи тѣхъ татаръ, которые ихъ сажали въ погреба, а дома ихъ выжгли. Изъ Каргалы, самозванецъ бросился къ Сакмарѣ, оставивъ въ Каргалѣ, „на заставѣ“, сотника Мясникова съ пятьюстами казаковъ. Въ Сакмарѣ онъ остановился на роздыхъ, поквартирно. Сакмарскій атаманъ съ своимъ отрядомъ бѣжалъ въ Оренбургъ, и хотя пугачевцы за нимъ погнались, но догнать не могли. За то схватили на дорогѣ отца этого атамана, который прежде служилъ Пугачеву: самозванецъ велѣлъ повѣсить его „за измѣну.“ Въ Сакмарѣ самозванецъ ночевалъ двѣ ночи; но мысль о князѣ Голицынѣ не покидала его. Онъ даже какъ-то писалъ этому князю, напоминая ему о вѣрной службѣ русскимъ императорамъ отца его и дѣда. Называя себя императоромъ, Пугачевъ въ указѣ своемъ, посланномъ Голицыну, говорилъ, что отецъ и дѣдъ князя Голицына служили „его предкамъ.“ Безпокойство не оставляло самозванца: изъ Сакмара онъ опять кинулся-было въ Берду, чтобъ провѣдать, не идетъ ли князь Голицынъ; но Голицына не было. Въ Бердѣ самозванецъ наткнулся на отряды, высланные изъ Оренбурга, чтобъ забрать оставшійся послѣ Пугачева провіантъ, фуражъ и пушки, и хотя отряды эти бросились бѣжать, однако, самозванецъ нѣкоторыхъ успѣлъ захватить.

Но Берда перестала быть столицею самозванца. Оренбургъ уже успѣлъ вздохнуть. Самозванецъ уже не могъ стоять на одномъ мѣстѣ, не могъ сосредоточиться: онъ сталъ метаться. Бросивъ въ третій разъ Берду, онъ снова поскакалъ въ Сакмаръ, гдѣ собралось у него толпы до 2,000 человѣкъ.

Пришла, наконецъ, отъ Мясоѣдова вѣсть и о томъ, что Голицынъ идетъ къ Каргалѣ. Самозванецъ рѣшился встрѣтить своего врага, чтобъ отмстить за пораженіе подъ Татищевой. Но все было напрасно. Захвативъ съ собою только шесть пушекъ, Пугачевъ пошелъ на Голицына. Они сошлись у самой Каргалы. Завязалась битва. Пугачевъ не выдержалъ и отступилъ. Конница Голицына, не останавливаясь, напирала на толпу. Самозванецъ хотѣлъ удержать позицію у мельницы; но корпусъ Голицына вновь ударилъ на него. Толпа не выдержала удара и побѣжала. Побѣжалъ и самъ Пугачевъ. Бѣгство самозванца еще болѣе смутило толпу: видя, что онъ самъ бѣжитъ, толпа бросилась за нимъ, и въ догонку вся была разбита отрядами Голицына.

Отсюда-то самозванецъ бѣжалъ въ Башкирію, какъ говоритъ объ этомъ и князь Щербатовъ.

Въ вышеприведенномъ извѣстіи князя Щербатова, о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ первый разъ упоминается имя *подполковника Михельсона*. Имя это такъ тѣсно связано съ исторіей Пугачевщины: Пугачевщина-то и покрыла это имя безсмертною славою. Когда Бибиковъ принялъ начальство надъ войсками, родственникъ его, генералъ Ларіоновъ, человѣкъ совершенно неспособный, вызвался командовать „дворянскимъ легіономъ“, отправленнымъ для освобожденія Уфы, которая была во власти пугачевцовъ. Его лѣнь и бездарность были причиною того, что деташементъ его былъ отданъ Бибиковымъ подполковнику Михельсону, котораго зналъ самъ Бибиковъ и который обратилъ на себя вниманіе его въ войнѣ съ конфедератами въ Польшѣ, гдѣ и былъ раненъ. Даровитый нѣмецъ оправдалъ довѣріе Бибикова: онъ освободилъ Уфу, разбилъ самого Чику, котораго

самозванецъ называлъ своимъ фельдмаршаломъ, и взялъ его въ плѣнъ, вмѣстѣ съ другимъ любимцемъ Пугачева, Ульяновымъ.

Съ этихъ поръ неутомимый Михельсонъ сталъ какимъ-то страшилищемъ для самозванца. Славный нѣмецъ, какъ грозный призракъ, всегда появлялся въ самыя рѣшительныя минуты, и каждая встрѣча этихъ двухъ противниковъ всегда оставляла на мѣстѣ битвы груды тѣлъ и сопровождалась бѣгствомъ самозванца.

Вообще первое время по смерти Бибикова только и слышно было о побѣдахъ. Электрическая сила, переданная этимъ энергическимъ человѣкомъ подчиненнымъ ему генераламъ и полковникамъ, продолжала дѣйствовать и послѣ смерти славнаго полководца. И въ гробѣ, онъ, впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, какъ бы продолжалъ распоряжаться ходомъ войны, ободрялъ нерѣшительныхъ, помогалъ сильнымъ, двигалъ всѣми войсками: машина, заведенная имъ, не переставала дѣйствовать, и князю Щербатову выпало на долю извѣщать только о побѣдахъ, которыя, въ сущности, одерживалъ мертвый Бибиковъ, да Михельсонъ не дремалъ и тогда, когда засыпали всѣ до одного. Князя Голицына хватило только на двѣ битвы. Декалонгъ не могъ выбиться изъ дюжинности, которую показали почти всѣ тогдашніе начальники войскъ.

Въ концѣ апрѣля князь Щербатовъ извѣщалъ поволжскихъ губернаторовъ, что князь Голицынъ, „по совершенномъ пораженіи злодѣйской главной толпы и истребя всѣ силы, по благополучномъ освобожденіи города Оренбурга, къ возстановленію въ сей губерніи спокойствія и къ приведенію бунтующіе народы въ должное повиновеніе ея императорско-

му величеству, отрядилъ два главные деташемента, подъ командою господъ генералъ-маіоровъ Мансурова и Фреймана, назнача первому движеніе внизъ по рѣкѣ Яику, а послѣднему внутрь Башкиріи, содѣйствіе которыхъ полными успѣхами отвѣтствуетъ“.

Эти „полные успѣхи“ были слѣдующаго рода:

„Господинъ генералъ-маіоръ Мансуровъ, занявъ крѣпость Озерную, Разсыпную и Илецкой городокъ, нашелъ въ семъ послѣднемъ 14 чугунныхъ пушекъ и множество разной сволочи, укрывающихся по разбитіи злодѣевъ. Отъ 12-го, 15-го и 17-го чиселъ онъ увѣдомилъ, что, съ поспѣшностью достигая до самаго ихъ злодѣйскаго гнѣзда, былъ встрѣченъ у форпоста Иртецкаго бунтовщиками, числомъ въ 200-хъ, кои отъ передовыхъ войскъ были опрокинуты, съ урономъ отъ нихъ 50 человѣкъ. Наконецъ, яицкіе казаки, сообщники злодѣйству, въ шести стахъ человѣкахъ и до ста калмыкъ дерзнули, у тѣснаго прохода, при рѣчкѣ Быковкѣ, держаться; но высланными тремя эскадронами кавалеріи побѣждены и преслѣдованы были болѣе двѣнадцати верстъ, съ немалымъ урономъ. При семъ случаѣ отбито у злодѣевъ 4 пушки и одинъ 12-ти фунтовый единорогъ; а 16-го занятъ оружіемъ ея императорскаго величества и самый городъ Яикъ, а бывшій въ осадѣ комендантъ со всѣмъ его гарнизономъ освобожденъ; жену самозванца и съ нею изъ начальниковъ злодѣйскихъ Калгина и Горшкова взялъ; а прочіе, бывшіе тамъ бунтовщики, разсыпавшись, бѣжали въ степь.“

Защита Яика была самая отчаянная. Но о подробностяхъ осады этой крѣпости мы не считаемъ нужнымъ распространяться, помому что подробности эти приведены у Пушкина, а имъ взяты изъ особой статьи, помѣщенной въ „Отечест-

венныхъ Запискахъ“ Свиньина (1). Мы приводимъ здѣсь только оффиціальныя извѣстія, и притомъ въ томъ видѣ, въ какомъ они до сихъ поръ еще не были въ печати.

Жена самозванца, взятая въ Яицкѣ — это Устинья Кузнецова, которую въ церквахъ поминали подъ именемъ „государыни императрицы Устиньи Петровны.“

Фрейманъ дѣйствовалъ не менѣе успѣшно.

„Господинъ генералъ-маіоръ Фреймантъ (писалъ князь Щербатовъ), отправленной съ деташементомъ внутрь Башкиріи, къ преслѣдованію бѣжавшаго самозванца, и разосланные отъ князя Голицына объявленія о поимкѣ сего государственнаго вора, злодѣя Пугачева, укрывающагося, по послѣднимъ, дошедшимъ ко мнѣ партикулярнымъ извѣстіямъ, съ толпою, изъ сволочи составленною, на Петровскихъ заводахъ“, имѣли слѣдствіемъ то, что „многіе башкирскіе старшины, будучи объяты страхомъ, признавъ толь великое ихъ преступленіе, присылаютъ къ нему, князю Голицыну, съ повинною, прося покровительства отъ оружія ея императорскаго величества, и всѣ они до того приведены, что, собравъ силы болѣе двухъ тысячъ, пошли на истребленіе тѣхъ, которые еще въ упорствѣ пребываютъ, и клятвенно обѣщались употребить свои старанія поймать злодѣя Пугачева. Но какъ сей народъ легкомысленной, то... князь Голицынъ предложилъ... Фрейманту должныя примѣчанія объ ихъ поступкахъ имѣть, къ тому же брать въ атаманы первыхъ старшинъ изъ каждаго селенія, и изъ Ашкадаръ, теперешняго мѣста его пребыванія, слѣдовалъ бы въ Исетскую провинцію, гдѣ

---

(1) «Оборона Яицкоії крѣпости отъ партіи мятежниковъ».

зараза бунта, по доходящимъ извѣстіямъ, якобы продолжается, куда уже и пошолъ.“ Сверхъ того комендантамъ „поверхъяицкой дистанціи“ велѣно было усилить поиски, чтобъ помѣшать бунтовщикамъ пробраться въ Исетскую провинцію. Для наблюденія надъ „непостоянными башкирцами“, къ вершинѣ рѣки Сакмары и Илека и къ уральскимъ горамъ поставленъ „довольнолюдный деташементъ“ въ Воздвиженской крѣпости. Остальныя же войска раздѣлены на два обсерваціонные деташемента и расположены въ Сакмарскомъ городкѣ и Каргалинской слободѣ.

Михельсонъ долженъ былъ дѣйствовать соединенно съ генераломъ Фрейманомъ, потому что и около Уфы было еще не спокойно, да и всякое спокойствіе въ то время не могло быть продолжительнымъ. Толпы пугачевцевъ и самъ самозванецъ съ яицкими казаками подобно степному вѣтру носились съ мѣста на мѣсто, и трудно было предвидѣть, гдѣ они вновь появятся и какая провинція можетъ опять встать поголовно. Пугачеву, какъ классическому полководцу Рима, стоило только топнуть ногою въ землю, чтобъ изъ нея вышли легіоны, болѣе многочисленные и болѣе страшные, чѣмъ легіоны древняго Рима.

Наконецъ маіоръ Гагринъ недалеко отъ Челябинска имѣлъ четыре битвы съ пугачевцами. Гагринъ побѣдилъ и вступилъ въ Челябинскъ. Онъ взялъ девять пушекъ, одну мортиру съ снарядами и не мало плѣнныхъ.

Таковы были плоды распоряженій Бибикова. Эти жестокія битвы, эти быстрыя и неожиданныя побѣды, когда, кажется, все уже было потеряно, служатъ яснымъ доказательствомъ, какъ много можетъ сдѣлать умъ и воля одного че-

ловѣка, имѣющаго въ себѣ силу дѣйствовать въ то время, когда все засыпаетъ.

Но не долго пришлось русскимъ генераламъ загребать жаръ чужими руками. Руки эти уже не могли дольше дѣйствовать, лежа въ могилѣ, свѣтлая голова не могла больше думать за другихъ, а руки и головы другихъ мало были способны и думать и дѣйствовать. Все, что выигралъ Бибиковъ, было потеряно. Даже Михельсонъ не могъ удержать того, что выпустили изъ своихъ рукъ его сотоварищи по оружію и начальники. У него такъ мало было власти въ рукахъ, и голова его не смѣла думать за другихъ, и рукамъ его не позволялось за другихъ дѣйствовать. Но слѣдя за его быстрыми переходами, особенно въ такое время, когда всѣ рѣки и ручьи разлились и не давали другимъ военачальникамъ сдѣлать ни одного шагу, видя, какъ онъ боролся съ природою, переходилъ гранитныя горы Урала, каждый день давалъ то тамъ, то здѣсь битву и всегда удачную,—нельзя не удивляться, сколько было нравственной силы у этого человѣка и какое должно быть у него желѣзное здоровье. Эта быстрота, эта жизнь подъ выстрѣлами, эта неутомимость, эта постоянная напряженность мысли рѣдко выносятся однимъ человѣкомъ, а если и выносятся, то человѣкъ этотъ отмѣченъ природою для великихъ дѣлъ. Таковъ же былъ и его противникъ. Тысячи, десятки тысячъ верстъ проскакали и тотъ и другой на конѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—и все это не отразилось на ихъ здоровьѣ. Они не утомлялись, они продолжали дѣйствовать. По разсчетамъ современниковъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ (1), Михель-

(1) Jahresfrist.

сонъ успѣлъ пройти 8,000 верстъ, потомъ назадъ прошелъ болѣе 1,100 нѣмецкихъ миль, потомъ въ 35 дней сдѣлалъ переходъ въ 1,400 верстъ (1). Пугачевъ же съ своими любимцами успѣлъ сдѣлать едва ли не вдвое большее пространство. То являются они въ Уфѣ, то видятъ ихъ въ Магнитной крѣпости, за Уральскимъ хребтомъ, то на Саткинскомъ заводѣ, то въ Верхне-Яицкѣ, то опять въ Уфѣ, въ Оренбургѣ—и все это за сотни верстъ, все это во время разлива рѣкъ, и между тѣмъ каждый день рѣзня, а тамъ опять гонка за непріятелями, опять стычки, побѣды, пораженія. Противники стоили другъ друга: одинъ не падалъ духомъ, когда, въ виду страшнаго непріятеля, у него оставалось только по два патрона, другой, потерявъ всю свою артиллерію, всѣ войска, скачетъ самъ-пятъ изъ крѣпости въ крѣпость, и шлетъ грозные указы, набираетъ новыя толпы, беретъ крѣпости, пушки, вѣшаетъ комендантовъ, и, не позволяя себѣ роздыха, ураганомъ налетаетъ на противника, а противникъ, въ свою очередь, гонится за нимъ, не останавливается ни передъ чѣмъ, настигаетъ врага, и опять разбиваетъ „на чисто“, какъ говорилъ самъ Пугачевъ. Подъ ними падаютъ кони; они хватаютъ другихъ, загоняютъ и этихъ, и опять гонятся другъ за другомъ, кружатся взадъ и впередъ, и вновь сталкиваются, и вновь одинъ разбитъ, а черезъ нѣсколько дней этотъ разбитый опять становится вдесятеро сильнѣе своего противника, вдесятеро дерзче и вдесятеро неутомимѣе. Попадаются рѣки, и ихъ переходятъ вплавь, карабкаются по Уральскому хребту, являются то по сю сторону Урала, то по ту, и опять схватки, опять громъ орудій,

---

(1) Bemerkung etc.

опять рѣзня палашами или работа пикъ. Кто побѣдитъ—это еще вопросъ, и притомъ вопросъ такой страшный для Россіи. Для отчаяннаго казака все равно-побѣдить или пасть: „все равно смерть—такъ лучше умереть въ битвѣ“, вотъ что говорилъ Пугачевъ. Онъ родился казакомъ, онъ съ дѣтства пріучился скакать на дикихъ коняхъ, онъ выросъ на сѣдлѣ, а удачи давали ему неотразимую силу. Не легко было бороться съ такимъ человѣкомъ и съ товарищами его, одного съ нимъ закала, не легко было ихъ умаять, а особенно когда у нихъ, что ни шагъ, то новое войско. Однако Михельсонъ и ихъ умаялъ. Но это еще было такъ далеко впереди: Пугачевъ только что разъигрался послѣ первыхъ неудачъ. Какъ раненый звѣрь, онъ сталъ еще болѣе дерзокъ. Онъ бралъ быстротою, а между тѣмъ зналъ, что слово его много значитъ для русскаго народа: слово это было — *воля*. Болѣе 100,000 человѣкъ пали жертвою этого слова, которое Пугачевъ прокричалъ по всей Россіи. Но все-таки ему не удалось сломить Михельсона.

VI.

Въ то время, когда Пугачевъ, преслѣдуемый по пятамъ Михельсономъ, метался изъ стороны въ сторону по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта, когда большая часть нашихъ войскъ стянулась къ сѣверу, на югѣ, вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, именно въ вершинахъ Иргиза, поднялись ставропольскіе калмыки. Воровскія партіи ихъ пустились на грабежъ и разореніе тамошнихъ поселеній. Противъ бунтов-

щиковъ посланы были команды. Хотя калмыки разсѣялись по степямъ, однако для нихъ лежала открытая дорога во всѣ стороны, и преимущественно на югъ, гдѣ они могли найти „укрывательство въ степныхъ мѣстахъ, а особливо, по родству и знакомству своему“, въ улусахъ волжскихъ некрещенныхъ калмыковъ. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе могло безпокоить правительство, что такимъ образомъ бунтъ перешелъ бы слишкомъ далеко на югъ и передался бы всѣмъ калмыкамъ, какъ волжскихъ улусовъ, такъ и Дербетева владѣнія, которые, съ своей стороны, должны были сообщить пламя пожара далеко за военную царицынскую линію, къ самой Кубани. Тогда по всей заволжской степи разсыпались разъѣздныя команды для пресѣченія пути ставропольскимъ калмыкамъ; но команды эти были такъ ничтожны, что не помѣшали бунту распространиться по всей степи, и хотя бунтъ не вспыхнулъ открыто, при всемъ томъ всѣ кочевые народы уже были приготовлены къ тому, чтобы при первой возможности, перейти на сторону противниковъ правительства. Однимъ словомъ, калмыки едва окончательно не испортили всего дѣла, когда Пугачевъ, разбитый подъ Казанью и оттѣсненный съ нижегородской и московской дороги, направилъ свой бѣгъ по направленію къ кубанской сторонѣ, какъ мы это и увидимъ впослѣдствіи.

Но возвратимся къ самому Пугачеву.

Мы оставили его въ Башкиріи. Въ первое время, когда у него еще почти никого не было, онъ перебывалъ на заводахъ Киргизлинскомъ и Авзяно-Петровскомъ. Здѣсь онъ успѣлъ набрать не болѣе 200 человѣкъ. Отсюда онъ кинулся на Бѣлорѣцкій заводъ. Башкирія, между тѣмъ, встала почти поголовно. Предводителемъ этого возстанія явился

природный башкирецъ, отважный Салаватъ, который впослѣдствіи соединился съ самозванцемъ. Съ Бѣлорѣцкаго завода Пугачевъ двинулся на Магнитную крѣпость. Приходилось уже бороться съ Уральскими горами. У самозванца не было ни одной пушки. Подступая къ Магнитной, онъ послалъ коменданту указъ, требуя добровольной сдачи крѣпости. Комендантъ не послушался. Но дерзость самозванца не знала предѣловъ: распоряжаясь горстью конницы, онъ однако скомандовалъ на приступъ. Съ крѣпости отвѣчали пушками, и картечью ранило въ руку самого Пугачева. Страдая отъ раны и видя безполезность отчаяннаго приступа, онъ велѣлъ отступить. Но отдохнувъ въ Столикѣ, онъ снова пошелъ на приступъ. Онъ раздѣлилъ свою толпу на пять частей, и пятью нестройными колоннами ударилъ на крѣпость. Магнитная не выдержала. Загороди были разобраны руками, гарнизонъ сдался. Комендантъ бѣжалъ изъ крѣпости. Самозванецъ захватилъ крѣпостную артиллерію, порохъ, ядра и другіе припасы. Крѣпость ограбилъ и сжегъ. Тутъ подоспѣли къ нему Овчинниковъ (мнимый графъ Панинъ) и Бѣлобородовъ, одинъ изъ первыхъ любимцевъ самозванца. Они бѣжали изъ Яицкаго города, когда тотъ былъ взятъ Мансуровымъ. Овчинниковъ и Бѣлобородовъ привели съ собою толпу яицкихъ казаковъ да заводскихъ крестьянъ. Силы самозванца, такимъ образомъ, опять росли съ каждымъ днемъ, и онъ имѣлъ уже свою артиллерію. На другой день по взятіи Магнитной явился и комендантъ этой крѣпости, Тихановскій, съ повинною. Но раскаяніе его уже было позднее: Пугачевъ велѣлъ повѣсить Тихановскаго съ женою.

Отъ Магнитной крѣпости самозванецъ двинулся вверхъ по яицкой линіи. Провѣдавъ, что наперерѣзъ ему идетъ

Декалонгъ, онъ поворотилъ въ сторону, обошелъ его степью, бросился опять въ Уральскія горы и явился подъ Карагайскою крѣпостью. Декалонгъ окончательно сбился съ толку и не зналъ, гдѣ ему ловить своего страшнаго противника, перелетавшаго съ мѣста на мѣсто. Декалонгу, медлительному, нерѣшительному, робкому, не по плечу было гоняться за лихимъ казацкимъ партизаномъ, котораго не могли выбить изъ сѣдла и страданія отъ полученной подъ Магнитною крѣпостью раны. Явившись подъ Карагайскою крѣпостью, Пугачевъ требовалъ ея сдачи. Крѣпость не смѣла сопротивляться и сдалась. Однако, самозванецъ велѣлъ ее выжечь, чтобъ „въ случаѣ Декалонгова поспѣшенія, была ему чрезъ то остановка.“ И дѣйствительно, Декалонгъ нашелъ въ Карагайской только дымящіеся остатки крѣпости. Изъ этой крѣпости пошелъ въ службу самозванца какой-то прапорщикъ охотою.

Изъ Карагайской крѣпости Пугачевъ двинулся еще выше, на Петропавловскую. Взялъ приступомъ, людей присоединилъ къ себѣ, а крѣпость выжегъ. Оттуда бросился на Степную крѣпость. Взялъ и ее, разграбилъ и выжегъ. Не зная усталости, онъ кинулся еще далѣе по восточному склону Уральскаго хребта, въ Сибирь, перешелъ рѣку Тоболъ, и накинулся на Троицкую крѣпость. Это была сильная крѣпость, но и у Пугачева была уже огромная армія. Крѣпость отчаянно защищалась, но все-таки не выдержала натиска. И эту крѣпость постигла участь прежнихъ. Пугачевъ разграбилъ ее, людей всѣхъ выгналъ и присоединилъ къ своей арміи. Утомленный неимовѣрными усиліями, нечеловѣческими трудами и такими переходами, какіе въ состояніи была вынести только его желѣзная сила и дикая воля его сподвижниковъ, мучимый раною, полученною отъ картечи подъ Маг-

нитной, самозванецъ отдыхалъ въ своей палаткѣ, въ станѣ, въ виду разграбленной крѣпости. Тутъ только наткнулся на него Декалонгъ. Завязалась битва. Къ счастію Декалонга, Пугачевъ не могъ самъ распоряжаться своими войсками, лежа въ палаткѣ, а когда, видя неудачныя распоряженія Бѣлобородова, командовавшаго войсками самозванца, и велѣлъ подать себѣ коня, на которомъ самъ, хотя и съ подвязанною рукою, бросался въ самыя жаркія мѣста, однако, сраженіе было проиграно.

У самозванца опять осталась одна пушка. Онъ бѣжалъ съ небольшою горстью, забирая на дорогѣ все, что попадалось. Съ каждымъ часомъ опять росла его толпа. Онъ бѣжалъ къ Кунгуру. Но Михельсонъ уже давно гнался за нимъ изъ Уфы, желая перерѣзать ему дорогу. Михельсонъ и Пугачевъ еще ни разу не встрѣчались лицомъ къ лицу. Михельсонъ отважно перебрался черезъ Уральскія горы, переходилъ вплавь рѣки, артиллерію, за невозможностью перевезти черезъ рѣки, перетаскивалъ на канатахъ по дну рѣкъ, осушая потомъ дула пушекъ, намокшихъ подъ водою, и снова стремясь за тѣмъ, кого онъ такъ жадно ловилъ. Наконецъ, пришлось и имъ встрѣтиться. Михельсонъ удивился, когда увидѣлъ стройное войско самозванца. Онъ думалъ, что это правительственныя войска. Пугачевъ предупредилъ Михельсона. Велѣвъ спѣшиться своимъ конникамъ, самозванецъ ударилъ на Михельсона. Михельсону суждено было побѣдить Пугачева при первой съ нимъ встрѣчѣ: ему же суждено было побѣдить его и при послѣдней и—въ послѣдній разъ. Сначала Пугачевъ отбилъ у Михельсона всѣ его пушки, опрокинулъ лѣвое крыло, смялъ и разстроилъ. Но Михельсонъ оправился: конница его одолѣла бунтовщиковъ. Всѣ пушки, и свои и чужія,

Михельсонъ отнялъ. Толпа была побита. Самозванецъ, какъ онъ самъ выражался, былъ разбитъ „начисто.“ Тоже самое было и въ послѣдній разъ, когда эти неутомимые противники встрѣтились далеко отъ настоящихъ мѣстъ на югѣ, уже ниже Царицына. Но объ этомъ послѣ.

Самозванецъ бѣжалъ въ Похвы. У него не оставалось ничего отъ той огромной толпы, которую онъ привелъ подъ Троицкую крѣпость. Но Пугачеву ничего не стоило собрать новую армію: армія эта составилась въ нѣсколько дней и съ новыми силами самозванецъ кинулся на Красноуфимскую крѣпость. На берегу рѣки Ая онъ соединился съ башкирскими толпами Салавата. Даже Михельсонъ не могъ угоняться за ними. Красноуфимскъ былъ взятъ. Но вотъ опять новая встрѣча съ Михельсономъ. Противники сошлись на противоположныхъ берегахъ рѣки Ая. Мосты сняты. Переправъ нѣтъ. Казаки Михельсона бросаются вплавь черезъ рѣку. Къ каждому верховому прицѣпилось по одному егерю. Казаки и егери уже на томъ берегу. Потопленныя въ воду пушки тянутся на канатахъ по дну рѣки. Пушки вытащены и завязалась свалка. Салаватъ раненъ. Пугачевъ бѣжалъ, хотя самъ и говорилъ послѣ, что ничего тутъ „важнаго“ не произошло.

Самозванецъ кинулся на пригородъ Осу. Михельсонъ шелъ за нимъ наудачу. Три раза схватывались они во время этой гонки другъ за другомъ, и три раза Михельсонъ одолѣвалъ и прогонялъ самозванца. Тотъ опять набиралъ толпы, которыя точно изъ земли выростали. Только пушекъ у него не было. Но ему не долго было достать ихъ. Пославъ передовыхъ башкиръ тревожить Осу, Пугачевъ остановился въ засадѣ. Изъ Осы выслали команду и она была разбита.

У Пугачева опять явились пушки. Послав въ крѣпость указъ о сдачѣ и получивъ отказъ, онъ повелъ свои толпы на приступъ. Городъ былъ взятъ и выжженъ. Оставалась не взятою только крѣпость. Но и тамъ колебались. Михельсонъ не приходилъ на выручку; онъ потерялъ Пугачева изъ виду. Тогда самозванецъ велѣлъ подкатить къ крѣпости 50 возовъ сѣна и прочихъ горючихъ матеріаловъ, чтобъ поджечь деревянныя стѣны крѣпости. Изъ крѣпости закричали:

— Сдадимся! только дайте до утра время.

Пугачевъ согласился на ихъ просьбу. Утромъ изъ крѣпости высланъ былъ казакъ, который долженъ былъ удостовѣриться, дѣйствительно ли подъ крѣпостью стоитъ самъ государь Петръ Ѳедоровичъ. Казакъ, посмотрѣвъ на Пугачева, ничего не сказалъ и воротился въ крѣпость. На другой день крѣпость отворила ворота. Пугачевъ былъ встрѣченъ комендантомъ Скрипицынымъ на колѣняхъ съ хлѣбомъ-солью и съ образами. За сдачу крѣпости самозванецъ не-только оставилъ Скрипицына въ живыхъ, но и оставилъ при немъ его шпагу. Все-таки Осу казалъ выжечь.

Оса была крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго доходилъ Пугачевъ. Выше онъ не пошелъ. Надо было рѣшиться на крайній и отчаянный шагъ, и онъ рѣшился. Шагъ этотъ — походъ на Москву.

— Казаки умильно просили меня, чтобъ идти въ Москву, что я, въ удовольствіе ихъ, обѣщалъ, говорилъ впослѣдствіи самозванецъ.

Но прежде надо было взять Казань. Казань была открыта. Всѣ войска разсѣялись, гоняясь то за самимъ Пугачевымъ, то за его полковниками, то за башкирцами. Да-

же Михельсонъ не могъ угоняться за самозванцемъ, который не зналъ усталости. Онъ прибѣжалъ въ Осу въ то время, когда она, выжженная Пугачевымъ, уже была имъ брошена. Надо было перехватить противника, пока онъ не дошелъ до Казани, а Михельсонъ не успѣлъ этого сдѣлать.

Но едва самозванецъ перешелъ чрезъ Каму, такъ узналъ, что взятый въ Осѣ комендантъ Скрипицынъ писалъ письмо къ кунгурскому коменданту и просилъ его поспѣшить вслѣдъ за Пугачевымъ. „Я заклепаю у Пугачева пушки—писалъ онъ—и такъ сего злодѣя истребимъ.“ Скрипицынъ былъ повѣшенъ, и Пугачевъ пошелъ дальше къ Казани.

Какъ на фактъ, прекрасно характеризующій эту страшную эпоху, укажемъ на слѣдующее обстоятельство:

Извѣстно, что предшественникомъ Пугачева былъ самозванецъ Богомоловъ, явившійся въ Царицынѣ и сидѣвшій тамъ подъ карауломъ. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ партизановъ этого самозванца былъ донской казакъ Семенниковъ, который дѣйствовалъ на Дону въ пользу Богомолова и склонялъ казаковъ къ бунту. Дѣло Богомолова, какъ извѣстно, было проиграно. Войско донское не было вовлечено въ бунтъ благодаря энергіи Чернозубова и дѣятельности Абросима Луковкина, прекрасно дѣйствовавшаго противъ обоихъ самозванцевъ, какъ противъ Богомолова, такъ и противъ Пугачева. Всѣ сообщники Богомолова были схвачены. Спаслись только двое: самый дѣятельный агитаторъ въ пользу Богомолова, Семенниковъ и другой казакъ, Еремѣевъ. Казни Богомоловъ подвергнутъ былъ въ концѣ 1773 года, то-есть передъ появленіемъ Пугачева. Казнь ему, впрочемъ, была опредѣлена не смертная: его били кнутомъ, вырѣзали ноздри, положили на лицѣ позор-

ные знаки и отправили въ Сибирь. На дорогѣ онъ умеръ. Черезъ годъ почти пойманы были Семенниковъ и Еремѣевъ. По суду ихъ велѣно было послать въ Сибирь. Срокъ высылки приходился въ іюлѣ 1774 года: но въ Сибирь уже не было проходу, весь тотъ край находился въ рукахъ Пугачева, преемника Богомолова.

Такимъ образомъ Пугачевъ шелъ къ Казани. Высланныя противъ него войска были разбиты. Казань взята. Подробности о взятіи Казани мы обходимъ, потому что ихъ можно найти и у Пушкина, и у Щебальскаго, и въ напечатанныхъ уже показаніяхъ Пугачева, и въ другихъ монографіяхъ по этому предмету.

Но вотъ что писалъ казанскій губернаторъ Брандтъ воронежскому губернатору Шетневу черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Пугачевъ ушелъ изъ Казани:

„Извѣстному государственному злодѣю и бунтовщику Пугачеву, по притчинѣ малости бывшихъ здѣсь воинскихъ командъ, а по великости гражданскаго селенія, съ набранною имъ великою толпою, пришедъ къ Казанѣ, и сего 12-го числа іюля удалось сдѣлать сему городу великое разореніе пожженіемъ почти всего селенія и грабительствомъ имущества и гражданъ, а многихъ изъ нихъ тирански убивствомъ. Крѣпость же со всѣмъ въ ней казеннымъ имуществомъ, строеніемъ и людьми, которые въ ней были, милостію всевышняго Бога, оставалась цѣлою. По семъ несчастіи, того-жь 12-го числа прибывшимъ сюда господиномъ подполковникомъ Михельсономъ съ деташементомъ помянутой варваръ въ первое, а 13-го во второе былъ поражаемъ и съ тѣмъ сей подполковникъ Михельсонъ пришелъ въ Казань, а 15-го числа, злодѣй, получа помощь прибывшими къ нему башкирцами,

человѣкъ больше трехъ тысячъ, отважился приближиться еще къ Казанѣ, которой верстъ за пять былъ встрѣченъ помянутымъ подполковникомъ Михельсономъ, и въ прахъ разбитъ: множество толпы его злодѣевъ побито и множество живыхъ взято, а самъ тиранъ Пугачевъ ушелъ, и сейчасъ получилъ я отъ свіяжскаго воеводы репортъ, что онъ перебирается чрезъ Волгу, выше Свіяжска верстахъ въ семидисятъ, и хотя за нимъ поискъ и происходитъ, но какъ преслѣдуемыя (преслѣдующія) его войска дальними и скоропостижными маршами такъ утомлены, что сколь его ни поражаютъ, однако-жъ безъ встрѣшныхъ командъ совсѣмъ истребить не могутъ, чего ради дабы сей извергъ не могъ пробратца на Донъ и умножить его злодѣйствъ, за должное нахожу ваше превосходительство о томъ предувѣдомить для взятья надлежащей пре-
досторожности.“

Такимъ образомъ Пугачевъ перебрался на эту сторону Волги. Передъ нимъ лежала открытая дорога на Нижній, на Москву и Петербургъ. Но больше всего, какъ видно, боялись его поворота на Донъ. Самъ же Пугачевъ, повидимому, не зналъ на что рѣшиться. Неудача подъ Казанью, безъ сомнѣнія, нѣсколько поколебала его смѣлость и надломила эту дикую энергію, съ которою онъ до тѣхъ поръ дѣйствовалъ. Между тѣмъ колебаться ему было нечего. Нижній былъ открытъ ([1]); въ Арзамасѣ даже не знали, далеко ли непрія-

---

([1]) Вотъ что̀ говоритъ одинъ современникъ, которому пришлось проѣзжать около Арзамаса еще въ то время, когда Пугачевъ былъ далеко отъ Казани и когда еще никто не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ перейдетъ черезъ Волгу: „Schon auf dem Wege zu ihm (къ кому очевидецъ ѣхалъ) wurde ich durch die vertrauten Unterredungen der Bedienten, die man mir mitgegeben hatte, mit

тель, хотя нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что винить кого-либо въ этомъ невѣдѣніи положительно невозможно, когда каждый приносилъ новыя вѣсти о новыхъ движеніяхъ непріятеля и когда этотъ непріятель леталъ изъ стороны въ сторону, переходилъ изъ одной мѣстности въ другую съ неимовѣрною быстротою, съ которою не могли соперничествовать не только комендантскіе, воеводскіе и губернаторскіе нарочные, но и царскіе курьеры. Это была какая-то бѣшеная скачка полудикихъ людей, загонявшихъ въ день по нѣсколькy лошадей, и современникъ-иностранецъ правъ только отчасти, обвиняя мѣстныя русскія власти въ „непростительной безпечности“ ([1]).

Нижній и Москва ожидали, что и ихъ постигнетъ участь Казани. Нижегородскій губернаторъ явился въ Арзамасъ и созвалъ мѣстное дворянство, чтобы, въ виду общей опасности, пригласить всѣхъ дѣйствовать противъ страшнаго врага соединенными силами. Въ трогательной и патетической рѣчи онъ представилъ помѣщикамъ, что армія бунтовщиковъ быстрыми шагами приближается къ казанскимъ предѣламъ (а черезъ нѣсколько дней Казань уже была выжжена), что между тѣмъ государыня не въ состояніи призвать отъ турецкихъ границъ свои побѣдоносныя войска, хотя, тѣмъ не

---

den Bauern bei denen wir einkehrten, überzeugt, dasz die Rebellion des Pugatschews im geringsten noch nicht gestillet sey, sondern immer mehr um sich greife.“ Bemerkung etc., стр 179.

([1]) Die unverzeihliche Sorglosigkeit, in der die Kanzelei zu Arsamas lebte, deren Pflicht es doch, bei der grossen Gefahr, worinn die umliegenden gegenden, und auch die Glieder derselben für ihre Person schwebten, ohne Zweifel gewesen wäre, Kundschaften auszuschicken, war Ursache, dasz man den Feind weiter glaubte, als er wirklich war“. Ibid. 183.

менѣе, уже близокъ славный и желаемый миръ съ могущественнымъ непріятелемъ. Онъ изобразилъ помѣщикамъ жестокость, съ которою Пугачевъ и его кровожадные сообщники-палачи (1) свирѣпствуютъ во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыя они вступаютъ. Онъ не скрылъ передъ ними огромной опасности, которая угрожала всѣмъ дворянамъ и ихъ семействамъ, и заключилъ свою рѣчь просьбою—не теряя времени, набирать рекрутъ, вооружать ихъ и, въ случаѣ нужды, вести противъ мятежниковъ. За это патріотическое дѣло, за это самозащищеніе губернаторъ, именемъ императрицы, обѣщалъ великія милости не только всѣмъ помѣщикамъ, но и позднѣйшему ихъ потомству (2). Всѣ дворяне отвѣчали готовностью; но только одинъ Салтыковъ (котораго иностранецъ называетъ графомъ), назначилъ въ Нижній 300 человѣкъ изъ своихъ крестьянъ; прочіе же предались своимъ обычнымъ удовольствіямъ и забыли обо всемъ.

А между тѣмъ Пугачевъ уже былъ на правой сторонѣ Волги и его толпы рыскали по всѣмъ направленіямъ. Макарьевская ярмарка только что начала собираться, какъ вдругъ прошелъ ужасный слухъ: „Казань взята... Казань выжжена“... Отдѣльныя толпы бросились на Макарьевъ (bei Makarin ein Lager aufgeschlagen). Въ Арзамасѣ благородное дворянство такъ хорошо дѣйствовало, что не поставило ни одного изъ обѣщанныхъ рекрутовъ. Въ городѣ нашлось всего только 50 дряхлыхъ (abgelebte, какъ говоритъ оче-

---

(1) ...„der blutgierige Rebelle mit seinen Henkersknechten.“ Ibid. 181.

(2) ...„dasz nicht allein ihre sämmtliche Personen, sondern auch ihre Kinder und spätsten Erben sich ihres erfreuen sollten“. Ibid. 182.

видецъ) солдатъ, которымъ, по ихъ дряхлости, было не до защиты города, который, при общемъ бунтѣ крестьянъ, сталъ отъ развращенной сволочи (wimmelte von schlechtgesinnten Gesindel).

Москва съ часу на часъ ждала самозванца. Петербургъ также. Екатерина была не спокойна въ своемъ дворцѣ. Въ Москвѣ до 80,000 народа, большею частью оборванцевъ, дворовыхъ людей и всякой сволочи, ожидали Пугачева (1). Полиція ничего не могла сдѣлать. Волненіе было всеобщее. Даже умный князь Волконскій потерялъ голову: онъ дозволилъ распустить по Москвѣ слухъ, будто Пугачевъ разбитъ! Слухи не подтверждались: каждая почта приносила новыя страшныя вѣсти. Чтобы вѣсти эти не приходили въ Москву и не волновали ее, велѣно было вскрывать письма (2).

Почему Пугачевъ не пошелъ на Москву, которую такъ легко было взять, это остается тайной. Можетъ быть, извѣстіе о мирѣ съ Турціей остановило его, можетъ быть и то, что онъ, говорятъ, перехватилъ какое-то письмо, въ которомъ говорилось, что черезъ Москву идетъ тридцатитысячная армія. Въ народѣ же говорили, что къ самозванцу идетъ на встрѣчу „сынъ его“, наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ. Слухи были, дѣйствительно, ужасные: вездѣ раздавались голоса, что у Пугачева подъ Казанью 40,000, что въ Москву онъ шлетъ другія 40,000, а осталь-

---

(1) ...er (то-есть Пугачевъ) von einer Schaar von achtzig Tausend Anhängern grösstentheils liederlichen Gesindels, erwartet wurde. Ibid. 232.

(2) ...Tagebuch eines französischen Officiers in Diensten der Pollnischen Konföderation, welcher von den Russen gefangen worden. 1776, стр. 223—224.

ныя 40,000 направились къ Нижнему. Въ офиціальномъ мірѣ хотя и не повторялись эти слухи на бумагѣ, но всѣ перешептывались, что настали послѣднія времена. Одна только надежда была на миръ съ Турціею. Это—говоритъ современникъ—было тѣмъ лекарствомъ, которое даютъ безнадежно больнымъ передъ самой смертью (1).

Наконецъ и сама императрица потеряла надежду. Не довѣряя никому, неувѣренная ни въ чьихъ способностяхъ, она сама рѣшилась отправиться противъ Пугачева и начальствовать войскомъ. Съ трудомъ могли уговорить ее остаться въ Петербургѣ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ графъ Петръ Панинъ.

Собственно только по переходѣ самозванца на правый берегъ Волги началась настоящая Пугачевщина. Это былъ уже всеобщій разгаръ страстей, всеобщее ожесточеніе массъ, повальная рѣзня и поголовное возстаніе. Вмѣсто одного самозваннаго царя явились десятки и сотни самозванныхъ царьковъ. Общею толпою уже не управляла одна воля, а каждая отдѣльная толпа дѣйствовала самостоятельно: народъ приводимъ былъ въ подданство самозванцу каторжниками, клейменными убійцами и ворами. Колокольный звонъ и процессіи духовенства съ иконами и хоругвями встрѣчали уже не одного Пугачева, но и всѣхъ этихъ новыхъ Пугачевыхъ, этихъ клейменыхъ каторжниковъ и ихъ есауловъ.

Губернаторы и коменданты городовъ, лежащихъ по сю сторону Волги, не ожидали такого опаснаго и отчаяннаго для нихъ поворота дѣлъ, и потому окончательно растерялись.

---

(1) . .„war wie die Arznei, die man einem hoffnungslosen Kranken kurz vor seinen Tode reicht.“ Bemerk, стр. 187.

Но надо было дѣйствовать если не войскомъ, котораго ни у кого не было, то хоть промеморіями. А когда врагъ былъ уже слишкомъ близко, тогда оставалось только бѣжать, какъ многіе и дѣлали. Само собою разумѣется, что промеморіи приходили въ города, угрожаемые пугачевцами, въ то время, когда уже было поздно готовиться къ защитѣ.

24-го іюля, когда Пугачевъ успѣлъ уже пройти Курмышъ, Алатырь и былъ на дорогѣ къ Саранску, отдѣляя отъ своей толпы, постоянно возраставшей, новыя шайки въ разныя стороны, нижегородскій губернаторъ Ступишинъ только предупреждалъ объ опасности другихъ губернаторовъ, по вѣдомствамъ которыхъ пугачевщина была уже въ полномъ разгарѣ. Успокоившись нѣсколько насчетъ того, что Пугачевъ не пошелъ на Нижній, а поворотилъ на югъ, Ступишинъ писалъ Шетневу: „Извѣстный государственный злодѣй и варваръ Пугачевъ, оставшись отъ разбитія его толпы слѣдуемыми за нимъ командами въ небольшихъ людехъ, и отъ Троицкой крѣпости, состоящей на сибирской линіи, поворотя, набравъ еще кучу разной сволочи, чрезъ кунгурской уѣздъ вошедъ вторично въ казанскую губернію и слѣдуя ею до Казани, производилъ въ селеніяхъ великія варварства, то-есть: жительства и заводы предавалъ огню, людей смерти, а по приближеніи къ городу, овладѣвъ батареями, врѣзался въ форштатъ, оной выжегъ, и крѣпость содержалъ въ осадѣ, откуда, по двоекратномъ разбитіи, перебрался съ луговой на нагорную сторону, кокшайскаго уѣзда, къ селу Сундырю, а оттуда ворвался въ ввѣренную мнѣ губернію, и, бывши въ городѣ Курмышѣ, разсыпался по всѣмъ дорогамъ, а больше по алатырской. Почему и предвидится, что онъ клонится къ Алатырю. Пойманные же изъ сей варвар-

ской толпы шесть человѣкъ, единогласно увѣрили его стремленіе къ Дону. И хотя отъ Казани преслѣдуетъ его секундъ-маіоръ графъ Меллинъ, да подполковникъ Михельсонъ съ войсками, но дабы упоминаемый извергъ съ своею злодѣйскою толпою, разсыпавшись по сторонамъ, не могъ коснуться и вашей губерніи, чего ради вашего превосходительства, увѣдомляя о семъ, прошу къ защищенію оной и къ совершенному истребленію сихъ злодѣевъ, которые по разбитіи остались уже не вооруженны и не во многомъ числѣ, и не болѣе, какъ въ шести стахъ человѣкахъ, принять надлежащія предосторожности.“

Хотя Воронежъ былъ слишкомъ далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ Пугачевъ, однако, Шетневъ былъ до крайности встревоженъ полученными имъ извѣстіями. Онъ тотчасъ же сообщилъ о грозящей ему опасности всѣмъ подвѣдомственнымъ ему комендантамъ и воеводамъ, приглашая вооружаться противъ общаго врага. Мало того, онъ преду-преділъ объ этой опасности даже оберъ-коменданта крѣпости св. Димитрія, которая была въ Ростовѣ-на-Дону. Въ то время надо было всего ожидать, тѣмъ болѣе, что всѣ боялись движенія самозванца на Донъ. Крѣпость же св. Димитрія была въ то время важнымъ пунктомъ: взявъ ее, Пугачевъ находился бы уже въ непосредственномъ территоріальномъ сосѣдствѣ съ нашими врагами — турками, кубанцами и горными народами.

VII.

Отчаяніе овладѣло всѣми городами, лежащими между волжскимъ и окскимъ водными бассейнами. На самыхъ бумагахъ,

оставшихся отъ того времени, отражается это отчаяніе: какая-то растерянность видна въ каждой промеморіи, въ каждомъ ордерѣ. Да и было отчего растеряться. Саранскъ взятъ. Отъ Саранска толпы Пугачева разсѣялись по всѣмъ направленіямъ. Инсаръ, Керенскъ, Нижній Ломовъ, Верхній Ломовъ, Наровчатъ, Краснослободскъ, Темниковъ, не только не имѣютъ войска, но даже не находятъ, кого послать нарочнымъ въ другой городъ или отправить для развѣдыванія, не идетъ ли непріятель. Въ Тамбовѣ оказалось только одинадцать штатныхъ солдатъ! Да инвалидный командиръ этого города могъ набрать всего только 5 офицеровъ и 16 рядовыхъ, — „и тѣ безоружны, а болѣе отзывается (говоритъ несчастная промеморія), что здоровыхъ послать некого!“

Всѣ эти города должны были прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Рѣшено было поднять на ноги все населеніе, наряднть особо съ каждой сотни крестьянъ (на которыхъ нечего, впрочемъ, было разсчитывать) по 2 человѣка, двѣ трети пѣшихъ и одну треть конныхъ, съ десятскими и сотскими. Этотъ сбродъ велѣно было вооружить „ружьями, пистолетами, копьями, косами, топорами, рогатинами, насаженными на шесты, и прочими орудіями, какія кто имѣетъ.“

Но все это осталось только на бумагѣ — собрать никого не могли. Изъ Саранска прибѣжалъ въ Инсаръ воеводскій товарищъ Башмаковъ, котораго и схватили, какъ безпаспортнаго. Онъ-то и разсказалъ обо всѣхъ ужасахъ, которые должны были испытать и города Инсаръ, Ломовы, Темниковъ, Тамбовъ, Краснослободскъ, Наровчатъ, Керенскъ.

О гибели Казани поволжскіе города узнали только по тому, что посланный изъ Симбирска въ Казань секретарь Зайцевъ, съ нагорной стороны Волги, отъ Услона, видѣлъ пламя

надъ этимъ городомъ, а спасшіеся оттуда люди сказали, что Казань взята и сожжена ([1]). Такъ какъ самъ Пугачевъ съ главными силами шелъ по саратовско-астраханской дорогѣ, то неминуемая гибель ожидала города Пензу, Петровскъ, Саратовъ, Камышинъ (Дмитріевскъ), Дубовку и Царицынъ. Объ этомъ уже догадывались мѣстныя власти, и тревожно прислушивались къ народному говору, не надѣясь уже на оффиціальныя сообщенія, которыя или неимовѣрно запаздывали, или перехватывались бунтовщиками въ дорогѣ, или окончательно пропадали вмѣстѣ съ нарочными. Тревога распространилась даже туда, куда бы и не слѣдовало ей проникать. Страхъ овладѣлъ даже военными людьми, и какъ они ни старались прикрывать этотъ страхъ приличными фразами рапортовъ, промеморій и ордеровъ, однако, изъ за этихъ фразъ сквозитъ овладѣвшее военными людьми, весьма естественное, впрочемъ, чувство. Такъ мы подозрѣваемъ въ трусости командира царицынской казацкой команды, сотника Алексѣя Рябчикова. Онъ находился съ своей командой на луговой сторонѣ Волги, противъ Камышина, для наблюденія, въ случаѣ надобности, за движеніями бунтовщичьихъ шаекъ, которыя бродили по всѣмъ направленіямъ, и для производства разъѣздовъ по заволжской степи. Изъ всѣхъ документовъ того времени, видно, что Камышинъ находился въ довольно опасномъ положеніи, потому что не только не имѣлъ

([1]) «По пріѣздѣ его (Зайцева) къ верхнему Услону, и видно ему было въ разныхъ мѣстахъ пылающее пламя, а выбѣжавшіе изъ Казани господскіе люди ему объявили, что государственной бунтовщикъ злодѣй Пугачевъ, ворвавшись съ городъ, учинилъ пожаръ» и т. д.

крѣпости и не былъ защищенъ никакими естественными преградами, но подобно большей части тогдашнихъ городовъ, не имѣлъ даже инвалидной команды, этой, по выраженію Бибикова, „негодницы“, которая могла содержать хоть необходимые караулы. Во всѣхъ тогдашнихъ бумагахъ говорится, что Камышинъ „безсиленъ“, что защищать его некому, что ему грозитъ положительная гибель. Камышинскій комендантъ, полковникъ Касперъ Меллинъ, какъ извѣстно, впослѣдствіи поплатившійся жизнью за это „безсиліе“ управляемаго имъ города, вытребовалъ Рябчикова, въ концѣ іюля, съ луговой стороны, на нагорную. Рябчиковъ не могъ не видѣть, что положеніе его въ Камышинѣ довольно щекотливо, тогда какъ въ Царицынѣ было гораздо больше войскъ и порядочная крѣпость. Едва Меллинъ получилъ отъ сарайтовскаго коменданта Бошняка извѣстіе о томъ, что Пугачевъ „перебирается черезъ рѣку Волгу на нагорную сторону противъ города Царевококшайска“ (а онъ получилъ это извѣстіе только 28-го іюля!), Рябчиковъ, черезъ три дня, вдругъ пишетъ царицынскому коменданту Цыплетеву, что такъ какъ онъ, 30-го іюля, по приказу Меллина, переправился съ своею командою на нагорную сторону и какъ Меллинъ, будто бы, не смотря на требованіе Цыплетева, Рябчикова съ командою въ Царицынъ „не уволяетъ“, а, напротивъ, не только проситъ у губернатора оставить его въ Камышинѣ, но и прислать „еще въ добавокъ военной команды, слыша якобъ нѣкоторыя опасности“, то Рябчиковъ и проситъ: „не себлаговолите-ль ваше высокоблагородіе, къ его превосходительству о уволеніи насъ въ Царицынъ представить, съ тѣмъ, что и въ Царицынѣ, по таковымъ же обстоятельствамъ какъ здѣсь есть, подлинно и тамъ какія из-

вѣстія имѣются, то военнослужащихъ обстоять будетъ не безъ надобности“. Конечно, военные люди надобны были и въ Царицынѣ, но храбрый Рябчиковъ забылъ, что въ Камышинѣ они были еще надобнѣе, такъ какъ въ Царицынѣ была крѣпость, а въ Камышинѣ ея не было, въ Царицынѣ былъ гарнизонъ, а въ Камышинѣ не было, въ Царицынѣ были войска, а въ Камышинѣ никого не было, кромѣ великодушнаго Рябчикова съ командою. Точно также сильно подозрительна для насъ и храбрость самого астраханскаго губернатора, генералъ-поручика Петра Кречетникова. Въ то время, когда Пугачевъ былъ очень далеко отъ его губерніи, когда онъ еще осаждалъ Оренбургъ, а потомъ рыскалъ за Уральскими горами, Кречетниковъ прискакалъ изъ Астрахани въ Саратовъ, чтобъ быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій и наблюдать за движеніями страшнаго самозванца. Но когда самозванецъ метнулся на югъ и можно было ожидать его прихода въ Саратовъ, Кречетниковъ захотѣлъ быть дальше отъ театра военныхъ дѣйствій и, велѣвъ выставить на станціяхъ подъ свою „персону“ по пятидесяти лошадей, когда не на чемъ было отправлять нарочныхъ съ „самонужнѣйшими“ секретными государственными бумагами по пугачевскому же дѣлу,—ускакалъ въ Астрахань. Оттуда онъ слалъ ордеръ за ордеромъ Цыплетеву, о томъ, чтобъ тотъ не пропускалъ самозванца мимо Царицына, чтобъ не только разбилъ, но и истребилъ его окончательно, а между тѣмъ постоянно писалъ, что самъ пріѣдетъ въ Царицынъ вслѣдъ за войсками, для защиты этого города отъ Пугачева, тогда какъ Пугачевъ уже взялъ и разорилъ Саратовъ, взялъ Камышинъ и убилъ Меллина, взялъ Дубовку и готовился взять

Царицынъ ([1]). Еще большую неустрашимость показалъ воронежскій губернаторъ Шетневъ, который, получивъ отъ бахмутскаго коменданта извѣстіе, что партія Пугачева (а не самъ онъ) вступила въ Нижній Ломовъ, разстояніемъ отъ Воронежа „не болѣе какъ четырехъ сотъ верстъ“, заблаго-разсудилъ поспѣшить въ городъ Павловскъ „къ сохраненію“ его, „по великости тамъ интереса.“ Дѣйствительно, Павловскъ нуждался въ защитѣ и „сохраненіи“ со стороны Шетнева: въ этомъ городѣ находилось 600 пушекъ и 3,000 пудовъ пороху.

За то мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на дѣятельности, въ то смутное время, царицынскаго коменданта, полковника Ивана Еремѣевича Цыплетева. Это была личность, по своимъ проявленіямъ въ дѣлѣ, скромная, энергическая и въ высшей степени дѣятельная. Если Михельсону исторія отдала должную дань похвалы за его смѣлыя и рѣшительныя дѣйствія противъ Пугачева, если Михельсонъ заслужилъ безсмертную славу своимъ умомъ и своею неутомимою дѣятельностью въ то время, когда все или обезумѣло отъ страха, или погружено было въ глубокій сонъ, если, повторяемъ, имя Михельсона написано самыми крупными буквами на видной страницѣ самаго тяжкаго для Россіи времени, то и имя Цыплетева должно быть поставлено наряду съ этимъ славнымъ именемъ. Бибиковъ, Михельсонъ и Цыплетевъ—эти лица больше всѣхъ другихъ вынесли на своихъ плечахъ той тяжести, которую взвалила на всю Россію неотвратимая месть исторіи. Михельсонъ дѣйствовалъ въ

([1]) Объ этомъ, впрочемъ, мы говорили особо въ нашей статьѣ („Пугачевскій полковникъ Ивановъ“).

полѣ, онъ слѣдилъ каждый шагъ самозванца, и, не давая ему передышки, налеталъ на него, когда всего менѣе тотъ ожидалъ. Цыплетевъ же почти цѣлый годъ терпѣливо ждалъ страшнаго врага и готовилъ ему встрѣчу. За тысячи верстъ Цыплетевъ подготовилъ такую встрѣчу самозванцу, которая дала возможность Михельсону разомъ, что называется подъ самый корень, подрѣзать Пугачевщину, именно въ тотъ моментъ, когда она охватывала все государство.

Впрочемъ, о Цыплетевѣ мы достаточно говорили какъ въ нашей „Пугачевщинѣ“, такъ и въ особой монографіи о „Пугачевскомъ полковникѣ Ивановѣ.“

Цыплетевъ, какъ мы сказали выше, еще съ октября 1773 года началъ подготовлять встрѣчу Пугачеву. Кромѣ укрѣпленія царицынской военной линіи, приведенія въ боевой порядокъ форпостовъ и крѣпостей, кромѣ устройства сторожевыхъ форпостовъ вдоль Волги и приведенія въ оборонительное положеніе царицынской крѣпости, Цыплетевъ неустанно работалъ надъ тѣмъ, чтобъ по возможности стянуть къ линіи тѣ скудные остатки войскъ, которыми располагала юго-восточная половина Россіи. Калмыки и донскіе казаки, сосѣдящіе съ военною линіею, были подготовлены имъ къ начатію военныхъ дѣйствій, когда бы ни началась война. И все это дѣлалось съ величайшими усиліями, для всего этого нужно было преодолѣть тысячи препятствій, побороть апатію однихъ, трусость другихъ, и наконецъ недостатокъ въ средствахъ и людяхъ. Въ концѣ іюля на линіи уже стояла шестисотная команда донскихъ казаковъ, подъ предводительствомъ походнаго атамана Василія Перфилова. Хотя самый Царицынъ и былъ приведенъ въ оборонительное состояніе, однако, чѣмъ больше приходило извѣстій о страшныхъ раз-

рушительныхъ силахъ самозванца, тѣмъ яснѣе становилось, что средства, которыми располагалъ Царицынъ, были слишкомъ ничтожны для его отраженія. Нужно было усилить крѣпостную артиллерію. Въ то время, когда Пугачевъ уже бралъ Саратовъ, когда тамъ шла отчаянная борьба оставшейся вѣрною правительству горсти сподвижниковъ Бошняка съ огромными толпами самозванца, начальствовавшій царицынскою артиллеріею маіоръ Харитоновъ доносилъ коменданту, что, „по нынѣшнимъ экстреннымъ отъ непріятеля обстоятельствамъ“, необходимо привести оборонительныя средства крѣпости въ болѣе надежное состояніе. Всѣхъ пушекъ и мортиръ въ крѣпости было 63, но готовыхъ къ бою было только 39, а остальныя приготовлены къ постановкѣ на батареяхъ. Но, по безпечности тогдашняго кригсъ-коммиса-ріата, то-есть, по безпечности центральныхъ правительственныхъ мѣстъ, о которой мы неоднократно говорили, для приготовленія зарядовъ съ ядрами и картечи въ артиллерійскомъ цейхгаузѣ не оказалось „армяку.“ На случай же осады Царицына со стороны непріятеля, необходимо было имѣть по крайней мѣрѣ зарядовъ по тридцати съ ядрами и зарядовъ по пятнадцати съ картечью на каждое орудіе. Тогда, по необходимости, армякъ замѣненъ былъ „каразеею.“ По распоряженію мѣстнаго начальства и по настоянію Цыплетева, „накрѣпко“ приказано было царицынскому купечеству отпускать для крѣпостной артиллеріи лѣсъ „безотговорочно.“ Старосты бобыльскій, малороссійскій и полоцкій должны были нарядить для артиллерійскихъ работъ по десяти человѣкъ изъ бобылей и поляковъ и по 30 человѣкъ изъ малороссіянъ.

Когда Цыплетевъ спѣшилъ окончаніемъ крѣпостныхъ работъ, волжское войско, территоріи котораго находились по

Волгѣ выше Царицына, спохватилось, что и у него нѣтъ никакихъ средствъ къ оборонѣ, „въ случаѣ иногда нашествія онаго злодѣя Пугачева.“ Главный городъ войска, Дубовка, не имѣлъ никакого укрѣпленія; еще менѣе имѣли средствъ къ защитѣ войсковыя станицы. Казаки бо̀льшею частью были раскомандированы. Въ каждой станицѣ имѣлось по четыре только пушки; но не оказалось пороху и свинцу. Что̀ было отпущено казакамъ, особенно же отставнымъ и малолѣткамъ, было разстрѣляно ими еще зимой, въ то время, когда на поселенія волжскаго войска напали киргизъ-кайсаки, о чемъ мы уже говорили выше. Въ этихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ войсковая канцелярія обратилась опять-таки къ Цыплетеву и просила пороху и свинцу. Мало того, войско просило прислать къ нему, для защиты, хотя какую нибудь военную команду, по крайней мѣрѣ, сто человѣкъ изъ отрядовъ князя Дундукова.

Пугачевъ, между тѣмъ, быстро мчался по направленію къ югу. Посадивъ въ Пензѣ на воеводство простаго мужика, онъ направился потомъ къ Петровску. Петровскъ былъ взятъ. Державинъ, выѣхавшій противъ него изъ Саратова съ отрядомъ, бѣжалъ, хотя и умолчалъ объ этомъ въ „Запискахъ“ о своей жизни. 6-го августа взятъ былъ Саратовъ. Полковники Пугачева, какъ, напримѣръ, Ивановъ, Обрываловъ, Воронов̀ъ, Каменскій и прочіе, разсыпались съ своими шайками въ сторону отъ главнаго пути, по которому двигался самъ Пугачевъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ подымался самъ, не дожидаясь самозванца. Нищіе на базарахъ и ярмаркахъ стали громко говорить о томъ, что „для господъ настали послѣднія времена.“ Въ городахъ населеніе начало дѣлиться на

партіи: одна партія стояла за государя, другая за государыню. Дѣло доходило до ссоры между сословіями и до дракъ на площадяхъ. Въ Саратовѣ, за три дня до прихода въ этотъ городъ самозванца, появилась кака-то темная личность, бобыль, жившій въ батракахъ у казака Уфимцева, по имени Лазарь, который, ходя по свѣжерыбной пристани, кричалъ разбойнически:

— Мы-де теперь у господъ, тако жь и у чиновныхъ людей не подъ началомъ!

— Какъ не подъ началомъ? спрашивалъ его дворянинъ Унженцовъ.

— У Бога-де мы одного подъ началомъ, говорилъ бобыль: на томъ мы и присягать будемъ.

— Всѣ россійскіе подданные присягали великой государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

— Не присягали...

— Какъ не присягали?

— Присягали—да та присяга не въ присягу вамъ.

— Злодѣйское ты говоришь, разбойникъ!

— Вчера было злодѣйское, а нынѣ то правда: россійскихъ людей обманомъ привели въ подданство помимо законнаго государя.

Когда, такимъ образомъ, между бобылемъ и дворянином Унженцовымъ завязался споръ и обступили ихъ бурлаки, свозившіе соль на пристань, бобыль началъ кричать „неистовно“:

— Быть всѣмъ господамъ и чиновнымъ людямъ на висѣлицѣ!

— Свяжите его, добрые люди!

— Вяжите, братцы, всѣхъ нашихъ злодѣевъ, чтобъ никогда побѣгу не учинили...

Бурлаки бросились на Унженцова. Бобыль говорилъ:

— Великій государь Петръ Ѳедоровичъ всѣмъ намъ жалуетъ волю... И за то жалованье намъ служить батюшкѣ государю вѣрой и правдой, а злодѣевъ его и измѣнниковъ, что, сговорившись между собою, хотѣли извести подлиннаго государя, истребить безъ остатку, чтобъ впредь нашего жалованья не заѣдали.

На этотъ крикъ и шумъ подоспѣли „вѣсчики“ солянаго комисарства и стали ловить Лазаря. Бурлаки бросились на вѣсчиковъ и на Унженцова, завязалась драка, и когда на берегу показались солдаты саратовскаго гарнизона, бобыль и всѣ бурлаки вскочили въ стоявшую у разшивы съ солью лодку и оттолкнулись отъ берега:

— Стрѣляйте въ воровъ и измѣнниковъ! кричалъ Унженцовъ. Но солдаты не могли стрѣлять, потому что у нихъ ружья не были заряжены. Тогда за бѣглецами послана была погоня, однако, бунтовщики успѣли перебраться за Волгу, пока готовилась погоня, и всѣ скрылись въ растущихъ за Волгою лѣсахъ.

Саратовъ весною того года, передъ приходомъ Пугачева, почти весь выгорѣлъ. Въ народѣ стали распространять слухъ, что это измѣнники дворяне подожгли городъ, чтобъ онъ не достался „подлинному государю.“ Купца Меркурьева дворовые люди помѣщика Шахматова тирански избили за то, что онъ отпускалъ даромъ изъ своей лавки желѣзо на подѣлку копій для защиты города отъ самозванца. Во время насыпки вала около города, работавшіе на валу солдаты поссорились между собою изъ-за того, что одни утверждали

подлинность явившагося государя, а другіе говорили, что онъ самозванецъ.

За нѣсколько дней до прихода Пугачева въ Саратовъ, въ тамошній магистратъ привели какого-то „странника Нифонта“, въ которомъ опознали бывшаго саратовскаго купца Корякина. Его обвиняли въ томъ, что онъ разглашалъ въ народѣ „неподобныя вѣсти.“

— Какъ дерзнулъ ты изрыгать, якобы покойнаго государя хотѣли извести зельемъ, а онъ якобы живъ?

— И то не изрыгалъ я, а государь подлинно здравствуетъ, и я его видѣлъ и цаловалъ его государеву руку.

— Видѣлъ ты не государя, а государственнаго измѣнника и злодѣя Пугачева.

— Не Пугачева, а государя Петра Третьяго... Еслибъ то былъ не государь, то бъ имя его зъ церквахъ не возглашалось.

Изъ допросовъ оказалось, что Корякинъ—раскольникъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ вышелъ изъ Саратова, вмѣстѣ съ прочими раскольниками, за польскую границу, а оттуда возвратился въ иргизскія селенія. Тамъ-то онъ и сошелся съ Пугачевымъ, хотя изъ дѣла видно, что онъ представлялся самозванцу въ Бердѣ, подъ Оренбургомъ, гдѣ и допущенъ былъ къ рукѣ самозванца.

„Неподобныя вѣсти“, которыя разглашалъ Нифонтъ, совершенно сходны съ тѣми, которыя, за два года передъ тѣмъ, ходили въ войскѣ Донскомъ и выразились въ демонстраціи казаковъ Пятиизбянской станицы въ пользу самозванца Богомолова.

Само собою разумѣется, что подобные нелѣпые толки по кабакамъ и по базарамъ не могли не подорвать въ народѣ

довѣрія къ правительству, а тутъ, между тѣмъ, явилось и подставное лицо государя, которое обѣщало народу золотыя горы. Понятно, что это должно было увлечь за собою массы.

VIII.

Въ началѣ августа Пугачевъ вступилъ въ предѣлы нынѣшней саратовской губерніи. Между тѣмъ отдѣльныя шайки его толпы, подъ предводительствомъ особыхъ генераловъ и полковниковъ, съ своею собственною артиллеріею, съ своимъ собственнымъ обозомъ („кошемъ“), съ знаменами и особыми значками, разсыпались по сторонамъ на разстояніи сотенъ и тысячъ верстъ, и каждая такая шайка командировала впередъ эмиссаровъ, какъ для подготовки населенія къ принятію „служителей императора Петра Третьяго“ съ иконами, колокольнымъ звономъ, хоругвями, хлѣбомъ-солью и колѣнопреклоненіемъ, такъ и для вербовки людей въ „армію его величества“, для заготовленія провіанта, фуража и подъемныхъ лошадей.

Первый городъ, черезъ который Пугачевъ долженъ былъ прослѣдовать по дорогѣ изъ Пензы въ Саратовъ, былъ Петровскъ. Городомъ этимъ заправлялъ прапорщикъ штатной команды Юматовъ. Воевода и секретарь почему-то „отлучились“ изъ города, такъ что Петровскъ остался на рукахъ Юматова. Въ особой монографіи — „Пугачевскій полковникъ Ивановъ“ мы уже говорили, какъ подготовлялся Петровскъ къ встрѣчѣ самозванца. Поэтъ Державинъ, который въ это

время взялъ на себя защиту саратовской губерніи и, по этому, полемизировалъ (впрочемъ, весьма язвительно и въ литературномъ отношеніи безукоризненно) съ саратовскимъ комендантомъ Бошнякомъ, вздумалъ-было скакать съ небольшимъ отрядомъ на защиту Петровска, но какъ увидѣлъ опасность лицемъ къ лицу, то и ускакалъ обратно. Почти наканунѣ прихода самозванца, Юматовъ писалъ Державину, что въ Петровскѣ осталось всего только *десять* человѣкъ штатной команды, да и тѣ бунтуютъ. Или Юматовъ лгалъ передъ Державинымъ, или, въ самомъ дѣлѣ, команда почему либо „отлучилась“ изъ Петровска, только послѣдующіе факты подтверждаютъ, что Юматовъ или трусилъ или лгалъ. Скорѣе всего, что онъ трусилъ Пугачева, потому что былъ человѣкъ уже очень дряхлый и безтолковый (1). Но что страхъ не окончательно лишилъ его разсудка, это видно изъ того, что онъ не отказался отъ чести, предложенной ему Пугачевымъ — быть *полковникомъ* арміи Петра III. Пугачевъ, дѣйствительно, поставилъ его полковникомъ и, по выходѣ изъ Петровска, сдалъ ему управленіе городомъ. За оказанную ему самозванцемъ честь, Юматовъ изъ всей силы усердствовалъ передъ самозванцемъ императоромъ. Когда толпы Пугачева уже вышли изъ Петровска и оставались толь-

---

(1) Эта дряхлость Юматова принята была во вниманіе при утвержденіи сентенціи 10 января 1775 года, «о наказаніи смертною казнью измѣнника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщниковъ», гдѣ сказано: «Инвалидной команды прапорщика Ивана Юматова, за гнусную по чину офицерскому робость, при разореніи города Петровска, хотя строжайшаго достоинъ онъ наказанія, но, за старостію лѣтъ уменьшая оное, лишить его чиновъ».

ко казаки-эмиссары пугачевскіе, да разная сволочь, Юматовъ навербовалъ для самозванца довольно значительный отрядъ, и все это были солдаты той же штатной команды, которой, по отзыву Юматова Державину, оставалось „не болѣе десяти человѣкъ.“ Такъ онъ выслалъ въ толпу Пугачева 75 человѣкъ 1-ой роты, 81 второй, 56 третьей, 76 четвертой и 30 человѣкъ „черносошныхъ крестьянъ“, а всего 310. „Высылалъ же онъ ихъ подъ таковымъ страхомъ, что если къ высылкѣ въ тое толпу того жъ дня не соберутся, то хотѣлъ изъ жителей сего города *до пятидесяти человѣкъ перевѣшать* и одного Феклиста Красноперова, что не поѣхалъ въ тое злодѣйскую толпу, *дѣйствительно клалъ на плаху и хотѣлъ голову отрубить, но, за неотысканіемъ вскорѣ ката* (палача), *за отлучкою его, Юматова, скрылся.*“ Такъ усердствовалъ Юматовъ. Посланный Юматовымъ отрядъ догналъ Пугачева уже въ Саратовѣ ниже города „въ кустахъ“, какъ говорится въ подлинныхъ документахъ того времени (1).

Неудивительно, что Юматовъ усердствовалъ передъ Пугачевымъ. Передъ нимъ преклонялось теперь все, начиная отъ властей и кончая бездомными бобылями. Настало полное владычество Пугачевщины. Это уже не былъ оренбургскій бунтъ, а поголовное возстаніе русскаго народа и поголовное избіеніе дворянъ и чиновныхъ людей. За Волгой негдѣ было разгуляться страшному пожару: тамъ населеніе было не такъ скучено, какъ по сю сторону Волги, и не было

---

(1) Безъ сомнѣнія, «кустами» названы «Улеши», гдѣ стояли толпы Пугачева, по выходѣ изъ Саратова.

тамъ такого множества крестьянъ, какъ здѣсь. Всѣ села и деревни поднялись на ноги: иныя вставали, когда приходили къ нимъ пугачевскіе эмиссары; другія поднимались, не дожидаясь приказаній самозванца и его полковниковъ. Являются въ село два-три человѣка изъ предавшейся Пугачеву толпы и, называя себя служителями императора Петра III, приказываютъ собираться мірской сходкѣ. На сходкѣ оповѣщается воля, истребленіе помѣщиковъ, дешевая соль и прочія великія милости. Собирается крестьянское ополченіе. Затѣмъ приходитъ „злодѣйская толпа“, во главѣ которой полковникъ или эсаулъ: въ селѣ раздается звонъ колоколовъ, попы идутъ въ праздничныхъ ризахъ, съ крестами, съ хоругвями и иконами. Народъ стоитъ на колѣняхъ, а старшины подносятъ хлѣбъ-соль. Начинается приводъ жителей къ присягѣ, а затѣмъ гульня, выбираются и ставятся новыя власти, навербованное земское ополченіе верстается въ казаки и всѣмъ стригутся волосы „въ кружало.“ Тутъ же идетъ и расправа съ помѣщиками и прочими властями, если на нихъ принесена жалоба. Ставятся рели, а за спѣшностью, висѣлицу замѣняютъ ворота того дома, гдѣ пируетъ „злодѣйскій полковникъ.“

Такъ было и въ саратовской губерніи во время прохода по ней скопищъ Пугачева. Вновь навербованные воины армій мнимаго императора тотчасъ отправлялись къ войску—кто къ самому Пугачеву, кто къ его полковникамъ. То и дѣло партіи эти, встрѣчая одна другую, обмѣнивались вопросами, какъ паролемъ и лозунгомъ:

— Чьи вы?

— Государевы.

— Куда путь держите?

— Въ армію его величества, къ полковнику Обрывалову.

Иногда между партіями завязывались схватки. Полковники драли другъ друга плетьми, вѣшали и убивали кіями и дубьемъ тѣхъ, кто былъ послабѣе. Ни одно село, ни одна деревня не были оставляемы этими партіями безъ того, чтобы кто-либо не былъ убитъ или повѣшенъ. Архивныя дѣла, въ которыхъ мы рылись, такъ и пестрятъ именами убитыхъ, засѣченныхъ, повѣшенныхъ. Пока самъ Пугачевъ двигался изъ Петровска къ Саратову, вотъ что творилось въ окрестностяхъ Петровска, по селамъ и деревнямъ:

Въ селѣ Сердобѣ партіею пугачевскою „наглостно засѣченъ до смерти плетьми“ мельникъ, малороссіянинъ Елецкій. „Убитъ дубьемъ до смерти“ пахотный солдатъ Скопинцевъ.

Въ селѣ Покровскомъ-Славинѣ тою же партіею повѣшенъ въ своемъ домѣ попъ съ женою и сыномъ.

Въ селѣ Рожественскомъ, Козловка тожъ, въ ночное время, пріѣхавшими туда невѣдомыми людьми застрѣленъ изъ ружья на улицѣ пахотный солдатъ Куликовъ.

Въ селѣ Лопатинѣ воровскіе люди, до 30 человѣкъ, крестьянина Анисимова, шедшаго отъ заутрени, взяли на улицѣ и, не говоря ни слова, повѣсили на кузницѣ.

Въ селѣ Рождественскомъ, Оркино тожъ, дьяконъ Гаврила Лукинъ, въ домѣ своемъ, за недачу денегъ, на воротахъ повѣшенъ.

Въ деревню Мокрое приведены были трое неизвѣстныхъ людей и ночью на воротахъ повѣшены. Мертвыя тѣла тотчасъ же сняты и гдѣ брошены—неизвѣстно. Деревня разорена.

Деревни Пещанки помѣщикъ Власьевъ заколотъ.

Села Никольскаго, Слѣпцовка тожъ, помѣщикъ Маматовъ убитъ.

Села Рожественскаго, Иволга тожъ, помѣщица Дурасова заколота копьями.

Села Дмитріевскаго, Лысыя горы тожъ, помѣщикъ Чемадуровъ въ лѣсу повѣшенъ.

Села Белгазы помѣщикъ Агишевъ заколотъ.

Деревни Осиновки помѣщикъ Яковлевъ повѣшенъ.

Села Никольскаго, Киселевка тожъ, помѣщики Киселевы крестьянами привезены въ Саратовъ и повѣшены. Два приказчика ихъ дома на воротахъ перевѣшаны.

Села Никольскаго, Лисичкино тожъ, помѣщица Безобразова въ своемъ домѣ на воротахъ повѣшена.

Утомительно читать эти страшныя дѣла, въ которыхъ съ такою ужасающею краткостью говорится только: „удавленъ на поясѣ“, „проколота въ горло и въ животъ копьемъ“, „утопленъ въ старомъ колодцѣ и засыпанъ землею“, „живой брошенъ въ пылающее пламя“, „затравлена злодѣйскими собаками“, „отрублена голова и на огородину взоткнута“, „наглостно сѣченъ плетьми и конскими копытами раздавленъ“, „прошиблена кистенемъ голова до мозгу“, „будучи преслѣдуемъ злодѣями, въ болотѣ захлебнулся“, „въ бочку головою посаженъ, гдѣ и умеръ.“ Но веревка, какъ видно, играла господствующую роль: на сто убійствъ по крайней мѣрѣ приходится девяносто убійствъ чрезъ повѣшеніе. Петровскаго протопопа, бѣжавшаго въ лѣсъ, „притащили изъ лѣсу къ войску, за косу.“

Но могло бы быть еще больше этихъ убійствъ и этихъ ужасовъ, еслибы помѣщики и власти не бѣжали заблаговременно куда глаза глядахъ и еслибъ разбойники въ комъ либо встрѣчали сопротивленіе. Но этого сопротивленія не было.

Наконецъ, дошла очередь и до Саратова. Тѣ, которые болѣе всѣхъ кричали и язвительно издѣвались надъ Бошняком, какъ-то поэтъ Державинъ и Ладыженскій — бѣжали. Остался одинъ осмѣянный Бошнякъ.

„Сначала пронесся слухъ (говоритъ очевидецъ, старикъ Калмыковъ) (1), что Пугачъ идетъ по Сибирской дорогѣ на Саратовъ, по дорогѣ всѣхъ рубитъ и вѣшаетъ... Держалъ онъ въ осадѣ Оренбургъ, отъ котораго, однако жъ, былъ отраженъ войскомъ генерала Михельсона. Однако-жъ, онъ такъ сильно стѣснилъ осадою жителей Оренбурга, что они вынуждены были для утоленія голода собирать съ церквей и домовъ голубиный калъ, который мѣшали съ мукою и тѣмъ себя пропитывали. Когда Пугачъ узналъ, что войско Михельсона уже близко, то, къ величайшей своей досадѣ, вынужденъ былъ снять осаду Оренбурга, не взявши его... Въ Саратовѣ у насъ произошло волненіе: всѣ начали прятать свои сокровища, деньги и вещи зарывали въ землю; дворяне выѣзжали изъ города, а нѣкоторые, однако-жъ, остались и изъявили ревность защищать городъ. Нашъ воевода (2) отдалъ наистрожайшій приказъ, чтобы всѣ тѣ, которые въ состояніи были носить оружіе, явились на комендантскій дворъ. Но строгій указъ воеводы мало дѣйствовалъ на народъ, который не зналъ, за что взяться и кого защищать, а многіе изъ города уходили къ Пугачу, слыша, что онъ

---

(1) Со словъ Калмыкова, умершаго въ 1825 году, саратовскій старожилъ Никитинъ 2-й записалъ разсказъ о взятіи Пугачевымъ Саратова. Рукопись эта («Воспоминанія прошедшаго») находится у насъ.

(2) Разскащикъ, какъ видно, разумѣетъ не воеводу, а коменданта Бошняка.

всѣхъ грабитъ и расхищаетъ, въ надеждѣ поживиться чужою собственностью. Однако-жъ, городской голова и старшины города собрали земское войско, которое и представили воеводѣ. Я тоже имѣлъ въ городѣ домъ и семейство, а потому и вынужденъ былъ присоединиться къ этому ополченію. Пришелъ къ воеводѣ, объявилъ свое желаніе быть въ этомъ дѣлѣ сподвижникомъ. У меня было старое заржавленное ружье. Ружье это у меня отобрали, а на мѣсто его дали алебарду (1), записали и поставили съ прочими копьеносцами. Начали насъ потомъ обучать маршировкѣ и только обѣдать и ужинать отпускали домой. Потомъ оставили ученіе и пошли укрѣплять городъ. Укрѣпленіе это состояло изъ землянаго вала, который хотя и былъ, но уже слишкомъ понизился, и мы подняли его нѣсколько повыше. Валъ простягивался отъ Глѣбова оврага, чрезъ свѣжерыбный базаръ, мимо церкви Михаила Архангела, и кончался у воеводскаго дома. Отсюда начинался непроходимый лѣсъ, въ которомъ всегда укрывались разбойники. Вотъ вся величина города Саратова въ то время!

„На валъ мы поставили нѣсколько чугунныхъ пушекъ на телѣжныхъ передкахъ, которые служили намъ вмѣсто лафетовъ. Воинство наше состояло изъ 8,000 человѣкъ. Сверхъ того былъ одинъ полкъ регулярныхъ солдатъ, которыхъ мы называли *красноперыми*, потому что они носили на киверахъ красныя перья. Солдаты безпрестанно маршировали съ музыкою и барабаннымъ боемъ, дѣлая разводы.

„По укрѣпленіи города, воевода нашъ, соскучившись ждать

---

(1) Безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ не объ алебардахъ, а о копьяхъ, которыя сдѣлало общество на свои счетъ (см. «Пугачевщина»).

Пугача, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: для охраненія города онъ оставилъ насъ на валу, въ числѣ 3,000 человѣкъ, а самъ съ остальнымъ войскомъ двинулся въ лѣсъ, по петровской дорогѣ, и тамъ скрылся. Онъ намѣревался изъ этой засады напасть на Пугача въ расплохъ, съ боку и съ тылу, когда Пугачъ пойдетъ къ московской заставѣ. Намъ же строго приказалъ, что если мы услышимъ пальбу, днемъ или ночью, то оставили бы свои укрѣпленія и какъ можно скорѣе двинулись къ нему на помощь, или же напали бы на Пугача съ центра. Выдумка хороша, потому что Пугачъ имѣлъ только конницу порядочную, а пѣхота его составлена была изъ деревенскихъ мужиковъ и разной сволочи; напротивъ, нашъ воевода имѣлъ полкъ обученой пѣхоты и нѣсколько полевыхъ орудій, такъ что еслибъ этотъ планъ намъ удался, то Пугачъ могъ бы быть аттакованъ и даже разбитъ. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ тому противное, потому что Пугачъ, видно, умнѣе нашего воеводы былъ. Онъ узналъ отъ переметчиковъ, гдѣ укрѣпился воеводa, и остановился отъ него въ двухъ верстахъ, показывая видъ, что хочетъ напасть. Это было уже вечеромъ. Ночью Пугачъ приказалъ разложить у себя въ лагерѣ множество огней. Воевода нашъ хотѣлъ напасть на него рано утромъ, думая, что нападеніе это будетъ самымъ выгоднымъ. Онъ говорилъ, что Пугачъ въ это время будетъ спать съ своимъ войскомъ. Но на дѣлѣ не то вышло. Пугачъ оставилъ въ своемъ лагерѣ небольшой отрядъ, а самъ поворотилъ влѣво и взобрался на горы Каланчу и Соколову, поставилъ тамъ свою артиллерію, въ тылу нашихъ укрѣпленій, и съ утра началъ стрѣлять съ горы Соколовой по городу, а съ Каланчи поперегъ дороги. Этимъ движеніемъ онъ совершенно

отрѣзалъ отъ города нашего воеводу, а между тѣмъ отрядъ Пугача спустился съ горъ, безпрепятственно перешелъ черезъ Глѣбовъ оврагъ, явился на пѣшемъ базарѣ и, ограбивъ гостинный дворъ, укрѣпился въ немъ. Къ довершенію бѣдствія, другой его отрядъ явился съ Волги. Этотъ отрядъ слѣдовалъ Волгою на плотахъ, баркахъ и рыбочьихъ лодкахъ, и безпрепятственно высадился на берегъ подъ московскимъ взвозомъ. Оттуда никто не ожидалъ Пугача, и эта часть города, никѣмъ не была охраняема. Между тѣмъ, Пугачъ безпрестанно стрѣлялъ въ городъ, отчего произошелъ пожаръ. Половина города выгорѣла. Погорѣвшія семейства удалились за городъ въ лѣсъ, на берегъ Волги, къ красному кресту. Эти несчастные по недостатку продовольствія питались лѣсными яблоками и кое-какими полевыми ягодами. Бѣдствіе было несказанное.

„Между тѣмъ, воевода нашъ, видя дѣло свое совершенно потерянным, за полезное счелъ съ своею свитою предаться бѣгству, а оставленное имъ войско соединилось съ Пугачемъ. Тогда войско Пугача вломилось въ городъ и начало грабить его безъ милосердія.“

Этотъ безъискусственный разсказъ совершенно въ иномъ свѣтѣ рисуетъ обстоятельства взятія Саратова Пугачевымъ. У Пушкина все это разсказано совершенно иначе. У Пушкина говорится, что Бошнякъ защищалъ городъ до послѣдней возможности, что онъ отстаивалъ крѣпость въ то время, когда самозванецъ громилъ городъ съ Соколовой горы, но что когда брошенная Бошнякомъ изъ мортиры бомба не полетѣла далеко, а упала подъ крѣпостью, когда, потомъ, его артиллиросты, выхватя изъ-подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и предались, храбрый комендантъ

бросилъ крѣпость и съ горстью оставшихся вѣрными ему пробивался *цѣлые шесть часовъ* „сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ.“

Вообще, это мѣсто у Пушкина довольно сомнительно. Онъ замѣтно, былъ нѣсколько пристрастенъ къ Бошняку, котораго вездѣ выставляетъ героемъ. Даже честь защиты Царицына, куда бѣжалъ Бошнякъ, онъ приписываетъ больше Бошняку, чѣмъ Цыплетеву. Впрочемъ, у Пушкина не мало не только сомнительныхъ мѣстъ, но даже просто ошибочныхъ.

Но прослѣдимъ разсказъ Калмыкова дальше.

„Между тѣмъ и мы, говоритъ онъ, оставивъ свои укрѣпленія, вынуждены были бѣжать кто куда зналъ. Я, вмѣсто того, чтобъ идти домой, куда препятствовалъ мнѣ страхъ явиться, пришелъ въ кирпичные сараи, нашелъ тамъ нѣсколько человѣкъ своихъ сподвижниковъ, и съ ними вмѣстѣ ночевалъ въ горновой печи. Поутру я пришелъ домой. Ворота были заперты, окошки закрыты. Я перелѣзъ черезъ заборъ и нашелъ свое семейство въ погребѣ. Увидѣвъ меня, всѣ несказанно обрадовались, ибо почитали меня убитымъ.

„Потомъ я отправился въ магистратъ (думу), гдѣ уже народу собралось довольно. Городской голова съ гражданами держалъ совѣтъ, и, наконецъ, рѣшились идти къ Пугачеву съ покорностію. Насъ собралось около трехъ тысячъ человѣкъ и мы пришли къ нему въ лагерь, который находился на Соколовой горѣ. Пугачъ, увидѣвъ насъ, спросилъ своихъ приближенныхъ:

— Что это за люди и зачѣмъ пришли?

— Это обыватели города Саратова съ градскимъ головою, — пришли къ вашему величеству съ покорностью, отвѣчали ему.

— Приведите ихъ къ присягѣ, сказалъ онъ.

„Позади его шатра уже много было священниковъ, которые, однакожъ, были въ нетрезвомъ видѣ и безпрестанно приводили народъ къ присягѣ. Потомъ присягнули и мы. Тутъ насъ подвели ближе къ палаткѣ Пугача, и онъ сказалъ намъ рѣчь, во время которой я могъ разглядѣть весьма хорошо его черные глаза и черные усы. Палатка была шелковая, бѣлая, съ разными золотыми узорами. Внутри ея было небольшое возвышеніе, обитое алымъ бархатомъ и золотою бахрамою, что все представляло глазамъ весьма пріятный видъ. На этомъ возвышеніи сидѣлъ Пугачъ, во фракѣ, съ кортикомъ, а на головѣ имѣлъ казацкую шапку съ золотымъ крестомъ. Ленту имѣлъ голубую, а на правомъ плечѣ звѣзду. Въ рукахъ у него была зрительная труба, въ которую онъ повременамъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. Свита около него была также съ крестами и медалями, на подобіе генераловъ.

„Онъ сказалъ намъ голосомъ нѣсколько охриплымъ:

— Я вашъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство, но я этому воспротивился, и они всѣ вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ, вышелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоцѣнной для всякаго русскаго. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните, что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву.“

„Съ тѣмъ насъ и отпустилъ, и мы, поклонившись ему до земли, разбрелись въ разныя стороны. Я пошелъ, какъ

будучи его подданный, ничего не боясь, по его лагерю, протянутому по горѣ, гдѣ стояли пушки. Казацкая конница рыскала повсюду, а пѣхота его, которая состояла изъ разной сволочи и деревенскихъ мужиковъ, толпилась около кипѣвшихъ котловъ съ мясомъ. Всѣ были пьяны, курили трубки. Слышенъ былъ шумъ и ругательства. Немного подалѣе стояло нѣсколько кучекъ ружьевъ, поставленныхъ такъ же, какъ и у настоящихъ солдатъ. Потомъ дошелъ я до оконечности Соколовой горы, гдѣ она пересѣкается рѣкою Волгою. Тутъ представилось мнѣ зрѣлище совсѣмъ въ другомъ родѣ: поставлено было нѣсколько висѣлицъ, и на висѣлицахъ этихъ безпрестанно вѣшали мужчинъ и женщинъ, не взирая на ихъ просьбы, плачъ и рыданія. Тѣла убитыхъ обирали и бросали подъ гору, къ рѣкѣ Волгѣ, гдѣ ихъ опять брали и относили въ Волгу. Захвачено было нѣсколько семействъ дворянскихъ, кои, для сокрытія своего званія, одѣты были въ крестьянское платье и намазаны сажею. Но этотъ способъ укрывательства мало имъ помогалъ, потому что злодѣи узнавали ихъ изъ разговоровъ, и всѣхъ этихъ несчастныхъ предали смерти. Потомъ пригнали съ Волги человѣкъ 60 бурлаковъ, которыхъ обвиняли въ томъ, будто они ругали ихъ царя Петра Третьяго. Бурлаки плакали и просили:

— Батюшки, за что вы насъ хотите убить? Мы вышли на суднѣ изъ Астрахани, и не только что ругать вашего Петра Третьяго, но не знаемъ, кто онъ такой и котораго онъ роду и не видали его...

„— А! вскричали палачи Пугачевы; вотъ они сами сознались, что нашего императора не признаютъ... Вѣшать ихъ!

„И всѣхъ этихъ несчастныхъ предали смерти и обирали до нага.

„Я никакъ не могъ постигнуть причины, почему этотъ Пугачевъ не въѣзжалъ въ городъ, а оставался на Соколовой горѣ даже до отступленія своего отъ города.

„Наскучило мнѣ смотрѣть на это отвратительное убійство, и я возвратился въ городъ. Тутъ увидѣлъ я другое зрѣлище, не лучше предыдущаго: солдаты, народъ, казаки и всякая сволочь кричали пьяные и толпами бѣгали по улицамъ, всѣхъ грабили, а противящихся убивали. Мертвыхъ тѣлъ, по городу валявшихся, было множество, и ихъ никто не убиралъ. Одна буйная толпа, которая состояла человѣкъ изъ пятидесяти, шибко бѣжала неизвѣстно куда, и обратила мое вниманіе тѣмъ, что среди ея былъ мужикъ огромнаго роста, въ поповской золотой ризѣ, а на головѣ у него, вмѣсто шапки, надѣтъ былъ бабій волосникъ... Лавки, церкви, кабаки и всѣ богатые дома были начисто ограблены...“

Разсказываютъ, что когда Пугачевъ громилъ Саратовъ изъ пушекъ, къ нему вдругъ подбѣгаетъ одинъ изъ его генераловъ и говоритъ:

— Ваше величество! у насъ бѣда случилась.

— Какая бѣда?

— Ядеръ и картечи не хватаетъ.

— Это бѣда, да не большая: у васъ и не такая была бѣда — государя не было, а теперь есть... Будутъ ядра и картечи.

— Да теперь нѣтъ, ваше величество.

— Возьмите городъ, тамъ есть ядра и картечь. У русскаго царя много городовъ, много припасовъ—какъ же вы говорите, что ядеръ нѣтъ?

— Саратовъ не повинуется вашему величеству.

— Такъ вотъ вамъ ядра и картечь, сказалъ самозванецъ, указывая на мѣшки съ мѣдною монетою:—стрѣляйте казеннымъ добромъ — пусть знаютъ мои подданные, что у меня добра много.

И канониры стали заряжать пушки мѣдною монетою и стрѣлять въ городъ. Когда народъ въ Саратовѣ замѣтилъ, что изъ лагеря самозванца летятъ на него деньги, многіе закричали:

— Идемъ къ батюшкѣ-царю съ повинною: онъ деньгами стрѣляетъ, стало быть, много у него казны царской. Не даромъ говорятъ, что онъ царь милостивый.

— Это деньги не его, а матушкины-государыни, говорили другіе.

Но первые осилили послѣднихъ, и городъ покорился самозванцу.

Когда начали приводить народъ къ присягѣ, пьяный магистратскій канцелярист Судаковъ взобрался на соборную колокольню и, распустивъ конецъ краснаго „кассандрійскаго“ холста, въ видѣ знамени, кричалъ къ народу:

— Братцы! православные христіане! кто за батюшку-государя, иди въ церковь къ честному кресту приложиться.

На этотъ крикъ стекался народъ съ базарной площади и съ пристани.

— Сюда, сюда, православный народъ! кричалъ Судаковъ.

Многіе полѣзли на колокольню, а другіе кричали:

— Будетъ ужъ намъ маяться... отслужили мы своимъ гонителямъ.

— Идемъ батюшкѣ-царю поклониться, вопили третьи.

— Идемъ добро дворянское дѣлить промежъ себя, кричали четвертые.

Въ это время на площадь нахлынула толпа колодниковъ, которыхъ освободили изъ острога. Они несли въ рукахъ кто кандалы, кто дубье, и кандалами разбивали окна у богатыхъ людей. Кабаки были разбиты и казенное добро расшивалось на площади обезумѣвшею толпою ([1]). Въ одномъ питейномъ домѣ, цѣловальникъ который хотѣлъ-было не допустить толпы до грабежа напитковъ, пьяные колодники повалили цѣловальника на землю и перекатывали чрезъ него огромную бочку съ виномъ, пока несчастный не былъ задавленъ.

Между тѣмъ въ лагерѣ самозванца шла стрижка „въ кружало“, по казацки, всѣхъ приставшихъ къ толпѣ Пугачева и изъявившихъ желаніе записаться въ его армію. Явился и дьячекъ Крестовоздвиженской церкви Меѳодіевъ, который также захотѣлъ идти въ казаки.

— Кто ты таковъ? спрашивали его старшины.

([1]) ...«вооруженные казаки и старшины во всемъ городѣ, какъ обывательскія, такъ между тѣмъ въ питейныхъ домахъ за проданныя питія денежную казну пограбили и всякіе казенные напитки безденежно выпили безъ остатку и разныхъ народовъ къ тому допущали, а потомъ—закладенныя кирпичьями въ казенныхъ выходахъ двери и окны выломали, и двери отбили, въ которыхъ казеннаго вина имѣлось множественное число, и бочки съ виномъ прорубили, дны вышибали и обручья разсѣкали, также чрезвычайно сами пили и разныхъ людей безденежно поволью допустили и по дворамъ таскали ведрами, кувшинами и всякою посудою августа по 12-е число... а канцелярскія приходныя и расходныя книги и всѣ происходимыя дѣла означеннымъ злодѣемъ брошены въ воду, всѣ безъ остатку».

— Церкви Воздвиженья честнаго креста пономарь Лука Меѳодіевъ.

— Присягалъ государю Петру Третьему?

— Присягалъ—и желаю въ войско его величества записаннымъ быть.

Его тотчасъ же остригли въ кружало, одѣли въ казацкое платье и посадили на лошадь...

IX.

Эта дикая оргія продолжалась въ Саратовѣ около недѣли. Почему самозванецъ такъ долго оставался въ этомъ городѣ, когда онъ не могъ не знать, что по пятамъ его гонятся Мюфель и Михельсонъ—неизвѣстно. Наконецъ онъ покинулъ и этотъ городъ. Часть своего войска онъ посадилъ на суда и лодки, а съ конницею и остальною пѣхотою и со всѣмъ своимъ „кошемъ“ двинулся по астраханской дорогѣ.

При взятіи Саратова, войско его, по однимъ источникамъ, составляло болѣе десяти тысячъ, по другимъ—едва достигало 8,000 человѣкъ ([1]). Впрочемъ, мѣрить какими бы то ни было числами толпу Пугачева—невозможно. Это была обрушившаяся на Россію снѣжная лавина, которая то разбива-

---

([1]) «Sa force sous Saratow était presque de huit mille hommes, pour la plupart paysans mal armés, parmi lesquels il n'y avait que mille hommes d'infanterie reglée, qu'il avait lévés avec environ douze canons, quatre régimens de cosaques du Don et trois cents cosaques d'Uralsk, qui seuls lui étaient restés fidèles sur cinq cents qui s'étaient attachés à lui au commencement». Fr. Anthing: Les campagnes du comte de Souvoroff-Rymnikski. I v., 157—158.

лась на части, какъ бы расплывалась въ пространствѣ и повидимому исчезала, то разомъ становилась страшною массою, которую можно было измѣрять не десятками, а сотнями тысячъ. Всѣ бунтовавшія провинціи всего юго-востока Россіи составляли его армію, которая то скучивалась около самозванца, то разбивалась на партизанскіе отряды, въ нѣсколько сотъ и тысячъ, и въ обоихъ случаяхъ была страшною, неотразимою силою. Даже въ сентябрѣ, когда Суворовъ, по заключеніи мира съ Турціею, скакалъ изъ Москвы, чтобы помѣряться силами и умѣньемъ съ невѣдомымъ ему, но опаснымъ противникомъ, и когда Пугачевъ, уже разбитый Михельсономъ ниже Царицына, метался изъ стороны въ сторону по безлюдной заволжской степи, вдали отъ самозванца, между Пензой и Саратовымъ, бродили еще его толпы, которыя, также какъ и бѣжавшія съ нимъ шайки, принадлежали къ его же *великой арміи*. Объ этомъ говоритъ и историкъ Суворова, Антингъ (1).

Гроза, такимъ образомъ, двигалась по направленію къ Астрахани или къ Дону, смотря по тому, куда было выгоднѣе или удобнѣе броситься самозванцу.

Но въ то время, когда Пугачевъ уже взялъ Саратовъ и защитники его Державинъ, Ладыженскій и Бошнякъ бѣжали, Кречетниковъ, астраханскій губернаторъ, ничего не зная что дѣлается въ Саратовѣ, вотъ что писалъ Цыплетеву: „сего числа (6-го августа) получилъ я отъ васъ репортъ по

---

(1) «Il (Суворовъ) rencontra souvent aussi des troupes du parti de Pugatschew, mais on ne l'attaqua point, et de son côté comme il avait peu de monde, il ne jugea pas non plus à propos d'attaquer». Ibid. 157.

извѣстію отъ господина полковника и саратовскаго коменданта Бошняка о происходимыхъ варварствахъ отъ злодѣя Пугачева въ разныхъ мѣстахъ; причемъ и требуете не повелѣно-ль будетъ господину полковнику князю Дундукову со всѣми военными людьми подкрѣпить Царицынъ съ линіею. Я, видя таковое разливающееся злодѣйство и всѣмъ намъ вообще крайнее бѣдство, не только изъ вашего, но вящѣе изъ репортовъ и отъ саратовскаго коменданта, въ сіе жь время полученныхъ, не преминулъ въ сохраненіе ея императорскаго величества высочайшаго интереса, по должности моей, *о предохраненіи предписать ему, коменданту, достаточное наставленіе* (поздно уже!) и, сверхъ того, сего жь числа, къ нему, полковнику князю Дундукову послалъ ордеръ, чтобъ какъ наискорѣе съ калмыцкимъ войскомъ и казаками къ Царицыну приближиться и сообщиться съ дербетевыми калмыками и поступать по вашему наставленію. Вслѣдствіе чего вашему высокоблагородію и предписую, дабы царицынскую линію тѣми войсками прикрыть и смотрѣть къ новохаперской крѣпости, и если злодѣи окажутся, то велѣть ему, князю Дундукову, обще съ находящимся въ Царицынѣ легкой полевой команды маіоромъ Дицомъ, на отраженіе злодѣя итти и стараться его въ конецъ истребить, о чемъ и саратовскому коменданту ордеромъ моимъ предложено, чтобъ онъ, взирая и развѣдывая на обратности злодѣя, есть ли онъ клониться будетъ къ Дону, *чего вѣрно ожидать должно*, то бъ маіора Дица съ полевою командою въ Саратовъ не бралъ, а велѣлъ бы ему итти къ Пензѣ, заграждая новохоперскую крѣпость, чтобъ тѣмъ Донъ былъ прикрытъ. Чего ради ему, коменданту, и знать дано, что князю Дундукову велѣно къ Царицыну приближиться, и

ежели отъ него маіоръ Дицъ будетъ посланъ къ Пензѣ, то бъ онъ отъ себя далъ ему изъ Саратова казаковъ достаточное число, коихъ онъ и имѣетъ, *а въ городѣ въ нихъ нужды не настоитъ.*

„Совсѣмъ тѣмъ (продолжалъ Кречетниковъ) *хотя мнѣ отсюда* (изъ Астрахани) *точно всего предвидѣть не можно*, но весьма я за непремѣнное почитаю, что Дицу *теперь же* быть должно отъ стороны Дмитріевска и Петровска къ Пензѣ, то тѣмъ самымъ Саратовъ и прикроется. Но развѣ злодѣи отъ Синбирска покусятся, въ такомъ случаѣ должно быть маіору Дицу *и въ той сторонѣ*, и для того, подавъ ему, саратовскому коменданту, наставленіе, то и другое предоставилъ на его распоряженіе, рекомендуя больше совѣтывать съ находящимися въ Саратовѣ начальниками, единодушно сохраняя, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ ея императорскимъ величествомъ и отечествомъ, непоколебимую вѣрность и ревность, стараясь изыскивать ко истребленію злодѣйства и защищенію наилучшія средства, къ чему употребить и волжскаго войска атамана Персицкаго, со всѣми казаками, не разсуждая ни о малолѣткахъ, и ниже объ отставныхъ, но къ тому ихъ всѣхъ выкомандировать и крайне попесчись таковой разливающейся ядъ далѣе не допустить и всѣми мѣрами разсыпать ево въ прахъ, въ чемъ я, по извѣстной вашей надежности, несомнѣнно на васъ и полагаюсь, яко вы, по вѣрноподданнической должности своей и ревности въ службѣ ея императорскаго величества, конечно въ точность исполнить не оставите, за что и можете получить нетолько похвалу, но и высочайшее отъ ея императорскаго величества награжденіе.“

Такъ писалъ Кречетниковъ, дѣйствуя ощупью, потому что

онъ ничего, повидимому, не зналъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ самозванца. Такимъ же точно образомъ, подобно Кречетникову, поступали и всѣ прочія правительственныя лица въ то горячее время. Въ тотъ моментъ, когда Саратовъ находился уже въ рукахъ Пугачева и когда Державинъ и Бошнякъ бѣжали изъ него, Кречетниковъ узналъ старыя вѣсти о „разливающемся злодѣйствѣ и всѣмъ намъ — какъ онъ выражается — крайнемъ бѣдствѣ,“ и когда Саратовъ уже присягнулъ Пугачеву, Кречетниковъ посылаетъ Бошняку „достаточное наставленіе“ относительно защиты Саратова, наставленіе, которое могло достигнуть до Саратова не раньше 12-го или 11-го августа, т. е. когда Пугачевъ уже далеко оставилъ за собою раззоренный имъ городъ. Мало того: крѣпко сомнѣваясь въ вѣрности донскаго войска, Кречетниковъ велитъ Дицу прикрыть Донъ вмѣстѣ съ калмыцкими войсками; а чтобы прикрыть Донъ, надо было идти къ Пензѣ, куда Дицъ могъ поспѣть изъ Царицына *въ концѣ августа*, тогда какъ Пугачевъ *въ концѣ іюля* уже прошелъ Пензу! И это еще не все: Кречетниковъ велитъ Бошняку послать съ Дицемъ къ Пензѣ саратовскихъ казаковъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, Саратову *„нужды не настоитъ.“ Но въ тѣ часы*, когда Кречетниковъ писалъ это распоряженіе изъ Астрахани, въ Саратовѣ происходило совсѣмъ не то, что̀ предполагалъ Кречетниковъ: *въ эти часы* саратовскіе казаки передавались самозванцу и казацкій пятидесятникъ Уфимцевъ поставленъ Пугачевымъ въ саратовскіе коменданты или, какъ говорится въ тогдашнихъ бумагахъ, „главнымъ командиромъ.“ Кречетниковъ сознается, что ему „отсюда“, т. е. изъ Астрахани, „точно всего предвидѣть не можно“, но при всемъ томъ онъ приказываетъ

Дицу быть отъ стороны Дмитріевска и Петровска къ Пензѣ, т. е. въ одинъ и тотъ же моментъ быть на протяженіи *пятисотъ верстъ*. Но Кречетникова смущаетъ и такое предположеніе: а „если злодѣи отъ Синбирска покусятся“ — что тогда дѣлать? Въ такомъ случаѣ Дицу надо быть и въ той сторонѣ!“ И все Дицъ, вездѣ Дицъ... Эти распоряженія, какъ извѣстно, стоили жизни бѣдному Дицу. Когда онъ, вмѣстѣ съ княземъ Дундуковымъ и калмыцкимъ войскомъ дербетева улуса ([1]), а также съ донскими казаками, встрѣтилъ Пугачева ниже Камышина (а по приказу Кречетникова онъ долженъ былъ встрѣтить его подъ Пензой!) и когда калмыки разсыпались при первомъ выстрѣлѣ пугачевскихъ орудій, Дицъ былъ убитъ...

Въ то же время Кречетниковъ сообщалъ Цыплетеву, что 28-го іюля онъ отправилъ къ нему пакетъ для передачи генералъ-маіору князю Багратіону, находившемуся съ войскомъ на Дону, но что, вѣроятно, пакетъ этотъ пропалъ, а потому „по причинѣ упоминаемаго разливающагося зла“, требовалъ извѣстія объ этомъ пакетѣ. Князю Багратіону велѣно было съ своимъ деташементомъ двинуться къ новохоперской крѣпости, чтобы такимъ образомъ всю линію, донскія жилища и самую крѣпость прикрыть отъ великорусскихъ губерній.

Само собою разумѣется, что эти заглазныя распоряженія только мѣшали Цыплетеву дѣйствовать. Вмѣсто того, чтобъ

([1]) Пушкинъ говоритъ, что въ этомъ сраженіи калмыцкія войска были предводительствуемы князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ (Ист. Пуг. бунта I, 154). Никакого тамъ князя Дербетева не было, а у Дундукова въ арміи были калмыки «дербетева улуса».

приготовиться къ отпору и стянуть къ извѣстнымъ и самымъ опаснымъ пунктамъ всѣ войска, какими могла располагать та мѣстность, Цыплетевъ долженъ былъ на все испрашивать разрѣшенія. А между тѣмъ время шло, Пугачевъ былъ уже близко. Нечего было и думать о посылкѣ Дица къ Пензѣ. Цыплетевъ писалъ Кречетникову, что положеніе дѣлъ слишкомъ дурно, извѣщалъ и о „склонности извѣстнаго злодѣя къ Дону,“ т. е. о томъ, что движеніе Пугачева слишкомъ тяготѣетъ къ Дону. Не видя спасенія для царицынской военной линіи, по которой въ маленькихъ крѣпостцахъ и форпостахъ, сидѣли небольшія команды съ самою жалкою артилеріею, Цыплетевъ просилъ, чтобъ ему позволено было эти команды и эту артиллерію забрать въ Царицынъ, чтобъ все это не досталось Пугачеву, а между тѣмъ оберегательныя силы Царицына нѣсколько усилятся этими скудными средствами. Хотя поздно, но Кречетниковъ позволилъ это, только позволеніе оказалось уже безполезнымъ—очистить линію не успѣли... Владѣльцу калмыковъ дербетева улуса, Цендену, и правителямъ калмыцкаго народа велѣно было немедленно подвинуться къ Царицыну съ двухтысячнымъ войскомъ, которое назначалось на Кубань. Равнымъ образомъ велѣно было двинуться къ линіи и князю Дундукову съ своими калмыками. Князь Багратіонъ также долженъ былъ поспѣшить къ донскимъ границамъ.

Всѣ эти распоряженія Кречетникова получены были въ Царицынѣ 11-го августа. Въ послѣднемъ ордерѣ къ Цыплетеву Кречетниковъ прибавлялъ: почему я, усмотря приближеніе злодѣевъ къ здѣшнимъ мѣстамъ, „*ни мало ни укосню на отраженіе ихъ поспѣшить къ Царицыну и самъ.*“ Эту фразу, т. е. что „ни мало не укосню по-

спѣшить къ Царицыну и самъ.“ — Кречетниковъ повторялъ слишкомъ часто; но обѣщанія своего не исполнилъ. Непріятель былъ слишкомъ страшенъ, чтобъ рисковать столкнуться съ нимъ лицомъ къ лицу. Между тѣмъ донское войско не медлило: войсковою граматою отъ 5-го августа оно поручило войсковому старшинѣ Василію Манкову принять въ свое вѣдѣніе станицы Трехостровскую, Голубинскую, Пятизбянскую и Верхнечирскую и со всѣми этихъ станицъ казаками велѣло идти на истребленіе самозванца и его скопищъ. Но Манковъ былъ въ недоумѣніи, какъ недоумѣвало все въ это ужасное время: гдѣ Пугачевъ? откуда его ждать? гдѣ сосредоточить силы для борьбы съ опасностью? „Но гдѣ-бъ нынѣ оной злодѣй и измѣнникъ Пугачевъ съ его богомерзкою толпою былъ — неизвѣстно!“ (говоритъ Манковъ въ своемъ донесеніи). А Пугачевъ былъ уже недалеко отъ донскихъ предѣловъ. Надо было двигаться все впередъ и впередъ, а иначе опасность должна была застигнуть всѣхъ врасплохъ. Но вотъ у князя Дундукова, командовавшаго калмыцкими войсками, не оказалось ни одного штабъ-офицера, и онъ проситъ ближайшія власти прислать къ нему хоть кого нибудь. Встрепенулось и волжское войско: защищаться некѣмъ, казаковъ нѣтъ, крѣпостей въ войскѣ, кромѣ форпостовъ, также ни одной; главный городъ войска также ничѣмъ не защищенъ; а въ немъ войсковая казна — надо ее спасать.... Войско рѣшилось спасать свою казну въ Царицынѣ — ее и отправили въ Царицынъ.

Мы уже говорили выше, что правительство боялось донскаго войска. И дѣйствительно, это могъ быть страшный союзникъ для Пугачева. Но донцы успокоили опасенія правительства. „Отъ донскихъ атамановъ и казаковъ, отъ вой-

ковaго наказнаго атамана Семена Сулина и отъ всего войска донскаго“ повсюду разосланы были увѣщательныя граматы, по всѣмъ станицамъ, ко всѣмъ походнымъ атаманамъ и старшинамъ. Граматы эти велѣно было „публиковать на полныхъ станищныхъ сборахъ, всѣмъ до единаго, со всякимъ вниманіемъ и увѣщеваніемъ надлежащимъ, дабы они (т. е. казаки) вѣрную свою присягу, ревность и усердіе къ ея императорскому величеству соблюдали навѣки невредимо, а злодѣя Пугачева всѣми образы старались истребить въ прахъ и тѣмъ отъ ея императорскаго величества заслужить вѣчную и несмертельную себѣ и потомкамъ славу.“ Такимъ образомъ зашевелилось все, какъ на Дону, такъ и во всей той мѣстности, по которой долженъ былъ проходить самозванецъ. 11-го августа, князь Багратіонъ, „въ маршѣ при станицѣ Пятиизбянской“, писалъ Цыплетеву: *„дѣлаю всякій день переходы и къ вамъ спѣшу!“* Отъ войска донскаго прибылъ на царицынскую линію походный атаманъ Перфиловъ съ 562 казаками, каждый казакъ „о дву конь“, для перемѣны, въ случаѣ быстрыхъ переходовъ, усталыхъ коней свѣжими, и съ нимъ прибыло на линію 6 есауловъ, 6 сотниковъ, 6 хорунжихъ. Перфиловъ не вступалъ въ крѣпости и форпосты по линіи, но держалъ разъѣзды и наблюдалъ, не появится ли непріятель въ окрестностяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ двигался съ своими командами и полковникъ Себряковъ. Все ждало со дня на день встрѣчи съ ужаснымъ непріятелемъ, а между тѣмъ въ командахъ Себрякова не оказалось ни свинцу, ни пороху (1) — и онъ просилъ и того и другаго

---

(1) «Необходимо на побѣду онаго государственнаго измѣнника Пугачева) потребенъ казакамъ порохъ и свинецъ», писалъ Себряковъ Цыплетеву.

по 25 пудовъ у Цыплетева. Тяжко приходилось Цыплетеву: со всѣхъ сторонъ его забрасывали требованіями, вопросами, просьбами и неумѣстными распоряженіями. Онъ долженъ былъ удовлетворять всѣхъ, поспѣшать ко всѣмъ, всѣмъ отвѣчать и все предвидѣть. Прискакалъ въ Царицынъ Бошнякъ, спасшійся изъ Саратова съ 35 человѣками — и тоже требуетъ пороху и свинцу, потому что заряды, которые онъ имѣлъ, „употреблены въ пальбу, противу государственнаго бунтовщика и вора Пугачева всѣ безъ остатку.“

Правительство видѣло, что для подавленія мятежа мало тѣхъ войскъ, которыми оно располагало. Притомъ войска, дѣйствовавшія противъ Пугачева на дальнемъ сѣверѣ, въ оренбургской и казанской губерніи, а равно за Ураломъ, далеко отстали отъ неугомоннаго бунтовщика. Объ этихъ войскахъ не было никакихъ положительныхъ извѣстій, а если и приходили отъ нихъ реляціи, такъ по этимъ реляціямъ видно было, что имъ не угоняться за лихимъ партизаномъ и его шайками, а между тѣмъ опасность грозила государству уже на югѣ, пожаръ изъ-за Урала и Оренбурга перекинулся въ воронежскую и астраханскую губерніи. Надо было послать противъ ужаснаго казака встрѣчныя силы, и вотъ потянулись войска изъ западныхъ губерній, изъ Малороссіи. Начальникомъ этихъ новыхъ военныхъ силъ князь Долгоруковъ назначилъ графа Мусина-Пушкина, который долженъ былъ взять подъ свое начальство князя Багратіона съ его деташементомъ и спѣшить на защиту Воронежа, куда уже пробирались шайки пугачевскихъ полковниковъ Иванова, Каменскаго и другихъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ приказалъ князю Багратіону скакать къ Воронежу съ своимъ деташементомъ на почтовыхъ, и въ помощь ему командировалъ отрядъ

пѣхоты. „А я—прибавлялъ онъ въ своемъ ордерѣ къ князю Багратіону — останусь на нѣсколько дней, для нѣкоторыхъ распоряженіевъ, въ Полтавѣ.“

Вотъ уже въ какихъ мѣстахъ отдавались раскаты грома!...

Между тѣмъ войсковой старшина Манковъ, командированный противъ Пугачева съ казаками четырехъ станицъ: Трехостровской, Голубинской, Пятиизбянской и Верхнечирской, спѣшилъ форсированнымъ маршемъ къ соединенію съ княземъ Дундуковымъ и калмыцкими войсками. Онъ забралъ съ собою все, что̀ могло носить оружіе. Съ нимъ были служилые и отставные казаки, „выростки“ и казачьи дѣти-малолѣтки, не моложе, впрочемъ, семнадцати лѣтъ. Переправившись черезъ Донъ, Манковъ, для болѣе быстраго хода, бросилъ „тяжелыхъ“ казаковъ и весь хлѣбъ, оставивъ себѣ провіанта только на десять дней, и пошелъ на Усть-Малую Бедерейку, потомъ на верхи Березовой рѣчки и на Балыклею къ предѣламъ волжскаго войска. Правительственные отряды, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе стягивались къ волжско-донскому перешейку, гдѣ въ настоящее время проведена волжско-донская желѣзная дорога. Этого перешейка Пугачевъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ миновать.

А Пугачевъ шелъ все ближе и ближе. Наступали какъ для него, такъ и для правительства самые роковые дни. До Астрахани и до Петербурга, почти одновременно, долетѣла печальная вѣсть о взятіи Саратова, „о измѣнѣ донскихъ, волскихъ и саратовскихъ казаковъ, артиллерійскихъ и батальонныхъ солдатъ, съ ихъ командиромъ, маіоромъ Салмановымъ“, о бѣгствѣ изъ Саратова Державина и Бошняка, о дальнѣйшемъ движеніи самозванца къ югу, а тамъ, кто поручится за войско донское? кто поручится за всѣ войска,

когда уже измѣнили и донскіе и волжскіе казаки, находившіеся въ Саратовѣ и Петровскѣ, когда измѣнили, наконецъ, артиллерійскіе и батальонные солдаты съ маіоромъ Салмановымъ?

Вѣсть о паденіи Саратова и предательствѣ тамошнихъ войскъ была тяжелымъ ударомъ для правительства. Еще большимъ ударомъ она была для Кречетникова, который долженъ былъ думать, что не миновать и ему общей, горькой участи. „Сія столько мерская предъ самимъ Богомъ измѣна оберъ-офицеровъ, артиллерійскихъ и батальонныхъ солдатъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ въ службѣ ея императорскаго величества и въ нарушеніи клятвы и вѣрности ихъ ни малѣйше терпима быть не можетъ (писалъ онъ Цыплетеву), кои тѣмъ и подвергли себя по законамъ тягчайшему наказанію, яко есть воли ея императорскаго величества и всему обществу противникамъ и упущено не будетъ.“

И опять, по поводу этого горькаго извѣстія, Кречетниковъ пишетъ безконечно длинный ордеръ, въ которомъ не скупится на приказанія и заглазныя распоряженія; но самъ не спѣшитъ къ мѣсту опасности. Онъ приказываетъ только, чтобъ Бошнякъ, если онъ уже въ Царицынѣ, принялъ начальство надъ мѣстными войсками, „въ чемъ — прибавлялъ Кречетниковъ — *по извѣстной расторопности его*, въ сей ему довѣренности надежно на него я и полагаюсь.“ Затѣмъ велитъ донести о волжскихъ казакахъ, всѣ ли они собрались, чтобъ идти въ подкрѣпленіе войскъ, расположенныхъ около Царицына. Онъ надѣется, что силами, которыми располагалъ Цыплетевъ, весьма легко разбить самозванца. Напрасно! Эти силы были далеко недостаточны для того, чтобы мѣряться съ такимъ противникомъ, какъ Пуга-

чевъ. Надѣясь на помощь Бошняка и его команды (а въ этой командѣ осталось только 35 человѣкъ!), Кречетниковъ пишетъ Цыплетеву, что „и сами вы въ своемъ гарнизонѣ въ двухъ батальонахъ, имѣете на лицо пѣхоты до восьми сотъ человѣкъ, и сверхъ того легкую полевую команду и часть донскихъ казаковъ,—слѣдовательно, изъ разнаго звания войска составляетъ не малой корпусъ, *которымъ того злодѣя поразить весьма надежно, ибо по репорту саратовскаго коменданта извѣстно, что онъ малосиленъ.*“ Но малосиліе это было такого свойства, что противъ него не могли устоять и не такія силы, какъ жалкій „корпусъ“ Цыплетева. При всемъ томъ, Кречетниковъ требуетъ во что бы то ни стало на бунтовщиковъ „наисильнѣйше напасть и въ конецъ такихъ враговъ поразить и истребить, и до ухода на Донъ и на Кубань не допустить.“ Сидя въ безопасной Астрахани, Кречетниковъ не перестаетъ настаивать Цыплетеву „на попраніи государственныхъ враговъ и вредителей спокойствія“, а между тѣмъ велитъ какъ можно безопаснѣе провести въ Петербургъ, съ нерадостными вѣстями, своего посланнаго, капитана Сапожникова — на Тамбовъ ли, или на Воронежъ, куда бы только можно было проѣхать.

Сообщеніе съ Петербургомъ, такимъ образомъ, прекратилось... Отправляемыя съ курьерами и нарочными самоважнѣйшія бумаги пропадаютъ. Пропадаютъ безъ вѣсти и нарочные. Гроза приближалась къ Камышину. Этотъ городъ долженъ былъ неминуемо погибнуть. Власти сами сознавались, что Камышинъ „столь безсиленъ, что и на малое защищеніе воинскихъ людей въ немъ быть не можетъ, къ тому жъ и городъ состоитъ ничѣмъ не укрѣпленный, то и остается

совсѣмъ открытымъ на жертву злодѣямъ.“ Вотъ почему такъ просился изъ него въ Царицынъ съ своей командой казацкій сотникъ Рябчиковъ, прикрывавшій свою трусость весьма неловкими доводами... Надо было подумать о Камышинѣ— и вотъ въ подкрѣпленіе ему посылаютъ часть легкой полевой команды, отрядъ карабинеровъ генерала князя Багратіона, нѣсколько орудій и нѣсколько отрядовъ калмыцкихъ войскъ. Этимъ движеніемъ думали прикрыть и земли волжскаго войска, поволжскія станицы и Дубовку.

Но было уже поздно!...

Правительственныя войска вездѣ опаздывали... Не опаздывалъ одинъ только Михельсонъ, но и объ немъ давно уже не было никакихъ слуховъ. За то прошли новые неблагопріятные слухи. Ниже Царицына, на Волгѣ, появились воровскія партіи“, которыя, какъ стало извѣстно, клонились въ „злодѣйскую шайку.“ Воровскія партіи—это та знаменитая и безпокойная понизовая вольница, отъ которой страдало все приволжье въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Понизовая вольница проснулась потому, что явившійся царь былъ ея царемъ, предводителемъ бурлаковъ, разбойниковъ, каторжниковъ, безпаспортныхъ и всякой голытьбы. Непріятель, такимъ образомъ, подходилъ съ двухъ сторонъ—съ сѣвера и съ юга, и надо было во что бы то ни стало помѣшать соединенію двухъ однородныхъ разрушительныхъ силъ. Къ довершенію зла, волненіе оказалось и въ волжскомъ войскѣ: надо было вездѣ поспѣвать, все предупреждать. Надо было принять мѣры къ „удержанію смущающихся волжскихъ казаковъ“; надо было ловить и понизовую вольницу, которая умѣла проскользать мимо самыхъ строгихъ и крѣпкихъ карауловъ.

Но вотъ, наконецъ, шедшія одна противъ другой враждебныя силы столкнулись.

17-го августа, донской старшина Манковъ, о которомъ мы говорили выше, между прочимъ, писалъ Цыплетеву: „прошедшей ночи встрѣтившіеся со мною на походѣ, по полудни часу въ десятомъ, два казака полку полковника Кутейникова объявили, что ихъ полкомъ побито злодѣйской толпы до пяти-сотъ, и какъ-де онѣ тамъ были только однѣ, то, по малости ихъ, принуждены были уступить и, оставя Дубовку, прослѣдовать на Пичугу.“

И такъ, первое столкновеніе этихъ силъ было не въ пользу правительственной стороны. Хотя казаки и побили 500 пугачевцовъ, но должны были отступить передъ силою, болѣе ихъ могущественною. Эти неблагопріятныя вѣсти должны были заставить Манкова быть осторожнѣе: слѣдуя противъ самозванца, онъ успѣлъ дойти до урочища Вязниковъ, какъ получилъ извѣстіе о стычкѣ съ пугачевцами Кутейникова, и потому, оставя излишнюю тяжесть и взявъ съ собой хлѣба только на три дня, тотчасъ двинулся къ Дубовкѣ, которой всего болѣе угрожала опасность. Онъ взялъ съ собой „лучшихъ людей.“ Съ нимъ былъ и старшина Поздѣевъ. Другая партія послана на Иловлу. Отъ Пичуги до Иловлы протянутъ былъ, такимъ образомъ, непрерывный кордонъ. Но что̀ могъ сдѣлать казацкій кордонъ противъ всѣхъ силъ самозванца? Хотя Манковъ и писалъ, что „какъ скоро свѣдаю о злодѣѣ, что онъ пробиратца начнетъ къ Царицыну, куда и я, стремясь на него по тракту, поспѣшу“, однако все это разсыпалось, какъ только на эту мѣстность надвинулась вся сила Пугачева.

X.

Но вотъ наступилъ рѣшительный день для Царицына, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для Цыплетева. Это было 21-го августа.

Къ Цыплетеву прискакалъ гонецъ отъ походнаго атамана войска Донскаго и отъ полковниковъ, съ бумагой, написанной подъ вліяніемъ непреодолимаго страха. Бумага писана на клочкѣ, вѣроятно на походѣ, гдѣ-нибудь за кустомъ, или на сѣдлѣ, вся измята, какъ бы была она сунута спѣшно въ карманъ, или за пазуху. Письмо безсвязное, почеркъ торопливый, чернила, повидимому, тутъ же на походѣ, разбавлены водой, и дурно сходятъ съ пера. Почеркъ — самого Манкова, а подписи, кромѣ его собственной, знаменитыхъ донскихъ начальниковъ: Михайлы Денисова, Василія Перфилова, Григорія Поздѣева, Варлама Денисова и Карпа Денисова. Все это писано торопливо, дрожащими руками.

Вотъ что писали начальники отрядовъ донскихъ казаковъ:

„Сколь нашей усердности вашему высокоблагородію довольно извесно, но, къ нещастію общему и къ погашенію славы, нажытой всего войска доньскаго кровію, изъ находящихся при насъ подкомандныхъ нѣкоторые показали такую трусость, что и протчихъ смѣшавъ мысли нанесли страхъ такой, что мы о истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидимъ, и хотя изъ оныхъ изъ находящихся при насъ еще большая половина и осталась съ нами, но что

послѣдуетъ и отъ нихъ, увѣрить никакъ теперь не можно. А за тѣмъ отъ истиннаго нашего сердца Господа Бога просимъ, чтобъ онъ по своему милосердію подкомандным нашимъ даровалъ прежнюю донскимъ истинную по присягѣ храбрость, въ чемъ на его всемогущество мы и не безнадежны."

Это—измѣна донскихъ казаковъ, которые шли защищать волжско-донской перешеекъ, и отъ успѣха которыхъ, слѣдовательно, зависѣлъ успѣхъ дѣла всей Россіи. Эти отряды поколебались. За ними могъ поколебаться весь Донъ, а тамъ, въ союзѣ съ ними, кубанскіе народы и турки могли разорвать только что заключенный кучукъ-кайнарджійскій миръ и пойти па Россію, и тогда еще неизвѣстно, на чьей сторонѣ былъ бы перевѣсъ.

Что же дѣлалъ въ это время Пугачевъ?

Мы оставили его въ Саратовѣ. Изъ Саратова онъ пошелъ прямо къ Камышину, а флотилія его двигалась по Волгѣ. Мы сказали, что Камышинъ не былъ защищенъ. На прикрытіе его посланъ былъ Дицъ съ своею командою и князь Дундуковъ съ калмыцкими войсками. Но повторяемъ—было уже поздно. Камышинъ былъ взятъ. Комендантъ его, полковникъ Касперъ Меллинъ, убитъ Городъ весь расхищенъ.

— Въ Камышенкѣ большаго сопротивленія не было, говорилъ самъ Пугачевъ о взятіи этого города: засѣлъ было въ Кремль комендатъ, однакожъ Овчинниковымъ былъ взятъ, который былъ и убитъ, также и прочіе.

Пушкинъ ошибочно говоритъ, что при приближеніи самозванца къ Камышину его встрѣтилъ Дицъ съ пятьюстами гарнизонныхъ солдатъ, тысячью донскихъ казаковъ и пятью-

стами калмыковъ, предводительствуемыхъ князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Вопервыхъ, встрѣча эта была уже послѣ взятія Камышина и гораздо ниже этого города, именно у рѣчки Пролейки; вовторыхъ, въ этомъ сраженіи участвовали калмыки „дербетева улуса“, а отнюдь не князь Дербетевъ: владѣлецъ этихъ калмыковъ былъ Ценденъ.

Такимъ образомъ Камышинъ погибъ по винѣ губернатора Кречетникова, который постоянно запаздывалъ съ своими распоряженіями. Онъ опоздалъ и тутъ. Ордеръ его, адресованный на имя несчастнаго Меллина, съ пристойными наставленіями“, какъ встрѣтить и поразить злодѣя, не застадъ уже въ живыхъ эту невинную жертву канцелярской волокиты астраханскаго губернатора и былъ полученъ Цыплетевымъ!

Наконецъ Пугачевъ встрѣтился съ правительственными войсками, но не съ тѣми, которыя гнались за нимъ и не могли догнать, а съ тѣми, которыя должны были перерѣзать ему дорогу. Войска эти были—легкая полевая команда, подъ предводительствомъ Дица, калмыцкія войска, подъ предводительствомъ князя Дундукова, и донскіе казаки, подъ начальствомъ полковниковъ Кутейникова и Карпа Денисова. Встрѣча эта была у верховьевъ рѣчки Пролейки. Трусость калмыковъ рѣшила битву не въ пользу правительства. Калмыки, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, разсыпались. Дрогнули и другія войска. Дицъ былъ убитъ; артилерія, въ числѣ десяти пушекъ, досталась непріятелю. Весь обозъ, канцелярія, бумаги, книги—все осталось въ рукахъ самозванца. Только Кутейниковъ бился отчаянно. Онъ „съ тремястами пятьюдесятью казаками... встрѣтя государственнаго злодѣя Пугачева, бивъ на всю ево сволочную толпу,

при которой и самъ злодѣй былъ, по самыя пушки, покололъ въ смерть болѣе пятисотъ злодѣевъ.“ Но и онъ не выдержалъ общаго натиска и, когда бѣжали всѣ, бѣжалъ и онъ. Храбрый Кутейниковъ не спасся однако: чересъ нѣсколько дней его настигли толпы самозванцевъ, всего изранили, взяли въ плѣнъ, привели къ самозванцу, который и велѣлъ его разстрѣлять. Раненаго повели къ оврагу, чтобы тамъ застрѣлить. Когда въ него выстрѣлили и Кутейниковъ упалъ, то разбойники думали, что онъ убитъ, и бросили его. Несчастный съ трудомъ доползъ оттуда до Качалинской станицы (1).

---

(1) Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ любопытное показаніе самого Кутейникова объ этомъ дѣлѣ. «Сего теченія 20-го числа (говоритъ онъ,) по бытности моей, обще съ господами полковниками, въ городѣ Царицынѣ, откуль въ слѣдованіи нашемъ къ полкамъ, къ рѣчки называемой Мечетной, усмотря на другой сторонѣ оной отъ Дубовки, съ рѣчки Царицынской Пичюги, изъ толпы измѣнника Пугачева гонятъ за командированнымъ передъ тѣмъ, съ двусотнымъ числомъ казаками, полковникомъ Карпомъ Денисовымъ, къ которымъ на сикурсъ и мы того жь часу поспѣшили, куда по прибытіи набѣжавъ на меня яицкаго полка полковникъ, который мною исколанъ, а я отъ него и прочихъ трижды дротиками раненъ и взятъ въ плѣнъ, и нѣсколько битъ еще ружейными и дратовищными ударами, а потомъ приведенъ былъ къ нему, злодѣю Пугачеву, который по утру, то-есть 21-го августа приказалъ меня застрѣлить изъ ружья, но, однако, по приведеніи меня къ яру, отъ выстрѣла по мнѣ ружейнаго я не убитъ, а только къ тому еще раненъ и оставленъ былъ почитаемымъ ими замертво, гдѣ я пробылъ, пока оная, мерзская толпа, къ Царицыну проѣхала, а потомъ, вставъ, пошелъ пѣшъ къ Качалинской станицы, но, по обдержимымъ меня вышеобъявленнымъ четыремъ не малымъ ранамъ, я въ полтора сутокъ денно и нощно до Сакарской почты доити не могъ, да и доити былъ въ отчаяніи. Но, однако, вчерашняго, то есть 22-го числа наѣхавшими на меня, бѣжавшими отъ онаго Пугачева Иловлин-

Такимъ образомъ, трусость калмыцкаго войска была причиною того, что Пугачевъ еще разъ одержалъ побѣду. Но это была его послѣдняя побѣда. Впрочемъ, трудно рѣшить, могли ли бы устоять противъ натиска полчищъ самозванца Дицъ и князь Дундуковъ, еслибъ даже калмыки и не разсыпались при первомъ выстрѣлѣ непріятельскихъ орудій. Во всякомъ случаѣ, силы самозванца были гораздо многочисленнѣе тѣхъ которыми располагали Дицъ, князь Дундуковъ, Кутейниковъ и Денисовъ ([1]).

Въ битвѣ при Пролейкѣ много было побито и много взято въ плѣнъ. Кромѣ легкой полевой команды, самозванецъ захватилъ много донскихъ казаковъ. Отъ плѣнныхъ своихъ онъ хотѣлъ вывѣдать, можно ли ему разсчитывать на донское войско. Въ числѣ донскихъ плѣнниковъ нахо-

---

ской станицы казаками до оной довезенъ, гдѣ и нынѣ нахожусь. Того ради симъ вашему высокоблагородію (Цыплетеву) донеся, всепокорнѣйше прошу, по вышеписанному обстоятельству, да и прежде, по откомандированію меня при его сіятельствѣ, господинѣ полковникѣ князѣ Дундуковѣ, отъ вашего высокоблагородія, сего жь мѣсяца 16-го числа, съ дву сту семи казаками, ко искорененію прописаннаго злодѣя Пугачева, котораго и наѣхавъ въ вѣдѣніи волскаго войска, у Балыклеевской станицы, въ урочищѣ на рѣчки Пролейки, гдѣ, да и въ семъ показанномъ случаѣ, я не закрылъ своего лица съ прописаннымъ числомъ команды моей казаками, прогнавъ его мерзское собраніе за ихъ пушки, гдѣ и побито нами по примѣру до пяти сотъ человѣкъ и т. д

([1]) Весьма любопытно видѣть, какъ Кречетниковъ извиняетъ калмыкамъ ихъ трусость. «Калмыки—говоритъ онъ въ своемъ ордерѣ—по первомъ изъ пушекъ отъ злодѣевъ выстрѣлѣ, испужавшись, разсыпались: во ономъ на нихъ, яко на степныхъ и совсѣмъ необыкновенныхъ людей, и негодовать да и взыскивать невозможно, которые, по своему, больше дикому, состоянію и военнаго фронта составить не могутъ».

дился старый казакъ Гололобовъ, который не разъ бывалъ станичнымъ атаманомъ въ Березовской станицѣ. Пугачевъ узналъ, что онъ пользуется уваженіемъ между своими казаками, и велѣлъ его привести къ себѣ. Самозванецъ сидѣлъ на „амбонѣ“ (1). Около него стояли яицкіе старшины и писарь. Гололобовъ былъ раненъ въ послѣдней битвѣ—пикою ему прокололи лѣвую руку, и онъ подпоясалъ ее поясомъ. Пугачевъ спросилъ Гололобова:

— Видно, старичокъ, тебя пикою покололи?

— Покололъ злодѣй, яицкій казакъ, отвѣчалъ Гололобовъ.

— Не хорошо ты говоришь, старичокъ, о моихъ яицкихъ казакахъ: они не злодѣи, а мнѣ, вашему законному государю, слуги вѣрные, возразилъ самозванецъ:—тѣ злодѣи, что противъ меня воюютъ... Послужи и ты мнѣ, старичокъ, и скажи всѣмъ донскимъ казакамъ, что подъ скипетромъ моимъ они всѣ мною довольны будутъ.

Гололобовъ молчалъ.

— Что жь ты, старичокъ, не говоришь?.. Садись у меня и выпей чарку водки.

Гололобовъ отказался отъ водки.

Тогда ввели въ палатку къ самозванцу еще нѣсколько донскихъ казаковъ.

— Зачѣмъ вы, други мои, противъ меня воевали? спросилъ ихъ самозванецъ.

— Мы воевали по присягѣ, отвѣчалъ за нихъ Гололобовъ:—кому присягали, за того и воевали.

---

(1) Вѣроятно на амвонѣ—на возвышеніи.

— Присягните теперь мнѣ, и я васъ озолочу, и съ донскими и яицкими казаками раздѣлю все мое царство.

Никто не отвѣчалъ.

— Не бойтесь, дѣтушки, я государь милостивый... Скажите донскимъ казакамъ, чтобъ всѣ подъ мою руку шли, а жену мою, которая на сторону дворянъ предалась, я сошлю въ Соловки, Богу молиться за грѣхи.

— Таковыя гнусныя рѣчи намъ слушать непристойно, возразилъ Гололобовъ:—вели насъ казнить, а присягу мы не переступимъ.

— Ты, старичокъ, ослѣпленъ, сказалъ Пугачевъ:—по старости твоей я тебѣ всѣ вины твои прощаю.

Затѣмъ, онъ велѣлъ своему писарю написать указъ къ донскому войску, въ которомъ приказывалъ, чтобы войско донское преклонилось на его сторону, и что самъ онъ на сихъ дняхъ прибудетъ въ Черкаскъ.

— Ты, старичокъ, отвезешь мой указъ войсковому атаману... Кто у васъ атаманъ?

— Указа я не возьму и ни чьихъ указовъ безъ войсковой грамоты не слушаю, отвѣчалъ упрямый старикъ.

Тогда Пугачевъ велѣлъ вывести Гололобова изъ палатки и повѣсить. Казнь тотчасъ же была исполнена. Но какъ висѣлицы не было готовой, то Гололобова привели въ обозъ, распрягли одну телѣгу, оглобли подняли кверху, стянули ихъ хомутомъ, и на привязанной къ хомуту веревкѣ повѣсили старика.

Когда надѣвали ему на шею петлю, онъ сказалъ, обращаясь къ стоявшимъ не вдалекѣ донскимъ казакамъ:

— Поклонитесь отъ меня, братцы, донскіе казаки, славному войску донскому... Скажите на Дону, чтобъ прелестнымъ

словамъ измѣнника и самозванца Емельки Пугачева не вѣрили.

Исправлявшій должность палача, яицкій казакъ зажалъ ему рукою ротъ—и петля была затянута.

Пугачевъ, такимъ образомъ, не могъ не видѣть, что ему не удается преклонить на свою сторону войско донское. Хотя въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и по дорогѣ къ нему пристава донскіе казаки, но все это были частные случаи, и на измѣну всего войска онъ не могъ надѣяться. Взявши его сторону, волжское войско не могло принести ему значительной поддержки: оно было слишкомъ малочисленно. Не смотря на пышный пріемъ, который самозванецъ встрѣтилъ въ станицахъ этого войска ([1]), онъ не могъ не догадываться, что такого пріема не видать ему въ донскихъ станицахъ. Изъ волжскаго войска онъ, однако, отправилъ свои манифесты на Донъ, но манифесты эти попались въ руки лицъ, принадлежавшихъ къ правительственной сторонѣ, и отъ войска донскаго онъ не получалъ благопріятнаго отвѣта. Ему оставался одинъ выходъ—на Кубань, въ Персію, въ Турцію, и онъ бѣжалъ, опрокидывая все, что ему попадалось на дорогѣ. Попадались люди—онъ ихъ вѣшалъ; попадались строенія, жилье, хутора—онъ ихъ грабилъ, потому что за нимъ валила сволочь, которая искала поживы въ каждой избѣ, въ каждомъ карманѣ. Современникъ-нѣмецъ говоритъ, что самозванецъ бѣжалъ, какъ бы преслѣдуемый страшнымъ голосомъ, который кричалъ вслѣдъ ему: „мѣра твоей жестокости уже исполнилась!“ ([2]).

([1]) Подробности этого см. въ «Пугачевщинѣ» и въ статьѣ «Пугачевскій полковникъ Ивановъ».

([2]) Der elende schnob Rache, weil man ihm seinen schönsten Raub

А между тѣмъ, его „грозный гонитель“ Михельсонъ уже настигалъ свою жертву. Никто не зналъ, гдѣ Михельсонъ, что онъ дѣлаетъ. Послѣ стычки съ самозванцемъ подъ Казанью, когда разбитый имъ противникъ кинулся черезъ Волгу, и на правомъ поволжьѣ бросилъ въ народъ страшное слово—„воля“, когда какъ электрическая искра прошла по Россіи вѣсть, что Москва и Петербургъ въ опасности, что Пугачевъ уже двинулся по нижегородско-московской дорогѣ, Михельсонъ, болѣе другихъ понявшій всю опасность этого движенія самозванца къ сердцу Россіи, бросился перерѣзать ему дорогу. Такимъ образомъ, Михельсонъ кинулся къ сѣверу, чтобъ прикрыть Москву, а за нею Петербургъ съ императорскимъ тономъ, а Пугачевъ круто поворотилъ на югъ, и эти страшные противники разошлись надолго—болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. Но Михельсонъ не терялъ изъ виду своего врага: когда оказалось, что самозванецъ не думаетъ идти на Москву, Михельсонъ направилъ своихъ неутомимыхъ конниковъ опять вслѣдъ за тѣмъ, за кѣмъ онъ гонялся и въ оренбургскихъ степяхъ, и въ дикой Башкиріи, и за уральскимъ хребтомъ. Каждый день все приближалъ его къ непобѣдимому дотолѣ противнику.

Но они еще не столкнулись. У Пугачева впереди было еще нѣсколько дней.

Передъ приходомъ самозванца въ Дубовку, въ этомъ городѣ вспыхнуло волненіе между рабочими людьми и арестантами. Во время работъ, которыя производились войсковымъ атаманомъ для укрѣпленія города, нѣсколько колодниковъ

---

abgejagt hatte, und die gewaltige Stimme der Gerechtigkeit mochte ihm unaufhörlich zu rufen: „Das Maasz deiner Greuel ist voll!..“

столкнулись съ рабочими, и одинъ изъ арестантовъ закричалъ къ тѣмъ, которые работали неподалеку:

— Братцы, бросайте лопаты—пора встрѣтить батюшку.

— Какъ батюшку? вступились конвойные казаки.

— Батюшку-государя Петра Ѳедоровича.

— Стой! закричалъ одинъ конвойный:—измѣна...

Онъ бросился за ружьемъ, которое стояло недалеко у плетня. Но рабочіе схватили его и повалили на землю.

— Пустите, и я пойду съ вами, молился притиснутый къ землѣ конвойный.

Товарищъ его, у котораго была только казацкая пика, бросился бѣжать къ войсковому правленію.

— Господа старшины! кричалъ онъ, подбѣгая къ правленію:—у насъ злодѣи проявились.

Тревога распространилась по всей Дубовкѣ. Изъ домовъ выбѣжали казаки и бросились къ войсковому правленію. Тамъ имъ объявили, что взбунтовались колодники и рабочіе люди. Казаки поспѣшили къ мѣсту бунта, но тамъ уже не было бунтовщиковъ. Они успѣли бѣжать изъ Дубовки, вмѣстѣ съ тѣмъ казакомъ, который конвоировалъ ихъ.

За бѣглецами послана была погоня; но нагнать ихъ не успѣли.

Вскорѣ за тѣмъ, нагрянулъ и самъ Пугачевъ. Войсковой атаманъ, старикъ Персидкій, бѣжалъ изъ Дубовки. Остальное войско покорилось самозванцу, и всѣ казаки, которые были въ силахъ носить оружіе и сидѣть на конѣ, пошли за самозванцемъ. Вмѣстѣ съ прочими пошелъ и извѣстный *депутатъ Горскій* (1), сотникъ астраханскаго казачьяго

(1) «Депутатами» назывались тѣ, которые участвовали въ знаменитой «Комиссіи Уложенія».

полка. Этотъ Горскій, не смотря на званіе „депутата“, принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи въ Дубовкѣ умовъ къ принятію самозванца (1) и, когда Пугачевъ вошелъ въ этотъ городъ, вступилъ въ его толпу. Горскій поэтому судился впослѣдствіи, въ числѣ главныхъ сообщниковъ Пугачева и, какъ сказано въ сентенціи суда, „за легкомысленное прилѣпленіе къ толпѣ злодѣйской, лишенъ депутатскаго достоинства и названія.“

Послѣ того, какъ Пугачеву покорилось волжское войско, ему оставалось только взять Царицынъ, чтобъ открыть свободный путь на Кубань или въ Персію, минуя земли войска донскаго. Вотъ почему Царицынъ считался такимъ важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отношеніи, и вотъ почему на него обращено было особенное вниманіе правительства. Но при всемъ томъ, средства Царицына были ничтожны. Цыплетеву надо было выбирать одно изъ двухъ-- или сосредоточить всѣ мѣстныя боевыя силы въ царицынской крѣпости, или ослабить ихъ, растянувъ ничтожный запасъ войскъ по всей военной царицынской линіи, но ея жалкимъ крѣпостямъ и форпостамъ. Цыплетевъ рѣшился на первое средство.

Но тогда оставалась беззащитною и обнаженною вся военная линія отъ Волги до Дона. Надо было рѣшиться на крайность, и Цыплетевъ избралъ крайнее средство. Какъ москвичи, въ 1812 году, поступили съ первопрестольнымъ городомъ, такъ поступилъ Цыплетевъ съ военною линіею и ея укрѣпленіями. Люди и лошади, въ ожиданіи прихода

---

(1) ...«онъ, Горскоій, въ приближеніе злодѣя къ Дубовской станицѣ чинилъ тамо многія въ народѣ смущенія и пріуготовленія къ ево пріѣзду».

самозванца, до того были загнаны, что не съ кѣмъ, да и не на чемъ было отправлять казенную почту и всякую частную корреспонденцію. Всякія сообщенія въ той мѣстности прекратились. Для перевозки тяжестей не хватало лошадей которыя были или всѣ въ разгонѣ, или взяты подъ воинскія команды. Курьеры или нарочные ходили пѣшкомъ. Мѣстные жители, въ ожиданіи того же погрома, отправили весь свой скотъ съ нагорной стороны Волги на острова или на луговую сторону. Но и тамъ не спаслись стада скота и табуны лошадей: ихъ угоняли киргизы. Само собою разумѣется, что если нечѣмъ было защитить царицынскую военную линію съ ея крѣпостцами и форпостами, то не на чѣмъ было и перевозить изъ этихъ крѣпостей и форпостовъ въ Царицынъ артиллерію и артиллерійскіе припасы.

Вотъ почему Цыплетевъ рѣшился уничтожить крѣпостную и форпостную артиллерію, чтобъ она не досталась Пугачеву. Онъ приказалъ испортить лафеты подъ пушками, пушки заклепать и зарыть въ землю, а всѣ снаряды и припасы *бросить въ воду*. Въ архивныхъ дѣлахъ поэтому сохранились цѣлыя вѣдомости о томъ „коликое число какой артиллеріи, принадлежностей, снарядовъ и припасовъ въ приближеніи злодѣя и варвара Бугачева (¹), по неимѣнію подводъ, въ Царицынъ не привезено и осталось въ тѣхъ мѣстахъ (то есть на линіи, по форпостамъ) зарытые въ землю, принадлежность переломана, а снарядъ брошенъ въ воду, а что чего именно, явствуетъ подъ симъ.“ И „подъ симъ“ значится, что съ царицынской линіи и съ крѣпостей зарыто въ землю пушекъ чугунныхъ $3^1/_2$ фунтовыхъ 3, двухфунтовыхъ 1,

---

(¹) Пугачевъ иногда называется Бугачевымъ.

„съ раковинами къ селютацу годныхъ“, $3^1/_2$ фунтовыхъ 1, $2^1/_2$-фунтовыхъ 1, двухфунтовая одна, лафетовъ, состоящихъ подъ пушками, дубовыхъ, окованныхъ, съ крестовыми колкы 7, банниковъ съ „прибойники“, пушечныхъ, овчинами обитыхъ 29, ганшпиговъ дубовыхъ паръ 29, капіармусовъ 3, клиньевъ дубовыхъ паръ 29, крышекъ пушечныхъ—свинцовыхъ 7, деревянныхъ 29, кирокъ и мотыгъ 13, картечь пушечныхъ 100, перамидъ для клажи шуфлъ и банниковъ 6, пороху пушечнаго 21 пудъ, мушкетнаго 2 пуда 30 фунтовъ, ручнаго 10 фунтовъ, пыжевниковъ съ трещетки пушечныхъ 9, рогожъ, цыновокъ 55, трубокъ тростяныхъ скорострѣльныхъ 2,500, свѣчь палительныхъ 100, шуфлъ пушечныхъ жестяныхъ разнаго калибра 7, ядеръ пушечныхъ 1,740, ящиковъ для содержанія картечь и протчаго 6, фителя палительнаго 5 пудовъ 28 фунтовъ, фтулокъ деревянныхъ пушечныхъ 29“.

Ниже Царицына находится нѣмецкая колонія Сарепта. Она основана была за нѣсколько лѣтъ передъ Пугачевымъ моравскими братьями или гернгутерами. Такъ-какъ колонія эта подвергалась частымъ нападеніямъ киргизъ-кайсаковъ и понизовой вольницы, то для отраженія непріятеля она и снабжена была нѣсколькими орудіями. Но этихъ орудій было слишкомъ недостаточно для того, чтобы противостать съ ними всѣмъ силамъ Пугачева, который едва-ли долженъ былъ миновать Сарепту. Ихъ слѣдовало перевезти въ Царицынъ, или, въ противномъ случаѣ, они сдѣлались бы добычею самозванца. Однако, и сарептскую артиллерію перевозить было и не на чемъ и некогда — Пугачевъ былъ уже слишкомъ близко. Тогда Цыплетевъ приказалъ испортить подъ пушками лафеты, самыя пушки заклепать и зарыть въ землю, а

всѣ артиллерійскія принадлежности и припасы, ядра, порохъ и проч. бросить въ воду. Такимъ образомъ, въ Сарептѣ зарыто было въ землю и брошено въ воду 12 чугунныхъ пушекъ съ лафетами, 12-пушечныхъ шуфлъ, столько же банниковъ, пыжевники, ганшпиги, втулки, ящики, пирамиды, болѣе 2,000 пушечныхъ ядеръ, множество картечи и проч., и только успѣли перевезти въ царицынскій цейхгаузъ, находившійся въ Сарептѣ, порохъ.

Точно также истреблены были артиллерійскія принадлежности на форпостахъ, расположенныхъ ниже Царицына къ Черному Яру; однако, пушки и заряды успѣли спасти въ Царицынъ.

Наконецъ, Пугачевъ прошелъ и волжское войско. Ему уже остается нѣсколько верстъ до Царицына, а о Михельсонѣ все нѣтъ извѣстій. Не легко было Цыплетеву ожидать съ часу на часъ страшную грозу, особенно когда отъ начальниковъ донскихъ отрядовъ прискакалъ къ нему гонецъ съ письмомъ, о которомъ мы говорили выше. А тутъ со всѣхъ сторонъ поступаютъ требованія объ отпускѣ пороха, свинцу, ядеръ, картечи, и всѣхъ надо было удовлетворить, между тѣмъ, какъ вдали уже виднѣлась пыль, поднятая нестройными полчищами самозванца. Впродолженіе одного мѣсяца Цыплетевъ долженъ былъ выдать болѣе 120 пудовъ одного мушкетнаго пороху, болѣе 230 пудовъ свинцу для пуль, не считая пороху пушечнаго, ручнаго и другихъ боевыхъ принадлежностей.

Силы Пугачева, между тѣмъ, не умалялись, а постоянно возрастали. Кромѣ волжскихъ казаковъ, почти подъ самымъ Царицынымъ, къ нему пристали калмыки, которыхъ насчитывалось до 3,000 человѣкъ. Донскіе казаки также измѣ-

нили, какъ того и боялись ихъ начальники. Шесть донскихъ полковъ увеличили собой армію самозванца, а начальники ихъ бѣжали въ Царицынъ.

Но вотъ и изъ Царицына увидѣли распущенныя знамена и нестройныя толпы народа. Страшное „чудовище“ остановилось подъ самой крѣпостью, въ виду донскихъ отрядовъ, которые не знали, что̀ имъ дѣлать, защищать ли крѣпость, или примкнуть къ злодѣйскимъ „толпищамъ“, развернувшимъ передъ ними свои знамена и свой безобразный „кошъ“, съ безчисленнымъ множествомъ телегъ, колясокъ, палатокъ, съ толпами плѣнныхъ дворянъ и дворянскихъ дѣвицъ. Неудачная, въ первый моментъ, пушечная пальба изъ Царицына рѣшила дѣло не такъ, какъ ожидалъ Цыплетевъ, хотя и былъ предупрежденъ о „сумнительствѣ“ донскихъ казаковъ: ядра съ царицынскихъ батарей случайно посыпались въ то именно мѣсто, гдѣ стояли донскіе казаки въ нерѣшимости, вступить ли имъ въ борьбу съ невѣдомымъ для нихъ и таинственнымъ человѣкомъ, или предаться ему—и казаки отдались самозванцу.

— Когда началась изъ Царицына стрѣльба, на то самое мѣсто, гдѣ стояли донскіе казаки, я всѣхъ оныхъ къ себѣ заворотилъ—говорилъ впослѣдствіи Пугачевъ—полковники жь тѣхъ донскихъ казаковъ всѣ ушли въ городъ.

XI.

Царицынъ, однако, устоялъ противъ Пугачева.

Такъ какъ подробности осады этого города изложены на-

ми съ достаточною полнотою въ другихъ статьяхъ о данной эпохѣ (1), то мы и не будемъ здѣсь касаться этого предмета. Прибавимъ только, что во время канонады города, было выжжено и сломано въ предмѣстьѣ до 50 домовъ.

Какъ бы то ни было, Царицынъ не достался самозванцу, благодаря распорядительности Цыплетева.

Осада Царицына происходила 21-го августа, а 22-го въ этомъ городѣ былъ уже Михельсонъ. Отряды его были сильно изнурены тою невѣроятною быстротою, съ которою онъ несся за самозванцемъ. Съ начала весны Михельсонъ успѣлъ искрестить десятки тысячъ верстъ, гоняясь за своимъ неуловимымъ противникомъ. Онъ исходилъ всѣ оренбургскія степи, уральскую возвышенность, Башкирію. Онъ почти каждый день давалъ самозванцу сраженія, или нападалъ на его отдѣльныя толпы. Онъ не зналъ усталости, какъ не уставалъ и его страшный противникъ съ своими удалыми помощниками, которые успѣвали и поражать правительственныя войска, и отбиваться отъ Михельсона, и брать крѣпости, и вербовать новыя полчища, и вѣшать взятыхъ въ плѣнъ дворянъ и чиновниковъ, и вновь переходить сотни и тысячи верстъ, разсылая всюду свои „исполненныя измѣннические ядомъ“ письма, грамоты, указы, манифесты.

Но Михельсонъ не останавливался въ Царицынѣ. Бросивъ тамъ негодныя пушки и замѣнивъ ихъ новыми, онъ просилъ Цыплетева приготовить для его отрядовъ фуражъ и провіантъ и отправить его по Волгѣ, а самъ тотчасъ же бросился по дорогѣ, по которой наканунѣ ушелъ самозванецъ.

---

(1) „Пугачевщина“ и „Пугачевскій полковникъ Ивановъ.“

Разработывая по неизданнымъ документамъ смутное время пугачевщины, мы уже высказали въ одной изъ монографій, что пугачевская смута замѣчательна тѣмъ именно, что отдѣльныя, весьма характеристическія и въ высшей степени драматическія подробности, можно сказать съ увѣренностью, положительно неисчерпаемы. Чего не сохранили письменные документы, уничтоженные въ архивахъ пожарами послѣдующихъ лѣтъ, чего нѣтъ въ архивныхъ дѣлахъ и официальныхъ бумагахъ, такъ-какъ не всѣ факты этой страшной эпохи могли быть записаны, потому что, при общей паникѣ, жившимъ въ то время людямъ было не до того, чтобы записывать подробности пронесшейся надъ ними бури, и весьма немногихъ оставившей въ живыхъ—однимъ словомъ, чего не сохранила печать и письмо, то сохранила народная память. Притомъ, еслибы кто и захотѣлъ въ то время записывать всѣ болѣе или менѣе выдающіяся, а иногда и мелкія, но ярко обрисовывающія эпоху отдѣльныя детали страшной драмы, то все-таки онъ не могъ сдѣлать этого съ достаточной и желательной для историка полнотою: съ одной стороны это было физически невозможно, да никто и не взялся бы за этотъ трудъ, который былъ бы не по силамъ одному человѣку, съ другой—отдѣльное лицо могло записать событія, случившіяся исключительно въ одной мѣстности, какъ это и сдѣлалъ академикъ Рычковъ, которому по неволѣ приходилось высидѣть въ Оренбургѣ въ осадѣ и, подъ громомъ ежедневныхъ канонадъ и перестрѣлокъ, составлять свою „Лѣтопись.“ И это можно было сдѣлать единственно лишь *во время* пугачевщины, отъ октября 1773 года до октября 1774, а позже это уже было невозможно: въ самый разгаръ пугачевщины правительство, опасаясь раздраженія черни, ко-

торую волновалъ всякій разсказъ и всякій слухъ о самозванцѣ, запретило толковать о Пугачевѣ; за произнесеніе его имени, какъ за „непристойныя рѣчи“, сѣкли плетьми, кнутомъ, ссылали въ Сибирь, рѣзали уши, какъ мы уже и говорили объ этомъ въ статьѣ „Пугачевскій полковникъ Ивановъ“, по поводу того, что нѣкто Ружейниковъ, въ Царицынѣ, въ магистратѣ, жалуясь на то, что онъ разоренъ во время бунта, выразился такъ: „батюшкины и меня разорили“, и за это, то-есть „за легкомысленность и проговоръ непристойныхъ словъ, въ страхъ другимъ, а ему на осторожность, чтобы отъ всякихъ пустыхъ враковъ удержался, былъ наказанъ плетьми.“ Такимъ образомъ, вслѣдствіе полицейскаго запрещенія, народъ боялся говорить о Пугачевѣ, потому что запрещеніе, какъ полицейская мѣра, имѣло силу закона до самаго восшествія на престолъ императора Александра I, который разрѣшилъ писать о Пугачевѣ; но и послѣ того народъ неохотно говорилъ объ эпохѣ, о которой онъ, впрочемъ, помнилъ много страшнаго и много любопытнаго. Уже современникъ Пугачева, казанскій архимандритъ Платонъ Любарскій, слова котораго Пушкинъ поставилъ эпиграфомъ къ „Исторіи пугачевскаго бунта“, высказалъ мысль о невозможности дать полный историческій очеркъ этого многознаменательнаго времени. „Мнѣ кажется—говоритъ онъ—сего вора всѣхъ замысловъ и похожденій нетолько посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать едва-ли бы удалось, потому что—прибавляетъ онъ—всѣ его затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли, почему и самъ Пугачевъ, думаю, подробностей оныхъ нетолько разсказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи,

поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удальства въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили.“

Вотъ почему историкъ не долженъ обходить народные разсказы, составляющіе весьма богатый и вполнѣ законченный циклъ смутной эпохи, такъ какъ разсказы эти, съ одной стороны, рельефнѣе, чѣмъ самые письменные документы, рисуютъ картину этой эпохи, въ частностяхъ, въ отдѣльныхъ эпизодахъ, въ драгоцѣнныхъ для историка деталяхъ, и, съ другой стороны, они всецѣло выражаютъ взглядъ народа на самую эпоху и ея дѣятелей, какъ со стороны правительственной, такъ и со стороны противоположной ей. А этихъ разсказовъ и преданій, даже съ характеромъ эпической легендарности, такъ много, эта эпоха до того богата характерными подробностями, что смутное время московскаго государства или эпоха первыхъ самозванцевъ (XVII-го вѣка) передъ этою послѣднею пугачевской эпохою является совершенно бѣдною фактически. Въ силу этихъ убѣжденій мы и говорили не разъ, что не считаемъ себя въ правѣ умалчивать и о тѣхъ эпизодахъ пугачевщины, которые сохранились единственно лишь въ народныхъ разсказахъ и пополняютъ собою недосказанное уцѣлѣвшими отъ того времени официальными бумагами и свидѣтельствами современниковъ. Мы утверждали даже, что считаемъ прямою обязанностью историка не давать погибнуть этимъ разсказамъ, какъ погибли безслѣдно разсказы о другихъ временахъ нашей исторіи, болѣе отдаленныхъ, что на насъ, близко живущихъ къ событіямъ прошлаго вѣка, лежитъ обязанность, на столько же священная, какъ священно все, что стало памятникомъ прожитыхъ человѣчествомъ вѣковъ страданій, борьбы и поступательнаго

хода къ развитію—передать будущимъ вѣкамъ то, что̀ мы слышали отъ нашихъ стариковъ и сверстниковъ и чего наши потомки не могутъ услышать ни отъ кого, если не прочитаютъ въ книгахъ, которыя мы имъ оставимъ. Да и притомъ, развѣ не самую значительную долю всей исторіи человѣчества составляютъ именно народные разсказы о томъ, чего не сохранила ни офиціальная бумага, ни государственная исторія? И развѣ вся поэтическая и обаятельная сторона исторіи Греціи и Рима не народный разсказъ? Развѣ не народная память и не народная поэзія, имѣя въ основѣ зерно исторической правды, украсили до увлекательности подвиги Леонида, Александра Македонскаго, Сципіона, Цезаря, Муція Сцеволы? Бѣдна та эпоха, казенныя реляціи о которой не пополнила, не оживотворила и не изукрасила живенными подробностями народная память, и не завидна участь того историка, въ трудъ котораго народное творчество не влило живой струи своего собственнаго пониманія и своей собственной народной оцѣнки событій, передаваемыхъ историкомъ.

Въ войскѣ донскомъ сохранился разсказъ о неудачномъ походѣ Пугачева на Донъ. Хотя изъ историческихъ и неподлежащихъ сомнѣнію современныхъ документовъ извѣстно, что самозванецъ не проходилъ на Донъ, однако народная память сохранила въ высшей степени характеристическій разсказъ о движеніи Пугачева въ земли войска донскаго. Безъ сомнѣнія, если въ основаніи разсказа лежитъ историческая правда, то подъ Пугачевымъ мы должны разумѣть одного изъ его полковниковъ, въ родѣ Иванова, Каменскаго и другихъ, которые дѣйствительно заходили въ предѣлы донскихъ земель, но были весьма удачно отбиты донцами. Впрочемъ,

во всѣхъ слыханныхъ нами по Дону и по Медвѣдицѣ разсказахъ, пугачевскимъ полковникамъ, которые заводили туда свои шайки, придается общее имя Пугача или Пугачева. Такъ и въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, надо полагать, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ не Пугачевъ, а одинъ изъ его мнимыхъ генераловъ или самозванныхъ полковниковъ, потому что самъ Пугачевъ, послѣ неудачнаго приступа къ Царицыну, не поворотилъ къ Дону, а пошелъ къ Астрахани.

Разсказъ повѣствуетъ слѣдующее:

Послѣ взятія Пугачевымъ Царицына, гдѣ самозванецъ разбилъ „русскія“ войска подъ предводительствомъ самого Суворова; онъ отправилъ пословъ къ Платову, популярнѣйшему изъ донскихъ героевъ, который въ то время былъ еще только сотникомъ и командовалъ сотнею отчаяннѣйшихъ донцовъ, которые, на всемъ скаку, убивали на лету ласточекъ изъ ружья и могли потягаться съ десятитысячнымъ корпусомъ „русскихъ“ солдатъ. Пугачевъ требовалъ, чтобы Платовъ присягнулъ ему, какъ своему законному государю. Платовъ велѣлъ обрѣзать уши посламъ и привязавъ ихъ верхомъ на клячъ, задомъ къ хвостамъ, отправилъ обратно къ самозванцу.

— Скажите вашему Емелькѣ Пугачеву, что пока Донъ не побѣжитъ вверхъ и славные донскіе казаки не будутъ ходить въ лаптяхъ, я не покорюсь ему.

Такой отвѣтъ отправилъ Платовъ съ послами самозванца.

Пугачевъ пришелъ въ ярость, услышавъ этотъ отвѣтъ и увидѣвъ въ какомъ униженіи возвратились къ нему его посланные. Онъ велѣлъ тотчасъ же готовиться къ походу на

Донъ, а между тѣмъ приказалъ устроить особую телегу, на которую поставилъ висѣлицу съ мочальною веревкою. Въ телегу эту запрягли четырехъ клячъ, на которыхъ возвратились отъ Платова его послы. Висѣлица предназначалась для Платова.

Вскорѣ все войско Пугачева было готово. Самъ онъ ѣхалъ на конѣ, впереди всего войска, а около него гарцовала его свита. Для острастки донскихъ казаковъ, Пугачевъ велѣлъ привязать къ лошадинымъ хвостамъ трупы нѣсколькихъ русскихъ дворянъ, и лошади эти, управляемыя оборванными мужиками, шли по обѣимъ сторонамъ войска. Всѣ пушки бѣли заряжены.

Платовъ поджидалъ самозванца у самаго Дона. Отчаянная сотня его гарцовала на берегу, и едва казаки завидѣли издали войско Пугачева, тотчасъ понеслись къ нему на встрѣчу „съ гикомъ-крикомъ.“ Стремительный натискъ донскихъ гонцовъ смѣшалъ ряды пугачевскаго войска, а самъ Платовъ успѣлъ подскакать къ Пугачеву, когда тотъ распоряжался стрѣльбой, и со всего размаху далъ ему пощечину, проговоривъ:

— Вотъ тебѣ, с... сынъ. зимовейскій воръ, присяга отъ славнаго казака Платова!..

— Ловите разбойника! закричалъ ошеломленный Пугачевъ: — кто поймаетъ его, тому я даю изъ моей царской казны столько золота, сколько вѣситъ Платовъ съ лошадью и сбруею!

Но Платова не могли поймать. Конь его леталъ быстрѣе вѣтра.

Пугачевъ послалъ въ атаку всю свою конницу; но и конница ничего не могла сдѣлать съ донскими казаками; сна-

чала они, расположась лавой, выждали приближеніе пугачевскихъ конниковъ, и когда тѣ подскакали на разстояніе мушкетнаго выстрѣла, дали залпъ изъ винтовокъ. Ни одинъ донской казакъ не промахнулся: сто пугачевскихъ всадниковъ упало съ лошадей; остальная же пугачевская конница, давъ съ своей стороны залпъ, не убила ни одного казака, потому что казаки, опытные наѣздники, успѣли подвернуться подъ брюха лошадей, держась за конскія гривы. Пули пугачевскихъ всадниковъ пролетѣли надъ головами лошадей отчаянной сотни.

Но донцы не долго оставались въ такомъ положеніи. Такъ какъ пугачевская конница продолжала стремиться на нихъ, то они мгновенно спѣшились, и каждый казакъ, ставъ на одно колѣно и держа на перевѣсъ пику, тупымъ концомъ упертую въ землю, ждалъ приближенія непріятеля. Наскакавшія на нихъ лошади пугачевской конницы напоролись на казацкія пики и такимъ образомъ конница еще болѣе разстроилась.

Тогда Платовъ опять скомандовалъ „на конь“, и сотня его вновь начала рубить и колоть пугачевцевъ. Но когда нагрянули всѣ силы самозванца, сотня не могла выдержать напора и ретировалась къ Дону. Пугачевъ погнался за ними и принудилъ ихъ броситься въ Донъ, который они и перешли вплавь, держась за хвосты своихъ коней и поднявъ надъ водой свои винтовки и пистолеты.

— Ребята! закричалъ Пугачевъ къ своему войску:—кто первый перейдетъ Донъ, того возьму въ свои адъютанты.

Цѣлая толпа бросилась въ воду. Многіе потонули, не доплывъ и до середины. Другіе же были убиты мѣткими вы-

стрѣлами донцовъ, которые засѣли на противоположномъ берегу Дона и поражали пугачевцевъ.

Пугачевъ велѣлъ немедленно строить плоты и паромы: плоты для перевозки своего войска, а паромы для артилліи. Плоты и паромы были сдѣланы въ нѣсколько часовъ. Артиллерія поставлена была на паромы и стала переправляться черезъ Донъ.

— Атаманы-молодцы! обратился Платовъ къ своей сотнѣ:—кто изъ васъ хочетъ быть хорунжимъ?

— Я! я! я! закричала въ одинъ голосъ вся сотня.

— Слушайте, атаманы-молодцы: кто изъ васъ съумѣетъ потопить пугачевскія пушки?

— Я! я! я! закричала снова въ одинъ голосъ вся сотня.

— Спасибо, атаманы-молодцы!.. Какъ же вы это сдѣлаете?—говори старшій!

Тогда вышелъ изъ сотни сѣдой, какъ лунь, казакъ и сказалъ:

— Возьмемъ мы, батюшка-сотничекъ, по буравчику, подныримъ подъ тѣ кораблики, просверлимъ по дырочкѣ — и кораблики потопать станутъ, а тѣ пушечки, какъ перушки, поверхъ воды останутся.

— Ладно, сказалъ Платовъ: — не пропасть Россійскому царству, покуль славный тихій Донъ не высохнетъ, а славные донскіе казаки не переведутся до единаго.

Но такъ-какъ вся сотня хотѣла идти на отчаянный подвигъ, то Платовъ велѣлъ бросить жребій.

— Кого самъ Богъ изберетъ, тотъ пущай и сослужитъ службу славному войску донскому.

Вся сотня стала молиться Богу, и каждый казакъ просилъ, чтобы Богъ избралъ его для потопленія пугачевской

артиллеріи. Жребій палъ на десять донскихъ казаковъ. Они взяли по буравлю, раздѣлись, перекрестились и бросились въ Донъ. Отплывъ отъ берега на небольшое разстояніе, они нырнули въ воду и исчезли. Пугачевъ, стоя на берегу и сажая на плоты свое войско, не могъ догадаться, что это дѣлаютъ казаки, и думалъ, что Платовъ шлетъ къ нему пословъ съ повинною.

Но вскорѣ онъ увидѣлъ свою ошибку. Паромы съ артилеріею опускались въ воду все ниже и ниже, и Пугачевъ увидѣлъ, что пушки его начинаютъ тонуть. Думая, что паромы успѣютъ достигнуть берега, не потонувъ, онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, но едва фитили приложены были къ пушечнымъ затравкамъ, какъ пушки и канониры погрузились въ воду.

Такъ погибла вся пугачевская артиллерія.

Пугачевъ увидѣлъ, что съ донскими казаками ему не справиться, и велѣлъ своему войску опять высаживаться на берегъ. Тогда Платовъ вздумалъ еще больше насмѣяться надъ самозванцемъ. Онъ переряднлся въ простое казацкое платье и, переплывъ черезъ Донъ, такъ чтобы его не видѣлъ Пугачевъ, явился въ его станъ. Платова привели къ самозванцу.

— Кто ты? спросилъ Пугачевъ.

— Донской казакъ.

— Что тебѣ отъ меня нужно?

— Я хочу сослужить вашему величеству службу вѣрную.

— Какую, говори.

— Я приведу къ вашему величеству храбраго Платова: я у него на вѣстяхъ и, связавъ его соннаго, доставлю къ вамъ въ кошъ.

— Ладно, говоритъ Пугачевъ: — доставь, я тебя золотомъ осыплю.

— Уговоръ лучше денегъ, сказалъ Платовъ:—дайте мнѣ столько золота въ задатокъ, сколько свезетъ мой меринъ.

Пугачевъ согласился. Платовъ былъ „одву-конь“, какъ это часто дѣлаютъ казаки, отправляясь въ походъ, для того чтобы всегда имѣть въ запасѣ свѣжую лошадь, и потому одну изъ его лошадей навьючили золотомъ. Но, переправившись на другую сторону Дона, онъ подъѣхалъ къ берегу противъ того мѣста, гдѣ стоялъ Пугачевъ, и закричалъ, показывая мѣшки съ золотомъ.

— Ахъ, ворона, ты, ворона, зимовейскій выб.... Емелька Пугачевъ! Не поймалъ ты ясна сокола, да сталъ перушки щипать... Прощай и помни: я донской казакъ, по прозванью Платовъ.

Пугачевъ повелъ свою армію прежнею дорогой, не осмѣливаясь уже больше покушаться нападать на донское войско.

Такъ передаетъ народный разсказъ столкновеніе самозванца съ Дономъ. Разсказъ этотъ слышанъ нами лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ Раздорской станицѣ. Хвастливый тонъ и неменѣе хвастливое содержаніе, которыми, впрочемъ, отличаются всѣ разсказы донцовъ о своихъ подвигахъ, и въ особенности о подвигахъ такихъ любимцевъ и народныхъ героевъ, какъ Платовъ, не лишаетъ этого разсказа той небольшой доли исторической правды, которая положена въ основу разсказа. Правда, Пугачевъ не былъ на Дону, но полковники его, какъ Ивановъ и Каменскій, заводили свои толпы въ юрты верховыхъ медвѣдицкихъ станицъ, о чемъ мы особо говорили въ отдѣльной монографіи о полковникѣ Ивановѣ. Мало того, 18-го августа происходили двѣ битвы донскихъ

казаковъ съ пугачевскими партіями при станицахъ Етеревской и Заполянской, и побѣда осталась на сторонѣ донцовъ, которыми предводительствовали заслужившіе историческую память донскіе полковники и старѣйшины, именно походный атаманъ Абросимъ Луковкинъ, имя котораго такъ часто упоминается при разсказахъ о стычкахъ донцовъ съ партіями Иванова и Каменскаго, полковники Кульбаковъ, Яновъ и Вуколовъ. Трофеями Луковкина были два знамени, отбитыя у пугачевцевъ, нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, лошади; немало разбойниковъ было поколото казацкими пиками ([1]). Въ другой битвѣ, за Малодельскою станицею, 13-го августа, Луковкинъ, Яновъ, Вуколовъ и Кульбаковъ разбили пугачевцевъ чуть-ли не на голову, такъ что однихъ труповъ осталось на мѣстѣ сраженія болѣе ста человѣкъ, несмотря на то, что отряды донцовъ были незначительные и состояли единственно лишь изъ такъ-называемыхъ „поголовныхъ командъ“ медвѣдицкихъ станицъ. Послѣ пораженія, пугачевцы разбѣжались по лѣсамъ, и, скучившись въ особую толпу, направились къ Волгѣ, „имѣя у себя нетомленыхъ по

([1]) «Походный атаманъ Абросимъ Луковкинъ рапортуетъ (войсковой канцеляріи), что онъ обще съ полковниками Кульбаковымъ, Яновымъ и Вуколовымъ, надъ вступившею въ медвѣдицкія отъ Береговской станицы злодѣя и тирана Пугачева партіею, при называющемся злодѣйскомъ полковникѣ, 12-го числа, въ Етеревской станицѣ, учиня поискъ, помощію божіею всѣхъ въ прахъ разбилъ, причемъ-де довольное число злодѣевъ поколоно въ смерть, а раненыхъ взято нѣсколько человѣкъ, и отбито двѣ хоругви, и нѣсколько жь лошадей, и что онъ того жь числа, получа извѣстіе о таковыхъ же злодѣяхъ, показавшихся въ Заполянской станицѣ, для истребленія ихъ тотъ же часъ туда отправился и, какъ изъ рапорта его видно, и ихъ разбилъ».

двѣ и по три заводныхъ лошадей, въ соединеніе къ толпѣ самого злодѣя Пугачева.“ Чтобы не допустить эту разбитую у Молодельской станицы толпу до соединенія съ главными силами самозванца, Луковкинъ отправилъ за нею двѣ партіи, выбравъ, по возможности, „доброконныхъ казаковъ,“ такъ-какъ всѣ остальные были слишкомъ утомлены непрестанными битвами при Етеревской и Молодельской станицахъ и не могли угнаться за пугачевцами, изъ которыхъ каждый имѣлъ по двѣ и по три лошади. Партіями этими командовали Мельниковъ и Вуколовъ. Они должны были гнаться за злодѣями по слѣдамъ, „сакмою,“ чтобы не потерять изъ виду; но чѣмъ кончилась эта экспедиція, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что самъ Луковкинъ войсковою грамотою былъ командированъ въ соединеніе съ полковникомъ Иловайскимъ и долженъ былъ въ *одно и то же время* защищать Царицынъ отъ самого Пугачева и отражать нагрянувшія на верховыя медвѣдицкія станицы партіи пугачевскихъ коноводовъ Иванова, Каменскаго и другихъ. Надо было, такимъ образомъ, разорваться на двое и на трое, чтобъ *разомъ* быть въ трехъ и четырехъ мѣстахъ, а иначе, въ то ужасное время, въ одинъ часъ могло быть все потеряно и Донъ перешелъ бы въ руки самозванца.

Хвастливый тонъ, которымъ отличается разсказъ о небываломъ столкновеніи Пугачева съ Платовымъ, замѣчается, впрочемъ, и въ оффиціальныхъ реляціяхъ донскихъ старшинъ о дѣйствіяхъ ихъ противъ мятежниковъ во время пугачевщины. Мы уже видѣли выше результатъ битвы при Пролейкѣ, гдѣ Пугачевъ однимъ выстрѣломъ заставилъ разбѣжаться калмыцкое войско, высланное противъ него, подъ предводительствомъ князя Дундукова: въ этой битвѣ пала

вся легкая полевая команда, на которую мѣстныя власти возлагали единственную надежду, палъ начальникъ этой команды, несчастный Дицъ, смерть котораго должна лежать на памяти астраханскаго губернатора Кречетникова, который съ испугу не зналъ что ему дѣлать и послалъ Дица подъ обухъ; въ этой битвѣ, наконецъ, разбиты были и донскіе отряды, которые, совмѣстно съ калмыками и полевой командою, думали пересѣчь дорогу Пугачеву, неудержимо стремившемуся на югъ и огрызавшемуся, подобно раненому льву. А между тѣмъ, донскіе полковники Кутейниковъ и Грековъ, разбитые при Пролейкѣ вмѣстѣ съ Дицемъ и княземъ Дундуковымъ и едва спастіеся къ Царицыну (Кутейниковъ, впрочемъ, черезъ нѣсколько дней былъ снова настигнутъ Пугачевымъ, весь исколотъ, избитъ, взятъ въ плѣнъ и приговоренъ къ разстрѣлянію изъ ружья подобно собакѣ, хотя и спасся случайно отъ смерти по безпечности стрѣлявшаго въ него палача, какъ мы и видѣли выше), послали къ войску донскому вѣсть, будто они, „полковники Кутейниковъ и Грековъ, встрѣтивъ, въ урочищѣ Пролейкѣ государственнаго злодѣя и бунтовщика Пугачева, соединясь съ легкою полевою командою, не убоясь того злодѣя Пугачева, а особливо наблюдая свою присяжную должность, стремительнымъ образомъ сочиня съ нимъ баталію *и разбивъ* (!) толпы его до нѣсколько побили да въ полонъ взяли тожъ... *а хотя онъ злодѣй разбитъ*“, однако... и т. д.

Что же касается до того, что битву съ Пугачевымъ и отраженіе его отъ донскихъ предѣловъ народный разсказъ пріурочиваетъ къ имени казацкаго баловня Платова, то это имя упоминается и въ другомъ разсказѣ, переданномъ нами

въ статьѣ „Пугачевскій полковникъ Ивановъ“, гдѣ положительно говорится, будто „генералъ Платовъ поймалъ Амельку (Пугача), когда тотъ подходилъ къ Черкаску.“

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, Пугачевъ не осмѣлился пойти на Донъ и, отбитый отъ Царицына, двинулся далѣе къ югу.

Достойно особеннаго замѣчанія, что всѣ распоряженія Кречетникова или, какъ онъ выражался, „достаточныя наставленія“ къ оборонѣ Царицына и Камышина пришли въ Царицынъ—первая *22-го августа*, когда самозванецъ уже былъ отбитъ отъ того города доблестнымъ Цыплетевымъ и горстью офицеровъ, солдатъ и гражданъ, а послѣдніе— *25-го августа*, когда уже давно былъ убитъ несчастный камышинскій комендантъ, Касперъ Меллинъ, на имя котораго писался ордеръ и когда Пугачевъ не только прошелъ Камышинъ, волжское войско, Царицынъ, но и былъ уже, утромъ этого дня, окончательно разбитъ Михельсономъ. Такимъ канцелярскимъ китаизмомъ отличались въ то время дѣйствія всѣхъ высшихъ властей, которыя или не умѣли дѣйствовать или боялись шевельнуться и только строчили промеморіи за промеморіями и ордеры за ордерами, или медлили до непостижимости, а между тѣмъ приказывали своимъ подчиненнымъ властямъ ждать ихъ „персональныхъ“ распоряженій и не смѣть ничего сдѣлать безъ позволенія свыше. Безъ сомнѣнія, и Цыплетева, съ защищаемымъ имъ городомъ, постигла бы участь злополучнаго Меллина, еслибъ онъ ждалъ распоряженія своего непосредственнаго начальника, который только и писалъ изъ Астрахани, что „не укосню выступить и самъ“ противъ Пугачева, да спрашивалъ Цыплетева, что дѣлаетъ самозванецъ, гдѣ онъ, что

дѣлаютъ другія войска, гдѣ Михельсонъ, Бошнякъ, что дѣлается въ Саратовѣ, куда намѣренъ двинуться Пугачевъ и проч. и проч. Приказы его постоянно запаздывали, наставленія приходили по миновапіи въ нихъ надобности, да притомъ были непримѣнимы къ дѣлу. На всѣхъ распоряженіяхъ властей лежитъ печать застоявшагося канцеляризма: гдѣ нужна быстрота, рѣшительность, тамъ шла такъ-называемая московская канцелярская волокита. Было бы отписано—и дѣлу конецъ.

Въ такомъ печальномъ и неблаговидномъ свѣтѣ представляются всѣ высшіе правительственные дѣятели времени Пугачева—фонъ Рейнсдорпъ, фонъ Брантъ, Голицынъ, Декалонгъ, Шетневъ, Каръ, Чернышовъ, Фрейманъ, Кречетниковъ. А между тѣмъ, Кречетниковъ былъ изъ лучшихъ государственныхъ людей второй половины прошлаго вѣка. Знаменитые орлы изъ стаи великой Екатерины были, какъ видно, не настоящіе орлы, а другой породы птицъ. Простой казакъ, въ натурѣ котораго была какая-то непостижимая стремительность, который не зналъ ни утомленія, ни страха, оказался способнѣе сподвижниковъ великой императрицы. Даже полковники и генералы этого самозванца партизана, вышедшіе изъ массы народа, или изъ остроговъ, оказались болѣе даровитыми и болѣе дѣятельными личностями, чѣмъ люди, призванные къ кормилу правленія. Какой нибудь Чика не въ шутку могъ назваться графомъ Чернышовымъ, военнымъ министромъ казака-атамана, когда его стремительныя и постоянно разсчитанныя на успѣхъ дѣйствія парализировали всѣ распоряженія военныхъ совѣтовъ, составлявшихся изъ заслуженныхъ военачальниковъ.

Неудивительно, что и Кречетниковъ дѣйствовалъ не вполѣ

падъ и непростительно медленно, когда гроза висѣла еще слишкомъ далеко отъ его головы, какъ ему казалось, хотя и издали гроза эта представлялась уже страшною и неотвратимою ([1]).

([1]) Приведемъ здѣсь, въ выноскѣ, главныя распоряженія Кречетникова, пришедшія на мѣсто дѣйствія, когда уже было поздно, и когда уже самое дѣйствіе кончилось. Первое относится къ защитѣ Камышина. Оно писано къ камышинскому коменданту Касперу Меллину. Такъ-какъ Меллинъ былъ убитъ при взятіи Камышина самозванцемъ (13-го августа), то оно получено уже Цыплетевымъ (25-го августа). Писано же оно 15-го августа опять таки послѣ смерти Меллина, и писалось, слѣдовательно, къ мертвому. Вотъ оно: «Сего августа 15-го присланнымъ ко мнѣ репортомъ вашимъ представлено, что по притчинѣ приходу извѣстнаго злодѣя Пугачева въ Саратовъ, и городъ Дмитріевскъ (Камышинъ) состоитъ въ опасности. На которое дается вамъ знать, что отъ стороны Царицына, противъ его, злодѣя, господинъ полковникъ князь Дондуковъ съ калмыцкимъ войскомъ и казаками уже выступилъ, коему и легкую полевую команду, да и волскихъ казаковъ всѣхъ съ ихъ старшинами велѣно присоединить; отъ стороны же Дона слѣдуетъ еще особо съ деташементомъ господинъ генералъ-маіоръ князь Багратіонъ, который тожь съ тѣми калмыками совокупится и дѣйствовать будутъ противъ того злодѣя во истребленіи ихъ общими силами, какъ о всемъ томъ царицынскому коменданту, да и ему полковнику Дондукову, также и волскому войсковому старшинѣ Персицкому довольныя наставленія отъ меня предписаны, слѣдовательно, они по сіе время города Дмитріевска и достигнуть могли (нѣтъ, не достигли), которыи ими, да и волскія казачья населенія надежно защититься могутъ (нѣтъ, не могли!). Почему ваше высокоблагородіе и имѣете вспоможенія и обороны себѣ требовать отъ него, полковника. Городъ же стараться привесть въ оборонительное состояніе всѣмъ обществомъ, и на сей только случай взять купцовъ и другихъ вѣдомства ихъ людей отъ ратуши, а бобылей отъ ихъ опекуна, маіора Гололобова, сколько къ тому потребно, а по миновании опасности (!) оныхъ всѣхъ отъ таковой тягости уволить и никаково припятствія въ ихъ промыслахъ и работахъ не чинить, и въ семъ ко исполненію сей ордеръ мой въ тамошней ратушѣ и

XII.

Отъ Царицына Пугачевъ шелъ по направленію къ Са-
рептѣ. Войско его увеличилось шестью полками донскихъ казаковъ. Обозъ умножился стадами, угнанными его новыми подданными, калмыками, изъ окрестностей Царицына.

ему, маіору, объявить, и что о злодѣяхъ происходить будетъ, объ ономъ по часту ко мнѣ репортовать съ нарочными курьеры (а курьерамъ не на чемъ было ѣздить), выдавая имъ прогонныя деньги на счетъ секретноі комиссіи, о чемъ отъ меня на указномъ основаніи ордеромъ вамъ и подтверждено; бѣглецы жь, извѣстно, судятся по правамъ, о коихъ впредь, по окончаніи опасности, и резолюція дана будетъ».

Эта бумага помѣчена уже Цыплетевымъ. Собственно же Цыплетеву Кречетниковъ рекомендовалъ слѣдующія мѣры для встрѣчи Пугачева. Получивъ отъ Цыплетева увѣдомленіе «о измѣнѣ волскаго войска и сумнительности донскихъ казаковъ», а также о взятіи самозванцемъ Камышина, Кречетниковъ писалъ: «по неимѣнію у меня конныхъ легкихъ войскъ, въ подкрѣпленіе ни васъ, ни его, полковника князя Дундукова, снабдить мнѣ никакъ невозможно, и всего здѣсь (въ Астрахани) собрано съ станицъ конныхъ казаковъ съ полтораста человѣкъ, но и тѣхъ послать весьма опасно, въ преданности ихъ къ злодѣямъ, да и толикое малое число никакого вспоможенія сдѣлать и поспѣшить туда не могутъ. Калмыкъ же хотя собрать и велѣно, да и дѣйствительно иные сбираются, но ихъ, безъ подкрѣпленія россійскаго войска, въ командировку употребить ни мало не надежно, и пѣхота къ Царицыну тоже не успѣетъ. А какъ, по прежнимъ извѣстіямъ и по вашимъ репортамъ видимо, что злодѣйское стремленіе склоняется внизъ по Волгѣ, слѣдовательно къ недопущенію онаго наисильнѣйше должно стараться, внапервыхъ у Царицына и по линіи ихъ, злодѣевъ, преслѣдовать и искоренить, а вовторыхъ, и здѣсь на отраженіе его и на защищеніе всего города и кочующаго народа взять предохранительныя мѣры, для чего тѣ

На дорогѣ онъ встрѣтилъ академика Ловица, который, въ числѣ прочихъ ученыхъ (Палласа, Гмелина, Иноходцева и др.), командированъ былъ отъ академіи наукъ въ экспедицію, снаряженную императрицею Екатериною II для изученія Россіи. Узнавъ отъ Ловица, что онъ наблюдаетъ дви-

---

казаки и калмыки, да и легкая полевая команда и гарнизонъ на то самое и пріуготовлены. Итакъ, имѣете во укрѣпленіи Царицына поступать по учиненному вами распоряженію, которое мною опробуетца, и тѣхъ злодѣевъ до раззоренія себя отнюдь не допустить и князю Дундукову наикрѣпчайше велѣть на нихъ, обще съ легкою командою, нападать и истреблять. Сверхъ того, наискорѣе вамъ командировать на способныхъ лодкахъ пристойную команду, человѣкъ сто съ пушками, съ надежнымъ оберъ-офицеромъ, и идущія по Волгѣ рѣкѣ злодѣйскія суда съ провіантомъ и экипажами отбить или, по крайней мѣрѣ, ихъ сжечь, или же затопить, и совсѣмъ истребить, чтобъ они цѣлыми отнюдь оставаться не могли. А къ генералъ-маіору князю Багратіону съ прилагаемымъ при семъ сообщеніемъ моимъ отправить наискорѣе нарочнаго курьера, дабы онъ весьма поспѣшалъ съ своимъ деташементомъ къ Царицыну и ихъ, злодѣевъ, въ конецъ искоренялъ. Буде-жь бы они, Царицынъ миновавъ, пойдутъ далѣе сюда внизъ, то вамъ скорѣе водою отправить воинской команды человѣкъ сто или больше съ артиллеріею къ Черному Яру, въ подкрѣпленіе и защищеніе тамошняго города. А естьли они и оной минуютъ, то имъ для сего жь самого, ни мало не мѣшкавъ, спуститься къ Енотаевской крѣпости, и наисильнѣйше приказать стараться обои тѣ городы и жителей отъ нихъ, злодѣевъ, спасти, и что отъ нихъ происходить будетъ, о томъ, по содержанію прежде посланныхъ отъ меня ордеровъ, почасту ко мнѣ репортовать».

Это было писано 12-го августа. Понятно, что изъ Астрахани эта бумага не могла попасть въ Царицынъ раньше Пугачева, который былъ уже въ волжскомъ войскѣ. 20-го же августа Кречетниковъ, получивъ печальную вѣсть о пораженіи правительственныхъ войскъ при Пролейкѣ, о гибели Дица, о плѣнѣ всеи легкой и полевоі команды, о взятіи артиллеріи и всего обоза и о бѣгствѣ калмыцкаго войска, и извиняя трусость калмыковъ, «яко степныхъ и совсѣмъ необыкновенныхъ людей», писалъ,

женія звѣздъ, Пугачевъ велѣлъ повѣсить его „поближе къ звѣздамъ.“

Но тутъ на Пугачева, на эту никогда не устававшую голову, на эти желѣзные мускулы, какъ бы напало какое-то непонятное утомленіе. Страстная, порывистая, но въ то же время безвольная натура — онъ вдругъ залѣнился, забылъ, что все пріобрѣтенное имъ въ теченіе года, можетъ быть потеряно за день лѣни, за пѣсколько часовъ бездѣйствія.

между прочимъ, Цыплетеву, что изъ рапорта его не видно, чтобъ они (то есть калмыки), оставя возложенную на нихъ службу, могли обратиться на побѣгъ назадъ... слѣдовательно (прибавляетъ онъ) и могутъ они теперь собравшись въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, при своей командѣ, противъ злодѣя дѣйствовать, и стараться ими скотъ отъ него отогнать, къ чему они и способны есть. А какъ извѣстно мнѣ, что генералъ-маіоръ князь Багратіонъ съ своимъ деташементомъ 14-го числа приближился къ Царицыну и находился въ Пятизбянской станицѣ, отстоящей отъ онаго въ шестидесяти верстахъ (это не близко, однако), то уже нынѣ, безъ сомнѣнія, прибылъ къ вамъ (нѣтъ, не прибылъ), и могъ совокупиться съ нимъ, полковникомъ (княземъ Дондуковымъ): въ такомъ случаѣ, имѣете придать имъ въ подкрѣпленіе изъ царицынскаго гарнизона пѣхоты, пристойное число выбранныхъ надежныхъ людей, да и примкнувъ къ нимъ калмыкъ и казаковъ, и сими общественными силами найкрѣпчайшее усердіе свое приложить тѣхъ злодѣевъ атаковать, и стараться всѣхъ въ конецъ разбить ибо при немъ, генералъ-маіорѣ, орудіи состоитъ довольное число, коими, при помощи пѣхоты, и поражать ихъ можетъ. Въ чемъ во всемъ и поступить вамъ по общему съ нимъ совѣту, изыскивая всѣми мѣрами ко истребленію ихъ наилутчихъ способовъ и сохраняя по своей должности ввѣренной вамъ постъ отъ раззоренія злодѣевъ» и т. д.

О своей же «персональной» поѣздкѣ въ Царицынъ, чтобъ «персонально» потягаться съ Пугачевымъ, онъ уже и не заикается, хотя за нѣсколько дней до этого, когда самозванецъ былъ еще далеко, онъ постоянно писалъ, что самъ пріѣдетъ... Такъ-то дѣйствовали высокопоставленныя лица. За то не такъ дѣйствовалъ Пугачевъ и его сподвижники—невыгодная паралель.

Страстность и огненность его натуры не мѣшали ему, однако, быть слабымъ, мягкимъ, податливымъ. Держа въ рукахъ могучій рычагъ, которымъ онъ приподнималъ и встряхивалъ всю Россію, нося въ себѣ самомъ неизмѣримую силу, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ могла поставить вверхъ дномъ весь существовавшій въ Россіи государственный строй, онъ иногда махалъ рукой на все, что вокругъ него происходило, и когда къ нему приступали его любимцы съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ, онъ имъ говорилъ: „Э! мнѣ все равно— дѣлайте что хотите.“ Эта непонятная апатія вдругъ овладѣла имъ, когда онъ отступилъ отъ Царицына. Онъ забылъ обо всемъ: забылъ, что за нимъ мчатся по пятамъ войска; забылъ, что впереди у него нѣтъ ни будущаго, ни родины, ни возврата къ прежнему; забылъ, что порывъ обстоятельствъ выталкиваетъ его въ невѣдомыя страны, въ Персію, въ Турцію, онъ забылъ время, забылъ пространство, забылъ даже, что вотъ-вотъ его можетъ настигнуть его грозный гонитель, его палачъ, этотъ ужасный нѣмецъ Михельсонъ. Добравшись до Сарепты, онъ вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, закрылся въ своей роскошной палаткѣ и цѣлыя сутки бездѣйствовалъ съ своими наложницами. А для него потерять сутки—это то же, что потерять половину всего добытаго такою упорною борьбою, такими ужасными жестокостями и кровью десятковъ тысячъ жертвъ.

Что же съ нимъ сдѣлалось? Былъ ли это припадокъ раздумья, или порывъ того подавляющаго отчаянія, то безнадежное сознаніе безвыходности положенія, въ которое завела его страстность дикой природы, требующая по временамъ, чтобы человѣкъ утопилъ и себя и неотвязно надоѣдающую ему мысль въ винѣ, въ разгулѣ, въ развратѣ? Всего ско-

рѣе, что Пугачевъ уже начиналъ чувствовать себя нѣсколько надломленнымъ—счастье ему измѣняло. Своимъ сообщникамъ онъ уже начиналъ меньше вѣрить. Донъ, на который онъ разсчитывалъ, какъ бы ускользнулъ у него сквозь пальцы. Даже тѣ шесть полковъ донскихъ казаковъ, которые пристали къ нему подъ Царицынымъ, въ первую же ночь, тихонько, одинъ по одному, покинули его, „которыхъ—говоритъ самозванецъ—я порядочно присматривать и не велѣлъ.“ Онъ видѣлъ, что назадъ, къ Оренбургу, ему воротиться нельзя, да и не зачѣмъ; на Яикъ тоже было бы безполезно идти — да и зачѣмъ? Онъ прежде загадывалъ дальше Яика, а теперь всегда помогавшая ему судьба какъ бы выталкивала его изъ Россіи. Передъ нимъ лежала только Астрахань, а тамъ — чужая сторона, невѣдомыя государства. На Донъ ему уже незачѣмъ было возвращаться,—да и что толку бѣглецу въ родинѣ, которую онъ покинулъ и которая его самого выкинула? Въ центрѣ Россіи, наконецъ въ Башкиріи, ему нечего было задумываться: впереди лежала цѣлая Россія. А тутъ онъ уже добѣжалъ до конца Россіи — дальше было идти некуда да и воротиться въ Россію уже было нельзя. Такія порывистыя, безвольныя натуры, какъ Пугачевъ, не привыкли задумываться: „день мой—вѣкъ мой“, —вотъ ихъ девизъ. Г. Щебальскій, кажется намъ, вѣрно понялъ эту личность: „Пугачевъ—говоритъ онъ—былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя исключительно злыхъ наклонностей, совершенно зависятъ, въ отношеніи нравственности, отъ обстоятельствъ, и для которыхъ не существуетъ понятія о добрѣ и злѣ. Можно, кажется, вѣрить тому, что онъ не слишкомъ часто имѣлъ свирѣпыя побужденія; но казаки начнутъ приставать, чтобъ онъ приказалъ повѣсить такого-то — ну, и

пусть его повѣсятъ! Въ началѣ своей службы онъ былъ трезвымъ казакомъ; когда же обстоятельства перемѣнились, и ему стоило протянуть руку, чтобъ высадить дно у боченка съ водкою, онъ сдѣлался пьяницей; не зналъ устали, когда его тѣснилъ Михельсонъ, и проводилъ дни и ночи въ гульбѣ, когда никакая особенная опасность не толкала его, такъ сказать, подъ бокъ“ ([1]).

Неудивительно, что при первой неудачѣ и при первомъ серьёзномъ раздумьѣ, Пугачевъ, на этотъ именно разъ, махнулъ на все рукой—пусть будетъ, что будетъ! И онъ засѣлъ въ своей палаткѣ съ своими наложницами...

А между тѣмъ Михельсонъ не дремалъ. Какъ аккуратный нѣмецъ, съ энергіею и настойчивостью, свойственной этой великой расѣ, онъ не тратилъ даромъ ни дней, ни часовъ, а съ бою бралъ каждую пядь земли, гоня, такъ сказать, въ мертвую голову своихъ, привычныхъ и къ голоду, и къ холоду, и къ зною, гусаръ, носившихся съ нимъ и по горамъ Урала, и по Сибири, и по Башкиріи, плававшихъ и по льдинамъ разливающихся съ первою весною рѣкъ, и на лодкахъ, и на доскахъ, ходившихъ съ своими пушками и по дну рѣчному, калившихся и подъ солнцемъ и подъ огнемъ пожаровъ.

Скоро мы увидимъ этого Михельсона опять лицомъ къ лицу съ его страшнымъ противникомъ...

Выше мы видѣли, какъ дѣйствовали донскіе казаки противъ самозванца: мы видѣли ихъ и подъ Петровскомъ, когда они передавались самозванцу, и при Пролейкѣ, когда храб-

---

([1]) Щебальскій, 73.

рый Кутейниковъ и не менѣе храбрый Грековъ, дойдя до самыхъ непріятельскихъ пушекъ, были подавлены превосходною силою враговъ, хотя и извѣщали войско донское, что разбили злодѣя; мы видѣли казаковъ и подъ Царицынымъ, когда оторопѣвшіе ихъ вожди Василій Манковъ, Михайло Денисовъ, Василій Перфиловъ, Григорій Поздѣевъ, Варламъ Денисовъ и Карпъ Денисовъ извѣщали Цыплетева, что „къ несчастію общему и къ погашенію славы, нажитой всего войска донскаго кровью, изъ находящихся при нихъ подкомандныхъ, нѣкоторые показали такую трусость, что и прочихъ смѣшавъ мысли, нанесли страхъ такой, что они о истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидятъ“; мы видѣли казаковъ и у стѣнъ самаго Царицына, когда всѣ эти шесть полковъ (Манкова, Перфилова, Поздѣева и трехъ Денисовыхъ), по словамъ самого Пугачева, подъ крѣпостными выстрѣлами „заворотились“ къ самозванцу, а доблестные ихъ вожди остались безъ полковъ; мы видѣли, наконецъ, какъ эти казаки, понявъ свою ошибку и раскаявшись, въ первую же ночь, „человѣкъ по человѣку“, какъ говоритъ Пугачевъ, ушли отъ него. Мы видѣли въ это смутное время, и на полѣ битвы, и на сторожевыхъ пунктахъ, предводителей донскаго войска, завоевавшихъ, такъ сказать, себѣ мѣсто на страницахъ исторіи—и Матвѣя Платова, еще молодаго полковника, и Ѳедора Кутейникова, и Абросима Луковкина, и Василія Перфилова, и Михайлу Денисова, и Василья Манкова, и Карпа Денисова, и Григорья Поздѣева, и Варлама Денисова, и Василія Грекова, и Макара Грекова, и Петра Попова, и Акима Карпова, и Павла Кирсанова, и Акима Уварова, и Ивана Харитонова, и Янова, и Кульбакова, и Вуколова, которые на своихъ плечахъ вынесли не мало об-

щей тяжести, выпавшей на долю Россіи въ то несчастное время. Но при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ реляціяхъ ихъ къ войску о дѣйствіяхъ противъ Пугачева проглядываетъ странное противорѣчіе съ дѣйствительными, неопровержимыми фактами, и потому мы поневолѣ должны иногда заподозрить ихъ въ хвастливости, которая не позволяетъ историку принять съ полною вѣрою ихъ показанія.

Такъ, послѣ того, какъ самозванецъ отступилъ отъ Царицына, а за нимъ послѣдовали и шесть донскихъ полковъ, только безъ полковниковъ, и когда—мы это подозрѣваемъ изъ сопоставленія чиселъ—стало уже извѣстно, что Михельсонъ 25-го августа разбилъ Пугачева, а слѣдовательно, когда бѣжавшіе съ Пугачевымъ донцы успѣли уже, въ ночь на 23-е число, вновь перебѣжать отъ самозванца къ своимъ покинутымъ полковникамъ, войско донское, *26-го августа*, писало къ Цыплетеву слѣдующее: *сейчасъ* полученъ *радостный* репортъ отъ линейскаго походнаго атамана Василья Перфилова и отряженныхъ отъ войска донскаго полковниковъ Михайлы Денисова, Василья Манкова, Карпа Денисова, Григорья Поздѣева, Варлама Денисова и Василья Грекова, которымъ донесено, что, пробывъ притѣсняемы будучи злодѣемъ при Царицынѣ и показавъ всеусердную службу съ истиннымъ раченіемъ, по долгу присяги, *злодѣя со всею толпою отъ Царицына военною рукою отвратили, поражая его пятнадцать отъ Царицына верстъ*, и отбили одну пушку, два знамя и знатное число людей, и дожидались, при семъ случаѣ, при Царицынѣ, съ деташементомъ господина подполковника Михельсона, котораго эскадроны того числа и прошли подъ вечеръ Царицынъ, слѣдуя ко истребленію онаго злодѣя, а и пѣхо-

та не замедлитъ приходомъ. *Завтрешняго, то-есть 23-го числа, рано будетъ походъ*, въ которомъ и имъ быть велѣно, *куда онъ и слѣдуютъ съ охотою, и казаки-де при семъ злодѣя пораженіи доказывали храбрость.*“ Сомнительно что-то...

Далѣе. „Оной же злодѣй не далеко отъ Царицына *будетъ* какъ въ двадцати верстахъ *коротать тую ночь*, изъ чего-де и видно, что онъ, злодѣй, пробирается за Кубань, и опасности-де отъ него донскимъ станицамъ нѣтъ. *Проклятая эсь-де ево волокита тянится надъ Волгою*, и слышно, что ево, злодѣя, скверной языкъ выговорилъ позволеніе измѣнникамъ, дербетевымъ калмыкамъ, перебыть за Волгу.“

Впрочемъ, 25-е августа еще не наступало. Пугачевъ все еще былъ непобѣдимъ—часъ его не пробилъ.

Хотя донское войско и получило отъ своихъ полковниковъ и атамановъ помянутый „радостный“ рапортъ о дѣйствіяхъ противъ Пугачева, однако всѣ прошедшіе факты громко говорили, что съ Пугачевымъ дремать нельзя. Онъ могъ кинуться на Донъ, поворотивъ отъ Сарепты. Могъ обмануть Михельсона, какъ обманывалъ всѣхъ неожиданностью и невѣроятною быстротою своихъ поворотовъ. Бѣшеной скачкой по оренбургскимъ степямъ, по Башкиріи и по уральскимъ отрогамъ онъ доказалъ, что для него не существуетъ заранѣе опредѣленныхъ направленій: сегодня онъ мчится по кубанской дорогѣ, а завтра его пушки обратятся жерлами къ Дону, къ Черкаску, а то, пожалуй, и опять на сѣверъ, въ глубь Россіи. Его „проклятая волокита“ слишкомъ сильна, его любимцы—казаки слишкомъ вошли во вкусъ человѣческой крови, чтобы не искать побѣдъ и новыхъ казней.

Притомъ же, Донъ былъ такъ привлекателенъ для того, кто родился на берегахъ этого Дона, въ Зимовейской станицѣ.

„И хотя—разсуждало войско донское—напоминаемый злодѣй отъ Царицына отвращенъ, пораженъ (?) и преслѣдуется храбрыми ея императорскаго величества войсками, но однако войско донское, на всякой непридвидимый случай, а притомъ и отъ набѣговъ измѣнниковъ калмыкъ предосторожности своей не оставляетъ.“

Дѣйствительно, къ прежде командированнымъ къ Царицыну полкамъ Василья Перфилова, Михайла Денисова, Василья Манкова, Карпа Денисова, Григорія Поздѣева и Варлама Денисова, оно вновь снарядило отряды съ атаманомъ Макаромъ Грековымъ и полковникомъ Петромъ Поповымъ, Акимомъ Карповымъ, Павломъ Кирсановымъ, Матвѣемъ Платовымъ, Акимомъ Уваровымъ и Иваномъ Харитоновымъ, изъ коихъ одна половина этихъ полковниковъ должна была слѣдовать съ своими отрядами по правой сторонѣ Дона, а другая половина по лѣвой, вверхъ по теченію этой рѣки, вплоть до Курмоярской станицы, а въ случаѣ нужды и до Пяти-избъ.

Это была живая, подвижная крѣпость, которая должна была оберегать донскіе предѣлы съ востока, тогда какъ съ сѣвера, для обереженія верховыхъ станицъ, медвѣдицкихъ и бузулукскихъ, растянуты были команды, называвшіяся „поголовными“, потому что составлялись поголовнымъ ополченіемъ угрожаемыхъ Пугачевымъ станицъ, и главное начальство надъ этими командами было поручено, какъ мы и видѣли выше, походному атаману Абросиму Луковкину, имѣвшему подъ своимъ началомъ нѣсколько другихъ полковниковъ и походныхъ старшинъ.

*

Но хотя главныя силы Пугачева тянулись уже ниже Царицына, однако опасность для средняго Поволжья еще не миновала. Пугачевщина—это была живая, дикая сила, которая одарена была способностью самозарожденія. Случалось такъ, что въ извѣстной мѣстности, гдѣ она, повидимому, была уже совершенно подавлена, вытравлена, такъ сказать, и всѣ толпы разсѣяны, переловлены — вдругъ снова выростали „толпища“, какъ изъ земли, и снова надо было душить ихъ, если только у мѣстныхъ властей хватало на это силы.

Мы видѣли выше, что волжское войско все пошло за Пугачевымъ. Жилища ихъ, хутора, станицы и главный городъ Дубовка, представляли видъ какого-то опустошенія: тамъ оставались только казачки, казачата, еще не доросшіе до сѣдла и дротика, да старики, уже отжившіе и отслужившіе свое время. Пушки взяты, казна вывезена въ Царицынъ, войсковой атаманъ, старикъ Персидскій, также укрылся въ этомъ городѣ, оставивъ свое войско на произволъ судьбы. Понятно, что для пугачевцевъ такая мѣстность представляла особый разгулъ, а пугачевцы, какъ мы сказали, самозарождались вездѣ, не только тамъ, гдѣ уже разъ было брошено сѣмя этой саранчи, но гдѣ оно и не было брошено. Оставшійся, послѣ атамана Персидскаго, заправлять несуществующимъ волжскимъ войскомъ, депутатъ Василій Венеровскій по требованію прослѣдовавшаго черезъ земли этого войска Михельсона, послалъ на Донъ казака Цепкова, чтобы казаки донскихъ станицъ были немедленно командированы „въ армію“ Михельсона. Цепковъ выѣхалъ изъ Дубовки и вдругъ наткнулся, между Волгою и Дономъ, на рѣкѣ Лазной, на „партію, человѣкъ до тысячи, *пугачевской команды*, съ есауломъ Сицкимъ.“ Это было 23-го августа, когда самъ

Пугачевъ и его главныя силы были уже очень далеко отъ этой мѣстности. Помянутая партія *пугачевской команды* шла, какъ видно, отдѣльнымъ отрядомъ, догоняя главнаго предводителя. Эти пугачевцы находили возможность свирѣпствовать даже въ опустошенныхъ жилищахъ: эти разбойники „донскихъ казаковъ и волскаго войска въ хуторахъ множество побили въ смерть.“ Между прочимъ они покололи депутата Дьячешкова, прапорщика Мелеховскаго, Петра Зайченка, двухъ Грековыхъ. Другихъ захватили съ собою силою. Это уже была новая пугачевщина и волжскому войску, его опустѣлымъ станицамъ и главному городу грозила новая опасность. Венеровскій просилъ у Цыплетева помощи; но Цыплетевъ самъ ждалъ съ часу на часъ возвращенія только что отраженнаго имъ врага, о которомъ приходили такія неопредѣленныя вѣсти, съ такими грозными признаками.

Въ числѣ донцовъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева, мы не упомянули имени полковника Алексѣя Иловайскаго. Ему поручено было поспѣшить на защищеніе царицынской линіи; но такъ-какъ въ то несчастное время все запаздывало, то и Иловайскій приблизился съ своимъ отрядомъ къ линіи только тогда, когда Пугачевъ не только прошелъ ее, но уже миновалъ и Сарепту, гдѣ онъ забавлялся цѣлыя сутки съ своими фрейлинами. Но опять-таки повторяемъ: силы Пугачева были не тѣ только, которыя группировались около него собственно, около его знамени, около его шатра. Кромѣ того, что хвостъ его „проклятой волокиты“ тянулся за нимъ на сотни верстъ, буйные полковники его рыскали по разнымъ мѣстамъ, вдали отъ своего повелителя, съ своими собственными „волокитами“ и „толпищами.“ На одно такое „толпище“ наткнулся Иловайскій, поспѣшая къ Царицыну.

Приближаясь къ грачевской крѣпости, на царицынской линіи, онъ отрядилъ впередъ, для рекогносцировки, партію казаковъ, которая, встрѣтивъ толпу пугачевцевъ, дала объ этомъ знать Иловайскому. Толпа успѣла уже перебраться за линію. Иловайскій, „устремившись и настижа ее за рѣчкою Мечетною, со все-усердной ревностію, по всеподданнической должности, усилился сдѣлать атаку (къ чему и господинъ походный атаманъ Луковскій и полковникъ Яновъ съ казаками въ подкрѣпленіе поспѣшно гнали), оную злодѣйскую партію, безъ всякой изъ команды его потери, разбивъ, не малое число покололъ и сто шесть человѣкъ взялъ въ плѣнъ.“ Предводитель толпы, „злодѣйскій полковникъ“, ѣхавшій впереди, бѣжалъ съ небольшими силами. Иловайскій устремился за ними и гналъ ихъ до самой Сарепты; но за усталью лошадей, нагнать не могъ, особенно потому, что предводитель шайки, въ обѣ стычки („и въ первомъ и во второмъ ударѣ“), „не защищая свою партію, а ѣхавши впереди, бѣжалъ.“

24-го августа, Яновъ послалъ тридцать человѣкъ казаковъ къ Татьяницкому форпосту для развѣдыванья, не встрѣтится ди гдѣ „злодѣйское толпище.“ Обходя форпостъ, казаки увидѣли вдали быстро несущійся табунъ лошадей и за нимъ толпу всадниковъ съ тремя „хорунгами“ (знаменами). Такъ-какъ знамена не похожи были на знамена правительственныхъ войскъ, то казаки и догадались, что это толпа пугачевцевъ. Они тотчасъ же воротились къ форпосту и засѣли въ немъ. Всадники неслись прямо къ форпосту. Казаки приготовились встрѣтить ихъ „со всеусердіемъ“, мушкетными выстрѣлами. На разстояніи ружейнаго выстрѣла, неизвѣстные люди, которыхъ было болѣе ста человѣкъ, остановились, и отъ партіи отдѣлились три человѣка.

— Кто въ фортецѣ „жива душа“? закричали они.

Съ форпоста никто не отвѣчалъ.

— Сдайтесь —и вамъ отъ государя худа не будетъ.

Казаки продолжали молчать. Разбойники выстрѣлили изъ мушкетовъ и разбили форпостныя окна. Въ свою очередь послѣдовали выстрѣлы и изъ форпоста. Одинъ разбойникъ былъ раненъ.

Тогда къ форпосту нагрянула вся толпа, и опять начались переговоры.

— Кто смѣетъ бунтъ чинить противъ его императорскаго величества? спрашивали разбойники.

Одинъ изъ засѣвшихъ въ форпостѣ казаковъ, Ларіонъ Тукаловъ, отвѣчалъ:

— Бунтуете вы, злодѣи!

— Покоритесь батюшкѣ-государю! кричали тѣ.

— Мы на вашего батюшку плюемъ, отвѣчалъ безстрашный Тукаловъ.

Тогда со стороны разбойниковъ послѣдовалъ залпъ изъ ружей. Казаки отвѣчали тѣмъ же — и у одной злодѣйской хорунги древко было перебито.

Разбойники взоткнули на пику какую-то бумагу и показывали издали.

— Одумайтесь, господа донскіе казаки! Изъ Петербурха курьеръ пріѣхалъ къ государю Петру Ѳедоровичу съ бумагами отъ великаго князя; пишетъ, что матушку-де свою, за обиду родителя, царской державы лишивъ, съ войскомъ къ намъ на сикурсъ идетъ.

— Вашимъ прелестнымъ словамъ мы не вѣримъ, отвѣчали съ форпоста, и снова послѣдовалъ ружейный залпъ.

Разбойники пошли на приступъ, но какъ съ ними не было

ни одной пушки, то они и не могли выломать фортостныхъ „полевыхъ“ воротъ.

Казаки продолжали стрѣлять и нѣсколько человѣкъ убили. Но вдругъ со стороны царицынской дороги показалось нѣсколько конныхъ, которые быстро скакали къ форпосту, и у одного на пикѣ надѣта была казацкая шапка. Разбойники прекратили стрѣльбу и поѣхали на встрѣчу вновь прибывшимъ. Поговоривъ о чемъ-то, всѣ они стали торопливо собираться въ дорогу, поправляя сѣдла и подпруги.

Они, дѣйствительно, бѣжали; но проѣзжая мимо форпоста, изъ толпы ихъ раздались крики:

— Завтра мы къ вамъ будемъ! Прощайте!

Казаки тотчасъ же вышли изъ форпоста, и „со всякимъ раченіемъ тѣхъ злодѣевъ преслѣдуя не малое число верстъ, однако, за усталью лошадей, достигнуть не могли.“

Войску донскому вообще было не мало работы. Оно все поднялось на ноги. Кромѣ поголовнаго ополченія, поставленнаго всѣми станицами, кромѣ „доброконныхъ“ казаковъ, пошли въ поле и „худоконные“, и старики, и „малолѣтки“, и „выростки“ и „разнометные“ и „юртовые“ калмыки. Вызваны были полки, воевавшіе съ кубанцами. Все шло за тѣмъ, чтобъ „всѣми силами, до послѣдней капли крови того измѣнника-тирана Пугачева, съ его сволочною толпою на дальнее злодѣйство не допустить, но въ прахъ искоренить и истребить.“ Старики и дѣти поднялись и сѣли на конь, чтобъ, „сохраня свое отечество, заслужить отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни войску донскому вѣчную и несмертельную похвалу на потомственные роды.“

24-го августа, Луковкинъ вновь разбилъ то скопище ну-

гачевцевъ, съ которымъ онъ бился у Молодельской станицы. Эта толпа разбита была уже при рѣчкѣ Сакаркѣ. Въ числѣ плѣнныхъ находился одинъ сотникъ.

Но обратимся къ самому Пугачеву.

Прогулявъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, онъ двинулся далѣе. Но этотъ прогулъ времени оказался ошибкой непоправимой. Имѣй онъ впереди цѣлыя сутки, онъ могъ бы пройти и все нижнее Поволжье, какъ прошелъ среднее, и Михельсонъ, при всей своей быстротѣ, не могъ бы его настигнуть до самой Астрахани. Астрахань легко сдѣлалась бы его добычей; а тамъ въ его руки попала бы и артиллерія, и морскія суда, и провіантъ, и матросы.

Но дни страшнаго человѣка были сочтены.

Въ ночь на 25-е августа, гусары Михельсона уже пробирались по окраинамъ поля, на которомъ спала или пировала дикая армія страшнаго человѣка, и живымъ кольцомъ обогнули эту армію.

Утромъ Пугачевъ увидѣлъ своего неумолимаго врага — и не узналъ его!

— Напалъ на меня сзади *какой-то начальникъ*, съ великимъ корпусомъ, и на утренней зарѣ было сраженіе, на которомъ я былъ разбитъ, потерялъ почти всѣхъ людей, пушки, двухъ малолѣтнихъ дочерей и весь ограбленный мною во многихъ мѣстахъ багажъ.

Это было послѣднее пораженіе самозванца, послѣ котораго онъ уже не могъ оправиться. Страшная слава его прошла, кровавая звѣзда закатилась ([1]).

([1]) Подробности этой битвы читателямъ извѣстны изъ Пушкина, Щебальскаго и моихъ монографій.

XIII.

Но вотъ, когда Михельсонъ и Цыплетевъ сломили дикую силу человѣка, и когда оставалось только поймать этого человѣка, подобно вѣтру носившагося по солончаковымъ степямъ Заволжья, на сцену дѣйствія является Суворовъ, которому предстояло уже слишкомъ не громкое дѣло—изловить Пугачева, всѣми покинутаго. На такое дѣло нечего было бы и тревожить знаменитаго полководца, имя котораго гремѣло по всей Европѣ: дѣло это было бы по плечу любому поволжскому коменданту или мелкому начальнику разъѣздной команды.

Но какъ-то странно все дѣлалось въ то неудачливое время.

Напуганная успѣхами Пугачева, императрица хотѣла сама поспѣшить къ войску, чтобы предводительствовать имъ противъ дикаго казака. Но ей отсовѣтывалъ это удаленный отъ двора сановникъ, графъ П. Панинъ. Онъ самъ вызвался начальствовать войскомъ. Его благодарили, ему довѣрили это великое дѣло, въ самый его разгаръ, и онъ не двигался съ мѣста цѣлый мѣсяцъ! Когда Пугачевъ успѣлъ уже взять Курмышъ, Саранскъ, Пензу, Саратовъ, Камышинъ и уже готовился разбить шедшія къ нему на встрѣчу съ юга правительственныя войска, Панинъ прибылъ въ свою пензенскую деревню!

Суворовъ, отличавшійся быстротою во всѣхъ своихъ походахъ—и этотъ спалъ. Бросивъ дунайскую армію, чтобы

спѣшить для борьбы съ Пугачевымъ, онъ цѣлый мѣсяцъ ѣхалъ отъ Москвы до Царицына, когда самая обыкновенная почта приходитъ изъ Москвы въ Царицынъ въ 7—8 дней.

Прибывъ въ Москву изъ дунайской арміи, Суворовъ явился къ князю Волконскому. Оттуда онъ поѣхалъ къ главнокомандующему, графу Панину въ его пензенскую деревню. Панинъ далъ ему полномочіе дѣйствовать въ взволнованныхъ провинціяхъ по своему усмотрѣнію, и отпустилъ его (1). Даже императрица написала Суворову собственноручное письмо, которымъ свидѣтельствовала ему свое удовольствіе „за его рвеніе и дѣятельность“ (2), но за какую? Тутъ онъ пока не выказалъ еще никакой дѣятельности, а, напротивъ, показалъ непонятную въ его кипучей натурѣ медленность. Суворовъ поѣхалъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій съ небольшимъ отрядомъ, въ 50 человѣкъ. Онъ ѣхалъ на Пензу и Саратовъ. Въ Саратовѣ онъ посадилъ свой отрядъ на судно, которое и должно было доставить его въ Царицынъ, а самъ ѣхалъ по берегу Волги, по астраханской дорогѣ. Уже отъ самой Пензы онъ встрѣчалъ по дорогѣ множество небольшихъ отрядовъ, выставленныхъ дворянами. Вотъ когда вздумали дворяне дѣйствовать,—когда Пугачевъ былъ уже разбитъ...

Суворовъ прибылъ въ Царицынъ 1-го сентября. Тамъ онъ встрѣтилъ Михельсона, возвращавшагося затѣмъ, чтобы изловить свою жертву, которую онъ уже—собственно говоря—

---

(1) „Panin lui donna plein pouvoir: il envoya à tous les commendans des troupes ainsi qu'aux gouverneurs des provinces limitrophes l'ordre d'obéir au comte en toutes choses“. Anthin, g, I, 156.

(2) ...„pour lui témoigner qu'elle était satisfaite de son zèle et de son activite“. Ibid,, pag. citat.

добилъ окончательно за недѣлю до этого. Суворову самому захотѣлось поймать Пугачева (1) и онъ взялъ къ себѣ михельсоновскіе отряды, а пѣхоту посажалъ на пугачевскихъ лошадей, которыя были отбиты, при пораженіи самозванца, все тѣмъ же Михельсономъ. Кромѣ того, Суворовъ взялъ съ собою только 2 пушки, двѣ сотни казаковъ и переправился черезъ Волгу у Царицына.

Передъ нимъ лежала степь, гдѣ не было ни жилья, ни воды, ни дорогъ. Въ этой степи могъ затеряться всякій слѣдъ, могла исчезнуть цѣлая армія, какъ исчезали огромныя толпы киргизъ-кайсаковъ, которыя, налетѣвъ саранчою на прибрежныя селенія, безслѣдно разсыпались потомъ по пустынѣ. Пугачевъ могъ броситься къ морю, къ Гурьеву-городку, могъ перерѣзать степь и выйти къ Яику, въ земли яицкихъ казаковъ; могъ, наконецъ, идти берегомъ Волги. Искать его—это значило, по народному выраженію, „искать вѣтра въ полѣ.“

Но когда Суворовъ былъ въ Царицынѣ, къ Цыплетеву пришла вѣсть, которая отчасти указывала на слѣдъ, по которому можно было, хотя не легко, добраться до самого Пугачева.

Противъ Камышина, на луговой сторонѣ Волги, стоитъ большая малороссійская слобода Николаевка, которая, за нѣсколько лѣтъ до Пугачева, основана была украинцами, вызванными изъ Малороссіи для возки соли изъ Елтона. Изъ этой слободы посланъ былъ въ степь съ разъѣздною командою камышинскій купецъ Матвѣй Петровъ. 30-го августа,

---

(1) ...„afin de t'en rendre maître lui même.“ Ibid. 159.

верстахъ въ двадцати ниже Николаевки, около Яблоннаго буерака, на нихъ напали невѣдомые люди, человѣкъ до 30, безъ сомнѣнія „изъ злодѣйской толпы“, которые и разбили разъѣздную команду. И въ Царицынъ писали, что въ той-де злодѣйской толпѣ видѣли бѣлое знамя, „*и потому примѣчаютъ, что тутъ онъ Пугачевъ самъ.*“ Тогда же пойманъ былъ изъ этой толпы одинъ „русскій человѣкъ“ Аѳанасій Дубинкинъ, раненый, который показалъ, что онъ былъ въ толпѣ Пугачева и, по разбитіи ея Михельсономъ ниже Царицына, вмѣстѣ съ прочими бѣжалъ на луговую сторону Волги. Бѣглецы направились вверхъ по теченію этой рѣки. Въ ту же ночь изъ Камышина и Николаевки отправлены были солдаты, казаки и всѣ способные носить оружіе для наблюденія за неизвѣстной партіей, и изъ показаній ихъ дѣйствительно заключили, что „бѣлое знамя“ принадлежало Пугачеву ([1]).

По этому слѣду и направился Суворовъ. Онъ шелъ берегомъ Волги до самой Николаевки ([2]). Такъ-какъ николаевскіе малороссіяне, во время прохода Пугачева черезъ Камышинъ, бунтовали, какъ и всѣ прочіе крестьяне, то Суворовъ, чтобъ наказать ихъ, взялъ въ слободѣ 50 паръ воловъ, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, чтобы перевозить тяжести. Цѣль же его была совсѣмъ другая: такъ-какъ онъ углублялся въ степь, гдѣ, за неимѣніемъ припасовъ, приходилось

([1]) ...«По луговой сторонѣ снизу оказались весьма многолюдныя толпы, идутъ конницею вверхъ, и уже въ трехъ верстахъ ниже Дмитріевской Николаевской слободы».

([2]) Антингъ называетъ Николаевку „un grand village de Michelowka en face de Demitrowska.“ Anthing, p. 160.

бы голодать, то взятые имъ волы и должны были продовольствовать его отряды.

Изъ Николаевки Суворовъ, дѣйствительно, направился въ глубь степей (1).

Скакавшіе, вслѣдъ за Михельсономъ, съ своими отрядами Меллинъ и Муфель опоздали только нѣсколько часовъ и уже не застали знаменитаго пораженія Пугачева при Соленниковой ватагѣ. Вмѣстѣ съ Михельсономъ, они поворотили назадъ къ Царицыну. Когда переправился за Волгу Суворовъ, переправились и они. Въ то время, когда въ Царицынѣ собрались Суворовъ, Меллинъ, Муфель и Михельсонъ, прибылъ туда съ своимъ войскомъ и генералъ Мансуровъ. Онъ, впрочемъ, былъ въ Царицынѣ раньше Суворова. Ему предстояло не мало работы. Имѣя полномочіе отъ главнокомандующаго,

---

(1) Историкъ Суворова, Антингъ, такими красками описываетъ этотъ степной походъ: „Ils entrèrent le lendemain dans les landes. Dans ces immenses déserts où il n'y avait ni habitations, ni chemins frayés, ils furent obligés de s'orienter pendant le jour sur le soleil et pendant la nuit sur les étoiles, comme s'ils eussent été en pleine mer. (NB. Этой фразой Пушкинъ въ своей «Исторіи» позаимствовался у Антинга, хотя нигдѣ не говоритъ, что онъ пользовался Антингомъ. Вотъ эта фраза: «днемъ должно было ему, Суворову, направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ») La chaleur du jour les fit beaucoup souffrir dans ces terres sablonneuses, où ils ne trouvaient ni arbres, ni buissons; pour se mettre à l'ombre, il fallait faire des marches de nuit. Ils vécurent d'obstinance ne sachant pas pour combien de jours il leur faudrait du pain et de la farine. On fit bien la soupe à l'ordinaire, mais on coupa une bonne partie de la viande en petites tranches qu'on fit griller, et qu'on mangea en guise de pain afin de ménager la petite provision, qu'on en avait pour toute la marche.“ Ibid. 160—161. Для Антинга все это казалось очень удивительнымъ и очень страшнымъ, тогда какъ для русскаго солдата степные переходы были не въ диковинку.

онъ занялся казнями тѣхъ изъ захваченныхъ въ толпѣ Пугачева, которые оказывались наиболѣе виновными; однихъ сѣкъ „нещадно плетьми“ и кнутомъ и „въ знакъ мерской измѣны“ выбривалъ половину головы и половину бороды; другимъ, особенно помѣщичьимъ крестьянамъ, по наказаніи плетьми, урѣзывалъ по одному уху; третьихъ, которые оказывались „прилѣпившимися къ главному государственному бунтовщику съ самаго начала его явленія и составляли, по самую ихъ поимку, его сволочь, будучи всегда первыми начинщиками во всѣхъ злыхъ и пагубныхъ Пугачева дѣлахъ“, этихъ „яко сущихъ разбойниковъ, измѣнниковъ и душегубцевъ“, приказывалъ, „въ страхъ другимъ публично наказать смертію — повѣсить (1).

Но послѣдуемъ пока за главными дѣйствующими лицами — за Пугачевымъ и Суворовымъ, который смѣнилъ собою Михельсона. О Михельсонѣ, съ прибытіемъ Суворова, уже мало что-то слышно.

Пугачевъ, сообщая, на допросѣ, о своемъ послѣднемъ пораженіи у Соленниковой ватаги, говорилъ:

---

(1) Лыбопытенъ приказъ Мансурова, отданный по войскамъ, когда онъ прибылъ въ Царицынъ. Вотъ что онъ писалъ Цыплетеву: «Со вступленія моего въ лагерь при городѣ Царицынѣ, слышу я каждаго дня частые ружейные выстрѣлы. А какъ въ близости сихъ мѣстъ находится непріятель (это писано 31-го августа), то отъ такихъ самовольствъ не произошли-бъ пустыя, а иногда и важныя тревоги, къ прекращенію чего ваше высокоблагородіе изволите приказать во всемъ городѣ публиковать, чтобъ отнюдь и никто не отважился никакую производить стрѣльбу, подъ опасеніемъ строгаго взысканія и штрафа, да и всѣмъ вашимъ, какъ пѣхотнымъ, такъ и коннымъ карауламъ подтвердить, чтобы таковыхъ, гдѣ по близости случится, брать подъ карауль и представлять ко мнѣ».

— Я съ яицкими казаки и нѣсколькими крестьянами, съ женою и съ большимъ сыномъ, бѣжалъ къ Волгѣ, и въ торопливости, многіе вплавь, а я съ женою въ лодкѣ пріѣхали на островъ. А какъ съ онаго еще надобно плыть, то Перфильевъ, не знаю для чего, остался и съ нимъ нѣсколько толпы моихъ людей. Переѣхавъ съ острова на луговую сторону Волги и отъѣхавъ нѣсколько верстъ, ночевали. И послалъ я толпы своей Пустобаева съ однимъ казакомъ искать потерянной имъ одежды, а между тѣмъ, думалъ, найду-де и Перфильева. А какъ онъ поѣхалъ, то ко мнѣ уже не былъ, а я съ казаками, коихъ тутъ было 164, поѣхалъ въ степь.

Пугачевъ съ остатками своей толпы, убѣжавъ отъ преслѣдовавшихъ его михельсоновскихъ гусаръ, переплылъ черезъ Волгу при урочищѣ Каменномъ. Островъ, на которомъ онъ дѣлалъ небольшой роздыхъ, называется Сатковскимъ. На этомъ островѣ видѣли его казаки, посланные, въ день пораженія самозванца, черноярскимъ комендантомъ Перепечинымъ, для преслѣдованія бѣглецовъ; но казаки ничего не могли сдѣлать, и только наблюдали, какъ „плавилась черезъ Волгу рѣку той злодѣйской толпы сволочь.“ Хотя казаки и достигли потомъ острова, переловили „покидныхъ“ злодѣями лошадей, и на этихъ лошадяхъ пустились за Пугачевымъ вслѣдъ, но такъ-какъ лошади были слишкомъ изнурены, то казаки и потеряли самозванца изъ виду при урочищѣ Мухуръ-Зашунъ-Салѣ.

Михельсонъ, съ своей стороны, какъ только подоспѣли къ нему на мѣсто пораженія главныхъ силъ Пугачева, Меллинъ и Муфель, тотчасъ отправилъ перваго на луговую сторону Волги для гонки по слѣдамъ самозванца, а втораго къ Чер-

ному-Яру, чтобъ перерѣзать ему дорогу, если тотъ вздумаетъ опять броситься на нагорную сторону.

А, между тѣмъ, мы видѣли, что хитрый бунтовщикъ кинулся совсѣмъ не туда, гдѣ его думали перевстрѣтить.

Вскорѣ потомъ, всѣ правительственныя войска перебрались за Волгу: Суворовъ, Меллинъ, Муфель, князь Голицынъ, Мансуровъ; перебрался за Волгу и князь Дундуковъ съ калмыками; отряды донскихъ казаковъ также очутились за Волгой. Отряды потянулись отъ Астрахани, отъ Гурьева, отъ Яицка. Пугачеву оставалось метаться въ безлюдной степи, между солонцами, какъ въ заколдованномъ кругу.

9-го сентября мы видимъ Суворова въ степи, при рѣчкѣ Еруслапѣ ([1]). Это уже очень далеко отъ того мѣста, гдѣ мы остановили его въ послѣдній разъ.

Съ Еруслана Суворовъ писалъ Цыплетеву: „По полученному изъ Саратова извѣстію, увѣдомленъ я, что разбойникъ Пугачевъ частію бѣгъ свой наклоняетъ на рѣчки Узени, куда съ деташементомъ графа Меллина слѣдую. А чтобы оный Пугачевъ, отъ передовыхъ командъ, преслѣдующихъ его, какого не сдѣлалъ обороту, и потому, ваше высокоблагородіе имѣете изъ Царицына, какъ отъ своей команды, равно и господина генералъ-маіора, князя Багратіона, когда приведется, отъ своего деташемента, къ предупрежденію могущихъ произойти отъ злодѣя покушеній, съ содѣйствованіемъ отрядить къ озеру Елтонъ надлежащія команды.“

Къ этому Суворовъ приписывалъ своей рукою:

([1]) По Антингу—„la petite rivière de Gerslau dont les bords sont un peu baisés“; далѣе Суворовъ отправился „sur les cinq lacs Saitsch“ (Заячьи озера)

„Хотя бы и не случилось, но весьма повороту Емелькина наблюдать, какъ отъ меня предписано его сіятельству, князю Багратіону, которому о семъ ордерѣ дать знать и объявить.“

Бросившись отъ Еруслана на перерѣзъ степей, Суворовъ, черезъ нѣсколько дней, писалъ уже изъ Николаевской слободы, что противъ Камышина: „Вступая въ сей день въ Николаевскую слободу, выправляюсь отсель къ рѣкѣ Узень съ деташементомъ господина маіора графа Меллина, куда, по извѣстіямъ, мнѣ дошедшимъ, разбойникъ Емелька ушелъ.“

Вмѣстѣ съ Суворовымъ рыскали по степи, кромѣ графа Меллина, полковникъ Иловайскій съ казацкимъ полкомъ и яицкій старшина Мартемьяновъ, одинъ изъ тѣхъ старшинъ, которые остались вѣрны правительству ([1]). Во время своихъ поисковъ за Пугачевымъ, эти отряды часто встрѣчали въ степи шайки крестьянъ изъ толпы Пугачева, и приводили ихъ въ повиновеніе безъ пролитія крови ([2]), потому что послѣднее пораженіе самозванца отняло у него много популярности и той обаятельности, которая неудержимо влекла къ нему какъ крестьянъ, такъ и весь буйный, безпокойный, искавшій разгула отстой русскаго общества изъ непривиллегированныхъ сословій.

Наконецъ, Суворовъ достигъ Узеней („qui se jette dans

([1]) ...„le colonel du Don, Illoweiski, avec un régiment de cosaques, et Martemianoff chef des cosaques d'Uralsk demeurés fidèles, dont une centaine l'accompagnait“. Ibid. 161.

([2]) Ces troupes avaient trouvé dans les landes plusieurs bandes de paysans du parti de Pugatschew, on les avaient ramenés à la raison et renvoyés dans leurs pays sans effusion de sang“. Ibid., pag citat.

une eau dormante“). Тамошніе обыватели сказали Суворову, что Пугачевъ долженъ быть въ этихъ мѣстностяхъ.

Суворовъ, отрядъ котораго состоялъ изъ тысячи человѣкъ, при двухъ пушкахъ, хотѣлъ дѣлать поиски именно здѣсь, и раздѣлилъ своихъ людей на многіе мелкіе отряды. Онъ думалъ оцѣпить людьми всю ту мѣстность, и облавой захватить въ свои руки неугомоннаго бунтовщика. Изъ этихъ тенетъ трудно было выскочить обыкновенному бѣглецу, но такому травленому волку, какъ Пугачевъ, легко было ускользнуть изъ всякихъ ловушекъ, еслибъ его не предали его собственные любимцы. 14-го сентября, Суворовъ успѣлъ уже напасть на слѣдъ самозванца въ гущѣ одного лѣса.

Но тутъ онъ узналъ отъ раскольничьихъ старцевъ, имѣвшихъ скиты, какъ по Узенямъ, такъ и по Иргизу, что въ это самое утро Пугачевъ былъ уже арестованъ своими приверженцами и отправленъ въ Яицкъ связанный по рукамъ и по ногамъ.

Обаяніе Пугачева, какъ видно, исчезло съ того самаго дня, какъ онъ былъ разбитъ на голову Михельсономъ. Даже яицкіе казаки не могли не видѣть, что дѣло его окончательно потеряно. Что ему и имъ оставалось дѣлать?

„Потомъ (то-есть когда, разбитые Михельсономъ, они перебрались за Волгу) разсуждали мы, куда ѣхать и, по многимъ разговорамъ, согласились ѣхать на Узень, а тамъ собрать людей побольше, выйти на нижнюю яицкую дистанцію, собрать тамъ казаковъ, взять Гурьевъ, пуститься на судахъ въ море и взять какія ни на есть орды, согласить оныя и выйти паки въ Россію.“

Это—признаніе самаго Пугачева. Ему, можетъ быть, и казалось это возможнымъ, но большинство его приверженцевъ

уже соскучилось этимъ мыканьемъ по бѣлу свѣту, этой неизвѣстностію будущаго. Цѣлый годъ прошелъ, а Россія все еще не признала ихъ пестуна своимъ государемъ; великій князь не шелъ къ нему на встрѣчу, какъ къ своему, спасенному чудомъ, родителю, съ сильною арміею; напротивъ армія государыни, которую грозили засадить въ монастырь, поджала армію ихъ государя и еще недавно разбила ее „начисто.“ У государыни все еще крѣпко держались въ рукахъ бразды правленія, а у ихъ непризнаннаго государя, владѣвшаго уже половинною Россіи, разомъ все выскользнуло изъ рукъ, и онъ не зналъ, гдѣ ему голову преклонить въ своемъ обширномъ царствѣ. Мнимый царь потерялъ всѣ свои сокровища, роскошныя палатки, часть своего семейства, свои знамена, пушки, своихъ совѣтниковъ, свои дорогіе экипажи и мыкался по степи на конѣ, подобно своему послѣднему подданному. Мнимый царь выбитъ былъ изъ земли яицкихъ казаковъ, и ему опять лежала одна дорога—протиснуться туда же, чтобы опять и оттуда его выбили, съ пораженіемъ. Даже въ самыхъ вѣрующихъ его приверженцахъ могло закрасться подозрѣніе, если не въ дѣйствительности его царственнаго происхожденія, то въ успѣхѣ его дѣла. А что впереди? Или вѣчное рысканье изъ города въ городъ, даже въ случаѣ удачи, или, въ противномъ случаѣ, цѣпи, кнутъ, Сибирь или висѣлица. Казаки видѣли, что пора одуматься. Не думалъ, конечно, этого самъ Пугачевъ, потому что для него уже все было потеряно, для него не существовало даже раскаянья—ему все равно было пропадать; такъ ужь лучше побиться, дольше тянутъ эту смертную борьбу, потому что если въ концѣ борьбы видѣлась неизбѣжная смерть,

такъ лучше пусть возьмутъ силой, чѣмъ самому протянуть шею въ петлю.

Казаки, такимъ образомъ, рѣшились пожертвовать Пугачевымъ, чтобы самимъ выиграть что-нибудь. И они пожертвовали имъ.

Согласившись пробраться въ Гурьевъ, чтобы оттуда на судахъ броситься въ море — въ Персію ли къ каракалпакамъ, или трухменцамъ, или куда либо къ другимъ азіятскимъ народамъ, казаки, однако, предложили Пугачеву пробраться въ яицкія поселенія, чтобы взять оттуда своихъ женъ и дѣтей. Между тѣмъ, сами тихонько сговорились воспользоваться этимъ случаемъ, и, связавъ своего мнимаго царя, доставить его въ Яицкъ.

Такъ они и сдѣлали.

Уже въ самомъ началѣ ихъ скитанья по заволжскимъ степямъ, самозванецъ догадывался, что между его приверженцами творится что-то неладное, но все продолжалъ упорно идти къ цѣли, кромѣ которой у него уже ничего не оставалось. Даже власть какъ-бы мгновенно вывалилась у него изъ ослабѣвшихъ рукъ. И прежде имъ иногда помыкали яицкіе казаки, пользуясь его безхарактерностью, его безволіемъ. „Дворянъ и офцеровъ — признается онъ самъ — убивалъ я, большею частію, по представленію яицкихъ казаковъ, *а самъ я столько жестокъ отнюдь не былъ*.“ Но когда счастье повернулось къ нему спиной, его уже ни въ грошъ не ставили.

— Когда переплылъ Волгу на яицкую степь, то нетолько посылать указы, но и воли уже я не имѣлъ, ибо яицкіе казаки не допускали никого со мною соединиться, и сколько ни желали къ моей толпѣ прилѣпиться, то казаки

отнимали лошадей, говоря мнѣ, что допуская умножать толпу, будетъ замедленіе. Да и бумаги и чернилъ со мною вовсе не было.

Наконецъ, 14 сентября, казаки арестовали его, связали; потомъ, когда онъ, упорно думая, что дѣло его еще не совсѣмъ выгорѣло, вдумалъ уйдти отъ нихъ, его забили въ колодку и привезли въ Яицкъ.

Ровно годъ человѣкъ этотъ носилъ имя русскаго императора. Ровно годъ рука, не умѣвшая держать перо, рука, три года назадъ укравшая „карюю лошадь“, ровно годъ эта рука колебала до основанія великое русское царство, эта рука силилась вырвать скипетръ изъ рукъ Екатерины, и ровно годъ отъ мановенія руки этой зависѣла жизнь и смерть цѣлой половины Россіи.

16-го сентября 1773 года, Пугачевъ послалъ свой первый указъ на Кожихаровъ форпостъ, объявляя, что онъ русскій императоръ и требуя, чтобы форпостные казаки шли къ нему въ службу. Въ этотъ же день онъ въ первый разъ развернулъ свои бѣлыя, съ раскольничьимъ крестомъ, знамена, сшитыя для него казакомъ Кожевниковымъ.

16-го сентября 1774 года, Пугачевъ сидѣлъ уже въ Яицкѣ, въ секретной комиссіи, закованный въ ручные и ножные кандалы, и былъ допрашиваемъ Мавринымъ.

Суворовъ, узнавъ отъ раскольничьихъ старцевъ объ арестѣ самозванца, и видя, что ему ничего не удалось сдѣлать и миссія его кончена, долженъ былъ ѣхать въ Яицкъ, чтобы принять на свои руки дорогаго плѣнника. Ночью онъ имѣлъ стычку съ киргизъ-кайсаками, разбилъ ихъ, но потерялъ своего адъютанта, котораго Пушкинъ называетъ Максимовичемъ, а Антингъ—Маримовичемъ (Marimowitsch).

Такъ кончилась Пугачевщина. Но не кончились ея послѣдствія. Буря утихла, но море еще волновалось, и бывшимъ на морѣ приходилось едва-ли не хуже, чѣмъ въ самую бурю, пока море не улеглось окончательно.

XIV.

Въ послѣдней главѣ настоящаго очерка мы остановились на поимкѣ Пугачева. Кровожадный „вороненокъ“, какъ называлъ себя самозванецъ, лишенъ наконецъ свободы, и надъ запуганной Россіей уже не раздается его „зловѣщее карканье.“

Но въ то время, когда правительственныя войска, предводительствуемыя Суворовымъ, Меллиномъ, Муфелемъ, Мансуровымъ, князьями Голицынымъ и Дундуковымъ, съ конца августа до половины сентября рыскали по заволжскимъ степямъ, тщетно стараясь напасть на слѣдъ своей жертвы, остальная Россія, особенно Поволжье, гдѣ всего болѣе ярко проявилась его дѣятельность, представляла такое поразительное зрѣлище, какое не въ состояніи создать самая мрачная фантазія человѣка.

По всѣмъ городамъ и селамъ, гдѣ за нѣсколько дней передъ этимъ господствовалъ дикій разгулъ, гдѣ гуляла висѣлица, гдѣ лилась кровь правыхъ и виноватыхъ, по всѣмъ этимъ городамъ и селамъ опять повторялись сцены, полныя страшнаго драматизма, сцены тяжелыя, раздирательныя. На мѣсто силы разрушительной, силы центробѣжной, явилась сила центростремительная, карательная. Власти начали возстановлять спокойствіе страны, поколебленное быстро улегшимся

порывомъ анархіи. Тутъ уже не было дикаго разгула, но опять гуляла та же висѣлица. Тамъ, гдѣ проходилъ Пугачевъ, идутъ уже правительственныя войска, и начальники войскъ, по данному имъ полномочію, явившись въ городъ или село, принявшее сторону самозванца, немедленно брали подъ караулъ главныхъ зачинщиковъ возмущенія, особенно же тѣхъ, кого самозванецъ облекъ властью, и вѣшали ихъ передъ глазами всего народа; другихъ бунтовщиковъ сѣкли плетьми, бо́льшею частью „подъ висѣлицею“, давая тѣмъ знать, что измѣна ихъ стоила не плетей, а висѣлицы; этимъ же наказаннымъ урѣзывали по одному уху, другимъ брили полголовы и полбороды. Эта жестокая расправа шла по всѣмъ городамъ и селеніямъ, принимавшимъ къ себѣ самозванца или его сторонниковъ,—а кто не принималъ, волей или неволей, этихъ страшныхъ гостей?

Тысячи плѣнныхъ тѣснились въ Царицынѣ, куда ихъ всѣхъ пригналъ Михельсонъ послѣ пораженія главныхъ силъ самозванца при Соленниковой ватагѣ (1). Эти тысячи народа не легко было размѣстить въ одномъ городѣ: тутъ были и бунтовщики, дѣятельные участники смутъ; тутъ были и толпы народа, безсмысленно шедшія за знаменами самозванца, съ одною цѣлію поживы и безцѣльнаго бродяжничества; тутъ были представители всѣхъ народностей, населявшихъ обширныя территоріи русскаго царства: „великороссійскіе крестьяне“ или „мужики“, малороссіяне, яицкіе, донскіе, волжскіе, саратовскіе и другіе казаки, казанскіе и оренбург-

---

(1) Ватага эта называется также Сальниковою ватагою, по имени купца Сальникова.

скіе татары, башкиры, киргизъ-кайсаки, калмыки, такіе лихіе загонщики табуновъ; тутъ были купцы, мѣщане, бобыли, чиновники, подъячіе, дворовые люди; тутъ были нѣмцы и поляки; въ обозѣ захватили дворянъ и дворянскихъ дѣтей, особенно дѣвушекъ. Вся артиллерія и весь обозъ самозванца съ множествомъ телегъ, колясокъ, берлиновъ и палатокъ, кучи стараго, годнаго и негоднаго оружія, знамена, все это загромоздило собой Царицынъ. Размѣстить эти толпы было некуда; еще труднѣе ихъ было кормить — и быстро шла расправа съ виновными. Каждый день секундъ-маіоръ Куткинъ, по приказамъ и резолюціямъ Цыплетева, сѣкъ плетьми, брилъ головы, рѣзалъ уши и навязывалъ на канаты виновныхъ, чтобъ разсылать ихъ на этихъ канатахъ къ мѣстамъ жительства. Плѣнные изнывали отъ тѣсноты помѣщенія и недостатка пищи. Кругомъ недостатокъ хлѣба, голодъ. Плѣнные мрутъ десятками, сотнями. Къ ноябрю уже народу приходилось питаться желудями. Не стало и желудей — народъ метъ ([1]).

Дѣйствительно, много было работы секундъ-маіору Куткину и другимъ подобнымъ ему секундъ-маіорамъ, которыхъ фамиліи въ данномъ случаѣ дѣлаются уже именами нарицательными. Эти секундъ-маіоры были исполнителями приговоровъ ближайшихъ властей — сѣкли, брили головы и рѣзали уши у виновныхъ. То и дѣло они рапортовали своимъ непосредственнымъ начальникамъ, что такимъ-то злодѣямъ „повелѣнное наказаніе публично кнутомъ и урѣзавъ ушей по

([1]) ...«по малоимѣнію хлѣба употребляли до сего въ пищу себѣ съ мукою дубовые жолуди, а нынѣ, за издержаніемъ имѣющей муки и приготовленныхъ желудковъ, принуждены помирати голодомъ».

одному сего числа учинено“, или что такіе-то, „яко сущіе разбойники, измѣнники и душегубцы, въ страхъ другимъ, публично наказаны смертію—повѣшены“, или что такіе-то солдаты „за побѣгъ и бытіе у злодѣевъ, въ страхъ другимъ, прогнаны шпицъ-рутенъ сквозь тысячу человѣкъ, каждый по шести разъ“ и болѣе. Допросы и вообще всѣ слѣдственныя дѣла велись спѣшно, на скорую руку, да и когда было медлить, когда мѣстныя власти совсѣмъ сбились съ ногъ, а тутъ люди мрутъ голодомъ и отъ тѣсноты, а по улицамъ валяются трупы. Это мы видимъ въ дѣлахъ, и какое-то странное, трепетное чувство охватываетъ при чтеніи подобныхъ бумагъ и при неотвязной мысли, что все это было еще такъ недавно. А тамъ валяются неубранными еще болѣе позорные трупы—это трупы убитыхъ разбойниковъ-коноводовъ, и этихъ послѣднихъ, въ знакъ послѣдняго поруганія, уже по смерти ихъ, привязываютъ къ конскимъ хвостамъ и вытаскиваютъ отъ жилья подальше, чтобъ эти мертвецы не заражали собою воздуха.

Голодаютъ и освобожденные дворяне и „дворянскія дѣвицы“, бывшія въ плѣну у самозванца и его полковниковъ и отбитыя въ разныхъ битвахъ съ послѣдними. Они обносились, ѣсть имъ нечего, а родныя мѣста ихъ, откуда они захвачены въ толпу Пугачева, такъ далеко, ѣхать не на что и не на чемъ, да и кого они застанутъ дома въ живыхъ, остались-ли цѣлыми ихъ жилища, ихъ имущества? На пересылку этихъ несчастныхъ къ мѣстамъ жительства правительство приказало выдавать особыя прогонныя и кормовыя деньги ([1]).

([1]) Вотъ напримѣръ, какое „доношеніе“ подала одна дѣвушка,

На мѣстахъ битвъ долго валяются мертвыя тѣла—ихъ хоронить некогда, да и не стоютъ они христіанскаго погребенія. Разоренные крестьяне шарятъ по карманамъ мертвецовъ, на которыхъ осталось платье, а другихъ, на комъ поновѣе и покрѣпче одежда, раздѣваютъ до нага и берутъ себѣ. Казна ищетъ между трупами и на трупахъ казенную аммуницію, казенныя ружья, тесаки, казенныя портупеи; даже мѣдныя пуговицы ставятся въ счетъ при повѣркѣ казенныхъ вещей, отбитыхъ у злодѣевъ и снятыхъ съ мертвыхъ тѣлъ.

На мѣстахъ битвъ валяются брошенныя изъ орудій ядра, картечь и осколки бомбъ. Ребятишки собираютъ эти ядра, недавно еще производившія такія страшныя опустошенія въ людяхъ, катаютъ ихъ, забавляются ими и тащутъ въ ка-

---

именно Софья Юнгеръ, дочь бывшаго саратовскаго коменданта Томаса Юнгеръ, которая съ пятью сестрами была взята въ плѣнъ Пугачевымъ, а потомъ освобождена была вмѣстѣ съ тѣмъ судномъ, на которомъ ѣхали плѣнные дворяне: «Какимъ образомъ я съ пятью сестрами своими взята была, о томъ уже извѣстно...; а какъ извѣстіе мнѣ дошло, что августѣйшая монархиня наша, печась о своихъ вѣрноподданныхъ, монаршимъ своимъ соизволеніемъ начальникамъ войскъ повелѣть соизволила, чтобы вырученнымъ изъ злодѣйской толпы благороднымъ дѣвицамъ къ доставленію до ихъ домовъ дать каждой по двадцати рублевъ и, по исчисленію времени, на проѣздъ, на всякій день по пятнадцати копеекъ выдавать повелѣно; а какъ и я съ пятью сестрами своими таковой же нещастный жребій имѣю и оттого крайнюю нужду и бѣдность сносить принуждена, то въ такомъ случаѣ... прошу о выдачѣ мнѣ и пятерымъ моимъ сестрамъ онаго вспомогательнаго числа денегъ, равнымъ образомъ и на проѣздъ до Саратова учинить милостивое распоряженіе». Мать этихъ дѣвушекъ, Шарлота Крестьяновна Юнгеръ, показана у Пушкина въ спискѣ убитыхъ Пугачевымъ.

зенные цейхгаузы. Около одного Царицына, въ степи, поднято было артиллерійскими служителями и „школьниками“ болѣе ста ядеръ.

Вырываютъ пушки и артиллерійскія принадлежности изъ земли, куда онѣ были зарыты при приближеніи самозванца. Вытаскиваютъ изъ воды то, что̀ было брошено въ воду, въ ожиданіи все того же страшнаго гостя и что̀ могло уцѣлѣть въ водѣ. А порохъ, брошенный въ воду, само собой разумѣется, погибъ для казны. За то казна пріобрѣтаетъ трофеи, доставленные въ Царицынъ Михельсономъ послѣ битвы при Сальниковой ватагѣ (1). Выигрышъ ничтожный, а потери громадныя!

---

(1) Трофеи эти значатся въ «вѣдомости, сколько какой артиллеріи и принадлежностей, отбитыхъ отъ злодѣя и варвара Пугачева, присланныхъ отъ г. Михельсона, во артиллерійскій цейхгаузъ принято». Вотъ они: пушекъ мѣдныхъ 6 фунтовыхъ «стараго литья» 1, 3 фунт. 10, въ томъ числѣ отбитыхъ отъ 1-ой легкой полевой команды, «слѣдующія отпускомъ въ волское войско» 5, затѣмъ другаго калибра мѣдныхъ пушекъ 3, чугунныхъ $3^1/_2$, 3 и 2 фунт. 5, единороговъ мѣдныхъ 12 фунт. безъ лафетовъ, тоже отбитыхъ Пугачевымъ у легкой полевой команды, 2, пудовая мѣдная мортира на станкѣ, ящиковъ разныхъ калибровъ и сундуковъ артиллерійскихъ 21, зарядовъ разныхъ калибровъ, въ жестяныхъ футлярахъ, съ ядрами и картечью 511, безъ футляровъ 475, трубокъ скорострѣльныхъ 420, свѣчъ палительныхъ 24, фитиля палительнаго 3 пуда, затѣмъ ночники, свѣчные футляры, трещотки съ пыжевниками, мѣдныя шуфлы, ганшпиги, ключи, болѣе 3 пудовъ мушкетнаго пороху, негоднаго, въ комьяхъ, 108 чугунныхъ ядеръ, 1,020 ружейныхъ негодныхъ патроновъ, затѣмъ лафеты, передки, колеса—все это пришло въ Царицынъ въ ужасномъ видѣ. Это только негодные трофеи, годные же Михельсонъ оставилъ при своемъ войскѣ. Затѣмъ свалены были въ цейхгаузъ пушки, отбитыя на «злодѣйскомъ суднѣ», а съ пушками ядра, дробь, картечь. Наконецъ, найдена въ полѣ, брошенная Пугаче-

Идетъ перемѣрка казенныхъ вещей въ казенныхъ цейхгаузахъ, и опять открываются огромныя потери. Иное употреблено въ битвахъ, другое растащено бунтовщиками, пропало безъ вѣсти. Пороху и свинцу отпущено много, фуражу истощено еще больше; а когда стали сводить счеты людямъ, лошадямъ и имуществу — вездѣ недочетъ, вездѣ потеря. Вмѣсто тысячъ лошадей оказываются только десятки, да и тѣ изнуренныя, слабыя, негодныя. Всѣ отряды поубавились больше чѣмъ вдвое: тотъ убитъ тамъ-то, другой умеръ отъ истомленія, третій пропалъ безъ вѣсти, иной повѣшенъ за измѣну, тотъ бѣжалъ къ измѣнникамъ и нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу. Пятисотная конная команда донскаго полковника Ильи Денисова, посылавшаяся прежде въ Оренбургъ, когда Пугачевъ свирѣпствовалъ еще на сѣверѣ, а потомъ рыскавшая за Волгой, и по ставропольскимъ степямъ, привела въ Царицынъ только 244 лошади! (1).

Идетъ провѣрка казенныхъ суммъ въ казначействахъ, и

ымъ около Царицына, еще одна пушка. Пушки с т а р а г о л и т ь я замѣчательны тѣмъ, что на одной надпись литыми литерами: «божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Россіи» и т. д., на другой «божіею милостію мы Анна Іоанновна императрица и самодержица всероссійская и пр. пожалована сія пушка мѣдная двухъфунтовая въ волское войско казакамъ Зимовой (?) станицы атаману Михайлѣ Дикому, есаулу Садомскому съ станишники 1738 году іюля 10 дня"; на третьей изображенъ ш в е д с к і й г е р б ъ и т. д. Не отбита ли эта послѣдняя пушка у шведовъ во время войнъ съ ними, не захватили ли ее казаки въ битвѣ съ Карломъ XII при Полтавѣ, или, не досталась ли она казакамъ еще ранѣе, въ битвахъ смутнаго времени?

(1) А между тѣмъ такія команды были большею частію „о дву конь."

опять оказывается, что все разграблено, все недочетъ, вездѣ огромныя потери.

Идетъ разборка архивныхъ и канцелярскихъ дѣлъ, много работы канцеляристамъ, всѣ бумаги перепутаны, дѣла разбиты, растащены, потоплены въ водѣ, сожжены. Надо собирать уцѣлѣвшія, растрепанныя промеморіи и ордеры, требовать копіи, заводить новыя дѣла, подшивать бумаги, въ которыхъ говорится о недавнихъ ужасахъ. И все это надо сдѣлать спѣшно, лихорадочно, потому что со всѣхъ сторонъ поступаютъ просьбы, доношенія, жалобы. Матери ищутъ дѣтей, помѣщики крестьянъ, всѣ розыскиваютъ свое имущество, вездѣ потери, недостатокъ, бѣдность.

Являются цѣлыми толпами оборванные крестьяне къ своимъ вотчинникамъ, бѣглые и плѣнные канцеляристы къ своимъ воеводамъ и комендантамъ, бритые и стриженные купцы въ свои магистраты; бритые и стриженные „въ кружало“ церковнослужители къ своимъ причтамъ и въ свои консисторіи.

Являются бѣглые солдаты въ крестьянскомъ платьѣ, крестьяне въ солдатскомъ, въ казацкихъ кафтанахъ, и ихъ забираютъ, допрашиваютъ и навязываютъ на канаты, чтобы гнать какъ своры собакъ къ мѣстамъ жительства.

По церквамъ идетъ вторичная присяга на вѣрноподданство всѣхъ, которые въ бывшую смуту „колебались умомъ.“

По городамъ и селамъ идетъ чинка домовъ, лавокъ, въ особенности же казенныхъ соляныхъ и винныхъ магазиновъ — все это обломано, облуплено: двери повышиблены, окна разбиты, косяки порублены, посуда растащена.

Вообще, вся та часть Россіи, которой коснулась Пугачевщина, представляла картину страшнаго опустошенія. Цвѣ-

тущая Сарепта, напримѣръ, еще такъ недавно построенная гернгутерами, украшенная фонтанами, Сарепта, съ ея фабриками и заводами, представляла жалкій видъ послѣ того, какъ оставилъ ее Пугачевъ, нагулявшись въ ней съ своими наложницами. Вотъ въ какомъ видѣ нашли Сарепту секундъ-маіоръ Шапкинъ и прапорщикъ Худяковъ, посланные туда для описи всѣхъ поврежденій, причиненныхъ колоніи самозванцемъ: „разныя фабрики, на которыхъ производились разныя ткательныя матеріи, тожъ и прочія работы, и принадлежащіе къ тому желѣзные инструменты забраны, а деревянные переломаны, кабинеты, шкафы, стулья, столы, коммоды и музыкантскіе разные инструменты, печи, окончины, зеркалы переломаны, стѣнные часы забраны, а въ состоящихъ лавкахъ разные товары, которыхъ было съ собою забрать имъ, злодѣямъ, не можно, поброшены въ воду, а иные и въ грязь, потаенные погреба открыты и имѣющіе въ нихъ сундуки, баулы и скрынки, всѣ разломаны, *водяные фонтаны перепорчены*, заготовленный хлѣбъ забранъ, въ питейныхъ домахъ напитки выпиты и выпущены безъ остатку“ и проч. и проч.

Изъ Сарепты, при нападеніи Пугачева, весь городъ, а въ особенности женщины, были отправлены въ Астрахань. Но и по взятіи Пугачева и послѣ пораженія его шаекъ, Сарепта не знала покоя. То ее грабили калмыки, то другіе разбойники нападали на ея стада, брали въ плѣнъ жителей, врывались въ самую колонію. Объ этихъ бѣдствіяхъ Сарепты говорятъ сохранившіяся въ дѣлахъ подлинныя письма форштегера Сарепты, Данилы Фика. Письма эти весьма любопытны; они писаны на ломаномъ русскомъ языкѣ, и всѣ наполнены жалобами на грабежи, разбои и всякаго рода без-

чинства со стороны калмыковъ и разныхъ „невѣдомыхъ людей“ (1).

XV.

Хотя вѣсть о послѣднемъ пораженіи и поимкѣ Пугачева быстро разнеслась по Россіи, однако народъ продолжалъ упор-

---

(1) Для образчика приведемъ здѣсь дословно письмо Фика, отъ 16-го сентября. Вотъ оно: «Чтобо ваше высокоблагородія (Фикъ пишетъ Цыплетеву) не трудится обстоятелнимъ писаніемъ, отправилъ я господина Ивана Федоровича Паули къ вамъ словесно все разкасать. Разбой у насъ нетъ еще пересталъ. Вчера иные злодѣй пришли въ хутери и хотели барановъ взять, и какъ имъ добровольно не отдано было, спагами хотели насъ принудить, и многа насъ испужали. Еще вчара калмыки пришли въ наше табунъ и отгнали намъ скотини. Сего числа также казаки украли—о томъ господинъ маіоръ Прохоръ Осипичь свидѣтелемъ былъ. Я господину маіору поручилъ судить сіе послѣднее дѣло. Наши тепериче безъ карауле не хотятъ жить въ маломъ нашемъ деревне. Здесь въ колоніи ворота сломани и не саперти и безъ карауле стоять, а жители въ опасности и совсѣмъ разсорени — ни въ чемъ удоволстіе не получаютъ. Для того всепокорнѣйше прошу, чтобо ваше высокоблагородія принимали наше бѣдное состояніе въ серце и приказали намъ давать не только салдати на четыри воротахъ, но еще казаковъ доволное число, чтобо мы можемъ въ опасности давать помочь и хутеру и деревну нашему. Намъ теперь въ разсоренемъ месте не способно имееть оберъ-офицеру, но капралскій командо съ сержантомъ покорно прошу суди командировать. При семъ съ господиномъ Иваномъ Федоровичемъ посилаю вамъ пять нашихъ старыхъ солдатовъ, которые провожали, по моему совету, нашихъ женщинъ въ Астрахань и обратно. Мы доволни съ ними были и намъ противно не будетъ, ежели опять суди ихъ командируете. Говорятъ, что пропали ихъ амуниціяхъ, но они въ томъ не виновати, впричиною крайно скорости нашего уезда, а я долженъ ихъ убытокъ на мне принимать. Все жители наши свидѣтельствуютъ свое почтеніе, которые ужь все суди назадъ приехали», и т. д. Другія письма Фика не менѣе характеристичны.

но вѣрить своимъ старымъ, ласкающимъ воображеніе бреднямъ, и, перешептываясь о страшныхъ событіяхъ послѣднихъ дней, мужики сомнительно покачивали головами, когда имъ говорили, что воръ Емелька Пугачевъ сидитъ въ клѣткѣ. Этотъ народъ такъ много и такъ долго обманывали, а въ послѣднее время, когда страхъ отбилъ у всѣхъ способность дѣйствовать логически,—всѣ вѣсти, радостныя или нерадостныя, народъ принималъ недовѣрчиво. За вѣру въ царственность какого-то невѣдомаго человѣка его такъ много били, такъ много повѣшено было правительственными войсками этихъ вѣрующихъ, что всякій слухъ, откуда бы онъ ни приходилъ, былъ страшенъ. Разъ обманутое довѣріе уже никогда не возстановляется.

И народъ не вѣрилъ тому, что великій государь сидитъ въ клѣткѣ. Но не о великомъ государѣ собственно засѣла въ его голову неотвязная дума, а о той волѣ, которую сулилъ ему невѣдомый, странный человѣкъ, о той безпошлинной соли, о тѣхъ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ, въ которыхъ народъ мечталъ свободно ловить рыбу, о тѣхъ земляхъ и лѣсахъ, которые дарилъ невѣдомый человѣкъ народу въ вѣчное владѣніе. Чтобъ разбить это упорное вѣрованіе, правительству нужно было доказать народу, что увлекшая его личность—не государь, а обманщикъ, и что личности этой уже не вырваться на свободу.

Для этого 25-го сентября по всей Россіи розослано было печатное *извѣщаніе* (писанымъ народъ не вѣрилъ, такъ какъ и манифесты Пугачева были писаные, и за вѣру въ эти писаные манифесты народъ такъ жестоко поплатился). Такъ какъ у насъ въ рукахъ находится довольно рѣдкій

экземпляръ этого „извѣщанія,“ то мы и приводимъ его цѣликомъ (1):

„Симъ каждый увѣдомляется.

„Несомнѣнно всякому обитающему въ Россіи уже извѣстно о причиненныхъ злодѣяніяхъ бѣглаго съ Дону казака Емельки Пугачева, подъ самозванствомъ въ имени давно уже скончавшагося императора Петра Третьяго, на истребленіе котораго съ возженными отъ него бунтами всемилостивѣйше отъ ея императорскаго величества мнѣ (2) препоручено главное начальство надъ всѣми отряженными къ тому намѣренію войсками. А какъ божіимъ промысломъ, благословляющимъ всѣ дѣянія нашей августѣйшей великой императрицы высочайшимъ ея величества счастіемъ, вѣрностію, неутомленными трудами, и храбростію врученныхъ мнѣ войскъ, сей государственный врагъ, самозванецъ и измѣнникъ Пугачевъ, со всею его бунтовщичьею толпою минувшаго августа 25-го числа не только разбитъ на голову между Царицынома и Чернымъ Яромъ, и принужденъ былъ съ малымъ весьма числомъ присныхъ наперстниковъ броситься ко исканію еще спасенія своей проклятой жизни въ саратовскія степи, но и тамъ отъ преслѣдующихъ нашихъ неутомленныхъ воиновъ и истинныхъ сыновъ отечества, принужденъ былъ сентября 14-го числа при рѣчкахъ Узени впасть въ ихъ руки, и теперь окованный подъ стражею отъ меня отряженною содержится и ве-

---

(1) Этого извѣщанія нѣтъ ни въ документахъ, приложенныхъ къ «Исторіи» Пушкина, ни въ другихъ изданныхъ матеріалахъ изъ эпохи Пугачевщины.

(2) Оповѣщалось это отъ лица главнокомандующаго, графа Панина.

зется къ полученію за его беззаконія и злодѣянія заслуженной кары, отъ правосуднаго престола благополучно владѣемаго нашею законною великою государынею, каяся самъ, какъ въ своихъ проклятыхъ окаянствахъ, такъ и въ томъ, что онъ истинный казакъ донской Емельянъ Пугачевъ, бѣглой и воспріявшій самозванство имени императора Петра Третьяго для бунтовщичьяго своего токмо злонамѣренія. Я симъ о томъ извѣщаю, дабы каждый обитающій въ Россіи, спознавъ сію истинну во всей точности, не только никогда не впадалъ въ какія либо поползновенія по происходимымъ объ ономъ разглашеніямъ, но чтобъ каждый по долгу вѣрности ко владѣющей своей государынѣ и къ отечеству, всякаго иногда о томъ вредно разглашающаго, или спознавши укрывающихся изъ сообщниковъ сего государственнаго бунтовщика, ловя, представлялъ къ начальствамъ, яко сущихъ измѣнниковъ и враговъ всей имперіи, съ тѣмъ, что *кто поползнется разглашеніямъ о семъ искорененномъ уже самозванцѣ и бунтовщикѣ инако вѣрить, неже-ли здѣсь самая истинна о немъ объявляется*, или кто дастъ у себя укрывательство сообщникамъ онаго самозванца, или же вѣдая, гдѣ нѣкоторыя, можетъ быть малыя остатки изъ разсыпавшихся пристаютъ, и о томъ не объявитъ, *тотъ каждый будетъ признанъ въ равномъ противу государства злодѣяніи, какъ самъ бунтовщикъ, и будетъ оружіемъ ея императорскаго величества безъ всякой пощады до самаго его истребленія, или до поимки къ заслуженной казни, по строгости всѣхъ государственныхъ законовъ гонимъ и преслѣдованъ.*

„Оканчиваю сіе извѣщаніе всеусерднымъ моимъ желаніемъ,

дабы возстановляемое нынѣ вожделѣнное спокойствіе внутри страдавшихъ отъ проклятаго изверга Пугачева губерніяхъ, утверждалося день отъ дня все болѣе и болѣе; и обновилось бы паки для всѣхъ безъ исключенія вѣрныхъ россіянъ, подъ мудрою и кроткою державою великія нашея самодержицы, совершеннѣйшее, какое токмо быть можетъ, всеобщее благоденствіе въ роды и роды. Дано на маршѣ (1) 1774 года, сентября 25-го числа.“

Это писалось въ то время, когда Пугачева, уже допрошеннаго въ Яицкѣ, Суворовъ везъ въ деревянной клѣткѣ къ графу Панину. О подробностяхъ этого торжественнаго поѣзда самозванца мы не распространяемся здѣсь, такъ-какъ все это извѣстно отчасти изъ нашей „Пугачевщины,“ отчасти изъ Пушкина (2).

---

(1) На какомъ это маршѣ? Собственно графъ Панинъ не дѣлалъ никакихъ маршевъ: онъ не былъ съ войсками, хотя и считался ихъ главнокомандующимъ, а жилъ въ своей деревнѣ. Этимъ-то и замѣчательно все то темное дѣло, которое называется пугачевщиною.

(2) Впрочемъ, здѣсь въ спискѣ, мы считаемъ не лишнимъ привести разсказъ и объ этомъ поѣздѣ историка Суворова, Антинга, разсказъ, безъ сомнѣнія, составленный по указаніямъ самого Суворова и находящійся въ довольно рѣдкомъ нынѣ изданіи. Вотъ этотъ разсказъ: „En dernier lieu (то-есть въ Яицкѣ или Уральскѣ) Pugatschew prisonnier remis au comte à Uralsk, fut traité avec précaution. On l'enferma dans une cage sur une voiture à quatre roues fait exprès pour lui, afin q'il n'échappât point, et on l'emmena le troisième jour sous une escorte de deux compagnies de chasseurs avec deux pièces de canons et de 200 cosaques du Don et d'Uralsk. Le comte alla en personne avec cette escorte, mais il fit marcher les autres chefs avec leur monde sur la ligne de Samar, qui était habitée, où ils trouvèrent des vivres et du fourage. Le commendant d'Uralsk ne fût donner que pour deux jours de provi-

Мы не распространяемся также о послѣднихъ дняхъ и казни самозванца и главнѣйшихъ его сообщниковъ. Все это болѣе или менѣе извѣстно, да и едва-ли составляетъ въ исторіи Россіи страницу болѣе интересную, чѣмъ тѣ страницы, на которыхъ будущіе историки должны будутъ начертать полную картину того ужаснаго положенія, въ какое поставили Россію ея прежнія историческія ошибки и—какъ

---

sion à l'éscorte, le comte la menait bien par le chemin le plus court, mais il fallait traverser des pays inhabités, en conséquence on emmena un peu de bétail et on s'aida de nouveau des moyens, qu'on a indiqués plus haut. Après avoir fait à peu près vingt milles, depuis Samar jusqu'an Wolga, ce qui n'était guère qu'un tiers du chemin, on arriva sur les bords d'Irtisch (Иргизъ, конечно, а не Иртышъ). Là dans un beau pays est un village isolé, qu'on apelle Mosti (Мосты) du nom d'un pont qui n'est pas éloigné. Ce village avait été pillé peu de temps auparavant par les Kirkis dans une de leurs incursions; ils avaient emmené presque tous les paysans; sur cent habitans il n'y en avait pas plus de dix, qui eussent échappés par la fuite, et ils se tenaient cachés. L'escorte y séjourna. Le feu prit... une maison dans le voisinage du quartier où l'on gardait Pugatschew; et il y eût quelques maisons incendiées. Il fallait veiller avec soin sur le prisonnier pour qu'il ne se sauvât pas pendant cette alarme, on le garda bien et l'on éteignit le feu. On laissa la cage à Mosti parceque Pugatschew ne voulait pas s'y tenir tranquille, et l'on prit dans ce village deux voitures de paysans, dont une pour lui et l'autre pour son fils, agé de 12 ans, qui était si turbulent, qu'on ne pouvait pas le perdre de vue. On les lia tous les deux sur les voitures, et on éclaira la marche de nuit avec des torches. Le comte était toujours présent. (Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ дорóгой старшина Мартемьяновъ подрался съ Пугачевымъ и какъ у Пугачева нашли зашитыми въ платьѣ нѣсколько золотыхъ. См. «Пугачевщина»). De Mosti l'éscorte remonta le Wolga jusqu'au Kasper (это село Коспорье) en face de Samara, à soixante dix milles d'Uralsk, elle s'y embarqua la nuit sur un fleuve impétueux, et elle arriva à Simbirsk, où le comte Panin survint peu de temps après. Alors Souvorow remit le prisonnier à Panin, qui le conduisit à Moscou». Fr. Anthing, I, p. 166—169.

результатъ ихъ—пугачевщина. Предметъ этотъ менѣе всего разработанъ до настоящаго времени. Правда, онъ представляетъ для историка и читателя менѣе картинности, той картинности, къ которой пріучила насъ историческая рутина.

Исторія народныхъ бѣдствій и смутъ, а въ связи съ этимъ раскрытіе причинъ, породившихъ эти бѣдствія и смуты—вотъ тотъ логическій путь, на которомъ исторія можетъ принести человѣчеству несомнѣнную, практическую пользу, показавъ ему, *что* задерживало развитіе человѣческихъ обществъ, что мѣшало ихъ благосостоянію.

Чтобы показать, что уже во второй половинѣ прошлаго вѣка наиболѣе свѣтлые умы ясно понимали то бѣдственное состояніе, въ которомъ находился русскій народъ въ громкое и блестящее царствованіе великой императрицы, приведемъ отрывокъ изъ путешествія по Россіи какого-то И. Г., путешествія, названнаго „сатирическимъ“, потому, кажется, что въ немъ, въ каждой строкѣ, сквозитъ ядовитая сатира на все то, чѣмъ такъ восхищались наши историки и наши поэты.

„По выѣздѣ моемъ изъ города (говоритъ неизвѣстный путешественникъ), я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали, но въ три дни сего путешествія ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. *Бѣдность* и *рабство* повсюду встрѣчалися со мной въ образѣ крестьянъ. Нешаханныя поля, худой урожай хлѣба, возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченье. Маленькія покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшіе одоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали,

сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

„Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобъ не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О, человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О, господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О, блаженная добродѣтель любовь, ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ!“

Эта сантиментальность введенія не мѣшаетъ, однако, путешественнику описывать съ поразительными подробностями, хотя также не безъ сантиментальности, свойственной тогдашнему modus scribendi, то состояніе народа, которое довело его до взрыва пугачевщины. „Деревня раззоренная (говоритъ путешественникъ) поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около двадцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другаго, огорожены изсохшими плетнями и покрыты, отъ одного конца до другаго, сплошь соломою. Какая несчастная жертва жестокости пламени, посвященная нерадивостію ихъ господина! Избы, или лучше сказать, бѣдныя развалившіяся хижины представляютъ взору путешественника оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта

грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ временемъ.“

„При въѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День тогда былъ жаркой, я ѣхалъ въ открытой колескѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогою, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извощикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дворишка, сказывая, *что это былъ лучшей во всей деревнѣ, и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ прочихъ, потому что имѣлъ онъ корову.* Мы стучались у воротъ очень долго; но намъ ихъ не отпирали. Собака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаяніемъ, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извощикъ вышелъ изъ терпѣнія, перелѣзъ черезъ ворота и отперъ ихъ. Коляска моя ввезена была на грязный дворъ, намощенный соломою, ежели оною намостить можно грязное и болотное мѣсто; а я вошелъ въ избу растворенными настежъ дверями. Заразительный духъ отъ всякія нечистоты, чрезвычайный жаръ и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ, оттуду меня выгоняли; а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ въ оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицѣпленнымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленные младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ, я его поправилъ и онъ успокоился. Другаго нашелъ обернувшагося лицемъ къ подушонкѣ изъ самыя толстыя холстины, набитыя соломою; я тотчасъ его оборотилъ и увидѣлъ, что безъ скорыя помощи, лишился бы онъ жизни: ибо онъ нетолько что по-

синѣлъ, но почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти: скоро и этотъ успокоился. Подошедъ къ третьему, увидѣлъ, что онъ былъ разпеленонъ: множество мухъ покрывали лицо сего ребёнка; солома, на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и этому услугу, согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожъ сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшаны были, поправилъ солому, которую онъ, барахтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и этотъ. Смотря на сихъ младенцевъ и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ, отъемлющій крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приноситъ-ли онъ о томъ жалобы?—Нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ?—Необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобъ его не мучили. Кричите, бѣдныя твари, сказалъ я, проливая слезы; произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О, солнце! лучами щедротъ своихъ ** (Россію, конечно) озаряющее: призри на сихъ несчастныхъ!.. Оказавъ услугу человѣчеству, я спѣшилъ помощь себѣ: тяжкій запахъ въ избѣ столь для меня былъ вреденъ, что я насилу могъ выдти изъ оныя. Пришедъ ко своей колескѣ, упалъ я безъ чувства въ оную. Приключившійся мнѣ обморокъ былъ непродолжителенъ: я опомнился, спрашивалъ холодной воды: извощикъ мой ее принесъ изъ колодезя; но я не могъ пить ея по причинѣ худаго запа-

ха. Я требовалъ чистой, но въ отвѣтъ услышалъ, что во всей деревнѣ лучше этой воды нѣтъ, и что всѣ крестьяне довольствуются сею пакостною водой. „Помѣщики, сказалъ я, вы не имѣете никакого попеченія о сохраненіи здоровья своихъ кормильцевъ!“

Наконецъ, послѣдующее описаніе разговора путешественника съ крестьянскими ребятишками показываетъ, до какой степени запуганъ тогда былъ русскій человѣкъ даже однимъ именемъ „баринъ.“ „Я спрашивалъ,—говоритъ путешественникъ—гдѣ хозяева того дома: извощикъ отвѣтствовалъ, что всѣ крестьяне и крестьянки въ полѣ, прибавя къ тому, что когда я былъ въ избѣ, то выходилъ онъ въ то время въ заднія ворота посмотрѣть, не найдетъ-ли тамъ кого-нибудь изъ крестьянъ, что нашелъ онъ тамъ одного спрятавшагося мальчика, который ему сказалъ, что, увидѣвъ издалека пыль отъ моей коляски, подумали они, что это ѣдетъ ихъ баринъ, и для того отъ страха разбѣжались.“ „Они скоро придутъ, сказалъ извощикъ: я ихъ увѣрилъ, что мы проѣзжіе, что ты бояринъ добрый, что ты не дерешься и что ты пожалуешь имъ на лапти.“ Вскорѣ послѣ того пришли два мальчика и двѣ дѣвочки отъ пяти до семи лѣтъ. Они всѣ были босиками, съ раскрытыми грудями и въ однихъ рубашкахъ, и столь были дики и засращены именемъ боярина, что боялись подойти къ моей колескѣ. Извощикъ ихъ подвелъ, приговаривая: „*не бойтесь, онъ васъ не убьетъ, онъ боярин добрый:* онъ пожалуетъ вамъ на лапти.“ Ребятишки, подведены будучи близко къ моей колескѣ, вдругъ всѣ побѣжали назадъ, крича: *ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте насъ!* „Извощикъ, схватя одного изъ нихъ, спрашивалъ,

чего они испужались. Мальчишка, трясучись отъ страха, говорилъ: *да! чево испужались... ты насъ облапулъ... на этомъ баринѣ красный кафтанъ... это никакъ нашъ баринъ... оне насъ засѣчетъ.*“ Вотъ плоды жестокости и страха: о, вы худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастія, что подобные вамъ человѣки боятся васъ какъ дикихъ звѣрей! „Не бойся, другъ мой, сказалъ я испуженному краснымъ кафтаномъ мальчику: я не вашъ баринъ, пойди ко мнѣ, я тебѣ дамъ денегъ.“ Мальчикъ оставилъ страхъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ деньги, поклонился въ ноги и, оборотясь, кричалъ другимъ: „ступайте сюда, ребята! это не нашъ баринъ, этотъ баринъ добрый: онъ даетъ деньги и не дерется.“ Ребятишки тотчасъ всѣ ко мнѣ прибѣжали: я далъ каждому по нѣскольку денегъ и по пирожку, которые со мною были. Они всѣ кричали: „у меня деньги! у меня пирогъ“ (1)!

Вотъ какимъ мрачнымъ колоритомъ отдаетъ путешествіе по Россіи во второй половинѣ прошлаго вѣка! А кому неизвѣстно знаменитое путешествіе Радищева, за которое авторъ такъ жестоко поплатился?

XVI.

Прошло почти сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ жили и дѣйствовали лица, о которыхъ намъ пришлось, иногда мелькомъ, иногда съ большею подробностію, упомянуть въ настоящемъ очеркѣ нашемъ. Многое съ того времени измѣни-

---

(1) Живописецъ, И. Новикова.

лось. Страсти, бушевавшія тогда, давно поулеглись. Стремленія и чаянія того вѣка, совершивъ свой обычный циклъ развитія, выразились въ извѣстныхъ результатахъ. Эти страсти, стремленія и чаянія той жизни, которая такъ ярко выступаетъ передъ нами изъ этого сумрачнаго далека, становятся уже предметомъ исторической критики. „Великаны сумрака“, какъ сказалъ бы незабвенный Карамзинъ, уступили мѣсто намъ, простымъ, обыкновеннымъ, современнымъ людямъ, и къ великанамъ сумрака мы можемъ уже относиться, по возможности, безпристрастно, хотя, тѣмъ не менѣе, далеко не безразлично. Они намъ дали тотъ матеріалъ, изъ котораго мы устроили свою жизнь съ ея хорошими и дурными сторонами. На своихъ плечахъ современные люди выносятъ ту тяжесть, которую великанамъ не угодно было поднять на свои могучія плечи,—и много предстоитъ работы современнымъ людямъ, много предстоитъ имъ борьбы, чтобы сдѣлать эту жизнь менѣе тяжелою, чтобы не взвалить на плечи послѣдующихъ поколѣній той тяжести, какую взвалили на современныхъ людей отжившіе свое время великаны.

Что же дѣлали эти великаны, чтобы и имъ самимъ и ихъ потомкамъ дышалось легче, спалось покойнѣе, жилось съ меньшею нуждою и страданіями?

Они дѣлали для этого, говоря возможно осторожнѣе, недостаточно много. Они мало трудились, мало сознавали необходимость труда, какъ нравственнаго долга человѣка передъ самимъ собой и передъ всѣмъ человѣчествомъ.

Мы не говоримъ, что они мало работали для предупрежденія того бѣдствія, которое постигло Россію во второй половинѣ прошлаго вѣка и оставило мрачное пятно, ни чѣмъ

не смываемое, на ея страницахъ и на памяти всего народа. Предупрежденіе подобнаго бѣдствія было шире круга пониманія, въ которомъ вращалось большинство людей того времени. Но они не умѣли и не всегда хотѣли дѣйствовать такъ, чтобы само бѣдствіе, уже разразившееся надъ Россіей, было менѣе гибельно своими послѣдствіями.

Мы уже не разъ говорили о тѣхъ, далеко не похвальныхъ, отношеніяхъ тогдашнихъ русскихъ властей къ народу. Мы неоднократно говорили и о той апатіи, съ которою, въ то ужасное время, даже самые лучшіе люди изъ высшаго общества, относились и къ своимъ обязанностямъ, и къ всеобщему бѣдствію. Никто ничего не хотѣлъ дѣлать. Главнокомандующіе, кромѣ одного Бибикова, не хотѣли, повидимому, или боялись сдвинуться съ мѣста. Распоряженія ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и распоряженія губернаторовъ, комендантовъ, воеводъ и начальниковъ отдѣльныхъ командъ постоянно запаздывали, часто дѣлались не кстати, часто отличались положительнымъ незнаніемъ положенія дѣлъ.

И вотъ рядомъ съ этими дѣятелями, съ этими славными „орлами изъ стаи Екатерины“, стоятъ другіе дѣятели, между которыми были даже каторжники. Губернаторы или сидятъ запершись со страху въ своихъ городахъ, или отписываютъ въ военную коллегію трепетные рапорты. Правительственныя войска не видятъ около себя ни одного энергическаго вождя, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ субалтерныхъ офицеровъ, а между тѣмъ самозванецъ — вездѣ самъ, вездѣ доглядитъ его зоркій взглядъ, вездѣ видно или его личное распоряженіе или слѣды распоряженій его случайныхъ, но неутомимыхъ генераловъ. По цѣлымъ недѣлямъ Пугачевъ не спитъ ни дни, ни ночи („*все распоряжаетъ самъ и*

за всѣмъ смотритъ не только днемъ, но и по ночамъ“); по цѣлымъ недѣлямъ онъ не сходитъ съ своего боеваго коня, водитъ свои войска на приступы, лично наблюдаетъ за артиллерійскими и саперными работами, возводитъ великолѣпные верки и такія осадныя сооруженія, за которыя очевидцы французы приписываютъ этому дикому казаку геній великаго Вобана.

Правительственныя лица и мѣстныя власти относятся къ народу высокомѣрно. Они не хотятъ знать тѣхъ, кто составляетъ ихъ силу, кто кормитъ, одѣваетъ ихъ и бережетъ отъ внѣшнихъ враговъ. Съ своей стороны, и народъ не любитъ этихъ господъ, и боится ихъ, и внушаетъ этотъ страхъ дѣтямъ. А тутъ, между тѣмъ, являются какія то новыя лица, и ходятъ слухи, что между этими лицами — „доподлинный государь“, и что ближніе слуги его не горделивы, не обираютъ народъ, а пьютъ, ѣдятъ и думаютъ съ нимъ заедино, и сулятъ ему облегченье отъ податей, защиту отъ гордыхъ бояръ, свободный трудъ, озера и рѣки, лѣса и пахатныя земли. Царь ходитъ въ народѣ, какъ простой смертный, и пригоршнями бросаетъ въ толпу деньги, гдѣ бы ни собралась эта толпа.

Умъ, знаніе дѣла, энергія, — все, повидимому, оставило правительственную сторону и перешло на сторону противниковъ власти.

Съ одной стороны стоятъ: генералъ Каръ, командующій правительственными войсками и первый испытавшій на себѣ тяжелую руку самозванца, генералъ Фрейманъ, полковникъ Чернышевъ, губернаторы Рейнсдорпъ и Брантъ и множество другихъ, которыхъ мы перечислимъ поименно, перечисляя ихъ

неудачи, ихъ бездѣятельность, ихъ неумѣнье бороться съ буйными противниками.

Съ другой стороны стоятъ эти буйные противники: самъ Пугачевъ, не знавшій устали, каторжникъ Хлопуша, Чика (онъ же Зарубинъ) — пугачевскій фельдмаршалъ и графъ Чернышевъ, Овчинниковъ — графъ Панинъ, Шигаевъ—графъ Воронцовъ, Чумаковъ — графъ Орловъ, Лысовъ и другіе, которыхъ мы тоже перечислимъ поименно, перечисляя ихъ побѣды надъ генералами и полковниками императрицы, ихъ неутомимую дѣятельность, ихъ умѣнье и двигать народными массами, и выбиваться изъ самыхъ отчаянныхъ положеній.

И такъ, сведемъ же лицомъ къ лицу и тѣхъ и другихъ дѣятелей, хотя послѣдніе и были только коноводами возмущенія.

Самымъ крупнымъ лицомъ съ правительственной стороны въ самомъ началѣ пугачевщины, является Каръ, командующій войсками. Что же онъ дѣлалъ въ тѣхъ серьезныхъ обстоятельствахъ, въ которыя поставилъ государство неожиданный мятежъ? Прибывъ изъ Петербурга къ мѣсту волненія, Каръ не потрудился вдуматься въ свое положеніе и даже измѣрить, хотя приблизительно, силы противника, съ которымъ ему предстояло биться. Каръ думалъ только, что ему придется преслѣдовать этихъ воровъ, и потому всего болѣе боялся, чтобъ они не свѣдали о его приближеніи. Но противники не спали, подобно дѣятелямъ правительственной стороны. Пугачевъ заблаговременно озаботился командировать Хлопушу вербовать въ свою толпу заводскихъ крестьянъ и башкирцевъ, и Хлопуша, собравъ ополченіе, вылилъ пушки на овсяно-петровскомъ заводѣ. Ему было чѣмъ отбивать

правительственныя войска, а между тѣмъ Каръ шелъ наудачу.

Самоувѣренный Каръ, нѣмецъ, отличавшійся прежде, въ Польшѣ, только тѣмъ, что „твердо исполнялъ строгія предписанія начальства“, не хотѣлъ дожидаться ни артиллеріи, ни гренадеръ, высланныхъ къ нему изъ Симбирска Черышевымъ, ни мещеряковъ и башкирцевъ, которые должны были прійти изъ Уфы, и двинулся къ Пугачеву, желая отрѣзать отъ него Хлопушу, шедшаго съ новыми силами и новыми, отлитыми имъ самимъ, пушками. Съ Каромъ шли два другіе нѣмца - генералъ Фрейманъ, не вполнѣ удачно усмирявшій, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, бунтъ яицкаго войска, и премьеръ-маіоръ Варнстедъ. Повидимому, Каръ могъ восторжествовать. Но едва въ тылу у него рявкнули пушки—онъ потерялся. Онъ шелъ неосмотрительно. Онъ не задавался мыслью, что въ такой войнѣ, на которую онъ шелъ, не удивительно было услышать неожиданно грохотъ пушекъ и съ тылу, и справа, и слѣва. Каръ помнилъ только одно—что онъ отрѣзанъ отъ Казани, и сталъ отступать. Но куда? Пугачевскіе конники и наѣздники Хлопуши гикали и стрѣляли со всѣхъ сторонъ. Мало того, рыская по горамъ, окружавшимъ Кара, на своихъ привычныхъ коняхъ, мятежники таскали съ собой по горамъ и пушки, громя оттуда Кара.

Однимъ словомъ, Каръ былъ не на мѣстѣ. Онъ дѣйствовалъ необдуманно, вяло, ничего не зная, что у него подъ бокомъ, и только когда уже бѣда разразилась надъ нимъ, умѣлъ ретироваться довольно мужественно ([1]). Но при этомъ

([1]) Современникъ-французъ вотъ что говоритъ объ этомъ пораженіи Кара: „Ich erkundigte mich bey einigen fremden Officieren,

онъ бросилъ свой обозъ, а затѣмъ самовольно оставилъ свой постъ, покинулъ на произволъ судьбы ввѣренные ему отряды и ускакалъ въ Москву.

---

die der Schlacht beigewohnt hatten, nach den Umständen und der Art, wie es dabei zugegangen wäre. Sie sagten mir, der General hätte daran unrecht gethan, dass er den Feind angegriffen, ohne vorher seine Stellung und wie stark er sei zu untersuchen. Weil er in der Minute, da beide Armeen einander im Gesichte gestanden, weiter nichts als einen Trup Cosaken in Schlachtordnung gesehen, die sich gleichvoll ganz tapfer angestellt und so ausgesehen hätten, als wenn sie seinen Angrif stehenden Fusses erwarten wollten, so wäre er grade auf sie los gegangen. Als er aber bis auf einen Flintenschusz angerückt wäre, hätten die Kosaken durch eine halbe Schwankung zur rechten und linken ihre Glieder geöffnet, und dreissig Kanonen Platz gemacht, die den Augenblick zu spielen angefangen hätten und vollkommen gut wären gestellt und bedienet worden. Ungeachtet er darauf wahrgenommen, dass seine Truppen in voller Bestürzung theils die Waffen weggeworfen, theils znm Feinde übergegangen wären, sei er doch nicht aus der Fassung gekommen, sondern hätte mit den Ueberrest seiner Beute Bataillon quarrée gemacht und sich auf eine anständige Art zurückgezogen, ob ihn gleich anfänglich die Kanonen beunruhigt, hernach aber die Feinde seitwärts ohne Unterlass angefallen hätten. Auf solche Art wäre er 17 Werste im Schnee ohne Aufenthalt marschiret, ohne dasz es zu einem ernstlichen Angriff gekommen wäre, und als er endlich an ein Dorf gekommen, hätte er vor demselben eine kleine Schanze aufgeworfen, um Sich im Nothfall vertheidigen zu können. Nachdem er hierauf bei seiner Mannschaft gute Ordre zurück gelassen, wäre er, obgleich krank, nach Petersburg gereiset, wo er in Ungnade gefallen, sich aber ein Kriegesgericht ausgebeten hätte, vor welchen er von seinem Betragen Rechenschaft geben und seine Unschuld beweisen könnte.

Viele haben mir versichert, dasz sich glücklich zu Anfange des Treffens ein Kosak von Pugatschefs Leuten dem Russischen Korps genähert und Holla, Holla gerufen, hernach aber mit lauter Stimme gesagt hätte: „Ich soll euch im Namen eures wahren und rechtmässigen Kaisers, der hier gegenwärtig ist, ankündigen, dass er euch, wenn ihr euch Seinen Befehlen und Willensmeinungen nicht unterwerfen werdet, als Rebellen ansehen, hingegen, wenn ihr zu sei-

Что жь удивительнаго, если Пугачевъ, какъ говоритъ народное преданіе, послѣ этого перваго пораженія правительственныхъ войскъ, обратился къ Кару съ такимъ ядовитымъ замѣчаніемъ: „*Пойди и скажи царицѣ, чтобъ прислала поумнѣй тебя.*“

Въ этой фразѣ звучитъ иронія самого народа надъ Каромъ, и если надъ этимъ несчастнымъ генераломъ смѣется народная память, если даже исторія не можетъ защитить его чести, не можетъ ничего сказать въ его пользу, то и нѣтъ ему спасенья.

Одинаковую участь съ Каромъ раздѣлилъ, въ первой битвѣ, и генералъ Фрейманъ. Какъ оплошалъ этотъ другой нѣмецъ, мы рѣшительно не понимаемъ. Каръ былъ новичокъ въ дѣлѣ усмиренія яицкихъ смутъ; а Фрейманъ уже испыталъ лично, нѣсколько лѣтъ назадъ, что съ яицкими казаками шутить пельзя, и, при всемъ томъ, подобно Кару, попался въ ловушку. Правда, Фрейманъ, впослѣдствіи, нѣсколько искупилъ свои первые промахи; но все-таки онъ много виноватъ тѣмъ, что безпечно принялся за дѣло въ самомъ его началѣ, когда отъ начала зависѣло такъ много.

О Варнстедѣ мы не говоримъ — онъ шелъ съ Каромъ и Фрейманомъ, и камень, упавшій на этихъ двухъ, поразилъ и его.

---

nen Fahnen übertreten werdet, mit aller der Güte, die seinem gnädigen Charakter gemäs ist, behandeln werde.“ Dieser Kosak soll mit dem General Karo sehr gestritten und einer so wohl als der andere ein Manifest von ihren bei derseitigen Gebitern hervor gezohen und solches vor dem Angesichte der Soldaten hergelesen haben, worauf der Kosak eiligst weggeritten und wieder zu seinen Leuten zurück gegangen wäre“.

Но за ошибки Кара жесточе всѣхъ поплатился полковникъ Чернышевъ, комендантъ симбирской крѣпости, которому Каръ приказалъ идти по самарской линіи, къ Оренбургу, чтобъ занять Татищеву. Но едва-ли этого несчастнаго можно обвинять за его оплошность, или неумѣнье, или, наконецъ, за безпечность, какъ Кара. Чернышева погубилъ случай за его довѣрчивость, и только за эту довѣрчивость можно винить человѣка, смерть котораго повлекла за собою множество другихъ смертей.

Мы сказали, что Чернышевъ шелъ къ Оренбургу по приказанію Кара. Онъ уже дошелъ до Чернорѣченской крѣпости. Тутъ его настигла вѣсть о пораженіи Кара и о взятіи въ плѣнъ гренадеръ, которые ѣхали изъ Симбирска на подводахъ. Гренадеры захвачены были, какъ ѣхали, въ саняхъ, сонные. У нихъ даже не были ружья заряжены!...

Вѣсть эта не могла не поразить Чернышева: онъ самъ отправилъ этихъ гренадеръ изъ Симбирска. Чернышевъ растерялся. Да и было отчего: гибель Кара и гренадеръ не предвѣщала ничего хорошаго. Не зная, что̀ дѣлать, куда направить свой ходъ: вернуться ли назадъ или пробиваться къ Оренбургу, гдѣ его ждали, Чернышевъ попалъ въ разставленныя ему сѣти. Къ нему явился казацкій сотникъ Падуровъ, извѣстный сподвижникъ Пугачева, и сталъ совѣтывать Чернышеву идти къ Оренбургу. Чернышевъ повѣрилъ ему. Да и трудно было не повѣрить: Падуровъ былъ не простой сотникъ, а лицо, облеченное какъ бы довѣріемъ правительства. Онъ былъ депутатъ, т. е. въ числѣ 652 человѣкъ выборныхъ отъ всей русской земли, участвовалъ въ знаменитой коммисіи составленія новаго уложенія. Какъ всѣ депутаты, Падуровъ носилъ депутатскую золотую медаль.

Эту-то медаль онъ и показывалъ Чернышеву, какъ доказательство своей вѣрности.

Всѣмъ извѣстно, какъ трагически все это покончилось. Чернышевъ пошелъ за Падуровымъ. Въ Оренбургѣ его ждали съ часу на часъ. Мало того: капитанъ Ружевскій, шедшій впереди съ артиллеріей, явился въ Оренбургъ съ тремя казаками и порадовалъ упадавшихъ уже духомъ оренбуржцевъ извѣстіемъ, что Чернышевъ пришелъ. Но когда Ружевскій передавалъ объ этомъ губернатору, послышалась пушечная пальба. Это Пугачевъ билъ Чернышева. Одного выстрѣла изъ четырехъ орудій достаточно было, чтобъ все покончить съ Чернышевымъ: его команда оробѣла, казаки побросали ружья и сдались безъ всякаго сопротивленія. Не сдавались одни офицеры: они сбились въ кучку, они защищались ружейными выстрѣлами. Но все было напрасно. Ихъ всѣхъ перехватили. Взяли и Чернышева, который, какъ говорилъ Пугачевъ на допросѣ, *„сидѣлъ на козлахъ у коляски“* (что̀ это за мѣсто для командующаго отрядомъ — козлы у коляски?).

Такимъ образомъ, безпечность Кара, Фреймана, Варнстеда и Чернышева имѣла послѣдствіемъ:

Пораженіе Кара, Фреймана и Варнстеда—первое пораженіе правительственныхъ войскъ и проистекшее изъ этого пораженія начало популярности Пугачева.

Взятіе сонныхъ гренадеръ въ деревнѣ Юзеевой послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ и новое усиленіе популярности самозванца.

Пораженіе Чернышева, передача всего его войска Пугачеву, захватъ всей его артиллеріи.

Смерть Чернышева и съ нимъ тридцати-шести офицеровъ,

одной офицерской жены и одного калмыцкаго полковника. Пугачевъ велѣлъ всѣхъ ихъ повѣсить.

„Сія офицерамъ казнь (говорилъ самъ Пугачевъ), какъ и въ другихъ мѣстахъ, потому больше чинима была, что они *обижали чернь*, да и казаки уговаривали меня, что ихъ щадить не для чего, *а потомъ мною сія лютость отмѣнена была, развѣ что безъ вѣдома моего гдѣ именно было. Но и въ такомъ случаѣ я часто говорилъ, чтобъ безвинно людей не губили.*“

Само собою разумѣется, что слишкомъ дорого обошлась Россіи безпечность Кара, которая, быть можетъ, и проистекала въ немъ отъ недостатка необходимыхъ для полководца качествъ. Это была, повидимому, личность дюжинная, одна изъ тѣхъ личностей, которыми такъ богато смутное время.

Послѣ пораженія Кара, Пугачевъ много выросъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ народа. Это же пораженіе прибавило самонадѣянности его сподвижникамъ, а самонадѣянность придала имъ громадную силу, потому что при всей своей самонадѣянности, они сдѣлались только отважнѣе, дерзче, но не засыпали послѣ первой удачи. Пугачевъ умѣлъ окружить себя людьми на подборъ. Это были натуры подвижныя, стойкія, энергическія. Тѣмъ рѣзче выдаются эти качества въ сподвижникахъ самозванца, что этихъ качествъ не было въ ихъ противникахъ.

XVII.

Въ предыдущей главѣ мы свели, такъ-сказать, на очную ставку первыхъ дѣятелей, въ началѣ пугачевщины, какъ отъ

правительственной стороны, такъ и отъ стороны противной. Овчинниковъ (пугачевскій графъ Панинъ) и каторжникъ Хлопуша, разбившіе Кара, а равно сотникъ Падуровъ оказались, на первый разъ, болѣе даровитыми военачальниками, чѣмъ Каръ, Фрейманъ, Варнстедъ и Чернышевъ.

Но пойдемъ дальше.

За Каромъ выступаетъ другое крупное правительственное лицо. Это Рейнсдорпъ, оренбургскій губернаторъ, генералъ-поручикъ. Что̀ особенно отличаетъ Рейнсдорпа отъ другихъ тогдашнихъ дѣятелей, такъ это то, что онъ постоянно терялся и дѣйствовалъ невпопадъ. При первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, онъ до того растерялся, что когда киргизъ-кайсацкій ханъ Нурали, сообщая ему о самозванцѣ и спрашивая его, кто этотъ невѣдомый человѣкъ, разъѣзжающій по берегу—обманщикъ-ли или настоящій государь, требовалъ отъ Рейнсдорпа возвращенія аманатовъ, выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ и отогнаннаго скота—Рейнсдорпъ на все согласился, и тѣмъ показалъ Нурали-хану, что онъ боится и его и самозванца, хотя самъ же увѣрялъ хана, что кончина Петра III извѣстна всему міру, что онъ самъ видѣлъ государя въ гробѣ и цаловалъ его мертвую руку.

Когда нужно было принимать рѣшительныя мѣры, Рейнсдорпъ еще болѣе растерялся. Нѣсколько дней онъ держалъ въ тайнѣ вѣсть о появленіи самозванца. Городъ ничего не зналъ, что какой-то невѣдомый человѣкъ, появившійся въ степяхъ нѣсколько дней назадъ, беретъ крѣпость за крѣпостью и уже близится къ Оренбургу. Странная и тревожная вѣсть облетѣла городъ нечаянно, и тѣмъ страшнѣе она была, что явилась неожиданно и тамъ, гдѣ всего менѣе прилично было ей явиться. О Пугачевѣ Оренбургъ узналъ у

своего губернатора на балѣ!... 24-го сентября Рейнсдорпъ вздумалъ танцовать. Въ этотъ же день онъ принималъ первыя мѣры противъ Пугачева. Получивъ отъ яицкаго коменданта, *черезъ Самару* (прямымъ путемъ гонца послать было уже невозможно), извѣстіе о Пугачевѣ и потомъ донесеніе Веловскаго, коменданта Разсыпной крѣпости, о взятіи самозванцемъ крѣпости Илецкой, Рейнсдорпъ предписалъ бригадиру барону Билову идти изъ Оренбурга противъ Пугачева съ четырьми стами пѣшихъ и конныхъ солдатъ и съ шестью полевыми орудіями; командиру Верхне-озерной дистанціи, бригадиру барону Корфу приказалъ спѣшить къ Оренбургу; яицкому коменданту Симонову велѣлъ отрядить маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками въ помощь къ Билову; ставропольскимъ калмыкамъ велѣлъ идти къ Симонову, а ближайшимъ башкирцамъ и татарамъ, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ,—къ Наумову.

Но ни одно изъ этихъ приказаній не было исполнено...

Биловъ, услышавъ по дорогѣ пушечную пальбу, испугался и поворотилъ назадъ. Рейнсдорпъ вновь приказывалъ ему идти дальше—Биловъ не слушался!

Корфъ также не пошелъ къ Оренбургу.

Ставропольскіе калмыки, едва собрались, бѣжали съ дороги.

Башкирцы и татары совсѣмъ не собирались.

Наумовъ украдкой шелъ за Пугачевымъ и пришелъ уже въ октябрѣ въ Оренбургъ, не видавъ самозванца!

Обстоятельства принимали болѣе грозный оборотъ, и Рейнсдорпъ болѣе путался. Когда смущеніе овладѣло не только Оренбургомъ, но и окрестнымъ населеніемъ, Рейнсдорпъ вздумалъ успокоивать народъ публикаціями, въ которыхъ самъ

попалъ въ просакъ. Какъ нѣмецъ, онъ писалъ языкомъ туманнымъ, сбивчивымъ, что̀ еще болѣе усиливало въ народѣ подозрѣніе: въ этихъ-то туманныхъ фразахъ и думали найти таинственный смыслъ. Мало того, Рейнсдорпъ говорилъ о томъ, чего не было, и народъ думалъ, что его обманываютъ. Рейнсдорпъ вздумалъ увѣрять въ своихъ публикаціяхъ (чтобъ доказать народу, что явившаяся таинственная личность—обманщикъ), что онъ *клейменъ* и что на лицѣ у него позорные знаки, т. е. *ноздри рваны*, какъ у всѣхъ каторжниковъ. Въ дѣйствительности этого не было, и такая ложь сильно повредила дѣлу.

Пугачевцы укоряли Рейнсдорпа въ клеветѣ. Рейнсдорпъ падалъ все ниже и ниже.

Чѣмъ болѣе успѣвали бунтовщики, тѣмъ болѣе ошибокъ дѣлалъ Рейнсдорпъ. Всѣмъ извѣстна та крупная ошибка, посредствомъ которой Рейнсдорпъ далъ Пугачеву такого сильнаго союзника, который былъ больше чѣмъ правою рукою для самозванца. Въ Оренбургѣ сидѣлъ въ острогѣ знаменитый разбойникъ Хлопуша. Двадцать лѣтъ онъ свирѣпствовалъ въ той мѣсности; три раза его ссылали въ Сибирь и три раза онъ бѣгалъ оттуда.

Съ этимъ-то Хлопушей Рейнсдорпъ послалъ въ пугачевское войско свои неудачныя, туманныя публикаціи, въ которыхъ говорилось, что у Пугачева ноздри рваны.

Хлопуша передался самозванцу. Хлопуша разоблачилъ слабость Рейнсдорпа. Хлопуша увѣрился въ обманѣ, къ которому прибѣгалъ Рейнсдорпъ. Хлопуша же поднялъ на ноги всю Башкирію, всѣ заводы со всѣмъ заводскимъ населеніемъ. Хлопуша отлилъ для самозванца, на казенныхъ заводахъ, пушки, мортиры, ядра.

Неумѣлый Рейнсдорпъ дошелъ наконецъ до крайней степени растерянности. Видя, что ничто не удается, онъ вздумалъ вступить въ ругательную переписку съ Пугачевымъ. Оказалось, что пугачевцы перещеголяли его и въ этомъ. Они умѣли ругаться крупнѣе и болѣе мѣтко, чѣмъ скромный нѣмецъ, плохо объяснявшійся порусски. На ругательномъ письмѣ къ самозванцу Рейнсдорпъ сдѣлалъ слѣдующую, по его мнѣнію, ядовитую надпись: „*пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему человѣку, сатанину внуку, Емелькѣ Пугачеву.*“ Завязалась полемика. Падуровъ, столь ловко опутавшій и погубившій Чернышева, такъ отвѣчалъ скромному нѣмцу, оренбургскому губурнатору: „Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну: *прескверное ваше увѣщеваніе здѣсь получено, за что васъ, яко всескверната общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по дѣйству сатанину, не ухищрялъ, однако власть божію не перемудришь. Вѣдай, мошенникъ: извѣстно* (да и по всему тебѣ, бестіи, знать должно), *сколько ты не пробовалъ своего щастія, однако щастіе ваше служитъ единому твоему отцу, сатанѣ. Разумѣй, бестія, хоть тыпо дѣйству сатанину во многихъ лѣстахъ капканы и разставилъ, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя веревочныхъ не станетъ петель, а мы у мордвина, хоть гривну дадимъ, мочальныхъ возьмемъ, да на тебя веревку свить можемъ—не сумнѣвай мошенникъ, изъ б.... сдѣланъ. Нашъ всемилостивѣйшій монархъ* (то-есть Пугачевъ) *аки орелъ поднебесный, во*

всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а съ нами всегда присутствуетъ“ и т. д. Это дѣйствительно замѣчательная черта въ этомъ страшномъ человѣкѣ, поколебавшемъ всю Россію: въ немъ столько было упругой энергіи при его видимой безхарактерности и уступчивости, что онъ, дѣйствительно, успѣвалъ вездѣ бывать самъ, все доглядѣть своимъ *страховитымъ окомъ*, за всѣмъ наблюдать и по днямъ и по ночамъ. Ругательное письмо оканчивалось: „здѣсь небезъизвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете (это была горькая правда: въ Оренбургѣ свирѣпствовалъ голодъ), и тако объявя вамъ сіе, да и пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы.“

Таковы были правительственныя лица, съ которыми въ первое время приходилось вѣдаться Пугачеву. Карръ, Фрейманъ, Варнстедъ, Рейнсдорпъ, Биловъ, Корфъ — все это, впрочемъ, нѣмецкія имена, которыми едва-ли можетъ гордиться великая нѣмецкая раса. Правда, то была пора всеобщаго несчастья, поголовныхъ неудачъ. Въ ту страшную пору одинаково неудачливо дѣйствовали и русскіе, и русскіе офицеры первые попали на висѣлицу. Первыя жертвы историческихъ ошибокъ Россіи, и неумѣлости правительственныхъ дѣятелей того времени были: атаманъ Портновъ (начальникъ Илецкаго городка), маіоръ Веловскій (комендантъ Разсыпной крѣпости), Харловъ (комендантъ Нижне-Озерной), Чернышевъ и проч.

Рядомъ съ оренбургскимъ губернаторомъ Рейнсдорпомъ долженъ быть поставленъ казанскій губернаторъ Брантъ. Немногіе нѣмцы того времени могутъ похвалиться удачными дѣйствіями противъ мятежниковъ. Одинъ Михельсонъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ тогдашнихъ дѣятелей, да и

то благодаря той загадочной, можно сказать, и поразительной неутомимости и неустанности, на которую могло хватить силы только у такой упрямой натуры, какова была у Михельсона. Брантъ же принадлежитъ къ числу неумѣлыхъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей изъ нѣмцевъ. Это былъ добрый, но неспособный старикъ. Когда опасность начала еще только косвенно угрожать Казани, Брантъ уже растерялся едва-ли не болѣе Рейнсдорпа. Подъ вліяніемъ паники, которой, впрочемъ, въ Казани еще рано было предаваться, Брантъ бѣжалъ изъ управляемаго имъ города.

Какъ бы то ни было, а Брантъ въ самомъ началѣ смутъ, когда всего болѣе слѣдовало дѣйствовать энергически, показалъ замѣтную безпечность. Повторяемъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые только и могли держаться въ то время, да и то до Пугачева, когда заведенная машина шла ровно, сама собой. Брантъ смотрѣлъ скорѣе помѣщикомъ въ своей усадьбѣ, чѣмъ губернаторомъ Казани. Онъ любезно принималъ гостей, давалъ балы, веселилъ казанское общество, скучавшее отъ бездѣлья и не знавшее какъ убить безполезно и томительно долго тянувшееся время. Брантъ ласково обходился съ плѣнными поляками-конфедератами (Пулавскіе, Потоцкіе и др.), и одинъ изъ Пулавскихъ жилъ у него въ домѣ, какъ родной. Брантъ не видѣлъ даже, что, когда Пугачевъ былъ не за горами, поляки уже не совсѣмъ безопасные гости и нахлѣбники. За то когда смута стала расходиться концентрическими шагами все шире и шире, когда Каръ былъ разбитъ, когда со страху даже жена самаго Бранта бѣжала изъ Казани, Брантъ заметался до того (и

все-таки безполезно), что Бибиковъ уже засталъ его „едва таскающимъ ноги“ (1).

Далѣе Брантъ окончательно стушевывается. Онъ стоитъ какъ бы постороннимъ наблюдателемъ и отчасти хроникеромъ тѣхъ ужасовъ, которые вокругъ происходили. Брантъ сообщаетъ только сосѣднимъ губернаторамъ объ успѣхахъ Пугачева, о неудачахъ правительственныхъ войскъ, предостерегаетъ своихъ товарищей губернаторовъ отъ „разливающагося яда,“ и только. Затѣмъ гроза разражается и надъ Казанью—о Брантѣ ничего не слышно: дѣйствуетъ Михельсонъ; дѣйствуютъ гимназисты; дѣйствуютъ великолѣпно фабричные, суконщики, монахи молятся о спасеніи города—одинъ Брантъ въ сторонѣ. Казань взята: Казань горитъ, наконецъ сгорѣла, и когда Пугачевъ уже опрокинутъ Михельсономъ за Волгу, Брантъ пишетъ своимъ товарищамъ-губернаторамъ, что-де „извѣстному государственному злодѣю и бунтовщику Пугачеву, по причинѣ малости бывшихъ здѣсь воинскихъ командъ, а по великости гражданскаго населенія, съ набранною имъ великою толпою, пришедъ къ Казани, и сего 12-го числа іюля удалось сдѣлать сему городу великое разореніе пожженіемъ почти всего селенія и грабительствомъ имущества и гражданъ, а многихъ изъ нихъ тирански убивствомъ,“ и опять проситъ „о взятьѣ надлежащей предосторожности“ отъ разливающагося яда.

Но свѣтлымъ метеоромъ въ сумракѣ того ужаснаго и бѣднаго дѣятелями времени проносится одна личность. Это Бибиковъ.

---

(1) „Бѣдный старикъ, губернаторъ Брантъ, такъ замученъ, что насилу ужъ таскается.“ (Изъ письма Бибикова къ женѣ).

Бибиковъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ, начитанныхъ и серьезно направленныхъ людей прошлаго вѣка, вообще отличавшагося нравственною распущенностью. Это былъ оригиналъ, котораго природа сшила не по общему, дюжинному образцу. Онъ не былъ гостинымъ шаркуномъ и его боялись, но цѣнили и не могли не признавать, что онъ стоитъ головою выше многихъ избранныхъ. Какъ всѣ исключительныя натуры, богатыя внутреннимъ содержаніемъ и не нуждающіяся въ другихъ, онъ былъ нелюдимъ, за то когда брался за дѣло, то всякій могъ спокойно спать, когда этотъ господинъ скажетъ, что онъ сдѣлаетъ свое дѣло. Еще въ семилѣтнюю войну Бибиковъ обратилъ на себя вниманіе Фридриха-Великаго. Въ 63-мъ году онъ усмирялъ въ Казани бунтующихъ заводскихъ крестьянъ. Онъ былъ депутатомъ отъ Костромы въ знаменитой коммиссіи новаго уложенія. Онъ былъ потомъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, и за свою честность любимъ былъ даже покоренными имъ поляками.

Но онъ, къ несчастью, заслужилъ холодность императрицы. Посланный въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство принца Антона Брауншвейгскаго, Бибиковъ принялъ слишкомъ къ сердцу судьбу этихъ заключенныхъ, говорилъ объ нихъ съ жаромъ—и этимъ много потерялъ.

Когда былъ разбитъ Каръ, когда растерялись Рейнсдорпъ и Брантъ, когда, наконецъ, вся военная коллегія не знала за что ухватиться, императрица вспомнила о Бибиковѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ она подошла къ нему на придворномъ балѣ, долго съ нимъ говорила и объявила ему о назначеніи его командующимъ войсками, посылаемыми противъ Пугачева.

Всѣмъ извѣстно, какъ этотъ молодой брюзга отвѣчалъ императрицѣ словами русской пѣсни:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься,
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь...

Бибиковъ сразу такъ повернулъ дѣла, что, не захвати его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ смерть, онъ, можетъ быть, раздавилъ бы пугачевщину, не выпустивъ ее изъ оренбургскаго края. Но за то и работалъ этотъ человѣкъ какъ негръ. Дѣла онъ нашелъ въ отчаянномъ положеніи. Все запущено, все испорчено. Надо было все передѣлывать. Больной физически, онъ имѣлъ огромный запасъ нравственной силы. „Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская,“ писалъ онъ женѣ, и между тѣмъ чувствовалъ, что пожалуй, и надломится его сильная натура отъ этихъ нечеловѣческихъ усилій... „Я здоровъ, только ни пить, ни ѣсть не хочется, и сахарныя явства на умъ нейдутъ... Ухъ, дурно.“

Затѣмъ, когда могучая рука Бибикова, едва державшая перо отъ усталости, успѣла до того стиснуть Пугачева и его страшныхъ сподвижниковъ, что Петербургъ оживился надеждою, Бибиковъ писалъ: „Дѣла мои, Богу благодареніе, идутъ часъ отъ часу лучше. Войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны (въ Петербургѣ), то я изъ всѣхъ писемъ вижу, только спросили бы у гуся: *не зябнутъ ли ноги?*“

Черезъ два мѣсяца послѣ этого письма Бибикова не стало. Надорванное излишними трудами, безсонницею, досадами, здоровье его не выдержало. Такихъ людей сжигаетъ ихъ собственный внутренній огонь. Бибиковъ уже не берегъ себя въ

послѣднее время и, заболѣвъ въ Бугульмѣ горячкою, умеръ 9-го апрѣля, на 44-мъ году отъ рожденія.

Бибиковъ былъ, дѣйствительно, одинъ изъ такихъ людей, на которыхъ очень скупа природа. Правда, имя его не гремитъ, какъ гремѣли въ прошломъ вѣкѣ имена Потемкиныхъ, Румянцовыхъ, Суворовыхъ, Паниныхъ, Орловыхъ, Чернышевыхъ, стоявшихъ ближе къ престолу; но еслибъ его честность и колкій языкъ не заставляли менѣе честныхъ и менѣе умныхъ остерегаться его, то Бибиковъ сталъ бы выше всѣхъ знаменитыхъ орловъ изъ стаи великой Екатерины. Умомъ и образованіемъ онъ и безъ того выдѣлялся изъ всего, что только было тогда знаменитаго въ Россіи. Онъ зналъ много, изучилъ хорошо нѣсколько языковъ, передъ смертью даже изучилъ англійскій языкъ. Онъ хорошо былъ знакомъ съ русскою литературою. Фонъ-Визинъ былъ его другомъ, и къ автору „Недоросля“ и „Бригадира“ неутомимый полководецъ находилъ время писать съ мѣста военныхъ дѣйствій. Переписка его была обширная, и изъ этой переписки видно, какимъ великолѣпнымъ, сильнымъ, сжатымъ и мѣткимъ языкомъ владѣлъ онъ. Изысканно писавшій Державинъ, современникъ Бибикова, могъ бы позаимствовать у него силу и какую-то кованость рѣчи, при ея естественной простотѣ.

Такъ же мѣтки и цѣлесообразны были всѣ распоряженія Бибикова, какъ мѣтко и жестко было его слово, особенно, когда онъ видѣлъ вокругъ себя распущенность, трусость, глупость и подлость. Тогдашнія внутреннія войска наши, именно гарнизонныя команды, онъ запятналъ навсегда именемъ „скаредовъ,“ „срамцовъ,“ „сурковъ,“ „негодницы.“ Пугачевщина представлялась ему въ видѣ саранчи, которая

„и въ очи лѣзетъ, и солнце застилаетъ, и пожираетъ все живое.“

Отъ усилія воли одного Бибикова, когда онъ прибылъ къ мѣсту мятежа, все какъ бы зашевелилось и ожило, и какъ бы поумнѣло. Даже „скареды“ и „срамцы“ начинаютъ дѣлать свое маленькое дѣло. Затѣмъ начальники отрядовъ — Мансуровъ, Муфель, Гриневъ, Декалонгъ, Державинъ, Фрейманъ — начинаютъ выигрывать сраженія, начинаютъ тѣснить непріятеля. Рука Бибикова, двигая неустанно перомъ по бумагѣ, двигаетъ и всѣми этими отрядами, которыми командуютъ генералы, полковники, маіоры. Только о своемъ родственникѣ, генералъ-маіорѣ Ларіоновѣ, Бибиковъ, по своему обыкновенію, жолчно писалъ: „За грѣхи мои навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташементомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу.“

У этого-то Ларіонова Бибиковъ отнялъ деташементъ, и зоркій глазъ его подмѣтилъ, кому передать этотъ деташементъ послѣ неспособнаго и лѣниваго Ларіонова. Зоркій глазъ Бибикова упалъ на Михельсона, будущую знаменитость.

Распоряженіями Бибикова одержана была надъ бунтовщиками первая крупная побѣда подъ Татищевой крѣпостью. Замѣчательно, что Бибиковъ и послѣ смерти какъ бы управлялъ войскомъ, въ которое онъ вдохнулъ и силу, и смѣлость и умѣнье. Мертвая рука его все еще какъ бы продолжала двигать неутомимымъ перомъ по бумагѣ, указывая генераламъ куда идти, что дѣлать.

Дѣйствительно, тѣнь Бибикова, уже похороненнаго, какъ бы командовала войскомъ и водила его на побѣды, подобно тому, какъ мертвый чехъ, знаменитый Жижка, водилъ къ

побѣдамъ таборитовъ, завѣщавъ изъ своей кожи сдѣлать барабанъ, который бы билъ тревогу, побѣду, отступленіе.

Но не долго можно было одерживать побѣды умомъ умершаго полководца. Какъ мы видѣли, вскорѣ по смерти Бибикова, счастье опять повернулось спиною къ войскамъ правительства—и все какъ бы заснуло, опустилось.

XVIII.

На сцену опять выходятъ дюжинности, пигмеи, передъ которыми Пугачевъ, Хлопуша, Чика, Падуровъ, Овчинниковъ—великаны и геніи. Но объ этихъ личностяхъ мы скажемъ въ свое время, тѣмъ болѣе, что послѣ Бибикова оставались другіе дѣятели, которые хотя и засыпали на время, хотя и упадали духомъ, однако же, все таки, при помощи такихъ лицъ, какъ Михельсонъ и нѣсколько другихъ начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ, не давали самозванцу окончательно взять въ свои руки страну и покойно расположиться въ ней полнымъ обладателемъ.

Но обладалъ ли самъ Пугачевъ качествами, которыя дѣлали бы его столь обаятельнымъ для народа, и не была ли это, въ самомъ дѣлѣ, личность, выходящая изъ ряда пошлыхъ дюжинностей.

Есть много основаній думать, что это не была дюжинная личность. Первыя, невольныя ошибки въ жизни направили волю Пугачева особеннымъ образомъ — и этотъ человѣкъ и самъ погибъ и увлекъ съ собою въ пропасть множество народа. Онъ пролилъ такъ много крови, что его существова-

ніе обошлось Россіи не дешево. При сложности, даровитости и какой-то обаятельности натуры, Пугачевъ не имѣлъ воли, и эту волю замѣняла въ немъ какая-то страстная порывчатость. Въ немъ, дѣйствительно, было много обаянія, много притягательной силы; оттого-то не случайно палъ на него выборъ, когда люди, думавшіе вести сложную интригу противъ существовавшаго порядка дѣлъ въ государствѣ, искали себѣ предводителя знамени, около котораго они могли бы сгруппироваться.

При сложности патуры Пугачева, личность эта какъ бы соткана была изъ противорѣчій, изъ качествъ, одно другое отрицавшихъ. Онъ не былъ жестокъ—а рѣки крови лились отъ одного мановенія его руки. Онъ смотрѣлъ равнодушно, когда вокругъ его палатки качались на реляхъ трупы повѣшенныхъ имъ жертвъ, и плакалъ, когда видѣлъ горе людское, нужду и слезы. Когда академикъ Рычковъ, сына котораго, бывшаго симбирскимъ комендантомъ, убили въ одномъ изъ сраженій съ пугачевцами, увидѣлъ Пугачева въ Симбирскѣ подъ карауломъ и говоря съ нимъ о своемъ покойномъ сынѣ, плакалъ—плакалъ съ нимъ вмѣстѣ и Пугачевъ.

Еще въ казанскомъ острогѣ, до появленія своего подъ именемъ Петра III, Пугачевъ былъ всеобщимъ любимцемъ не только между арестантами и караульными солдатами, но и въ городѣ знали о немъ, какъ о человѣкѣ „хорошей жизни.“ Когда у него въ острогѣ пропало нѣсколько денегъ и колодники узнали объ этомъ, то всѣ рѣшили отыскать эти деньги, потому что онѣ принадлежали Пугачеву. Пугачевъ показалъ себя великодушнымъ въ этомъ случаѣ:

— Я считаю сіе за милостыню, сказалъ онъ: — кто взялъ—Богъ съ нимъ!

Вина въ то время онъ положительно не пилъ, и часто молился Богу. Видя это, колодники и солдаты почитали его „добрымъ человѣкомъ.“

— Въ то время я отнюдь еще не помышлялъ, чтобъ сдѣлаться государемъ, говорилъ Пугачевъ, сознаваясь въ своихъ винахъ.—И сія жизнь не была тому причиною, чтобы вкрасться людямъ въ любовь, и послѣ, какъ назовусь государемъ, чтобы можно было на сію благочестивую жизнь ссылаться.

Эта „порядочная жизнь“ была причиною того, что въ острогѣ Пугачевъ собралъ порядочную сумму денегъ. Всякій, кто приходилъ въ острогъ съ подаяніемъ, несъ его Пугачеву, спрашивалъ о Пугачевѣ:

— Кто здѣсь Емельянъ Пугачевъ? Вотъ ему рубль.

Съ самой ранней молодости Пугачевъ обнаруживалъ дарованія, которыя заставляли отличать его отъ другихъ казаковъ. Полковой командиръ, извѣстный Илья Денисовъ, взялъ молодаго Пугачева къ себѣ въ ординарцы, за его „отличную проворность“, и Пугачевъ скоро дослужился до офицерскаго чина („хорунжій“). Но Пугачевъ замѣтно обладалъ и другимъ качествомъ, которое могло выдвинуть его изъ той среды, въ которой онъ родился. Ему хотѣлось, чтобъ о немъ говорили. Онъ жаждалъ отличій, онъ не хотѣлъ идти заурядъ со всѣми—а это уже само собой предвѣщало, что онъ, рано ли, поздно ли, долженъ былъ выдѣлиться изъ общаго уровня.

Дальнѣйшая его жизнь доказала, что человѣкъ этотъ обладалъ большими дарованіями. Онъ былъ и полководцемъ, и тактикомъ. Онъ умѣлъ, съ помощью ума и такта, руководить огромными массами безпокойнаго и полудикаго народа,

съ которымъ никто не умѣлъ ладить. Его слушались и русскія безпокойныя головы, и татары, и киргизы, и башкирцы. Онъ умѣлъ быть и во время строгимъ, и во время милостивымъ, и по натурѣ своей вовсе не былъ такимъ изувѣромъ, какимъ его изображали. „Страховитый взоръ его, быстрый взглядъ его черныхъ глазъ заставлялъ, говорятъ, падать въ обморокъ женщинъ; а между тѣмъ, въ „личинѣ“ его, на портретѣ, который, по показанію академика Рычкова, „нарочито сходствуетъ“, мы не видимъ выраженія свирѣпости и звѣрства: эти черные глаза смотрятъ скорѣе грустно и задумчиво, чѣмъ звѣрски.

Не имѣя, повидимому, ни воли, ни рѣзко очерченнаго характера, Пугачевъ, однако, отличался,—когда охватывалъ имъ порывъ страстнаго увлеченія,—какою-то упругою энергіею, неутомимостью и стойкостью. Тогда онъ бросался въ самое трудное дѣло, въ самый отчаянный подвигъ, какъ бы очертя голову; но эта безумная отвага всегда имѣла въ основаніи вѣрный разсчетъ, и разсчетъ этотъ рѣдко обманывалъ дерзкаго агитатора. По цѣлымъ днямъ онъ не сходилъ съ своего казацкаго сѣдла; въ битвахъ и переходахъ онъ иногда загонялъ по нѣскольку лошадей. Онъ не спалъ ночи, когда этого требовали крупныя обстоятельства, и не двигался съ мѣста, не шевелилъ пальцемъ, когда нападала на него апатія, лѣнь или раздумье. Наблюдая за всѣмъ своимъ зоркимъ „страховитымъ“ взоромъ, онъ часто не видѣлъ, что̀ у него дѣлалось подъ носомъ, и позволялъ своимъ атаманамъ-разбойникамъ вѣшать дворянъ цѣлыми кучами, когда лично этого онъ не желалъ. Въ немъ было все увлеченье, во всемъ страстность, порывъ и противорѣчія. Это было что-то огненное, увлекательное, неотразимо дѣйствующее на массы.

Но Пугачевъ обладалъ и болѣе положительными качествами. Образованные противники его, русскіе дѣятели того времени и даже иностранцы, спеціально знакомые съ военнымъ дѣломъ, глядя на распоряженія Пугачева во время битвъ и на его осадныя приготовленія, не могли понять, откуда этотъ полудикій казакъ могъ пріобрѣсти такія положительныя знанія въ военной тактикѣ. Возводимыя имъ батареи, крѣпостные верки и траншеи „самъ Вобанъ не могъ бы лучше устроить“ (1). Военный тактъ его видѣнъ во всѣхъ его распоряженіяхъ, касающихся даже внутренняго распорядка въ арміи (2).

Съ своей рѣдкой находчивостью Пугачевъ бралъ иногда крѣпости, правильно вооруженныя и защищаемыя пушками, не имѣя ни одного осаднаго орудія, одною своею стремительною конницею.

Присутствіе политическаго такта въ этомъ странномъ человѣкѣ заставляло его относиться къ иностранцамъ съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ въ такихъ случаяхъ обладалъ даже тѣмъ, что нѣмцы называютъ „Höflichkeit“ (3).

---

(1)...„hätten selbst von dem Herrn von Vauban nicht besser angeordnet sein können“. („Tagebuch» одного французскаго офицера, бывшаго въ плѣну въ Россіи).

(2) „Man sagte uns, dass alle seine Anlagen auf die Regeln der Kriegskunst gegründet und darnach eingerichtet, seine Truppen aber ihm zugethan und gut discipliniret wären, und dass sie niemals aus dem Lager gingen, als wenn er dazu Befehl gäbe. Er schickt da von verschiedenen Haufen aus, die aus Tatarn und andern Völkern bestehen, um das Land auszukundschaften, Lebensmittel anzuschaffen und Leute auf seine Seite zu ziechen. Er läszt alles richtig bezahlen, was in seinem Lager verzehrt wird, und jeder von seiner Mannschaft bekommt monatlich einen Sold von vier Rubeln» (Тамъ же). А русскій солдатъ получалъ тогда $1^1/_4$ коп. въ сутки!

(3) Вотъ что говорятъ о немъ современники: „Bei aller Grausamkeit, die Pugatschew athmete, hatte er, ohne Zweifel, aus poli-

Имѣя возможность награбить огромныя суммы денегъ и другихъ сокровищъ, Пугачевъ отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ. Онъ не имѣлъ за душой ни копѣйки. Все, что онъ грабилъ — онъ раздавалъ войску и своимъ приближеннымъ. Когда Суворовъ везъ его уже въ Москву, то случайно нашли при немъ четыре червонца, зашитые въ платьѣ, и тутъ Пугачевъ объяснилъ, что онъ все отдавалъ въ дѣлежъ, что ни получалъ при взятіи городовъ. Четыре найденные у него червонца, вѣроятно, спрятаны были имъ на черный день.

Еслибы онъ былъ разбойникъ по натурѣ и по призванію грабитель, онъ копилъ бы деньги, онъ возилъ бы съ собою цѣлые сундуки серебра и зо"ота. Но онъ шелъ не за тѣмъ; у него не грабежъ и не пожива лежали на сердцѣ... А между тѣмъ, онъ самъ же говорилъ, что „не имѣлъ намѣренія овладѣть россійскимъ государствомъ.“ Какія же были цѣли этого загадочнаго человѣка? На этотъ вопросъ едва-ли когда-либо отвѣтитъ исторія, потому что въ личности Пугачева

---

tischen Absichten, den Befehl ertheilt, dass man den Ausländern, die sich nicht in Diensten der Kaiserinn befänden, das Leben schenken und sie glimplich behandeln sollte.“ Въ семействѣ извѣстнаго нашего писателя Сумарокова жилъ одинъ иностранецъ, учитель, родомъ шведъ, который, спасаясь отъ Пугачева, попалъ въ его толпу на большой дорогѣ. Когда его привели къ самозванцу, тогда этотъ послѣдній „bezeigte ihm in russischer Sprache seine Ehrerbietung und bat ihn und seine Frau nicht allein in Schutz zu nehmen, sondern auch auf dem Edelhofe sich von ihm bewirthen zu lassen. Pugatschew willigte nicht allein in sein Begehren, sondern begegnete ihm mit Höflichkeit, nahm eine Mahlzeit auf dem Edelhofe ein und nöthigte den Ausländern sich mit ihm zu Tische zu setzen, zog hernach weiter und versicherte noch zuvor, dass er schon lange den Befehl ertheilt habe, keinem Ausländer etwas zu leide zu thun“ (Bemerk., см. цитаты выше).

остается слишкомъ много загадочнаго, и многія тайны похоронены съ этимъ страннымъ агитаторомъ.

Въ то время, когда не только, русскіе саповники, но и какіе нибудь канцеляристы высокомѣрно относились къ народу, не подпускали его къ себѣ, въ то время Пугачевъ постоянно былъ съ народомъ и горстями сыпалъ деньги вездѣ, гдѣ ни появлялся. Онъ иначе не говорилъ къ народу, какъ „други мои“, „дѣтушки мои“—и это народу нравилось. Онъ постоянно входилъ въ положеніе народа, и фактически, не на словахъ только, облегчалъ его участь, а между тѣмъ строго слѣдилъ, чтобъ народу никто не дѣлалъ ни обидъ, ни притѣсненій.

Вообще въ этомъ казакѣ было много такта, много ума и находчивости. Нѣтъ сомнѣнія, что при иныхъ условіяхъ изъ этого человѣка могла выйти сильная личность инаго рода (1). Поэтому, мы скорѣе готовы согласиться съ отзывомъ о Пугачевѣ Аделаиды Ордѣ, чѣмъ съ отзывомъ другой женщины-писательницы (объ имени ея мы умалчиваемъ какъ изъ чувства національной стыдливости, такъ и въ силу рутинныхъ отношеній къ женщинѣ вообще), которая выразилась, что „никогда ни одинъ человѣкъ не соединялъ въ себѣ столько дерзости и ничтожества, какъ этотъ низкій обманщикъ.“ Время такихъ отзывовъ о Пугачевѣ, какъ отзывъ архимандрита Платона, называвшаго самозванца „уродомъ“, „злобнымъ буяномъ“ и другими равносильными именами, уже прошло. Сама импера-

---

(1) Аделаида Ордѣ говорила, что „Pugatshew, placé dans d'autres circonstances, ou plutôt né sous un autre ciel, aurait été le défenseur de sa patrie“. Histoire de Pugatschew. Par Adélaide Hordé, élève du conservatoire. A Paris 1809, I t. 2 page.

трица Екатерина называла его „уродомъ“ въ письмѣ къ графу Панину. Но то было другое время: ни частныя, ни правительственныя лица, ни писатели не могли еще отрѣшиться отъ пристрастія, мало того — отъ раздраженія, которое всякій разъ вырывалось наружу, когда рѣчь заходила о Пугачевѣ.

Понимая Пугачева такимъ образомъ, какъ мы его понимаемъ, мы поймемъ и то обаяніе, которымъ, повидимому, окружена была эта личность. Обаяніе это дѣйствовало неотразимо. Человѣкъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ косилъ траву, шилъ и продавалъ казакамъ черевики, самъ мылъ свое бѣлье, вдругъ пріобрѣтаетъ такую нравственную силу надъ всѣмъ окружающимъ его, что становится въ буквальномъ смыслѣ царемъ надъ милльйонами народа. Онъ самъ сталъ сознавать въ себѣ эту силу. Онъ привыкъ повелѣвать и все повиновалось ему. Онъ до того вошелъ въ роль обладателя половины Россіи, что въ немъ уже не видно было ни притворства, ни принужденія. Приведенный въ слѣдственную комиссію къ допросу, онъ говорилъ какъ власть имѣющій. Въ его рѣчи передъ судьями постоянно прорывались слова: „*мои арміи*,“ „*моя артиллерія*,“ „*моя конница*,“ „*я написалъ указъ*,“ „*я послалъ повелѣніе коменданту*,“ „*я приказалъ его повѣсить*,“ „*помиловать*,“ „*пожаловать*.“ Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ научился говорить рѣчи къ народу, и рѣчи эти, при всей ихъ сжатости, отличаются образностью и силою.

Со своими приближенными Пугачевъ былъ простъ, какъ казакъ съ равными ему казаками. Отличаясь трезвостью до самозванства, въ Бердѣ уже онъ началъ пить. По словамъ бѣжавшаго отъ Пугачева корнета Пустовалова, самозванецъ

„съ сообщниками своими, которыхъ онъ любитъ, нерѣдко вмѣстѣ обѣдаетъ и напивается до пьяна, которые обще съ нимъ сидятъ въ шапкахъ, а иногда-де и въ рубахахъ, и поютъ бурлацкія пѣсни безъ всякаго ему почтенія; но когда-де выходитъ онъ на базаръ, тогда снимаютъ шапки и ходятъ за нимъ безъ шапокъ, а онъ самъ, когда публично ходитъ, то почти всегда бросаетъ въ народъ мѣдныя деньги.“

Нельзя не жалѣть, что никто изъ современниковъ не потрудился ближе изучить эту любопытную личность. Правда, когда его въ первый разъ увидѣлъ Суворовъ, то съ любопытствомъ разспрашивалъ его о военныхъ дѣйствіяхъ и планахъ. Но что̀ вынесъ Суворовъ изъ этого знакомства съ замѣчательнымъ агитаторомъ, что̀ нашелъ онъ въ этомъ человѣкѣ — намъ неизвѣстно.

Въ личности этой, впрочемъ, интересовалась и Европа. Вольтеръ въ своей перепискѣ съ Екатериной постоянно спрашивалъ императрицу о самозванцѣ, и не мало острилъ и на счетъ императрицы, и на счетъ самозванца. Онъ называлъ его *monsieur de Pugatchew*, а иногда *маркизомъ Пугачевымъ*. Знаменитая княжна Тараканова называла его своимъ „*братцемъ*.“

XIX.

Если самъ Пугачевъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, былъ слабъ и безволенъ, то окружавшія его личности были другаго закала.

Въ Перфильевѣ замѣтна какая-то каменная твердость. Такой человѣкъ, дѣйствительно, скорѣй согласился бы, чтобы

его „живаго зарыли въ землю“, чѣмъ добровольно отдаться въ руки правительства, какъ онъ это уже и выразилъ тогда, когда дѣло Пугачева было проиграно. Съ твердой волей этотъ бунтовщикъ соединялъ жестокость, которой не было въ самомъ Пугачевѣ: Перфильевъ распоряжался казнями бо̀льшею частью помимо и безъ воли самозванца. Зато Перфильевъ и готовъ былъ на самое отчаянное, рискованное дѣло.

Въ самомъ началѣ появленія Пугачева, Перфильевъ находился въ Петербургѣ. Онъ заявилъ правительству, что намѣренъ отклонить отъ самозванца всѣхъ его сообщниковъ, что самого Пугачева выдастъ головою, и когда правительство довѣрило ему это щекотливое дѣло—Перфильевъ обманулъ всѣхъ.

Рядомъ съ Перфильевымъ стоитъ Хлопуша. Закоренѣлый разбойникъ, каторжникъ, нѣсколько разъ бѣгавшій изъ Сибири и носившій на лицѣ позорныя клейма—Хлопуша выказалъ такія качества полководца, какими обладали немногіе генералы въ войскахъ императрицы. Онъ не только умѣлъ формировать огромныя толпы, но приводилъ эти толпы въ такой воинственный видъ, что имъ удивлялись генералы императрицы. При взятіи крѣпостей, онъ дѣйствовалъ съ такимъ умѣньемъ, какъ бы получилъ высшее политическое образованіе. При недостаткѣ артиллеріи, онъ распоряжался тотчасъ же литьемъ новыхъ орудій, и орудіями этими онъ громилъ правительственные отряды.

За Перфильевымъ и Хлопушею слѣдуетъ Иванъ Чика, онъ же Зарубинъ, называвшійся также и графомъ Чернышевымъ. Чика командовалъ отдѣльными отрядами, нерѣдко распоряжался битвами въ виду самаго Пугачева, искусно

осаждалъ Уфу и былъ любимѣйшимъ совѣтникомъ самозванца и его правою рукою въ военныхъ совѣтахъ.

За ними слѣдуютъ Шигаевъ, Падуровъ, Торновъ. Шигаевъ — это самозванный графъ Воронцовъ. Пугачевъ такъ много довѣрялъ способностямъ этого человѣка, что когда, во время осады Оренбурга, отлучался изъ своего стана, то главное начальство надъ войскомъ и осаду города вручалъ Шигаеву, и Шигаевъ оправдывалъ довѣріе своего повелителя. Падуровъ — это былъ одинъ изъ придворныхъ литераторовъ самозванца. Падуровъ сочинялъ манифесты и зажигательныя письма. Падуровъ велъ жестокую письменную полемику съ оренбургскимъ губернаторомъ Рейнсдорпомъ, съ оренбургскимъ атаманомъ Могутовымъ и съ старшиною яицкаго войска Мартемьяномъ Бородинымъ. Падуровъ былъ законникъ: онъ былъ депутатомъ въ коммиссіи новаго уложенія и имѣлъ депутатскую медаль. Торновъ также командовалъ отдѣльными отрядами и въ званіи военачальника показалъ не малыя дарованія.

Овчинниковъ, самозванный графъ Панинъ, показалъ свои полководческія дарованія еще при осадѣ крѣпостей по яицкой линіи, и когда Пугачевъ перешелъ на правый берегъ Волги, когда постоянныя напряженія воли, повидимому, уже начали утомлять самозванца, и онъ искалъ покоя, Овчинниковъ распоряжался войскомъ, водилъ его на приступы, командовалъ имъ во время сраженій и обо всемъ рапортовалъ самозванцу.

Всѣ эти люди умѣли завести строгій военный порядокъ въ безобразныхъ толпахъ самозванца и держали народъ въ повиновеніи. Почти каждый день, особенно въ лагерѣ подъ Оренбургомъ, происходило кавалерійское, артиллерійское и пѣ-

хотное ученье. По временамъ пьянствуя и буйствуя, эти бунтовщики не забывали дѣла, и только упадокъ духа самого Пугачева подъ конецъ лишилъ и ихъ энергіи.

Ниже всѣхъ поименованныхъ личностей стояли второстепенные дѣятели того смутнаго времени: яицкіе казаки Василій Плотниковъ, Денисъ Караваевъ, Григорій Закладновъ, мещерякскій сотникъ казнаферъ Усаевъ, ржевскій купецъ Долгополовъ. Характеры и дѣятельность этихъ личностей мало обрисовываются: всѣ они дѣйствовали сообща съ другими, и ничѣмъ рельефно не отличаются отъ рядовыхъ бунтовщиковъ, хотя и способствовали распространенію смуты.

Секретарями Пугачева были яицкій казакъ Иванъ Почиталинъ и илецкій—Максимъ Горшковъ. Они писали манифесты и указы самозванца. Стиль ихъ мало отличается отъ стиля указовъ военной коллегіи, а манифесты Пугачева и грамотными людьми могли быть приняты за произведенія петербургскаго сената.

Для иностранной корреспонденціи у Пугачева былъ особый секретарь—это Шванвичъ (или Швановичъ), человѣкъ образованный, и по рожденію принадлежавшій къ высшему обществу. Отецъ Шванвича былъ комендантомъ Кронштадта. Шванвичъ взятъ былъ Пугачевымъ въ плѣнъ послѣ пораженія Кара. Онъ былъ подпоручикомъ 2-го гренадерскаго полка. Взятый въ плѣнъ, Шванвичъ объявилъ самозванцу, что онъ крестникъ покойной императрицы Елизаветы Петровны, что умѣетъ говорить на многихъ языкахъ, можетъ формировать для самозванца военную коллегію, нѣчто въ родѣ военнаго министерства. Шванвичъ писалъ для самозванца указы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и подъ манифестами подписывался вмѣсто Пугачева, полатини—*Peter*.

Затѣмъ, идутъ дѣятели третьей степени: яицкіе казаки Тимоѳей Мясниковъ, Михайла Кожевниковъ, Петръ Когуровъ, Петръ Толкачевъ, Иванъ Харчовъ, Тимоѳей Скачковъ, Петръ Горшенинъ, Панкратъ Ягуновъ, пахотный солдатъ Степанъ Оболяевъ, онъ же Еремкина Курица, которому Пугачевъ прежде всѣхъ признался въ своемъ мнимомъ царскомъ происхожденіи, и у котораго онъ жилъ на уметѣ послѣ побѣга изъ казанскаго острога.

Всѣ эти лица хотя не управляли отдѣльными частями при самозванцѣ, однако, служили орудіями возмущенія, формировали его шайки, агитировали въ пользу Пугачева и были его агентами.

Наконецъ, какъ бы вдалекѣ отъ Пугачева, стоятъ особаго рода личности, которыя, повидимому, не принимали прямаго участія ни въ буйствахъ, ни въ грабежахъ, не предводительствовали войскомъ, а между тѣмъ, самъ Пугачевъ называетъ ихъ „начальными-плутами“. Это *раскольники*.

Участіе раскольниковъ въ пугачевской интригѣ до сихъ поръ остается тайной. Кто первый подалъ мысль шатающемуся за польской границей казаку назваться покойнымъ государемъ Петромъ-Третьимъ?—раскольники.

— Слушай, мой другъ! (говорилъ Пугачеву добрянскій купецъ Кожевниковъ, когда Пугачевъ возвращался изъ-за польской границы въ Россію, и когда бѣглый гренадеръ Семеновъ нашелъ въ немъ сходство съ Петромъ-Третьимъ). Если ты хотѣлъ бѣжать за Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди здѣсь, которые находятъ въ тебѣ подобіе государя Петра Ѳедоровича. Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ, и т. д.

Эта вкрадчивая рѣчь раскольника не могла не подѣйствовать на Пугачева, особенно когда ему дѣлали такія выгодныя предложенія.

— Я точно вѣдаю, продолжалъ раскольникъ: — что яицкіе казаки притѣснены. Объявись тамъ подъ симъ именемъ (то-есть подъ именемъ императора) и подговаривай ихъ бѣжать съ собой. Сей солдатъ (Семеновъ) скажется гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты подлинно государь, и онъ тебя знаетъ, а простой народъ сему повѣритъ. Обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе, по 12 рублей на человѣка; *деньги жь, если будетъ нужда, я вамъ дамъ*, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобъ вы насъ, раскольниковъ, взяли съ собой, ибо намъ здѣсь жить, старовѣрамъ, стало трудно, и гоненіе намъ дѣлаютъ непрестанное.

Кто помогалъ первому бѣгству и укрывательству Пугачева? Опять раскольники. Раскольникъ Коровка указалъ ему путь въ Польшу. Коровка далъ ему сына въ провожатые. Сынъ Коровки провелъ его къ раскольничьему старцу Вавилѣ, въ стародубскихъ слободахъ. Таинственная рука, направляемая раскольниками, водитъ Пугачева съ мѣста на мѣсто. Все раскольники!

Кто далъ Пугачеву деньги для приведенія своихъ плановъ въ исполненіе? Раскольники. Деньги давалъ Кожевниковъ, деньги давалъ и Андрей Кузнецовъ, тоже раскольникъ, жившій на хуторахъ около Усть-Медвѣдицы, куда таинственная рука, вмѣстѣ съ гренадеромъ Семеновымъ, провела Пугачева. И деньги этимъ раскольникомъ давались не маленькія.

Кузнецовъ говоритъ то же, что говоритъ Кожевниковъ:

„назовись государемъ, веди съ собой яицкое войско, а мы, раскольники, пойдемъ за тобою.“

И Пугачевъ слушается. Да и почему не слушаться, когда къ нему въ карманъ сыплются деньги, когда его лелѣютъ, пересылаютъ отъ одного пріятеля къ другому.

Пугачевъ зашелъ опять и къ Коровкѣ раскольнику. Ему указали на казака Вершилова, „почетнаго человѣка между раскольниками.“

Вездѣ раскольники. Интрига создается и ведется раскольниками. Раскольники направляютъ любимца, свою надежду на Иргизъ, прямо къ тамошнему раскольничьему игумну Филарету.

Пугачевъ въ Иргизѣ между раскольниками. Открылся во всемъ Филарету. Филаретъ одобрилъ планы будущаго самозванца, и послалъ его къ новому раскольнику, къ Денису Пьянову.

Тутъ уже началъ дѣйствовать и самъ Пугачевъ, наученный раскольниками. Онъ началъ мутить казаковъ.

Но его схватили и засадили въ казанскій острогъ. Обстоятельства всѣмъ извѣстныя. Но тутъ опять являются раскольники. Нашелся купецъ Щолоковъ—раскольникъ, и губернаторъ облегчилъ заключенье Пугачева. Содержавшійся съ нимъ въ острогѣ колодникъ, изъ раскольниковъ же, помогъ Пугачеву бѣжать.

Очутившись на волѣ, онъ опять нашелъ пріютъ у раскольниковъ. Являются раскольники Кандалинцевъ, Еремкина Курица.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пугачевъ уже ведетъ войско къ Оренбургу, взявъ нѣсколько крѣпостей.

И такъ, вотъ гдѣ начало этой сложной, таинственной

интриги. Это начало—раскольники. Они сплели ту таинственную, цѣпкую паутину, которая опутала всю Россію.

И что жь, обращено ли было правительствомъ вниманіе на эту сторону дѣла? Найденъ ли былъ ключъ этой интриги? Нисколько.

Раскольники *по слѣдствію оказались невинными*,.. *освобождены*, а Пугачевъ четвертованъ. Любимцы его тоже погибли.

А два раскольничьихъ старца, пойманные въ лодкѣ на Яикѣ, около Гурьева и привезенные къ Астрахань? ([1]).

([1]) Мы приведемъ здѣсь подлинный документъ объ этихъ старцахъ. Въ немъ рисуется полная картина раскольничьихъ скитаній по бѣлу свѣту, переходы изъ скита въ скитъ, изъ Россіи въ Польшу, изъ Польши въ Россію. Тутъ и слобода Вѣтка, и стародубскіе монастыри—все это тѣ мѣстности, гдѣ бродилъ и Пугачевъ. Тутъ есть и Иргизы, игравшіе такую важную роль въ починѣ пугачевской смуты.

Вотъ этотъ документъ: «Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ астраханской губернской канцеляріи, по секретной экспедиціи, господину полковнику и царицынскому коменданту Цыплетеву. При репортѣ отъ командированнаго изъ Астрахани съ воинскою командою къ Гурьеву городку подполковника Кандаурова, въ числѣ прочихъ присланы въ губернскую канцелярію усмотрѣнные, по выступленіи ево съ командою, маія 2-го числа,, изъ Сорочиковскаго форпоста къ Гурьеву городку, ѣдущіе сверху Яика въ дву малыхъ лоткахъ раскольническіе старцы два человѣка, о которыхъ тѣмъ репортомъ объявлено: хотя де имъ неоднократно, чтобъ остановились, сказывано и было, однако, того сдѣлать не хотѣли, доколѣ по нихъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей учинено было».

Въ показаніяхъ этихъ старцевъ и рисуется живая панорама того времени, когда бродившія силы народныя еще не уложились въ гражданскія формы и когда всюду представлялся такой полный просторъ для вольницы, какая бы она ни была, понизовая ли, или верховая.

Въ манифестѣ 19 декабря 1774 года и въ „сентенціи“, составленныхъ изъ слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ и его сообщникахъ (слѣдствіе производили въ Москвѣ генералъ-аншефъ князь Михайло Волконскій и генералъ-маіоръ Павелъ Потемкинъ), участіе раскольниковъ въ пугачевской смутѣ совершенно не разслѣдовано и все это какъ бы игно-

---

«А допросами они показали: 1-й. Зовутъ ево Питиримомъ, отъ роду ему пятьдесятъ-два года. Отца ево какъ подлинно звали онъ не помнитъ, а слышелъ отъ людей—Минвемъ, Мосеевымъ, и былъ-де города Москвы стрѣлецкой породы, а какого именно званія человѣкъ, не знаетъ, который изъ того города Москвы сошелъ заграницу, въ Польшу, въ состоящее тамъ мѣстечко, прозываемое на Вѣткѣ, раскольническое скитъ, а побѣгомъ или нѣтъ, о томъ онъ неизвѣстенъ. И тому нынѣ лѣтъ съ пятьдесятъ оной отецъ ево тамо умре, а онъ послѣ его остался во младенчествѣ и воспитанъ тамъ заграницею и въ малороссійскихъ стародубскихъ монастыряхъ разнаго званія людьми; а какъ пришелъ въ совершенный возрастъ, то постриженъ въ томъ же раскольническомъ Вѣткинскомъ скитѣ, гдѣ былъ лѣтъ съ двадцать. А потомъ, услыша состоявшіеся о свободномъ всѣмъ изъ-за польской границы въ Россію выходѣ, указѣ, сошелъ, тому лѣтъ семь, въ городъ Симбирскъ, и по поданному отъ него о опредѣленіи себя въ двойной раскольнической Верхне-Исакіевъ скитъ, гдѣ и жилъ сего 774-го года по генварь мѣсяцъ безотлучно. А въ ономъ 4-го числа посланъ онъ былъ, съ даннымъ ему того скота отъ братіи билетомъ, въ городъ Яикъ для полученія у живущаго въ томъ городкѣ Григорія Степанова Антоничьева не заплаченныхъ имъ за взятой изъ ихъ скита рогатой скотъ денегъ семидесяти рублевъ, съ коимъ билетомъ онъ въ тотъ городъ Яикъ прямо генваря 10-го числа на данной ему отъ братіи лошади и пріѣхалъ, и нашедъ реченнаго казака въ ево домѣ, требовалъ отъ него заплаты помянутыхъ за скотъ денегъ, точію оной, отзываясь къ платежу, по приключившемуся ему отъ пожаръ убытку и разоренія несостоятельнымъ, ихъ ему не отдалъ, почему онъ хотѣлъ было ѣхать обратно къ братіи въ скитъ, но по происшедшему въ городѣ Яикѣ отъ извѣстнаго государственнаго злодѣя и бунтовщика Пугачева, еще до пріѣзду ево туда, прошлаго года

рировано. Добрянскій купецъ Кожевниковъ (раскольникъ), малороссіянинъ Осипъ Коровка (раскольникъ), донской казакъ Лукьянъ Худяковъ (раскольникъ), Андрей Кузнецовъ (раскольникъ) и казанскій купецъ Щелоковъ (тоже раскольникъ), „будучи сначала подозрѣваемы въ сообщеніи съ

декабря съ послѣднихъ чиселъ (о чемъ у нихъ въ скитѣ, до отлучки ево изъ онаго было неизвѣстно), смятенію, онъ, равно какъ и другой, посланный того скита отъ братіи прежде ево для полученія тѣхъ же денегъ, въ прошломъ 773-мъ году, декабря въ первыхъ числахъ, безъ письменнаго виду — монахъ, которой съ нимъ присланъ сюда, Софоніи, яицкими казаками изъ города не выпущены и содержаны были отъ нихъ подъ карауломъ, причемъ бывшія ихъ двѣ лошади отъ нихъ тѣми казаками усильно отобраны, и напослѣдокъ изъ-подъ караула выпросилъ ихъ войска яицкаго казакъ Василіи Никитинъ на поруки, и позволилъ имъ оттуда скрыться. Почему они, зная, что уже по тракту къ ихъ скиту поставлены въ разныхъ мѣстахъ отъ Пугачева заставы, и что ихъ не пропустятъ, на купившей ими тамо лоткѣ поѣхали внизъ по рѣкѣ Яику, для спасенія себя отъ реченнаго злодѣя Пугачева его сообщниковъ, гдѣ можно будетъ въ камышахъ мѣсто сыскать и, слѣдуя по Яику, наѣхали они на пловучихъ же въ лоткѣ, скрывающихся отъ гонимаго якъ пугачевскаго мятежка двухъ человѣкъ, съ коими и слѣдовали далѣе, покупая къ пропитанію себя хлѣбъ у живущихъ по учрежденнымъ по рѣкѣ Яику казачьимъ форпостамъ казаковъ и, будучи по рѣкѣ Сорочиковкѣ, по усмотрѣнію ихъ, слѣдующею въ Гурьевъ командою взяты. Въ бывшей же въ Яикѣ городкѣ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ могъ простираться отъ Пугачева мятежъ, въ ево согласнической партіи и его сообщниковъ никогда онъ не бывалъ и злодѣйства съ ними никакого не чинилъ. На низъ же по рѣкѣ Яику и Сорочиковкѣ къ Гурьеву ѣхали они точно для того, чтобъ спасти себя отъ Пугачева, а не для какого-либо другаго злаго умыслу или привлеченія кого въ свой расколъ. 2-й. Софоніемъ ево зовутъ, отъ роду ему тридцать лѣтъ. Отецъ его былъ войска донскаго Пятизбянской станицы казакъ Герасимъ Лукьяновъ, которой тому лѣтъ съ двадцать, а подлинно сколько, не упомнитъ, взявъ еще его

злодѣями“, какъ сказано въ сентенціи, „по слѣдствію оказались невинными“!..

Неужели и въ самую слѣдственную коммисію, и въ сенатъ, и въ синодъ, и въ кабинетъ императрицы проникла раскольничья интрига? А игуменъ Филаретъ, который поддержалъ и направилъ Пугачева?

въ малыхъ лѣтахъ, изъ той станицы свезъ съ собою за польскую границу, гдѣ проживали съ нимъ въ Стародубовскихъ раскольническихъ слободахъ лѣтъ съ пятнадцать. А какъ отецъ ево тамъ умре, то онъ, прожившъ послѣ ево лѣтъ съ пять, услыша состоявшіеся о свободномъ всѣмъ изъ-за польской границы въ Россію выходѣ указы, по взятому на Добринскомъ форпостѣ (тутъ и Пугачевъ бралъ свой билетъ) билету вышелъ въ Россію и пришедъ въ городъ Саратовъ, по прошенію въ саратовской воеводской канцеляріи опредѣленъ въ вышепоказанной раскольнической Исакіевъ скитъ, въ коемъ и жилъ прошлаго 1774 года по декабрь мѣсяцъ безотлучно; а въ томъ декабрѣ мѣсяцъ посланъ онъ былъ изъ скита безъ письменнаго виду въ городъ Большой Яикъ для взятья за проданную изъ того скита яицкому казаку Григорію Степанову, по прозванію Антоничьеву, рогатую скотину денегъ семидесяти рублевъ. Только, по пріѣздѣ въ тотъ городъ Яикъ, тѣхъ денегъ отъ него, Антоничьева, по несостоянію ево чрезъ недѣлю не получилъ. А между тѣмъ въ томъ городкѣ учинился у яицкихъ казаковъ великой бунтъ и смертное убивство, причемъ и реченнаго казака Антоничьева разграбили. Почему онъ, Софоній, изъ того города не выпущенъ и содержанъ былъ казаками подъ карауломъ, а чрезъ недѣлю прислалъ къ нему для такого же содержанія и реченной товарищъ ево Питиримъ, въ кое время отъ тѣхъ бунтовщиковъ и тамошній комендантъ былъ въ осадѣ. И потомъ о свободѣ изъ-подъ караула и о протчемъ о всемъ показалъ тожъ, что и товарищъ ево Питиримъ объявилъ».

«А іюля 2-го дня получена въ губернской канцеляріи изъ здѣшней духовной консисторіи премеморія, въ косей объявлено, что онаго іюня 17-го числа, въ указѣ отъ святѣйшаго правительствующаго синода къ его преосвященству Меѳодію, епископу астраханскому и ставропольскому, написано: сего-де 774-го года,

Изъ исторіи русскаго раскола мы знаемъ (изъ обнаруженія нѣкоторыхъ тайнъ и интригъ раскольниковъ положительно убѣждаемся въ этомъ), какими путями раскольники умѣютъ выгораживать своихъ членовъ, когда они запутаны въ какое-либо важное дѣло. Неужели и тутъ раскольники оказались умнѣе правительственныхъ дѣятелей того времени?

марта 27-го числа, святѣйшему правительствующему синоду вѣдѣніемъ изъ правительствующаго сената, на прежде сообщенное о постригшихся заграницею и выпедшихъ въ Россію раскольническихъ монахахъ вѣдѣніе жь объявлено, что правительствующій сенатъ, разсуждая о вышеписанныхъ постригшихся заграницею и сюда выходящихъ монахахъ, усматриваетъ, что естьли таковыхъ постригающихся за границею и сюда выходящихъ бѣглецовъ оставлять здѣсь въ томъ монашествѣ при монастыряхъ, то подъ симъ видомъ и многіе, пожелая отбывать отъ своихъ владѣльцевъ, станутъ бѣгать для постриженія за границу и послѣ выходить сюда безъ всякой пользы для государства, а только во вредъ своимъ владѣльцамъ и въ тягость общественную тунеядцами дѣлаться, и для того не благоволитъ ли святѣйшій синодъ впредь таковыхъ, бѣжавшихъ изъ Россіи и, по постриженіи за границею, сюда монахи вышедшихъ, здѣсь того монашества лишать и оставлять ихъ на такомъ основаніи, какъ состоявшимся 14-го декабря 1762 указомъ съ выходящими изъза польской границы бѣглыми раскольниками поступать велѣно, и святѣйшій-де правительствующій синодъ приказали: впредь бѣжавшихъ изъ Россіи и постригающихся за границею и по постриженіи въ Россію выходящихъ монашества лишать, и оставлять ихъ, на основаніи объявленнаго въ вѣдѣніи правительствующаго сената 762 года декабря 14-го дня указа, въ вѣдомствѣ свѣтскихъ командъ. Почему, съ прописаніемъ реченнаго обстоятельства, къ нему, господину губернатору, отъ губернской канцеляріи минувшаго іюля 3-го числа сего года подана была меморія и требовано ево объ нихъ, монахахъ, повелѣнія. На которой имъ, господиномъ губернаторомъ, въ резолюцію рукою ево и надписано: ихъ, монаховъ, переспросить, ибо еще въ сентябрѣ на Иргизѣ, тотъ злодѣй извѣстенъ былъ, а въ декабрѣ и команды въ тѣ мѣста посланы были, да и Самара

Все это еще тайныя, не тронутыя стороны пугачевскаго дѣла, и мы надѣемся, что только опубликованіе всего слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ, хранящагося въ государственномъ архивѣ, поможетъ уясненію этихъ тайнъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны составлять тайны для исторіи.

„Дѣло сіе такого существа (говоритъ манифестъ, кото-

тѣми злодѣями занята была, то какъ имъ не вѣдать? Слѣдовательно, они плутуютъ, и должно сумнѣваться, что они въ ту злодѣйскую толпу шли, и для того со всею строгостію допрашивать, нетолько со увѣщаніемъ, но и съ пристрастіемъ, и тогда представить.

«По справкѣ жь оказалось: минувшаго сентября 10-го дня (1774 г.) присланнымъ къ астраханскому губернатору отъ васъ репортомъ дано знать, что по ордеру его высокопревосходительства господина генералъ-порутчика и кавалера, Александра Васильевича Суворова, поручено вамъ разобраніе бывшихъ въ злодѣйской толпѣ людей не подозрительныхъ отпускомъ, а протчимъ чинить наказаніе... смертоубійцъ искоренять казнію, на основаніи его сіятельства господина генералъ-аншефа и кавалера графа Петра Ивановича Панина повелѣнія. Затѣмъ уже губернской канцеляріи и рѣшимости учинить стало быть не можно. Того ради по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію астраханской губернской канцеляріи велѣно: оныхъ монаховъ и съ подлинными ихъ допросами, по объявленной, возложенной на васъ о бывшихъ въ злодѣйской толпѣ людяхъ коммиссіи, для надлежащаго изслѣдованія и указного объ нихъ рѣшенія отослать къ вамъ при указѣ, которые, съ выдачею на семь дней кормовыхъ денегъ, по три копейки каждому на день, при семъ къ вамъ и посылаются, и господину полковнику и царицынскому коменданту Цыплетеву учинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу».

Въ свою очередь Цыплетевъ препроводилъ этихъ таинственныхъ монаховъ въ Саратовъ, къ генералу Мансурову. Что оказалось по слѣдствію, что это были за люди—у насъ въ бумагахъ нѣтъ слѣдовъ.

рымъ оповѣщалось о преступленіяхъ и казни Пугачева), что безъ ужаса на оное воззрѣть не можно! Оно доказываетъ, что человѣкъ, погруженный въ невѣжество, забывъ долгъ и присягу, данную передъ Богомъ верховной монаршей власти, и не опасаясь за то ни вѣчныя, ни временныя казни, выступя изъ послушанія законовъ, преступаетъ тѣмъ самымъ всѣ предѣлы обязательства предъ родомъ человѣческимъ. Вообще преступленія главнаго злодѣя и его способниковъ столь многочисленны и разнообразны суть, какъ по слѣдствію оказалось и собственнымъ добровольнымъ признаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ открылась такая рѣдкость, что, чиня преступленія всякаго рода, сами они не упомнятъ числа содѣяннаго зла.“

XX.

Въ заключеніе мы должны оговориться, что не намѣрены были обѣщать, въ настоящей статьѣ, общей характеристики всѣхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей второй половины прошлаго вѣка. Мы коснулись этой характеристики только по отношенію этихъ дѣятелей къ пугачевщинѣ. Всѣ они обрисовались болѣе или менѣе наглядно. Рейнсдорпъ, полемизирующій съ Падуровымъ и обязываемый имъ „сатанинымъ внукомъ“, „дьявольскимъ сыномъ“, „бестіей“ и „мошенникомъ“; старикъ Брантъ, едва „таскающій ноги“; Каръ, которому Пугачевъ совѣтовалъ прислать вмѣсто себя кого-нибудь поумнѣе; Чернышевъ, обманутый Падуровымъ и взятый „на козлахъ въ колескѣ“; Фрейманъ и Голицынъ,

перехитренные Хлопушею; Бибиковъ, работающій своею одною умною головою за сто головъ и изъ гроба командующій войсками; Ларіоновъ, „навязавшійся“ на шею Бибикову и ничего не дѣлающій; Шетневъ, воронежскій губернаторъ, бѣгущій изъ Воронежа защищать Павловскъ; Кречетниковъ, астраханскій губернаторъ, до тѣхъ поръ собиравшійся идти противъ Пугачева, пока пугачевщина совсѣмъ не кончилась; Державинъ и Ладыженскій, полемизирующіе съ Бошнякомъ изъ-за того, кто старше, полковникъ или бригадиръ, и изъ-за этой полемики потерявшіе Саратовъ; Панинъ, изъ своей пензенской усадьбы командующій войсками, сражающимися противъ Пугачева за сотни верстъ; Суворовъ, торопящійся къ войску такъ скоро, какъ-бы его везли по этапу; военная коллегія, забывшая географію своей страны, извращающая названія рѣкъ въ своемъ государствѣ, спрашивающая о положеніи дѣлъ въ Оренбургѣ у царицынскаго коменданта Цыплетева и перевозящая военные припасы изъ Ростова на Дону и Астрахани для защиты сибирскихъ крѣпостей; Михельсонъ, перетаскивающій пушки черезъ рѣки по дну этихъ рѣкъ, громящій Пугачева на каждомъ шагу, тысячи верстъ не слѣзающій съ коня и не спускающій съ коней своихъ закаленныхъ гусаръ, окончательно добившій стоглавую гидру пугачевщины и потомъ обвиненный въ воровствѣ—все это, смѣемъ думать, достаточно характеризуетъ и эпоху и ея дѣятелей.

ПУГАЧЕВСКІЙ ПОЛКОВНИКЪ ИВАНОВЪ.

Эпизодъ изъ исторіи Пугачевщины.

I.

Если въ послѣднее время чтеніе монографій по естественнымъ наукамъ стало едва-ли не любимѣйшимъ занятіемъ русской читающей публики, если трактаты о нравахъ, обычаяхъ и такъ сказать объ исторіи цивилизаціи у муравьевъ, съ изслѣдованіями рабовладѣльческаго и аристократическаго элемента у этихъ насѣкомыхъ, въ большинствѣ читателей чутьли не стали предпочитаться трактатамъ объ исторіи цивилизаціи въ Европѣ и о рабовладѣльческомъ элементѣ у сѣверо-американцевъ, то едва-ли мы много погрѣшимъ противъ истины, если будемъ утверждать, что явленіе это происходитъ не отъ того, чтобы насѣкомыя сдѣлались для развитаго человѣка любопытнѣе и поучительнѣе людей, или чтобы изученіе общественнаго строя у лисицъ и муравьевъ успѣшнѣе двигало человѣчество впередъ къ политическому и соціальному совершенству, чѣмъ изученіе строя человѣческихъ обществъ и поступательнаго хода ихъ развитія. Явленіе это лежитъ въ исторической косности большинства русскаго об-

щества, которое, къ сожалѣнію, можетъ переваривать серьезную мысль только въ подслащенномъ и разжеванномъ видѣ, въ формѣ разсказовъ и повѣстей, да и то такихъ, которые не мѣшали бы нашей исторической сонливости читать и за чтеніемъ сны видѣть, которые не выбивали бы изъ проторенной колеи нашъ инертный умъ, — и вотъ отсюда исторіи о лисицахъ, муравьяхъ и мотылькахъ, заурядъ съ романами и повѣстями, читаются, если не вполнѣ охотно, то, по крайней мѣрѣ, съ относительно меньшей потяготой и позѣвотой, чѣмъ мало-мальски серьезные трактаты и разсказы о предметахъ болѣе человѣчнаго свойства.

Отсюда происходитъ то эпидемическое популяризованье научныхъ предметовъ, которое охватило всею русскою литературою и заставляло г. X. раскольничью литературу изъ сборника Кельсіева переносить въ охотно-поглощавшіяся публикою повѣсти о „Русановѣ“ и „Пророчицѣ“, г. У. серьезные соціальные трактаты превращать въ романы въ родѣ „Что дѣлать“ и г. Z. учить русское общество исторіи и современной политикѣ передовыми газетными статьями. Отсюда же происходитъ наоборотъ и то, что романы г. Тургенева „Отцы и дѣти“, а равно „Дымъ“ становятся современными историческими памятниками или *документали*, какъ называетъ ихъ рецензентъ русскаго спеціальнаго историческаго журнала ([1]), а критика ихъ вмѣстѣ съ критикой театральныхъ драматическихъ пьесъ гг. Толстаго, Островскаго, Чаева и Аверкіева, а равно критика оперъ гг. Глинки и Сѣ-

---

([1]) П. В. Анненковъ въ «Вѣстникѣ Европы» во II т. за 1867 г. въ статьѣ: «Русская современная исторія въ романѣ И. С. Тургенева «Дымъ».

рова, занимаютъ одинаковое мѣсто въ серьезномъ журналѣ г. Стасюлевича съ критикой такихъ историческихъ трудовъ, какъ: „Geschishte des Russischen Staats von Dr. Ernst Herrmann“ или „Der General und Admiral Franz Lefort von Dr. Moritz Posselt“ и т. д.

Отъ этой косности русскаго общества происходитъ то, что хотя это общество и кричало, что ему надоѣли легкіе журналы и что оно охотно почитало бы чего либо поболѣе „серьезнаго“, однако, когда вышелъ прекрасный журналъ г. Стасюлевича, подписка на него шла довольно туго и во всякомъ случаѣ гораздо туже, чѣмъ можно было ожидать, судя по умнымъ и серьезнымъ рѣчамъ общества, скучавшаго будто бы по дѣльному чтенію, и при всемъ томъ журналъ этотъ часто оставался неразрѣзаннымъ, а если и разрѣзывался, то или на г. Костомаровѣ, котораго хотя и обвиняютъ серьезные ученые въ томъ, что онъ „слишкомъ художественъ“, но въ которомъ эта-то художественность и составляетъ приманку для читателей, или на г. Островскомъ, въ послѣднихъ трудахъ котораго историческія дрожжи не заглушаютъ художественности и жизненной правды.

Неудивительно послѣ этого, что монографіи о лисицахъ, муравьяхъ и мотылькахъ вытѣснили собою всякое другое, такъ называемое серьезное чтеніе. Только самая легкая пища переваривается большинствомъ нашихъ желудковъ — и потому этимъ желудкамъ надо давать подходящую пищу. Людямъ, ничего не дѣлающимъ, надо давать такое чтеніе, занимаясь которымъ они воображали бы, что продолжаютъ свое *дѣло;* людямъ, ратующимъ на зеленомъ полѣ, понравится только такое чтеніе, которое казалось бы имъ *такимъ же* умнымъ и занимательнымъ, какъ игра въ штосъ или калибракъ; лю-

дямъ безносымъ поэтому никогда не понравится чтеніе, гдѣ говорится о прекрасныхъ и большихъ носахъ.

Такимъ образомъ не капризъ писателей, а высота уровня общественнаго пониманія и развитія обусловливаетъ то или другое направленіе и содержаніе литературы и даже ту или другую форму чисто-литературныхъ и ученыхъ произведеній. Чтобы быть выслушаннымъ и понятымъ, надо знать прежде всего, съ кѣмъ имѣешь дѣло, чтобы, сообразно кругу пониманія слушающаго и въ предѣлахъ его міровоззрѣнія, передавать ему то или другое, а иначе слушатель вашъ или уснетъ или вовсе не станетъ васъ слушать, справедливо полагая, что недумающему легче живется, и не замѣчая при этомъ, что по такой логикѣ всего легче живется идіоту, міровоззрѣніе котораго и потребности граничатъ съ міровоззрѣніемъ и потребностями горилы. При косномъ состояніи мысли въ большинствѣ читателей всѣ болѣе или менѣе серьезныя произведенія мысли русскихъ дѣятелей остаются непрочитанными и съ именами этихъ дѣятелей русское общество знакомо или только по наслышкѣ, или вовсе незнакомо. Кого же винить въ равнодушіи русскаго общества къ тѣмъ отраслямъ наукъ, которыя въ Европѣ стоятъ на первомъ планѣ въ ряду человѣческихъ знаній? Ужъ конечно не общество, не потребителей продуктовъ человѣческой мысли, а производителей, не читателей, а писателей, которые пишутъ, не приноравливаясь къ величинѣ умственнаго кругозора своихъ потребителей. Какъ всякій продуктъ труда человѣческаго, литературное и ученое произведеніе не должно имѣть въ виду только выставку, т. е. оцѣнку, критику и рецензію такихъ же производителей, какъ и самъ пишущій, а запросъ самихъ потребителей: что идетъ на выставку для

экспертовъ и на показъ для публики, то нейдетъ въ массу, не потребляется ею, а служитъ только образцомъ для усовершенствованія подобнаго рода произведеній. Бѣдная развитіемъ масса можетъ проѣхать только на палубѣ парохода, который везетъ общество къ совершенствованію и къ возможному уравненію съ европейскимъ образованнымъ обществомъ, или въ вагонѣ 3-го класса, а мнимые кондукторы этой массы толкаютъ ее во 2-й или 1-й классы, которые для бѣднаго пасажира не по карману, и выходитъ, что вагоны первыхъ двухъ классовъ остаются пустыми, тогда какъ палубы пароходовъ и третьеклассные вагоны русскихъ литературныхъ чугунокъ биткомъ набиты чернымъ народомъ.

Занимаясь разработкой архивныхъ дѣлъ прошлаго вѣка, особенно смутной эпохи Пугачевщины, пишущій эти строки нерѣдко обѣгалъ такія подробности, которыя хотя бы и служили прекрасными, характерными чертами изучаемой эпохи, однако казались негармонирующими съ требованіями строгой исторической науки, какою она является у историковъ запада, особенно новѣйшихъ. Подъ вліяніемъ такого взгляда на историческія работы, богатые матеріалы, разсѣянные въ архивныхъ дѣлахъ, которыми я пользовался для напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ монографіи о Пугачевѣ, были разработаны мною только по отношенію къ главному дѣйствующему лицу въ этой исторической трилогіи, тогда какъ побочныя личности и побочные факты представляются нерѣдко еще болѣе рельефными и болѣе драматичными. На это-то отсутствіе подробностей, на эту компактность и скупость въ отступленіяхъ отъ главнаго ядра сказанной эпохи указывали рецензенты „Пугачевщины,“ а читатели прямо мнѣ говорили, что чтеніе „Пугачевщины“ въ томъ видѣ, въ какомъ

я напечаталъ ее, только раздражало ихъ любопытство, увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ недосказаннаго мною или сказаннаго вскользь, мимоходомъ, слегка. На это я отвѣчалъ, что для обработки пугачевской эпохи со всѣми ея подробностями, со всѣми соприкасающимися съ ней побочными явленіями, не менѣе крупными, потребовалось бы нѣсколько лѣтъ исключительной и въ высшей степени усидчивой работы, и притомъ разработка такихъ матеріаловъ, которые кромѣ государственнаго архива разсѣяны по сотнямъ уцѣлѣвшихъ архивовъ провинціальныхъ городовъ, въ фамильныхъ бумагахъ частныхъ лицъ, въ семейныхъ преданіяхъ, наконецъ въ народныхъ воспоминаніяхъ.

Вслѣдствіе всего этого и въ виду высказаннаго мною мнѣнія о вкусахъ русской читающей публики, которая нерѣдко предпочитаетъ красивыя подробности дѣла самому дѣлу, легкую занимательность деталей самой идеѣ и сухой, голой исторической правдѣ, я и рѣшаюсь ввести читателя въ міръ такихъ подробностей взятой мною эпохи, которыя хотя и не заставляютъ меня жертвовать исторической правдой въ пользу привлекательности растравляющихъ воображеніе подробностей, но все-таки заставятъ нѣсколько отступить съ дороги, указанной наукою для историка. Я знаю, что историческая критика осудитъ меня за это и—будетъ не права.

Разбитый Михельсономъ подъ Казанью и перебравшись на правый берегъ Волги, Пугачевъ, все еще страшный для цѣлой Россіи, не могъ не чувствовать, что счастливая звѣзда

его начинаетъ клониться къ западу. Сила, на которую онъ опирался, все еще была непобѣдима; пожаръ, вспыхнувшій въ малолюдномъ Заволжьѣ и по обѣимъ сторонамъ Уральскаго Сырта, на разстояніи тысячи верстъ, переходилъ на эту сторону Поволжья, перебрасывался въ густо-населенныя провинціи, изъ окраинъ переходилъ въ центры; зарево вид-нѣлось въ самой глубинѣ Россіи; вспышки пожара отдавались въ правительственныхъ центрахъ государства; населеніе обѣихъ столицъ было неспокойно. Все это говорило, что нравственная сила самозванца не умалялась, потому что сила эта опиралась на вѣковомъ гнетѣ народа, который рвался сбросить съ себя все давящее и опутывающее его, начиная отъ „немилостивыхъ помѣщиковъ“ и кончая „судіями съ омраченными душами.“ Глухая боль вызывала судорожныя движенія въ больномъ, изнуренномъ организмѣ государства, и движенія эти были не спорадическія, проявлялись отъ времени до времени и до Пугачева какою-то всеобхватывающею эпидеміею, какою-то моровою язвою, которая заражала и здоровыхъ не только черезъ физическое соприкосновеніе съ больнымъ, но и посредствомъ бродившихъ въ народѣ слуховъ, перешептываній и „ядомъ зараженныхъ“ писемъ, которыя, сколько ихъ ни жгли на площадяхъ рукою палачей и подъячихъ, не могли быть сожжены и истреблены никакою силою, потому что писались невѣдомо кѣмъ и невѣдомо гдѣ, писались всякою грамотною рукою и разносились изъ села въ село, отъ кабака къ кабаку. При всемъ томъ самозванецъ, какъ сказочный Илья Муромецъ, выпившій, по совѣту калѣкъ перехожихъ, излишній ковшъ браги, чувствовалъ, что нравственной силы его, внутри его самого, немножко убыло, что если и вколотить въ землю и въ небо

колъ желѣзный, то уже не повернетъ онъ вокругъ себя и небо, и землю. Внутри самого себя онъ чувствовалъ умаленіе этой страшной силы, которая все еще казалась для другихъ непобѣдимою, для него же самого казалась слабою, жалкою, потому что самъ онъ переставалъ вѣрить въ свое призваніе. Въ заволжской степи, съ киргизами, татарами, чувашами, черемисами и яицкими казаками, онъ еще могъ царствовать — тамъ онъ былъ всѣхъ выше цѣлою головою; тамъ ничего не значило выгнать изъ всѣхъ крѣпостей комендантовъ, сжечь города и селенія, налить пушекъ, мортиръ, „дробниковъ,“ начеканить на заводахъ монеты съ своимъ изображеніемъ; тамъ ничего не стоило держать въ осадѣ и смертной боязни генералъ-губернатора фонъ-Рейнсдорпа, пугать казнью генерала фонъ-Брандта, и безъ того обезумѣвшаго отъ ужаса; въ заволжской глуши можно было вести дипломатическіе переговоры съ дикими толпами посредствомъ своихъ генераловъ съ вырванными ноздрями и острожными клеймами; тамъ можно было посылать безграмотные манифесты, подписанные чужою рукою или каракулями своей собственной лжевысочайшей безграмотной десницы, или же вовсе неподписанные; а загадывая идти на Москву и Петербургъ, надо было думать, что придется столкнуться съ цивилизаціей, хотя незавидной, но все же страшной для человѣка безграмотнаго, выросшаго въ захолустной, станичной глуши и развившагося въ бѣгахъ и въ острожномъ уединеніи; что придется въ самомъ дѣлѣ наткнуться на такія обличенія, которыя скоро раскрыли бы весь обманъ, державшій темныя массы народа въ ослѣпленіи. Нельзя было не задуматься надъ тѣмъ, что будетъ дальше. Оставалось одно, идти на смерть, потому что возврата про-

шлому уже не было; отступать уже было невозможно. Зайдено было слишкомъ далеко, надо было идти впередъ.

— „Дальняго намѣренія, чтобъ завладѣть всѣмъ россійскимъ царствомъ, я не имѣлъ, ибо, разсуждая о себѣ, не думалъ къ правленію быть, по неумѣнію грамотѣ, способнымъ, а шелъ на то, если удастся чѣмъ поживиться или убиту на войнѣ быть... Все я заслужилъ смерть, — такъ лучше умереть на войнѣ...“

Вотъ что говорилъ Пугачевъ о своихъ намѣреніяхъ. Чѣмъ больше онъ узналъ подробностей въ сложномъ механизмѣ государственнаго управленія, тѣмъ болѣе меркла его счастливая звѣзда, тѣмъ менѣе онъ находилъ себя способнымъ поддержать то имя, которое онъ, въ ослѣпленіи страсти и подстрекаемый умами болѣе изворотливыми, принялъ на свою погибель. Но все же надо было поддержать это имя до послѣдней возможности—до смерти. Буйные генералы самозванца манили его въ Москву и въ Петербургъ, они меньше Пугачева сознавали всю щекотливость положенія на остреѣ меча, на которомъ находился самозванецъ; коноводы раскольниковъ ослѣпляли его самого мнимыми подарками отъ наслѣдника престола, отъ великаго князя Павла Петровича, и самозванцу оставалось показывать видъ, что онъ вѣритъ, а чтобы и народъ вѣрилъ ему, онъ говорилъ, что къ нему на встрѣчу выѣзжаетъ наслѣдникъ съ войскомъ.

Но показывая видъ, что онъ выжидаетъ только покорности всей Россіи и потому медлитъ идти въ столицы. Пугачевъ раздумывалъ, куда бы ему безопаснѣе унести свою буйную голову, но такъ, чтобы этого не замѣтили его собственные генералы, раздраженные неудачей подъ Казанью и почти постоянно пьяные. Когда самозванецъ въ такомъ раз-

думьѣ стоялъ на нагорной сторонѣ Волги, къ нему подошелъ одинъ изъ его сообщниковъ, по всѣмъ вѣроятіямъ агентъ раскольнической стороны, и сказалъ:

— Время теперь, батюшка, надежа-государь, ѣхать возвратно къ твоему Павлу Петровичу и объявить ему, что ваше величество перешелъ съ арміею за Волгу и чтобъ поспѣшалъ съ обѣщанною силою къ тебѣ на помощь скорѣе.

Хотя самозванецъ очень хорошо зналъ, что мнимое посольство его къ великому князю — измышленіе усерднаго агента, однако, чтобъ поддержать при народѣ свое величіе, высылалъ ему изъ своей полы пятьдесятъ рублей денегъ и „отпустилъ въ Москву, дабы тѣмъ утвердить въ мысляхъ невѣждъ, что злодѣй не только не самозванецъ, но и ожидаетъ подкрѣпленія себѣ.“

— Какъ велишь, надёжа-государь, пріѣзжать его высочеству — одному или вмѣстѣ съ ея высочествомъ? спрашивалъ мнимый посолъ мнимаго царя.

— Пускай пріѣзжаетъ вмѣстѣ и чтобъ они скорѣе изъ Петербурга выѣзжали! отвѣчалъ самозванецъ.

Отпустивъ посла, Пугачевъ двинулся къ югу. Другія партіи подъ предводительствомъ разныхъ генераловъ и преимущественно полковниковъ, разбрелись по всѣмъ направленіямъ, перекрещивая населенныя мѣста нынѣшней симбирской, пензенской и саратовской губерній. Мы не будемъ слѣдить за самимъ Пугачевымъ, а направимся за шайкой одного изъ его полковниковъ, похожденія котораго особенно рельефно рисуются въ архивныхъ дѣлахъ того времени. Имя этого полковника, какъ и имена многихъ изъ предводителей отдѣльныхъ шаекъ, было Ивановъ. Имя это принималось разбойниками, конечно, изъ боязни выдать свое настоящее имя.

Въ концѣ іюля мы застаемъ партію Иванова въ селѣ Воскресенскомъ—нынѣ Хвалынскъ, уѣздный городъ саратовской губерніи, на берегу Волги. Въ Воскресенскомъ Пугачевъ началъ свои похожденія уже въ качествѣ самозванца, потому что Воскресенское было въ частыхъ сношеніяхъ съ иргизскими поселеніями, гдѣ жили раскольники, первые выдвинувшіе Пугачева на арену его страшной дѣятельности.

Когда шайка эта подходила къ Воскресенскому, предводитель ея выслалъ въ село гонцовъ съ извѣстіемъ, что идетъ „императорскаго величества полковникъ съ манифестомъ и царскою милостію.“ Гонцы приказывали въ селѣ, чтобъ полковникъ и его шайка встрѣчены были съ хлѣбомъ-солью. Въѣхавъ на середину села и принимая отъ жителей хлѣбъ-соль, Ивановъ спросилъ:

— Кто здѣсь начальство?

— Нѣтъ у насъ начальства, батюшка, отвѣчали ему: всѣ наши начальники ушли въ Саратовъ.

— Взять ихъ пожитки въ царскую казну, а домы ихъ сжечь, распорядился полковникъ, и прпказаніе его тотчасъ было исполнено. Въ то время, когда пламя вспыхнуло въ разныхъ концахъ села, предводитель шайки приказалъ „вычесть“ вслухъ всего народа пугачевскій манифестъ, который возилъ съ собою.

— Снимай шапки, кричали приближенные изъ толпы Иванова къ тѣмъ, которые стояли съ покрытыми головами.

— Читай, святой отецъ, сказалъ полковникъ, обращаясь къ монаху, который слѣдовалъ за его шайкой. Это былъ раскольническій монахъ, котораго имени намъ не удалось найти въ бумагахъ.

Монахъ взошелъ въ коляску, принадлежавшую полков-

нику, и, поднимаясь надъ народомъ, сталъ читать. Народъ снялъ шапки.

Монахъ читалъ: „Божіею милостію, мы Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, старшинамъ и старикамъ и всему россійскому крестьянству во всенародное извѣстіе.

„Вы уже довольно и обстоятельно знаете, что подъ скипетръ и корону нашу почти уже вся Россія добропорядочнымъ образомъ по прежней своей присягѣ склонилась. Сверхъ того донскаго и вольскаго войскъ казаки и старшины оказываютъ къ службѣ нашей, во искорененіе противниковъ, разорителей и возмутителей имперіи — дворянъ, ревность и усердіе, и получили себѣ свободную вольность и нашу монаршую милость и награжденіе древняго святыхъ отецъ преданія крестомъ и молитвою, головами и бородами.

„Того ради какъ мы есть всемилостивѣйшій монархъ и попечитель обо всѣхъ вѣрноподданныхъ рабахъ, желаемъ преклонить въ единственное вѣрноподданство всѣхъ и васъ, и видѣть доказательство къ службѣ нашей ревности отъ васъ.

„Вы же нынѣ помрачены и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытясь Россіею, но и природныя казачьи войска и государевыхъ людей хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ; мы однакожъ, по власти всевышней десницы, надѣемся, что вы, признавъ оказанныя противъ нашей монаршей власти и своего государя противности и звѣрскія стремленія, которыя вамъ всегда будутъ въ погибель и повелителямъ вашимъ, раскаетесь и придете въ чувство покаянія, за что можете получить монаршее наше прощеніе и сверхъ того награжде-

ніе такое-жъ, каковое получили отъ насъ склонившіеся вѣрнопадданные рабы.

„Во свидѣтельство того мы собственной рукою подписать соизволили.— *Петръ.*“

Прочитавъ манифестъ, монахъ перекрестился. За нимъ перекрестился Ивановъ и всѣ приближенные его.

— Творите крестное знаменіе и вы, рабы божіи, обратился монахъ къ народу.

Народъ повиновался и всѣ перекрестились.

— Святой отецъ, твори волю пославшаго тебя, сказалъ атаманъ.

— Вѣмъ волю пославшаго мя и творю таковую, отвѣчалъ монахъ.

— Веди же подданныхъ Петра третьяго въ храмъ божій, къ царской присягѣ.

— Храмъ божій на всякомъ мѣстѣ владычествія его, сказалъ монахъ и сталъ приводить народъ къ присягѣ на площади, доставъ изъ коляски крестъ и евангеліе.

Пока происходила эта церемонія, по народу прошелъ шумъ, что по Волгѣ плыветъ судно и на этомъ суднѣ качаются повѣшенныя на мачтѣ и на другихъ снастяхъ мертвыя тѣла. Дѣйствительно, по серединѣ Волги плыла расшива, управляемая двумя неизвѣстными людьми, а надъ палубой висѣли трупы, повѣшенные одни за шею, другіе за ноги. Кромѣ двухъ человѣкъ не видно было на суднѣ никого живаго— все были мертвецы, совершенно обнаженные, да на краю борта стояла собака и жалобно выла.

Сказали объ этомъ предводителю шайки.

— Это бунтовщики и возмутители, сказалъ онъ;—такъ

будетъ поступлено со всякимъ, кто воспротивится монаршей волѣ.

— Я видѣлъ это судно выше Воскресенскаго, сказалъ одинъ изъ толпы;—на немъ дворяне.

— Привести судно къ берегу, распорядился полковникъ, и нѣсколько лодокъ отправлено было перехватить плывшую съ трупами расшиву.

На расшивѣ, дѣйствительно, оказалось только двое живыхъ, а всѣ остальные были повѣшенные; нѣкоторые изъ мертвецовъ были сильно изувѣчены. На мачтѣ, надъ головой одного изъ повѣшенныхъ, прибита была бумажка, на которой написано было: *собачій родъ дворяне.*

— Чья посудина? спросилъ полковникъ приведенныхъ къ нему съ судна живыхъ людей.

— Не знаемъ, отвѣчали тѣ.

— А какъ вы попали на нее?

— Мы ѣхали съ господами, на насъ напали злодѣи и всѣхъ повѣсили.

— Какіе злодѣи!—злодѣи тѣ, что повѣшены, а вѣшали ихъ царскіе слуги, закричалъ полковникъ;—я и васъ велю повѣсить съ вашими господами, чтобъ было кому имъ служить на томъ свѣтѣ, холопы прирожёные.

Тѣ повалились въ ноги полковнику.

Оказалось, что судно съ повѣшенными пасажирами отправилось изъ Казани въ то время, когда на этотъ городъ сдѣлалъ нападеніе Пугачевъ.

Нѣкоторые изъ дворянъ, въ виду приближенія страшнаго непріятеля, особенно когда городъ уже не могъ возлагать надежды ни на войска императрицы, ни на губернатора фонъ-Брандта, отъ страха окончательно лишившагося способности

дѣйствовать, рѣшились спасти свою жизнь и имущество бѣгствомъ изъ Казани и для этого наняли судно, въ которое снесли самую цѣнную и удобоподвижную часть своихъ достояній, намѣревалась отплыть заблаговременно внизъ по Волгѣ. Но несчастные бѣглецы были перехвачены шайками Пугачева и были подвержены самымъ ужаснымъ истязаніямъ. Когда бѣглецы не хотѣли выдать разбойникамъ свое имущество, тѣ клали ихъ подъ вѣсы, находившіеся на суднѣ, и прибавляли на вѣсовую доску гирю за гирей, доходя такимъ образомъ до десяти и пятнадцати пудовъ, такъ что несчастные погибали самою медленною и мучительною смертью. Иногда вмѣстѣ съ гирями становились на вѣсы сами разбойники и давили свои жертвы до тѣхъ поръ, пока тѣ не испускали дыханія. Затѣмъ удушенныхъ или заколотыхъ пиками раздѣвали до-нага и вѣшали на снастяхъ барки. Какого-то помѣщика Скосырева, который въ своемъ имѣніи пользовался средневѣковыми обычаями сюзереновъ, бароновъ и графовъ, въ отношеніи къ своимъ кліентамъ и аллодамъ, т. е. въ отношеніи къ крестьянскимъ дѣвушкамъ (jus primae noctis), мучили особенно ужасно. Когда находившіеся въ этой шайкѣ крестьяне Скосырева показали на него, что онъ постоянно пользовался рыцарскимъ правомъ primae noctis, то разбойники привѣсили гири къ той части тѣла его, которая наиболѣе согрѣшила въ жизни... Мучили преимущественно тѣхъ ихъ дворянъ, которые наиболѣе жестоко обходились со своими крестьянами. Одна помѣщица, находившаяся на суднѣ, по показанію людей, нарочно уморила ребенка у своей кормилицы, чтобы молоко этой несчастной не раздѣлялось между барченкомъ и „хамовымъ отродьемъ.“ Когда злодѣи начали мучить ребенка, мать его закричала:

— Лучше бы ты не родился на свѣтъ Божій!

— Зачѣмъ же ты родила, сука? Вотъ мы тебѣ опять засунемъ въ брюхо твоего щенка проклятаго, заговорили нѣкоторые изъ бунтовщиковъ.

Для этого они разрѣзали животъ у несчастной жертвы и вложили ей въ утробу живаго ребенка. Жену одного чиновника, которая не давала своимъ людямъ соли для пищи, наказывали розгами и по избитымъ до крови мѣстамъ посыпали солью, приговаривая: „просаливай ее, просаливай!..“

Двое людей, оставленные живыми на суднѣ, бѣжали изъ Казани вмѣстѣ съ своими господами. Когда на суднѣ мучили дворянъ, люди эти ничего не показывали противъ господъ, и потому ихъ, хотя и не повѣсили вмѣстѣ съ господами, однако оставили на ограбленномъ суднѣ съ тѣмъ, чтобы они сплавили его внизъ по Волгѣ до самой Астрахани и вездѣ говорили бы, какъ жестоко государь Петръ третій наказываетъ дворянъ за ихъ жестокое обращеніе съ крестьянами. Надъ головами этихъ-то замученныхъ, на мачтѣ, приклеена была бумажка съ надписью: „*собачій родъ дворяне.*“

II.

Полковникъ Ивановъ со своей шайкою пробылъ въ Воскресенскомъ только нѣсколько часовъ. Онъ услыхалъ отъ пришедшихъ въ его толпу новыхъ бродягъ, что Пугачевъ быстро идетъ отъ Казани по направленію къ Саратову. Всѣ города, встрѣчавшіеся ему на пути, были взяты и разграблены, за исключеніемъ маленькаго городка Керенска, который спасся какимъ-то чудомъ отъ общей страшной участи,

постигшей всѣ города средняго и нижняго Поволжья. Дѣйствительно, въ нашихъ бумагахъ есть подтвержденіе того обстоятельства, что Керенскъ не былъ взятъ самозванцемъ, не смотря, какъ говорится въ бумагахъ, на „троекратное на него собравшеюся подъ именемъ самозванца, измѣнника и бунтовщика Пугачева злодѣйскою толпою нападеніе“ (1).

---

(1) Въ имѣющейся у насъ грамотѣ тогдашняго главнокомандующаго войсками, графа Петра Панина, данной керенскому дворянству, положительно говорится, что мѣстные дворяне, чиновники и инвалидная команда отстояли Керенскъ отъ Пугачева. Вотъ этотъ документъ: «Высокоблагородному и почтенному господину секундъ-маіору, благороднаго керенскаго дворянства предводителю и всему оному благородному дворянству, достоїнымъ моимъ собратіямъ. Сколько изъ поданныхъ мнѣ рапортовъ, а паче по прибытіи въ городъ Керенскъ и самолично нашелъ я, что оной отъ троекратнаго на него собравшеюся подъ именемъ самозванца, измѣнника и бунтовщика Пугачева злодѣйскою толпою нападенія вами, обще съ воеводскимъ товарищемъ, канцелярскими служителями и съ инвалидною командою, защищенъ и обороненъ, а оные злодѣи отъ города прогнаны и до грабительства не допущены, за которое ваше, какъ прямыхъ сыновъ отечества, къ службѣ ея императорскаго величества и къ сохраненію высочаїшаго интереса ревностное усердіе, защищеніе и обороненіе сего города, ея императорское величество всемилостивѣїше жалуетъ, по пріобщеннымъ у сего повышеніямъ, каждаго по одному чину, на которое имѣете вы въ вѣрности службы ея императорскому величеству учинить присягу. А о дачѣ вамъ патентовъ писано въ государственную военную колегію. Графъ Петръ Панинъ. Сентября 5 дня 1774 года. Керенскъ.» Всѣхъ пожаловано 25 человѣкъ, имена которыхъ, безъ сомнѣнія, любопытно и пріятно прочитать ихъ потомкамъ. Вотъ эти имена: князь Ив. Енгалычевъ, Семенъ Сурминъ, Анд. Богдановъ, Ив. Патрикеевъ, Лука Семеневъ, Богдановъ, Ломоносовъ, Фагостовъ, Митковъ, Савинъ, Балушевъ, С. Семенеевъ, Никита Пожидаевъ, Петръ Дураковъ, Пл. Дубасовъ, Наз. Кашаевъ, гр. Волотовъ, кн. Алексѣй Булушевъ, Дм. Дураковъ, кн. Прок. Булушевъ, кн. Ѳед. Булушевъ, вахм. Ник. Богдановъ, Ив. Кашаевъ, Мих. Ѳоминъ и Ульянъ Іевлевъ. Документъ этотъ сообщенъ намъ Т. И. Шишкинымъ.

Сомнительно, чтобы Керенскъ не былъ взятъ самозванцемъ потому, что его храбро защищали канцелярскіе чиновники и инвалидная команда,—и не такія войска и не такіе защитники падали отъ натисковъ нестройныхъ и дикихъ скопищъ Пугачева. Пугачевъ доказалъ, что онъ умѣлъ брать города. Иностранные инженеры, случайно видѣвшіе его тактику при взятіи крѣпостей, при постройкѣ верковъ и проч., находили въ этомъ безграмотномъ самозванцѣ геній великаго Вобана. Пугачевскія скопища также умѣли доказать, что для нихъ не страшны хорошо вооруженныя войска, а не то чтобы жалкіе канцеляристы и не менѣе жалкія инвалидныя команды, которыя предшественникъ графа Панина, знаменитый и страшный противникъ самозванца, А. И. Бибиковъ, называлъ то „негодницей“, то „скаредами и срамцами.“ Скорѣе всего, что Керенскъ уцѣлѣлъ, благодаря той поспѣшности, съ которою Пугачевъ стремился вдоль праваго берега Поволжья. Преслѣдуемый по пятамъ Михельсономъ, онъ, конечно, поступилъ бы безразсудно, еслибъ замедлилъ хоть однимъ днемъ, стараясь взять такой ничтожный городишка, какъ Керенскъ, при взятіи котораго нельзя было разсчитывать даже на порядочную поживу. Напротивъ, еслибъ этотъ городъ былъ богатъ и силенъ, то генералы Пугачева, подбиваемые жадною до грабежей шайкою, непремѣнно взяли бы Керенскъ, какъ взяли Саратовъ и много другихъ городовъ, гдѣ не торчали соломенныя крыши, а бѣлѣлись каменныя палаты и каменныя церкви.

Какъ бы то ни было, до полковника Иванова дошла вѣсть, что Пугачевъ, не взявши Керенска, а между тѣмъ ограбивъ другіе встрѣчные города, приближается къ Петровску и Саратову. Изъ пугачевской толпы пришелъ къ пол-

ковнику родной его братъ и привелъ въ подмогу брату немалую шайку, и этотъ-то братъ сообщилъ Иванову подробности о слѣдованіи главныхъ силъ Пугачева.

Когда Ивановъ, забравши въ Воскресенскомъ все, что было можно захватить, какъ бы въ наказаніе жителей за то, что они повиновались не истинному государю, а похитительницѣ престола, назвавшеюся императрицею Екатериною II, уже собирался выступить въ дальнѣйшій путь, по направленію къ Саратову, ему донесли, что противъ Воскресенскаго переправляется черезъ Волгу небольшая лодка съ неизвѣстными людьми. Полковникъ приказалъ привести къ себѣ этихъ неизвѣстныхъ. При обыскѣ у одного изъ пріѣхавшихъ найденъ пакетъ, запечатанный сургучной печатью и надписанный *по секрету*. Пакетъ адресованъ былъ на имя саратовскаго коменданта, полковника Бошняка. Это тотъ знаменитый Бошнякъ, который храбро защищалъ Саратовъ отъ скопищъ Пугачева, не смотря на всѣ свои пререканія съ бригадиромъ Ладыженскимъ и знаменитымъ поэтомъ Державинымъ изъ-за того, кто изъ нихъ старшій—полковникъ или бригадиръ, пререканія, которыя, можетъ быть, были главной причиной того, что Саратовъ не устоялъ противъ Пугачева. Дѣло въ томъ, что самолюбивый Державинъ, въ то время еще молодой гвардейскій офицеръ, но уже извѣстный своими стихотвореніями, присланъ былъ въ видѣ чиновника особыхъ порученій главнокомандующаго, собственно по секретной части, и находясь то въ Малыковкѣ, то за Волгой, то въ Саратовѣ, то въ Петровскѣ, вмѣшался въ споръ Ладыженскаго (онъ былъ управляющій иностранными поселенцами въ Саратовѣ, т. е. колонистами) съ Бошнякомъ изъ за того, кто изъ нихъ долженъ защищать городъ и распоряжаться

какъ войсками, такъ и устройствомъ самой обороны Саратова.

Къ этому-то Бошняку адресованъ былъ секретный пакетъ, перехваченный полковникомъ Ивановымъ.

— Ты кто такой? спрашивалъ полковникъ неизвѣстнаго, у котораго найденъ пакетъ.

— Службы ея императорскаго величества капитанъ, отвѣчалъ тотъ.

— Врешь, собака! ея императорскаго величества нѣтъ, а есть его императорское величество Петръ третій, императоръ, закричалъ на него Ивановъ;—какое воровское письмо везешь ты?

— Я везу не воровское письмо, а промеморію.

— Какую промеморію?

— О злодѣѣ и бунтовщикѣ Емелькѣ Пугачевѣ...

— Связать его, измѣнника! закричалъ полковникъ, и нарочнаго связали.

Полковникъ, распечатавъ пакетъ, велѣлъ монаху читать вложенную въ этотъ пакетъ бумагу.

Въ бумагѣ писано было: „Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и саратовскій комендантъ, государь мой! Вчерашняго числа получилъ я изъ сызранской воеводской канцеляріи промеморію съ прописаніемъ подлиннаго изъ симбирской провинціальной канцеляріи указа, коимъ знать дано, что сверхъ многихъ разныхъ и частію, можетъ быть, не основательныхъ извѣстій, 14-го числа той канцеляріи отправленнаго въ Казань и назадъ возвратившагося той канцеляріи секретаря Зайцева рапортомъ донесено, что по пріѣздѣ его къ Верхнему Услону и видно ему было въ разныхъ мѣстахъ пылающее пламя, а выбѣжавшіе изъ Казани

господскіе люди ему объявили, что государственный бунтовщикъ, злодѣй Пугачевъ...“

— Врутъ они, измѣнники! прервалъ полковникъ чтеніе;— они злодѣи и бунтовщики, а Казань взялъ не Пугачевъ, а его императорское величество, подлинный государь всероссійскій, царь Петръ Ѳеодоровичъ... Читай дальше.

— ...Что государственный бунтовщикъ, злодѣй Пугачевъ, ворвавшись въ городъ, учинилъ пожаръ, да 15-го числа выбѣгшіе изъ города Казани симбирскій купецъ, да провіантмейстера Арцыбашева дворовой человѣкъ, пріѣхавъ въ Симбирскъ, и въ той канцеляріи обще съ тамошнимъ комендантомъ, господиномъ полковникомъ Рычковымъ были спрашиваны и объявили, что подлинно извѣстный злодѣй Пугачевъ...

— Лгутъ, собаки! Ежелибы онъ подлинно былъ злодѣй Пугачевъ, то-бы вся Россія подъ скипетръ и корону его добропорядочнымъ образомъ по прежней своей присягѣ не склонилась“, опять прервалъ полковникъ.

Монахъ продолжалъ читать:... „что подлинно извѣстный злодѣй Пугачевъ со своими толпами городъ Казань выжегъ и овладѣлъ, а господинъ казанскій губернаторъ фонъ-Брандтъ и прочіе генералитеты, также и изъ гражданъ доброжелающіе, кто могъ успѣть уйтить отъ злодѣевъ, въ имѣющуюся городовую крѣпость, взойдя, затворились. А сколь скоро я сіи неподатныя (неподобныя)? увѣдомленія получилъ, то нашелъ для лучшаго обо всемъ ономъ развѣдыванія о подлинности сихъ извѣстій нарочнаго отправить съ рапортомъ къ его высопревосходительству господину аншефу, кавалеру и казанскому губернатору Якову Ларіоновичу фонъ-Брандту, приказавъ тому посланному накрѣпко о семъ извѣстіи и въ-

роятно развѣдывать по тракту, а есть ли въ случаѣ найдетъ безопасность, то и въ Казань проѣхалъ, о чемъ и вашему высокоблагородію знать чрезъ сіе даю.“

— Все? спросилъ полковникъ

— Все, отвѣчалъ монахъ.

— Такъ объ этомъ пишутъ по секрету? Секретъ, что Казань взята и выжжена? Да этотъ секретъ и слѣпой видѣлъ, и глухой слышалъ—вся Россія знаетъ, а они якобы секреты другъ дружкѣ пишутъ... Это ли царскіе слуги?

Дѣйствительно, секретными ордерами и промеморіями воеводскія канцеляріи и коменданты сообщались между собою о томъ, что молва народная давно уже разнесла по всему Поволжью, и неудивительно, что Пугачевъ и его толпы опережали своими дѣйствіями всякія правительственныя распоряженія, замедлявшіяся и канцелярской волокитой и канцелярской тайной. Посылавшіеся съ такими секретными бумагами нарочные или опаздывали, или пропадали безъ вѣсти, то попадая въ руки бунтовщиковъ, то передаваясь добровольно въ ихъ толпу. Нерѣдко случалось, что не на чемъ было послать нарочнаго съ самонужнѣйшими бумагами, отъ которыхъ зависѣла участь цѣлыхъ городовъ и жизнь тысячи несчастныхъ, потому что не было лошадей, и нарочные, какъ древніе скороходы, ходили пѣшкомъ съ секретными пакетами и государственными тайнами за пазухой, а между тѣмъ въ тоже самое время астраханскій губернаторъ, знаменитый генералъ Петръ Кречетниковъ, собираясь (когда уже впрочемъ было слишкомъ поздно!) идти на встрѣчу Пугачеву, предписываетъ выставить на станціяхъ по *пятидесяти лошадей* только подъ его собственную персону и притомъ тамъ, гдѣ нарочные бѣгаютъ съ пакетами пѣшкомъ.

Къ такимъ несчастнымъ нарочнымъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ и перехваченный полковникомъ Ивановымъ капитанъ, который везъ изъ Самары секретную промеморію къ саратовскому коменданту Бошняку. Само собою разумѣется, что перехваченную бумагу Ивановъ не отправилъ къ Бошняку, а оставилъ ее у себя. Нарочнаго онъ велѣлъ повѣсить, впрочемъ не потому, что жестокость была главной пружиной его дѣйствій, а потому, что несчастный капитанъ, имени котораго намъ не удалось узнать, самъ накликалъ на себя казнь своей горячностью. Когда полковникъ приказалъ привести его къ присягѣ, этотъ несчастный сказалъ, что онъ дворянинъ и присягать Емелькѣ, „такому же холопу, какъ и онъ, холопій полковникъ, не намѣренъ.

Повѣсивъ капитана, Ивановъ повелъ свою толпу далѣе, переходя изъ села въ село. Никто не оказывалъ сопротивленія. Если вѣрить запискамъ современниковъ, то нельзя не придти къ убѣжденію, что только счастливый случай спасъ Россію отъ конечнаго разоренія. Всѣ начальствующія лица, войско, дворяне, гарнизонные „срамцы“ и „скареды“—всѣ эти люди, по выраженію одного современника-нѣмца, отдавались бунтовщикамъ безъ сопротивленія, или какъ овцы подъ обухъ (1), Самъ полковникъ ѣхалъ въ колескѣ и толь-

---

(1) Спасенія потому ни откуда не видѣлось, по словамъ очевидца нѣмца, „dass man in den Städten nicht an die Vertheidigung dachte, da die Woyewoden und übrigen kaiserlichen Offizianten, sobald sie in des Rebellen Hände fielen, einen schimpflichen Tod erwarten, und alsobald ihren Hals als geduldige Schaafe hinstrecken mussten.“ Bemerkungen über... Russland, nebst einigen Beiträgen zur Empörungs-Geschichte Pugatschews. Prag u. Leipzig. 1792, стр. 253.

ко въ необходимыхъ случаяхъ садился верхомъ на лошадь. Въ коляскѣ съ нимъ сидѣлъ монахъ, а въ другой коляскѣ везли молодую дѣвушку, которую Ивановъ называлъ своей женой. Кто была эта молодая особа — намъ неизвѣстно, но, вѣроятно, это была несчастная плѣнница изъ „проклятаго рода дворянъ“, которыхъ такъ много находилось въ пугачевской толпѣ. Извѣстно, что въ поѣздѣ самаго Пугачева слѣдовало немало молоденькихъ и хорошенькихъ женщинъ, которыя находились въ палаткѣ самозванца, прислуживали ему, а также прислуживали его женѣ и сыну. Когда Михельсонъ разбилъ самозванца ниже Царицына и взялъ въ плѣнъ большую часть его нестройнаго полчища, то, отправляя свою добычу въ Царицынъ, болѣе 5000 человѣкъ плѣнныхъ, пушки, единороги, мортиры и прочіе военные снаряды, писалъ царицынскому коменданту Цыплетеву, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посылаетъ „немалое число *дворянскихъ дѣвицъ* и дворянъ.“ По всѣмъ вѣроятіямъ, одна изъ этихъ „дворянскихъ дѣвицъ“ находилась и у Иванова, который и выбралъ ее себѣ въ сожительницы. Толпа, слѣдовавшая съ Ивановымъ, была весьма многочисленна. Около его коляски толпились конные, преимущественно казаки и всѣ, кто имѣлъ въ себѣ хотя какія нибудь кавалерійскія качества. Тутъ же съ толпою слѣдовала и артилерія, въ которой считалось до 20 пушекъ, набранныхъ толпою въ разныхъ мѣстахъ. Въ толпѣ было множество пѣшихъ. За толпою слѣдовалъ огромный обозъ, нагруженный всѣмъ, что только могло быть награблено во время похода. На ночлеги шайка останавливалась иногда въ степи, и тогда раскладывались костры, разставлялись треножники для варенія пищи, выкатывались изъ обоза боченки и даже бочки съ виномъ

и начинались попойка, шумъ, пѣніе пѣсенъ, брань и драки. Въ то же время по окраинамъ разбойничьяго стана разставлены были часовые, которые спрашивали всякаго проходящаго и проѣзжающаго, и подозрительныхъ людей приводили къ полковнику. О всякомъ, не принадлежащемъ сообщникамъ Пугачева и признававшемъ законную власть не въ лицѣ самозванца, а въ лицѣ императрицы, говорили, что это — „злодѣйской руки.“

На степи между Воскресенскимъ и Малыковкою, т. е. между нынѣшними городами Хвалынскомъ и Вольскомъ, толпа наткнулась на „маяки“, разставленные по возвышеннымъ мѣстамъ. Маяки въ то время замѣняли телеграфъ настоящаго времени: маяки состояли изъ высокихъ шестовъ, разставленныхъ въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобъ отъ одного маяка взоръ достигалъ до другаго. Шесты обвивались соломою сверху до низу. Когда нужно было дать знать о приближеніи какой-либо опасности, тогда зажигалась солома и пламя тотчасъ доходила до вершины шеста. Затѣмъ, когда замѣчалось это пламя, вспыхивалъ слѣдующій маякъ и такимъ образомъ отъ маяка до маяка передавалась вѣсть о томъ, что приближается опасность и что надобно готовиться ко всякой неожиданности. Такими маяками обыкновенно давалось знать о приближеніи калмыковъ и киргизовъ, которые въ прошломъ вѣкѣ часто переходили съ луговой стороны Волги на нагорную и, опустошивъ прибрежные города и села, забравъ скотъ и имущество жителей, переправлялись обратно въ заволжскія степи.

Маяки, на которые наткнулась толпа Иванова, были тотчасъ же уничтожены, такъ что въ Малыковку, гдѣ въ то время находился Державинъ, некому было подать вѣсть о

приближеніи грозы. Маяки постигла такая жалкая участь по оплошности солдата, который приставленъ былъ къ тому маяку, на который прежде всего наткнулась толпа. Старый гарнизонный солдатъ спалъ подъ маякомъ, такъ что передовые наѣздники изъ шайки успѣли захватить его въ свои руки прежде, чѣмъ онъ собрался зажечь солому. Солома была ободрана съ маяка, а къ шесту тотчасъ придѣлана перекладина въ видѣ „рели“ (висѣлицы), и на этой висѣлицѣ, въ посмѣяніе властямъ, повѣшенъ былъ оплошный часовой, но только не за шею, а „подъ мышкми,“ такъ что онъ могъ долго оставатся живымъ и могъ быть снятъ съ висѣлицы по удаленіи шайки.

III.

Время Пугачева замѣчательно тѣмъ, что отдѣльныя, весьма характеристическія подробности о немъ, можно сказать положительно, неисчерпаемы. Чего нѣтъ въ письменныхъ документахъ, чего не сохранили архивныя дѣла и официальныя бумаги, то сохранила народная память, и эти народные разсказы историкъ не въ правѣ обходить, потому что они съ одной стороны рельефнѣе, чѣмъ самые письменные документы, рисуютъ картину этой эпохи въ частностяхъ. Съ другой стороны они выражаютъ взглядъ народа на эту эпоху. А этихъ преданій о Пугачевѣ и его сообщникахъ такъ много, эта эпоха до того богата подробностями, что эпоха смутнаго времени первыхъ самозванцевъ (XVII-го вѣка), передъ этой эпохою оказывается совершенно бѣдною.

Вотъ почему я не считаю себя въ правѣ умалчивать и о тѣхъ эпизодахъ изъ временъ Пугачевщины, которые сохранились въ народныхъ разсказахъ и пополняютъ собою недосказанное уцѣлѣвшими отъ того времени бумагами. Я даже считаю обязанностью историка не давать погибнуть этимъ разсказамъ, какъ погибли разсказы о другихъ временахъ нашей исторіи, болѣе отдаленныхъ. На насъ, близко живущихъ къ событіямъ прошлаго вѣка, лежитъ прямая обязанность передъ потомствомъ, передать ему въ печати то, что мы слышали отъ нашихъ стариковъ и сверстниковъ и чего наши потомки не могутъ услышать ни отъ кого, если не прочитаютъ въ книгахъ, которыя мы имъ оставимъ, какъ единственную о нашемъ существованіи память.

Къ похожденіямъ шайки полковника Иванова и къ той мѣстности, гдѣ мы оставили его въ своемъ разсказѣ, мы находимъ вполнѣ основательнымъ пріурочить слѣдующій характеристическій разсказъ, слышанный нами въ Саратовѣ:

Въ Пугачевщину, когда всякій дворянинъ, помѣщикъ и чиновникъ ждалъ вѣрной смерти въ случаѣ, еслибъ несчастная судьба бросила его въ руки волновавшагося крестьянства, помѣщики и чиновники, видя неминуемую опасность, нерѣдко старались не выдавать своего происхожденія и для того, чтобъ не быть похожими на „проклятаго рода дворянъ“, нерѣдко одѣвались въ крестьянское платье, чтобы быть принятыми за происходящихъ „изъ подлости“, какъ тогда выражались о „неблагородномъ“, недворянскомъ происхожденіи. Иногда сами крестьяне, желая спасти своихъ добрыхъ господъ, переряжали ихъ въ крестьянское платье, пачкали имъ лицо и руки, чтобъ „по бѣлымъ рукамъ“ ихъ не приняли за благородныхъ. Эта хитрость иногда удава-

лась. Крестьянское ободранное платье, всклокоченные волосы и грязныя руки нерѣдко спасали несчастныхъ отъ неминуемой смерти. Если же открывался обманъ, если руки оказывались бѣлыми, дворянскими, если грязь не могла придать лицу и рукамъ дворянина видъ загара и грубости, то разбойники тотчасъ кричали: „на рели, на рели! это бѣлоручка!“

Ниже Воскресенскаго въ толпу бунтовщиковъ привели одного переряженнаго дворянина.

— Кто ты? спрашиваетъ начальникъ толпы.

— Мужикъ, крестьянинъ.

— А покажи руки.

Переряженный дворянинъ показалъ руки, которыя оказались подозрительными.

— Вымыть ихъ, приказывалъ начальникъ.

Помытыя руки оказались бѣлыми и нѣжными, далеко не мужицкими.

— Какъ же ты говоришь, что ты мужикъ?

— Мужикъ, батюшка.

— А косить умѣешь?

— Умѣю.

Дали несчастному косу: оказалось—не умѣетъ косить.

— А молотить умѣешь?

— Умѣю.

Дали ему цѣпъ: оказалось—не умѣетъ владѣть цѣпомъ. Потомъ заставляли его жать, подмазывать колеса и вообще испытывали во всѣхъ крестьянскихъ работахъ. Во всемъ оказался неспособнымъ. Тогда начальникъ шайки велѣлъ его повѣсить, приговаривая: „не косп чужими руками, не живи чужимъ умомъ.“

Нельзя не замѣтить, что во многихъ народныхъ воспоми-

наніяхъ о дѣйствіяхъ Пугачева и его шаекъ сквозитъ ка кая-то жесткая иронія надъ сословіемъ, противъ котораго направлены были жестокости самозванца. Въ отношеніяхъ своихъ къ народу онъ является какимъ-то благодѣтелемъ, и вся тяжесть его гнѣва ложится на привилегированныя сословія. Тѣмъ же отличались и всѣ его полковники, большею частью казацкіе старшины какъ съ Яика, такъ и съ Дона. Нерѣдко намъ приходилось слышать въ Землѣ Войска Донскаго разсказы о стычкахъ казаковъ съ толпами самозванца и по этимъ разсказамъ трудно рѣшить, кто шелъ за кого и противъ кого. Встрѣчаются, говорятъ, казаки съ пугачевцами, идутъ казаки бить враговъ царскихъ, вооружены казаки длинными пиками, поютъ казаки для смѣлости пѣсни старинныя:

Кто бы намъ, братцы, сказалъ про батюшку тихій Донъ,
Про того-ли казачка Игнатку измѣнышичка,—

а пугачевцы въ отвѣтъ имъ и, какъ бы на смѣхъ, затягиваютъ другую, донскую же пѣсню:

Я въ походы хаживалъ,
Языки я бирывалъ,
Меня Богъ помиловалъ...

А тамъ запоетъ другую пѣсню какой нибудь пугачевецъ, урекая своему станичному атаману его неправды за то, что атаманъ выгналъ его на службу безъ очереди—

Какъ и Богъ-то судья нашему правленьицу, станичному атаманушкѣ!
Какъ безъ очереди меня, добра молодца, въ службу нарядили,
Безъ поры-то, безъ времени, меня, добраго молодца, провожали...

И начинается свалка между пугачевцами-донцами и донцами царскими, и бьютъ донцы-пугачевцы донцовъ царскихъ, а все таки, подъ конецъ, царскіе донцы побѣждаютъ и освобождаютъ изъ полона „русскихъ дворянчиковъ.“

„Русскіе дворянчики,“ „проклятый родъ дворяне,“ „собачій родъ дворяне“—эти слова и эти понятія играли едва-ли не главную роль во всемъ, что тогда дѣлалось. И въ самомъ дѣлѣ положеніе бѣдныхъ „дворянчиковъ“ было по истинѣ ужасное: страшное ожесточеніе со стороны массъ, которыя, какъ вода, порвавши плотины, неудержимо стремились на все поставленное выше этихъ массъ и уничтожали все на своемъ пути, а умилостивить эти массы было ничѣмъ невозможно: какой нибудь самодѣльный полковникъ Ивановъ, какой нибудь самодѣльный генералъ съ рваными ноздрями, генералъ—бывшій каторжникъ, всякій мужикъ, лѣнившійся работать на барина и на себя и потому нищенствовавшій, всякая баба, отдававшая въ рекруты своего любимаго сына и, при всякомъ приготовленіи варева для своего мужа и дѣтей, сознававшая, что дорога соль, и вслѣдствіе того готовая взяться за рогатину—все это шло противъ дворянъ, все искало взобраться на верхъ труповъ „господъ“ и „благородныхъ.“ Каторжники дѣйствовали именемъ какого-то царя, генералы съ рваными ноздрями, полковники, сѣченные за воровство и убійство, во имя этого призрачнаго царя, объявляли народу волю, освобождали его отъ податей, прощали ему недоимки, сбавляли цѣну на соль—большое мѣсто русскаго народа, и все это говорило, что препятствіемъ на дорогѣ къ земному раю стояли все тѣже „дворяне“, что дворяне не позволяли царю дать народу волю, что дворяне не позволяли ему освобождать народъ отъ податей, дворяне не

совѣтовали прощать народу недоимки, дворяне мѣшали царю сбавлять цѣну на соль. Бѣдные „дворянчики“ ни откуда не видѣли спасенія: какой нибудь полковникъ Ивановъ, темная, можетъ быть, преступная личность, да раскольничій, можетъ быть, бѣглый монахъ, могли пройти пожаромъ по нѣсколькимъ губерніямъ, чинить дикій судъ и дикую расправу по произволу, по движенію страсти, и никто не могъ выйти имъ на встрѣчу, чтобъ остановить этотъ пожаръ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, бросая эти города на произволъ и управленіе канцеляристовъ, и винить за это воеводъ едва ли по совѣсти можно, потому что не на кого имъ было положиться: въ гарнизонахъ сидѣли „скареды“ и „срамцы“, да и этихъ скаредовъ и срамцевъ было слишкомъ мало, тогда какъ на города нападали тысячи и десятки тысячъ народа, почуявшаго волю, безначальность, безподатную жизнь и дешевую, даже даровую соль съ добавкою того, что удастся награбить въ городахъ, въ кладовыхъ этихъ воеводъ, комендантовъ, дворянъ и всего богатаго и чиновнаго люда. Войска были далеко, на нихъ нечего было разсчитывать: войска воевали съ Турціею, когда-то еще они могли поспѣть на мѣсто пожара? А полковникъ Ивановъ, раскольничій монахъ, и какой нибудь генералъ-рудокопъ, бѣжавшій изъ нерчинскихъ рудниковъ, были тутъ и все опрокидывали, лишь бы захватить въ свои немилостивыя руки этихъ дворянчиковъ“, надъ которыми смѣялись казаки, хотя и защищали во имя прежней присяги. Наконецъ хотя съ трудомъ и набрано было войско, но не было полководца: полководецъ умеръ въ самомъ началѣ своихъ умныхъ распоряженій (Бибиковъ), а у другихъ полководцевъ, назначавшихся на его мѣсто, все какъ-то вывалпвалось изъ рукъ; генераламъ и полковникамъ

императрицы тоже не везло — генералы-рудокопы, генералы-каторжники и полковники изъ остроговъ побѣждали на каждомъ шагу генераловъ и полковниковъ императрицы, и народъ не могъ не вѣрить, что истинные генералы именно тѣ, которые ушли изъ остроговъ, а не тѣ, которые пріѣхали изъ Петербурга. Россія какъ бы потеряла голову, Россія какъ бы не имѣла людей, чтобы защитить себя отъ разгулявшагося народа, и современникъ-нѣмецъ въ правѣ былъ воскликнуть, что его сердце бьется гордымъ сознаніемъ, что Россія спасена *пьмцема* (Михельсономъ) ([1]).

Но возвратимся къ полковнику Иванову и его шайкѣ.

Оставивъ за собою село воскресенское (Хвалынскъ), Ивановъ не пошелъ на Малыковку (Вольскъ), а поворотилъ въ сторону отъ Волги на встрѣчу Пугачеву, для соединенія съ главными силами самозванца. Въ Малыковку онъ потому не пошелъ, что получилъ оттуда неблагопріятныя вѣсти. Тамъ въ это время находился Державинъ ([2]) и въ ожиданіи нападенія на это село скопищъ самозванца принялъ такія предосторожности, которыя не могли не заставить пугачевцевъ своротить съ дороги, ведущей на Малыковку. Мы говорили выше, что Державинъ жилъ попеременно то въ Малыковкѣ, то въ Саратовѣ, наблюдая за тѣмъ, что происходило въ этой мѣстности, которая служила посредствующимъ пунктомъ

([1]) „Stolz auf den deutschen Namen unsers Erretters, ergoss sich mein Herz in Segenswünschen für seine Person und ich werde, so lange ich lebe, den Namer Maichelson nie ohne das innigste Wohlgefallen und ohne die grösste Hochachtung nennen hören.“ Bemerkungen über... Russland“ и т. д. стр. 205.

([2]) ...«находящійся тамъ (въ Малыковѣ) по секретной объ извѣстномъ злодѣѣ комиссіи гвардіи поручикъ Державинъ.»

въ сношеніяхъ донскихъ, вольскихъ и яицкихъ казаковъ съ иргизскими раскольниками, а этихъ послѣднихъ съ раскольниками малороссійскими и заграничными (вѣтковскими (1), въ рукахъ которыхъ находились главныя нити, приводившія въ движеніе эту запутанную и таинственную интригу. Въ это время Державинъ писалъ секретно изъ Малыковки астраханскому губернатору Кречетникову, что „вѣроятныя до него дошли извѣстія, якобы съ Дону Филоновской станицы донской казакъ Моисей Ивановъ сынъ Ястребовъ пріѣзжалъ для развѣдыванія, будучи посланъ отъ своихъ казаковъ будто къ полковнику Денисову (одинъ изъ популярныхъ въ то время героевъ Дона), что подлинно-ль государь Петръ Ѳедоровичъ живъ и онъ ли это, который воюетъ, и „ежели де онъ, то де и мы будемъ готовы;“ но какъ сей посланный Ястребовъ, не доѣзжая Иика, на степи былъ встрѣченъ раскольничьимъ старцомъ Іевомъ и будто увѣренъ, что то бунтовщикъ, а не государь, то съ симъ извѣстіемъ возвратился на Донъ, и что по нынѣшнимъ несчастнымъ обстоятельствамъ, какъ ничего не должно полагать за неважное, то и требовать о семъ казакѣ гдѣ надлежитъ точнѣе изслѣдовать.“ Но какъ раскольники черезъ своихъ агентовъ, которые у нихъ были вездѣ, и въ арміи государыни, и въ скопищахъ Пугачева, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, знали все, гдѣ что дѣлалось, какія принимались мѣры, то они и извѣстили Иванова и находящагося при немъ раскольничьяго монаха, что за всѣми подозрительными людьми слѣдятъ въ Малыковкѣ „недреманнымъ окомъ“ и велѣно де „накрѣпко“ раз-

---

(1) Извѣстная слобода Вѣтка, заселенная раскольниками, принадлежала тогда Польшѣ и считалась за границею.

вѣдывать, не появятся ли соумышленники Пугачева, что около Малыковки разставлены караулы и что потому идти туда будетъ набезопасно.

Вслѣдствіе этихъ слуховъ Ивановъ поворотилъ свою шайку по направленію къ Петровску. Не доходя села Одоевщины, онъ узналъ, что въ этихъ мѣстностяхъ свирѣпствуетъ какая-то новая шайка подъ предводительствомъ полковника Саврасова, что шайка эта безчинствуетъ, выжигаетъ до тла поселки, грабитъ народъ безъ разбора, не обращая внимания на разность сословій. Шайка эта стояла станомъ въ Одоевщинѣ и бѣжавшіе изъ Одоевщины крестьяне сообщили Иванову, что они не знаютъ, куда имъ дѣваться и гдѣ искать защиты. Узнавъ объ этомъ, Ивановъ повелъ свою толпу прямо на Одоевщину для того, какъ онъ говорилъ, чтобы защитить невинныхъ людей отъ напраснаго пролитія крови. Не входя въ Одоевщину, Ивановъ послалъ своихъ людей узнать, кто начальникъ отряда, засѣвшаго въ Одоевщинѣ, отъ кого онъ получилъ власть, какое имѣетъ званіе и чьимъ именемъ производитъ разбой. Саврасовъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросы гонцовъ, а только велѣлъ сказать, что онъ вѣрноподданный его величества, Петра третьяго.

— Недѣльное онъ говоритъ, сказалъ Ивановъ по полученіи этого извѣстія: вѣрноподданные его величества не чинятъ обидъ никому, токмо измѣнникамъ-дворянамъ.

— Мы его изловимъ и приведемъ къ тебѣ, сказали приближенные Иванову.

— Я самъ изловлю злодѣя-самозванца и повѣшу, сказалъ полковникъ и велѣлъ готовиться идти на Одоевщину.

Одоевщина въ это время горѣла.

— Кто запалилъ Одоевщину? спросилъ Ивановъ, прибли-

жаясь къ толпѣ неизвѣстныхъ людей на лошадяхъ, съ пиками, рогатинами и ружьями за плечами.

— Мы запалили, закричали тѣ, а тебѣ какая нужда?

— Вотъ какая! отвѣчалъ Ивановъ и выстрѣлилъ въ кучу.

Тѣ отвѣчали выстрѣлами. Ивановъ приказалъ построиться въ рядъ всѣмъ своимъ конникамъ и вооруженнымъ и велѣлъ сдѣлать залпъ изъ всѣхъ ружей. Завязалась перестрѣлка. Въ это время прискакалъ самъ Саврасовъ на бѣломъ конѣ, пьяный, съ пистолетами—однимъ въ правой рукѣ, а двумя другими за поясомъ.

— По указу его императорскаго величества Петра Ѳедоровича я приказываю вамъ положить оружіе.

— А указывалъ тебѣ его императорское величество жечь поселки и грабить его крестьянъ?.. Стрѣляй въ него, злодѣя, скомандовалъ Ивановъ; вяжи ихъ, на рели ихъ, окаянныхъ.

Большая часть толпы, предводительствуемой Ивановымъ, бросилась на тѣхъ, которыми предводительствовалъ Саврасовъ. Послѣдніе не выдержали и побѣжали.

— Стой! кричалъ Саврасовъ; я васъ всѣхъ перевѣшаю.

Но толпа не слушала его. По бѣжавшимъ стрѣляли въ догонку. Многихъ ранили. Саврасовъ, выстрѣливъ изъ всѣхъ своихъ пистолетовъ, хотѣлъ тоже бѣжать, но его понесла лошадь, онъ упалъ и зацѣпился ногой за стремя.

Лошадь его была перехвачена и Саврасовъ приведенъ былъ къ Иванову. Онъ былъ въ крови и шатался.

— Ты кто такой? спрашивалъ Ивановъ.

— А ты кто, что допрашиваешь меня? отвѣчалъ Саврасовъ.

— Я слуга его императорскаго величества; меня самъ

царь пожаловалъ въ Бердѣ полковникомъ, когда мы Оренбургъ доставали. А тебя кто жаловалъ?

— Онъ же, отвѣчалъ тотъ.

— Покажи грамоту, требовалъ Ивановъ.

Саврасовъ сопротивлялся и назвалъ Иванова злодѣемъ. Ивановъ ударилъ его въ щеку.

— Вотъ тебѣ, измѣнникъ! Его величество не указывалъ жечь селенія и грабить бѣдныхъ людей, онъ царь милостивый къ бѣднымъ, онъ строго казнитъ злодѣевъ-дворянъ, а ты учинилъ его величеству измѣну.

Обыскали Соврасова и никакой грамоты отъ Пугачева у него не нашли, а отыскали нѣкоторыя бумаги, изъ которыхъ видно было, что онъ изъ Сызрани, бѣглый канцеляристъ.

— Сказывай, кто ты? добивался Ивановъ.

— Онъ подъячій человѣкъ, говорили нѣкоторые: мы его видѣли въ Сызрани, онъ изъ воеводской канцеляріи приказный.

— Подлинно-ль ты подъячій? спрашивалъ Ивановъ.

Соврасовъ молчалъ. Тогда нѣкоторые посовѣтовали Иванову допросить его „по-казацки.“ Саврасова раздѣли до нага, положили на землю, а на животъ ему положили нѣсколько кусочковъ труту. Вырубили огня и зажгли этотъ трутъ. Трутъ тлѣлъ и жегъ тѣло несчастнаго. Тотъ стоналъ.

— Сказывай, кто ты? доподлинно-ль царь указалъ тебѣ грабить крестьянъ?

— Не указывалъ... Я самъ провинился.

— Сказывай, кто ты и откуда родомъ?

Соврасовъ опять молчалъ. Наложили на него снова труту, снова зажгли. Тотъ не вытерпѣлъ.

— Скажу все, только не истязайте меня! отпустите.

— Не отпущу, доколь не скажешь.

— Я изъ Сызрани... Евтѣй Петровъ сынъ Саврасовъ... копіистъ изъ воеводской канцеляріи — бѣжалъ въ толпу Пугачева.

— Какого Пугачева? Ты самъ Пугачевъ, злодѣй, измѣнникъ!

— Не Пугачева, а его царскаго пресвѣтлаго величества Петра Ѳедоровича.

Какъ ни умолялъ потомъ Саврасовъ пощадить его, Ивановъ не хотѣлъ простить Саврасову его провинности, и канцеляристъ былъ повѣшанъ на воротахъ того дома, гдѣ онъ остановился на ночлегѣ въ Одоевщинѣ и пировалъ съ такими же, какъ самъ, бѣглецами.

— За то, что ты назвалъ меня злодѣемъ, я тебя прощаю, сказалъ Ивановъ, вѣшая несчастнаго чиновника; за то, что стрѣлялъ въ меня — прощаю, а за то, что ты поселки жегъ крестьянскіе, а не дворянскіе, за то, что ты грабилъ крестьянъ — нѣтъ тебѣ прощенья.

IV.

Въ основаніи пугачевской смуты главнымъ образомъ лежала борьба сословій! Толпы народа шли за самозванцемъ потому, что онъ обѣщалъ имъ волю, льготы, даровую соль и уничтоженіе дворянъ. Если въ народѣ и была вѣра въ царственное происхожденіе этого человѣка, то одной этой вѣры было недостаточно, чтобъ за невѣдомымъ царемъ идти,

какъ за своимъ спасеніемъ. Вдали свѣтилась лучшая жизнь для народа, потому что эту лучшую жизнь обѣщалъ имъ человѣкъ, претендовавшій на имя русскаго императора. Оттого Пугачевъ щадилъ народъ тогда какъ къ дворянамъ относился съ такою жестокостью, какой требовали разыгравшіяся страсти мстительнаго народа. Народу онъ льстилъ, у народа онъ заискивалъ, народу бросалъ деньги цѣлыми пригоршнями; когда, при взятіи городовъ, войско его захватывало казну. Пугачевъ лично для себя не бралъ ничего — онъ все раздавалъ своимъ приближеннымъ и народу. Когда его взяли въ плѣнъ, то не нашли у него ни денегъ, ни драгоцѣнныхъ вещей. Все это доказывало, что онъ шелъ не для грабежа, а были у него какія-то другія цѣли: онъ позволялъ грабить другимъ и все награбленное отдавалъ въ дѣлежъ, чтобъ народъ видѣлъ, что не корыстолюбіе и не личныя выгоды руководятъ его дѣйствіями. Фредерикъ Антингъ, историкъ Суворова, между прочимъ говоритъ, что когда Пугачева везли уже плѣннаго въ Москву, то случайно нашли у него нѣсколько червонцевъ, зашитыхъ въ платьѣ, и при этомъ самозванецъ объяснилъ Суворову, что онъ никогда не бралъ денегъ лично для себя, а все захваченное имъ отдавалъ дружинѣ (1). Въ силу этого и всѣ приближенные его старались показать народу, что они дѣйствуютъ единственно лишь для пользы крестьянъ, а на всякаго, при-

---

(1) „On lui demanda, pourquoi il n'avait pas plus d'argent et il n'avait pas été depouillé par ceux qui l'avaient garotté; il repondit, qu'il ne prenait jamais beaucoup d'argent sur lui, et que, lorsqu'il avait fait des prises, il avait toujours laissé le profit à son monde.“ Les campagnes du feldmaréchal comte de Souvoroff-Rymnikski par Fr. Anthing. I. vol. Golha 1799. стр. 169.

тѣсняющаго крестьянъ, смотрѣли, какъ на противника царя.

Вотъ почему полковникъ Ивановъ такъ жестоко поступилъ съ Саврасовымъ. На сызранскаго канцеляриста народъ жаловался какъ на притѣснителя; самъ Ивановъ видѣлъ что за Саврасовымъ шла толпа грабителей, которые жгли крестьянскія избы. Хотя самъ Ивановъ былъ такой же самозванецъ, какъ и Саврасовъ, однако считалъ себя въ правѣ повѣсить этого другаго самозванца. Безъ сомнѣнія, и Ивановъ не имѣлъ никакой грамоты отъ Пугачева, какъ не имѣлъ ее и Саврасовъ: сколько намъ извѣстно, Пугачевъ раздавалъ чины своимъ приближеннымъ, поручалъ имъ команду надъ отрядами своихъ скопищъ, не справляясь съ требованіями герольдіи и не вручая никакихъ патентовъ; при всемъ томъ Ивановъ, надо полагать пожалованъ въ полковники самимъ Пугачевымъ, словесно, когда Пугачевъ стоялъ подъ Оренбургомъ, и на это то обстоятельство указываетъ самъ Ивановъ, говоря Саврасову, что „меня самъ царь пожаловалъ въ Бердѣ полковникомъ, когда мы Оренбургъ доставали.“

Изъ Одовщины Ивановъ повелъ свою толпу прямо къ Петровску, гдѣ онъ надѣялся видѣть своего главнаго начальника и повелителя. Пугачевъ въ это время, дѣйствительно, шелъ по петровской дорогѣ, и шелъ такъ быстро, что ничто не могло остановить его. Петровскъ долженъ былъ погибнуть потому что защищаться было некѣмъ и нечѣмъ: главные начальники города, воевода и секретарь воеводской канцеляріи „отлучились“ изъ города. Защиту саратовской губерніи принялъ на себя молодой гвардеецъ и поэтъ Державинъ; но и изъ его распоряженій все-таки ничего не вышло. Пусть сами архивныя дѣла скажутъ, какъ

погибъ Петровскъ. 2 августа Державинъ, переѣхавшій въ это время изъ Малыковки въ Саратовъ, писалъ въ петровскую воеводскую канцелярію, что „если городъ Петровскъ отъ извѣстнаго злодѣя состоитъ въ опасности, то ежели никакихъ средствъ не имѣетъ защищаться, то бы находящуюся въ немъ казну, нужныя государственныя дѣла, а паче ружейные припасы петровской канцеляріи прислать въ Саратовъ и общими силами противъ злодѣя ополчиться тамо (т. е. въ Саратовъ); когда же возможности не будетъ, то ружейные припасы, ружья, пушки, порохъ и яры потопить въ водѣ и усерднымъ къ ея императорскаго величества службѣ ретироваться въ Саратовъ, что-де, ежели некѣмъ въ томъ городѣ защищаться, что оставленъ будетъ начальниками постъ, онъ, господинъ Державинъ *принимаетъ на себя*.

Это распоряженіе поэта, какъ и слѣдовало ожидать по всему ходу тогдашнихъ дѣлъ, не могло принести спасенія Петровску. Въ Петровскѣ не было даже той защиты, которую Бибиковъ называлъ „негодницею“: въ Петровскѣ оказалось не болѣе *десяти* „скаредовъ и срамцовъ“ — что-же съ ними можно было сдѣлать? На это отвѣчаютъ сами засебя бумаги петровскаго стараго архива: „а какъ въ городѣ Петровскѣ воинскихъ людей, кромѣ штатной команды, никого нѣтъ, да и тѣхъ штатныхъ служителей за раскомандированіемъ въ разныя посылки на лице состояло самое малое число, и не болѣе десяти человѣкъ, *обыватели же сего города тогда въ выборъ изъ нихъ къ оборонь противъ шого злодѣя Пугачева людей оказывали противности* и за тѣмъ обороняться противъ того злодѣя не кѣмъ, почему, за отлучкою изъ города воеводы

и секретаря (куда это имъ такая нужда приспѣла *отлучиться*?) по приказанію бывшаго воеводскаго товарища господина секундъ-маіора Буткевича, 3-числа августа, денежная казна и нужныя письменныя дѣла были собраны приказными служителями и на подводы покладены, токмо городовой сотникъ Сѣдовъ и начальникъ всему къ возмущенію злу пахотный солдатъ Осипъ Бастрыковъ съ товарищи денежнук казну и письменныя дѣла везти отказались и самовластно изъ городовой крѣпости подводы сбросали, а притомъ и изъ штатной команды нѣкоторые къ тому были согласны, а именно: солдатъ Герасимъ Кекинъ да Иванъ Вязовъ проговаривали, что „дѣла сбросать“, а Степанъ Перевощиковъ, взявъ ружье и приказныхъ служителей, не пускалъ изъ канцеляріи, и хотѣлъ переколоть штыкомъ, а караульный унтеръ-офицеръ Сенгилевцовъ ихъ въ оное подощрялъ, и дѣла, по сложеніи, къ себѣ подъ сохраненіе въ канцелярію взяли и къ отвозу въ повелѣнное мѣсто не отдали, и сами ослушны оказались и слушать команды не хотѣли, о чемъ штатной прапорщикъ Юматовъ репортомъ представилъ господину Державину.“ Но было уже поздно.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могъ защищаться Петровскъ? Защита возлагалась на штатную команду, а эта команда, какъ мы видѣли, состояла всего только изъ десяти человѣкъ, да изъ этихъ десяти человѣкъ „оказались ослушны“ солдаты Кекинъ, Вязовъ, Перевощиковъ и Сенгилевцовъ, и слѣдовательно усердныхъ къ службѣ ея императорскаго величества осталось только шесть человѣкъ. Юматовъ просилъ у Державина „повелѣнія взять дѣла и казну“, и для этого просилъ Державина командировать въ Петровскъ до ста

человѣкъ—какое ничтóжное число въ сравненіи съ тою толпою, которая шла за Пугачевымъ!

Петровскъ былъ взятъ, и Ивановъ уже не захватилъ Пугачева въ этомъ городѣ. Онъ поспѣшилъ за нимъ вслѣдъ и догналъ его уже на дорогѣ къ Саратову, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петровска. Какъ личность, уже извѣстная самозванцу, Ивановъ былъ „допущенъ къ его рукѣ,“ и, послѣ церемоніи цѣлованія руки у самозванца, докладывалъ ему обо всемъ, что онъ сдѣлалъ „для интересу ея императорскаго величества съ тѣхъ поръ, какъ Пугачевъ отпустилъ его отъ себя. Что онъ сдѣлалъ для этого „интересу“, намъ отчасти извѣстно, хотя, быть можетъ, онъ докладывалъ самозванцу и о такихъ подвигахъ, о которыхъ мы не могли ни откуда узнать. Пугачевъ спѣшилъ къ Саратову и Ивановъ недолго оставался при немъ: со старой своей шайкой и отчасти съ новыми охотниками онъ поворотилъ на Медвѣдицу, чтобъ оттуда пробраться въ донскія земли. Иванову, по видимому, хотѣлось быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ: онъ предпочиталъ дѣйствовать самостоятельно съ отдѣльнымъ отрядомъ, онъ находилъ для себя болѣе пріятнымъ чинить судъ и расправу своею собственною властію въ районѣ меньшаго размѣра, чѣмъ быть субъалтернымъ офицеромъ въ толпѣ самозванца. Хотя шайка его поубавилась значительно, потому что многіе ушли изъ нея къ Пугачеву и пошли къ Саратову, однако чѣмъ онъ шелъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивалась окружавшая его толпа крестьянъ. Скоро онъ снова увидѣлъ себя предводителемъ огромнаго отряда съ конницей и артилеріей, съ фуражомъ и собственной, весьма не малой казной. Волненіе охватило всѣ селенія петровскаго, пензенскаго и окрестныхъ уѣздовъ и не ути-

хало долго послѣ ухода Пугачева; шайка Иванова и отдѣльныя мелкія шайки со своими полковниками и есаулами бродили и безчинствовали надъ помѣщиками и ихъ имѣніями по селеніямъ: Бахметевкѣ, Андреевкѣ, Лысымъ Горамъ, Симоновкѣ, Безобразовкѣ, въ Баландинскомъ городкѣ, Монастырскомъ, Рельнѣ, Ѳедоровкѣ, Шереметевкѣ, Хоненевкѣ, Белгазѣ, Терсѣ, Березовкѣ, Пескахъ, Сердобѣ, Бакурахъ, Киселевкѣ, Сосновомъ, Козьмодемьянскомъ, Пенделкѣ, Аблязовѣ, Алексѣевкѣ, Карбулакѣ, Новиковкѣ, Матюшкинѣ, Казанлѣ, Одоевщинѣ, Жуковкѣ, Бурасахъ, Иткаркѣ, Киселевкѣ, Чадаевкѣ, Елани, Руднѣ, Жирномъ, Заевкѣ, Бурлукѣ, Уваровкѣ, Голицынѣ, Дубасовѣ, Пановкѣ, Сластухѣ, Головинщинѣ. Съ каждымъ изъ этихъ селъ связано какое либо болѣе или менѣе крупное или возмутительное дѣло: грабежъ, убійство изъ ружья, кіемъ, повѣшенье на висѣлицѣ, на воротахъ, на деревѣ — все это такъ и пестритъ въ каждой бумагѣ изъ времени Пугачевщины. Въ этихъ мѣстностяхъ мы вдругъ видимъ нѣсколькихъ полковниковъ *Ивановыхъ*, такъ что не всегда можно рѣшить, какому изъ Ивановыхъ принадлежитъ то или другое дѣло, который изъ нихъ отличался большимъ неистовствомъ въ отношеніи къ помѣщикамъ. Легкость организованія шаекъ объясняется тѣмъ, что впослѣдствіи, когда пожаръ разлился по нижнему Поволжью и когда Пугачевъ быстро бѣжалъ по направленію къ Царицыну, настигаемый Михельсономъ, *крестьяне сами избирали себѣ полковниковъ, атамановъ и есауловъ*, какъ это водилось между разбойниками, въ „понизовой вольницѣ“, и съ этими выборными начальниками грабили все, что имъ попадалось подъ руку. Оттого часто происходили такія стычки между разными полковниками и ихъ

шайками, какая была между Ивановымъ и Саврасовымъ въ Одоевщинѣ. Оттого полковники и есаулы—самозванцы, встрѣчаясь другъ съ другомъ, сѣкли плетьми и вѣшали слабѣйшихъ, о чемъ мы особо упомянули въ нашей статьѣ—„О Пугачевщинѣ“ (1). Когда въ описываемой мѣстности появились эти полковники *Ивановы*, то взбунтовались даже чуваши, находящіеся въ петровскомъ уѣздѣ, и также начали преслѣдовать помѣщиковъ: бѣжавшіе изъ своихъ имѣній дворяне и чиновники Кузнецовъ, Лутохинъ, Каракозовы, Ховринъ, Порѣцкій и другіе долго скитались изъ села въ село, ища спасенья, но чуваши пошли на нихъ облавой, какъ на дикихъ звѣрей; преслѣдуемые вооруженными чувашами, дворяне бросились въ лѣса, но чуваши и тамъ отыскали ихъ, ранили ихъ ружья Каракозова и раненаго схватили (2), а на другихъ подняли всѣ сосѣднія деревни и села, такъ что несчастнымъ некуда было скрыться и всѣ они сдались (3).

Но болѣе крупнымъ фактомъ въ похожденіяхъ шайки Иванова было убійство Лихарева, о которомъ и теперь сохранилось въ народѣ много разсказовъ. Изъ архивныхъ дѣлъ того времени видно, что узазомъ правительствующаго сената 28 марта 1774 года Лихаревъ назначенъ былъ воеводою въ Саратовъ. Въ августѣ онъ ѣхалъ на должность и везъ съ собой двоюродную свою сестру, дѣвушку Наталью Ивановну (дочь покойнаго генералъ-лейтенанта Ивана Михайло-

---

(1) Вѣстникъ Европы, 1866 г., т. I.

(2) Жену Каракозова, которая хотѣла скрыться въ Саратовѣ, взялся доставить туда одинъ крестьянинъ, но вмѣсто того завезъ ее въ оврагъ и въ лѣсу удавилъ.

(3) Всѣхъ этихъ плѣнныхъ предполагалось отправить къ Пугачеву, но жители с. Новыхъ Бурасъ выкупили ихъ.

*

вича Лихарева). По обычаю того времени, Лихаревъ ѣхалъ съ большимъ вооруженнымъ отрядомъ, состоявшимъ большею частію изъ дворовыхъ людей. Въ XVIII вѣкѣ ѣзда по Россіи была такъ небезопасна отъ разбойниковъ, что всякая поѣздка болѣе или менѣе богатаго или значительнаго лица представляла нѣчто въ родѣ похода или экспедиціи. Карету проѣзжаго всегда окружалъ отрядъ вооруженныхъ людей, которые при нападеніи разбойниковъ защищали своего господина. Эти предосторожности принимались и до Пугачевщины и послѣ нея. Но въ самый разгаръ Пугачевщины еще болѣе необходимо было запасаться вооруженными отрядами. Такимъ отрядомъ окруженъ былъ и Лихаревъ. Обозъ Лихарева былъ громадный: онъ слѣдовалъ на 54 лошадяхъ и поэтому можно себѣ представить, какъ великъ былъ поѣздъ (1).

Еще въ керенскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Уваровкѣ, на поѣздъ Лихарева напала партія пугачевцевъ и, при помощи крестьянъ сосѣднихъ селеній, начала было „вооруженною рукою грабежъ чинить“; но охранявшій Лихарева отрядъ не допустилъ до грабежа и разбилъ пугачевцевъ. Тогда пугачевцы оповѣстили крестьянамъ другихъ селеній, чтобъ они ѣхали съ ними, и новая, болѣе многочисленная толпа слѣдовала за Лихаревымъ по пятамъ. Когда поѣздъ Лихарева остановился для роздыха около села Белгазы, петровскаго уѣзда, толпа пугачевцевъ дала знать объ этомъ въ Белгазу и Пановку. Толпа пугачевцевъ росла все больше и больше. Дали объ этомъ знать и полковнику Иванову. Тотъ явился

---

(1) Надо замѣтить, что въ прошломъ вѣкѣ сильные міра сего вообще любили выѣзжать съ разорительною помпою (см. Шлёссера).

въ Белгазу и за нимъ послѣдовали даже тѣ, которые прежде не участвовали въ нападеніи на Лихарева. Поѣздъ этого послѣдняго былъ остановленъ, потому что онъ видѣлъ невозможность бороться съ такими силами, какими располагалъ Ивановъ. Когда воеводскій поѣздъ былъ остановленъ, къ Лихареву подъѣхалъ на конѣ Череватый, осьмидесятилѣтній старикъ, который привелъ съ собою въ шайку пятерыхъ сыновей своихъ.

— Кто господинъ обозу? закричалъ Череватый.

— Я, отвѣчалъ Лихаревъ.

Старикъ Череватый ударилъ его въ правый бокъ „дротикомъ“ (пикой казацкой), и Лихаревъ упалъ. Затѣмъ разбойники бросились на дѣвушку и застрѣлили ее изъ ружья. Тогда начался и грабежъ самаго обоза: все было взято и растащено; съ каретъ, въ которыхъ слѣдовалъ поѣздъ, обдирали сукно, тришъ, взяли все желѣзо, а остальное тутъ же сожгли. Убитую сестру Лихарева раздѣли до нага и бросили. Весь отрядъ Лихарева былъ, по приказанію полковника, остриженъ „въ кружало“, по казацки, и отправленъ къ Пугачеву, уже въ Царицынъ, какъ военный трофей (1).

---

(1) Въ числѣ пограбленныхъ у Лихарева вещей находилось до 60 образовъ въ золотыхъ, серебряныхъ — позолоченныхъ и съ бриліантами ризахъ итальянской работы, 54 лошади, 84 серебряныхъ ложки, 36 серебряныхъ вилокъ, 60 столовыхъ ножей съ серебряными черенками, 36 серебряныхъ десертныхъ ложекъ, 36 ножей серебряныхъ десертныхъ, серебряные кофейники, молочники, чайники, тарелки и цѣдилки, 4 серебряныхъ подноса вѣсомъ въ 5 фунтовъ и множество другихъ вещей, всего на 22,769 р. 90 коп. да 6,973 руб. деньгами, что для того времени составляетъ огромную сумму.

V.

Черезъ нѣсколько дней по убіеніи Лихарева мы встрѣчаемъ Иванова уже въ Баландинскомъ городкѣ, гдѣ онъ останавливался для роздыха. Ему уже оставалось сдѣлать нѣсколько переходовъ, чтобъ достигнуть земель войска донскаго, гдѣ, по доходившимъ до него слухамъ, пугачевскія толпы должны были встрѣтить радушный пріемъ. Въ Баланду Ивановъ въѣхалъ съ большею торжественностью. Посланные его оповѣстили баландинскихъ жителей, чтобъ они вышли къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью, не ради самаго полковника, а ради того, что онъ изображаетъ собою „зракъ царевъ“, т. е. является представителемъ особы самаго императора. Когда онъ въѣзжалъ въ городокъ верхомъ на конѣ, впереди его шелъ раскольничій старецъ съ крестомъ въ рукѣ и благословлялъ народъ. Принявъ изъ рукъ мѣстныхъ стариковъ хлѣбъ-соль, полковникъ прямо поѣхалъ къ церкви и велѣлъ оповѣстить священника, что онъ желаетъ отслушать обѣдню и служить благодарственный молебенъ за взятіе Пугачевымъ (т. е. его величествомъ Петромъ Ѳедоровичемъ) Саратова. Въ это время Саратовъ дѣйствительно былъ взятъ.

Толпа, слѣдовавшая за Ивановымъ, не могла не устрашить жителей Баланды. Равнымъ образомъ эта толпа внушила страхъ священнику. Торжественность въѣзда самозваннаго полковника увеличивалась еще и тѣмъ, что онъ велъ за собою толпу плѣнныхъ крестьянъ, которые навязаны были

на длинный канатъ и слѣдовали на этомъ канатѣ въ два ряда, какъ двѣ огромныя своры собакъ. Крестьяне за то подверглись гнѣву Иванова, что онъ захватилъ ихъ на грабежѣ одного хутора, лежавшаго не вдалекѣ отъ баландинскаго городка, въ которомъ никогда не жили помѣщики. Крестьяне грабили этотъ хуторъ не потому, чтобы жители его оказывали сопротивленіе или не хотѣли признавать мнимаго Петра III, а просто изъ желанія пограбить и безъ позволенія Иванова или кого нибудь другаго изъ пугачевскихъ „начальниковъ.“ Называя ихъ „измѣнниками“, Ивановъ рѣшился наказать ихъ въ страхъ другимъ и для поддержанія въ массѣ того мнѣнія о Пугачевѣ, что онъ государь милостивый и „крестьянамъ рачитель, супротивникамъ же дворянамъ губитель и праведный мститель.“

Отслужена была обѣдня съ водосвятіемъ. Во время обѣдни Ивановъ отдалъ приказъ, чтобы до окончанія молебна въ его толпѣ не слышно было ни пѣсенъ, ни ругательствъ: онъ запретилъ также пить вино во время службы. Молебенъ и водосвятіе совершены были на площади, такъ что весь народъ присутствовалъ на этомъ торжествѣ. Въ концѣ обѣдни объявили народу, что Петръ Ѳедоровичъ съ божіею помощію взялъ Саратовъ и намѣренъ преклонить подъ свою власть остальные города, подпавшіе „подъ злодѣйскую руку“ его противниковъ. За водосвятіемъ провозглашено было, какъ слѣдуетъ: „*побѣды благовѣрному государю нашему Петру Ѳедоровичу на супротивныя даруяй и твое сохраняй крестомъ твоимъ жительство.*“ Этому же Петру Ѳедоровичу и государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу „пропѣли многая лѣта.“ Во время многолѣтія въ толпѣ стрѣляли изъ пушекъ и ружей.

Для Пугачева и его сообщниковъ взятіе Саратова не могло не считаться большимъ торжествомъ. Этотъ городъ въ прошломъ вѣкѣ считался также въ числѣ большихъ городовъ, да и комендантъ его считался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ того времени. Конечно, Саратовъ въ прошломъ вѣкѣ не могъ равняться съ Казанью, но во всякомъ случаѣ онъ былъ многолюднѣе Оренбурга, на взятіе котораго Пугачевъ потратилъ всю зиму, не успѣвъ овладѣть городомъ. Саратовъ же взятъ былъ въ нѣсколько часовъ. Въ Саратовѣ предались ему нѣкоторые изъ начальствующихъ лицъ. Натурально, что извѣстіе о взятіи Саратова не могло не быть и для Иванова особенно пріятнымъ.

Послѣ торжества полковникъ велѣлъ вывести на середину площади своихъ плѣнниковъ, навязанныхъ на канатѣ. Ихъ было человѣкъ до тридцати. Полковникъ приказалъ принести лозы. Онъ объявилъ виновнымъ, что не хочетъ лишать ихъ жизни ради полученнаго отъ государя Петра Ѳедоровича извѣстія о томъ, что Саратовъ божіею помощію взятъ его войсками и приведенъ въ подданство („подъ скипетръ и корону,“ какъ обыкновенно выражались секретари самозванца); но „дабы другіе, взирая на нихъ (на провинившихся), впредь его вѣрноподданнымъ зла не причиняли и грабежу не касались,“ онъ приказываетъ наказать ихъ, „не лишая живота“. Такимъ образомъ всѣ провинившіеся были пересѣчены и взяты въ толпу Иванова.

Изъ баландинскаго городка Ивановъ повелъ свою шайку вдоль Медвѣдицы. Подходя къ границамъ войска донскаго, онъ встрѣтилъ большую толпу бѣгущихъ крестьянъ. Оказалось, что толпа эта также принадлежала къ шайкамъ Пугачева. Небольшая партія ихъ вошла въ земли донскихъ ка-

заковъ, но тамъ на нее напали казаки, и толпа эта бѣжала въ безпорядкѣ вверхъ по Медвѣдицѣ. Не зная что за народъ, Иваповъ самъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу съ нѣсколькими конными, стараясь, чтобъ они разсмотрѣли знамя, которое рядомъ съ Ивановымъ держалъ знаменоносецъ. Пугачевъ имѣлъ знамена бѣлыя съ вышитымъ на нихъ осьмиугольнымъ крестомъ, какія почитаются раскольниками. Такія же знамена были и въ шайкѣ Иванова. Поскакавъ на встрѣчу бѣгущимъ, полковникъ приказалъ поднять свое бѣлое полковое знамя, чтобъ они видѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Но бѣгущіе не останавливались.

Въ это время изъ-за лѣса показался отрядъ казаковъ, которые гнались за бѣгущими и кололи ихъ пиками. Иваповъ приказалъ своей конницѣ построиться въ ряды и ожидать казацкаго отряда. Отрядъ былъ безъ знамени. Казаки наскакали на шайку Иванова и остановились.

— Кто вы, закричалъ Ивановъ, и отъ кого посланы?

— А ты кто, злодѣй?

Ивановъ приказалъ поднять свое знамя.

— Вотъ кто я! сдавайтесь его императорскому величеству.

— Это Амелька Пугачевъ, закричалъ кто-то изъ казаковъ, и весь отрядъ бросился бѣжать.

— Гони ихъ, лови! бей!...

Конница Иванова бросилась за бѣгущими.

— Я вамъ дамъ знать Амельку Пугачева, кричалъ Ивановъ, стрѣляя въ казаковъ.

Нѣкоторые изъ бѣгущихъ были ранены и взяты въ плѣнъ. Другіе ушли отъ погони. Взятые въ плѣнъ были большею частію молодые казаки, „выростки“, едва только вступившіе въ полевую службу.

— Кто васъ послалъ противъ меня? спрашивалъ Ивановъ.

— Насъ послали станичный атаманъ и казаки.

— А знаете, кто я?

Тѣ отвѣчали, что не знаютъ.

— Я полковникъ службы его императорскаго величества.

Послѣ этого Ивановъ приказалъ взятыхъ имъ „выростковъ“ поверстать въ службу и привести ихъ къ присягѣ. Но узнавъ отъ своихъ плѣнныхъ, что верховыя станицы войска донскаго охраняются отрядами донскаго походнаго атамана Луковкина, Ивановъ съ Медвѣдицы поворотилъ на Иловлу, ближе къ Волгѣ и слѣдовательно ближе къ главнымъ силамъ самозванца.

Въ войскѣ донскомъ, дѣйствительно, были приняты предосторожности. Войско это располагало притомъ такими силами, которыми не могли располагать другія губерніи. Но въ то же время положеніе дѣлъ было весьма сомнительнаго свойства. Всѣ казаки большею частію склонялись на сторону самозванца. Яицкіе казаки были главными зачинщиками и руководителями возмущенія; главными предводителями въ его войскѣ были яицкіе старшины; на волжское войско также трудно было разсчитывать, какъ это и подтвердилось на самомъ дѣлѣ: волжское войско вступило въ службу самозванца и образовало особый полкъ подъ названіемъ „дубовскаго его императорскаго величества полка.“ Дѣла приняли бы опасный для Россіи оборотъ, еслибъ и донскіе казаки послѣдовали примѣру казаковъ яицкихъ и волжскихъ. Опасность эта увеличивалась еще и тѣмъ, что многіе донскіе казаки уже служили у Пугачева; нѣкоторые отряды ихъ присоединились къ самозванцу еще около Саратова. Донскіе ка-

заки постоянно посылали гонцовъ узнать, дѣйствительно ли таинственная личность, взволновавшая весь юго-востокъ Россіи, никто другой, какъ государь Петръ Ѳедоровичъ. Самъ Пугачевъ очень хорошо понималъ важность союза съ донскими казаками, потому что постоянно засылалъ къ нимъ указы и письма. Самозванецъ разсчитывалъ пробраться или на Кубань, или на Донъ—вотъ двѣ дороги, которыя лежали передъ нимъ.

Но сверхъ всякаго ожиданія донцы оказались вѣрными слугами своей государыни. О подвигахъ донцевъ во время Пугачевщины есть особая монографія г. Сенюткина, напечатанная въ „Современникѣ“. Но въ этой монографіи не исчерпаны всѣ обстоятельства, относящіяся къ участію донскихъ казаковъ въ подавленіи пугачевскаго возмущенія. Однимъ словомъ, на Дону приняты были дѣятельныя мѣры къ отраженію Пугачева. Имена Денисовыхъ, Грековыхъ, Луковкина (Абросима), Манкова, Поздѣева, Лысенкова, Кутейникова, Себрякова, Кульбакова, Конькова, Янова, Вуколова, Иловайскаго, Грецова, Лащилина, Карпова, Платова, Уварова, Харитонова и другихъ, записанныя въ архивныхъ бумагахъ этой эпохи, заслужили право на историческое безсмертіе.

Какъ бы то ни было, но вѣсть о принятыхъ донскими казаками предосторожностяхъ, заставила Иванова быть осмотрительнѣе. Это не то уже было, что въ русскихъ приволжскихъ губерніяхъ: тамъ можно было пройти сотни верстъ, брать городъ за городомъ, жечь село за селомъ и не встрѣтить ни съ которой стороны отпора. Здѣсь же шайка Иванова и шайка ему подобныхъ полковниковъ то и дѣло имѣли стычки съ донскими казаками. Вотъ что писалъ войсковой старшина Кульбаковъ походному атаману Абросиму Лу-

ковкину въ половинѣ августа: „Какъ уже извѣстнаго государственнаго злодѣя Пугачева толпы къ нашимъ жилищамъ приближались, то сдѣлавъ нападеніе на Ѳедора Каменнаго хуторъ (1) и пріѣхавшаго къ оному хутору Якова Каменнова, который отъ меня для поимки разбойника Ястребова былъ посланъ, со всею при немъ командою разбили, и какъ сего, Каменнова, также и хутора того хозяина Василья Каменнова жъ и Островской станицы казака Дмитрія Дронова тѣ злодѣи близъ того хутора переловя повѣсили, а другіе, найдя способъ, разбѣжались; а со мною такъ мало казаковъ, что и станицъ здѣшнихъ защищать не кѣмъ, потому что нижнія медвѣдицкія пять станицъ при г. полковникѣ Себряковѣ, которыхъ, по двумъ отъ меня требованіямъ, и понынѣ не прислалъ, и по таковой опасности Березовская станица въ осаду засѣла, и уповательно, что и слобода Даниловка разорена. Вышеписанный же злодѣй и варваръ Пугачевъ съ толпами своими находится близъ города Дмитревска и оной уже достаетъ, а, по объявленію выбѣгшаго отъ него злодѣя, съ полону взятаго при Саратовѣ Кременской станицы казака Евтѣя Кручинина, который самъ отъ него, злодѣя, слышалъ и удостовѣряетъ, если достанетъ Дмитревскъ, то намѣреніе имѣетъ идти и взять Царицынъ, и какъ можно пробратца сквозь Линію и иттить за Кубань. И по таковымъ несчастнымъ обстоятельствамъ благоволите, ваше благородіе, какъ возможно со всѣми находящимися при

---

(1) Каменновъ хуторъ на Черной рѣчкѣ впадающей въ Медвѣдицу: это—первой и крайній донской хуторъ, въ 22 верстахъ отъ первой и крайней донской станицы Березовской и въ 7 верстахъ отъ слободы Даниловки.

васъ Бузулуцкихъ станицъ казаками къ Березовской станицѣ прибытіемъ поспѣшить, какъ для преслѣдованія того злодѣя и тирана, а равно чтобъ и здѣшнія станицы тѣми злодѣйскими толпами разорены не были. О чемъ отъ меня старшинѣ Вуколову сообщено.“

Вообще эти мѣры, принятыя донскими казаками, замедляли движенія Иванова и другихъ шаекъ, пошедшихъ по Медвѣдицѣ въ донскія земли и къ Воронежу. Дѣйствія ихъ по необходимости должны были сдѣлаться осторожнѣе. Нужно было постоянно развѣдывать, нѣтъ ли гдѣ засады, нужно было доставать языковъ, о чемъ прежде пугачевцы и думать не хотѣли. Между тѣмъ шайки ихъ, по переходѣ донскихъ границъ, не могли уже пополняться новыми толпами такъ успѣшно, какъ они пополнялись въ „русскихъ“ губерніяхъ: тамъ за бѣлыми знаменами шло все крестьянство, потому что тамъ были и помѣщики, и крестьяне; здѣсь уже крестьянъ не было, потому что не было и помѣщиковъ, а были только казаки, большею частью люди, обязанные службою и способные носить оружіе. Борьба съ казаками была не легкая. Казаки сами постоянно разузнавали о положеніи дѣлъ—одни изъ желанія поступить въ полчища самозванца, другіе изъ желанія биться съ нимъ. И Пугачевъ и его полковники сами понимали это и потому старались заручиться такими выгодными союзниками, какъ донцы.

Ивановъ находился въ перѣшимости. Не зная, гдѣ самозванецъ и въ какомъ положеніи его дѣла, а въ тоже время опасаясь засады со стороны Луковкина, Манкова и другихъ предводителей донскихъ отрядовъ, Ивановъ отправилъ соглядатаевъ къ Волгѣ, а другихъ послалъ въ донскія станицы. Одинъ изъ посланныхъ въ донскія станицы пропалъ безъ

вѣсти; другой воротился съ нерадостными вѣстями: вездѣ онъ слышалъ толки о самозванцѣ, но толки такого свойства, что при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ все войско можетъ пойти на Пугачева. Говорили даже о томъ, будто Пугачевъ на голову разбитъ донскими полковниками Кутейниковымъ и Грековымъ при рѣкѣ Пролейкѣ. Безъ сомнѣнія, слухъ этотъ основанъ былъ на томъ извѣстіи, которое мы нашли въ донесеніи войску донскому отъ станичнаго атамана Качалинской станицы и казаковъ отъ 17 августа. „Сего числа (писали качалинскіе казаки) получено нами извѣстіе отъ присланнаго отъ полковниковъ Кутейникова и Грекова отъ казака Макѣя Гласкова, что сего августа 16 дня, встрѣтясь съ ними вольскаго войска, въ урочищѣ рѣчкѣ Пролейкѣ, государственный злодѣй и бунтовщикъ Пугачевъ, со всею его набранною толпою, а они полковники Кутейниковъ и Грековъ соединясь съ легкою полевою командою, не убоясь того злодѣя Пугачева, а особливо наблюдая свою присяжную должность, стремительнымъ образомъ сочиня съ нимъ баталію и разбивъ, толпы его до нѣсколько побито да въ полонъ взято тожъ; а по допросу оныхъ полоненныхъ, всей толпы съ нимъ, Пугачевымъ, тысячъ до пяти, да и по видимому ими, полковниками, тоже небольшое число; а хотя онъ злодѣй разбитъ, но только съ оставшею его толпою слѣдуетъ къ городамъ Царицыну и Дубовкѣ, и приказано отъ нихъ, полковниковъ, намъ станицѣ къ войску донскому дать знать. Того ради вашему высокоблагородію и войску донскому за извѣстіе симъ репортуемъ.“

Донесеніе это — нѣсколько хвастовское — не могло не надѣлать шуму во всѣхъ станицахъ. Пугачевъ не былъ разбитъ при

Пролейкѣ, хотя стычки и были между частями его войска и отрядами Кутейникова и Грекова. Пугачевъ, напротивъ, шелъ пока еще побѣдителемъ. Правительственные отряды, вышедшіе къ нему на встрѣчу, были разбиты и храбрый полковникъ фонъ-Дицъ былъ убитъ. Пугачевъ не считалъ выгоднымъ останавливаться падолго и потому онъ, стремительно слѣдуя къ югу, не считалъ даже нужнымъ сражаться съ кѣмъ бы то ни было, потому что сражаться было не съ кѣмъ, а если какіе либо правительственные отряды и нападали на его толпы, то опрокидывалъ ихъ, можно сказать огрызаясь отъ этихъ нападеній, какъ преслѣдуемый левъ. Кутейниковъ и Грековъ, дѣйствительно, нѣсколько преувеличили свой храбрый подвигъ; однако разнесшіяся по донскимъ станицамъ вѣсти объ этой битвѣ были не совсѣмъ благопріятны для самозванца и, само собою разумѣется, не могли не смутить Иванова и другихъ самозванныхъ полковниковъ, которые не знали ничего вѣрнаго о положеніи дѣлъ въ арміи Пугачева.

Встревоженный этими слухами и не получая извѣстій отъ самозванца, Ивановъ, наткнувшись на казацкіе разъѣзды въ верховьяхъ рѣчки Иловлы, поворотилъ назадъ въ степи и перешелъ опять на правую сторону Медвѣдицы, желая направить свое шествіе ни Бузукъ, по направленію къ Воронежу, куда еще изъ Саратова самозванецъ отправилъ значительну партію, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до девяти тысячъ человѣкъ (1).

---

(1) Въ донесеніи войсковаго старшины Поздѣева отъ 16-го августа мы читаемъ: «Сего августа 15-го дня полученъ мною Иловлинской станицы отъ казака Семена Аликова рапортъ, въ кото-

VI.

Въ то время, когда Иваповъ, не получая извѣстія отъ своихъ агентовъ о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла Пугачева, повелъ свою шайку по направленію къ Бузулуку, самозванецъ вступилъ уже въ предѣлы волжскаго войска. Земли волжскаго войска начинались ниже города Дмитріевска (нынѣ Камышинъ) и, гранича съ землями войска донскаго, на югѣ оканчивались такъ называемою „Линіею“ (царицынскою), устроенною между Волгою и Дономъ для защиты внутреннихъ губернія отъ кубанцевъ и другихъ народовъ, кочевавшихъ къ сѣверу отъ Кубани. На этой линіи устроены были крѣпости (какъ напримѣръ: Грачевская, Сакарская, Мечетная) и форпосты. Главнымъ городомъ волжскаго войска была Дубовка, гдѣ находилось войсковое правленіе и жили войсковые атаманы.

Самозванцу, конечно, выгодно было заручиться помощью волжскаго войска. Эта заручка могла скорѣе подвинуть и донское войско на союзъ съ Пугачевымъ.

ромъ предписываетъ, что въ бытность его на сѣнокосѣ, въ урочищѣ Вольскаго войска, противъ Балыклейской станицы, на рѣчкѣ Иловлѣ, пріѣзжали къ нему ночнымъ временемъ отъ государственнаго злодѣя и бунтовщика Пугачева партія пять человѣкъ и начали спрашивать: «кому служишь?» А онъ, Аликовъ, напротивъ того, убоясь оныхъ, сказалъ, что «служу Богу и государю.» И между разговорами они сказали, что партія его ходитъ по рѣчкѣ Иловлѣ съ табунами, всего сто человѣкъ; а еще-де отъ него злодѣя Пугачева пошли партіи на Медвѣдицу и Воронежъ, всего, числомъ девять тысячъ человѣкъ.»

Въ числа находящихся у насъ подлинныхъ документовъ изъ времени Пугачевщины есть показаніе одного волжскаго казака, Черникова, родомъ изъ Антиповской станицы, записанное съ его словъ ночью 21-го августа, именно въ день осады самозванцемъ Царицына. Мы приведемъ это показаніе дословно, какъ драгоцѣнный документъ той эпохи, въ которомъ находятся въ высшей степени любопытныя подробности о приходѣ Пугачева въ волжское войско ([1]).

„О извѣстномъ государственномъ злодѣя и измѣнникѣ Пугачевѣ съ его злодѣйскою толпою, какъ въ нашу станицу доходили слухи, что онъ, злодѣй, слѣдуя, разоряетъ города и протчія жилища, въ томъ числѣ Саратовъ, и наконецъ и Дмитревскъ, мы (говорилъ Черниковъ), разсуждая, неоднократно собирались на сборъ къ принятію отъ него, злодѣя, предосторожности, которую и наблюдали; а наконецъ 13 августа, яко то въ среду, по бытности моей въ хуторѣ своемъ, прозываемомъ Саламатинымъ, пріѣхавъ туда станищный старшина Иванъ Никифоровъ, объявилъ мнѣ и всѣмъ въ тѣхъ хуторахъ живущимъ казакамъ, что въ станицу нашу отъ самозванца Пугачева прислано письмо, въ коемъ де онъ пишетъ, чтобъ ему безъ супротивленія сдались, угражива я, естли не склонимся, всѣхъ вырубить и жилища выжгить, для чего къ согласію и велѣлъ всѣмъ съѣзжаться въ станицу. По каковой повѣсткѣ я какъ въ четверхъ поутру пріѣхавъ въ станицу, то уже въ станицѣ

([1]) Подробностей этихъ нѣтъ ни у Пушкина (Исторія Пугачевскаго Бунта), ни у Щебальскаго, который, какъ видно, имѣлъ подъ руками только часть этого документа (Начало и характеръ Пугачевщины), ни въ нашей «Пугачевщинѣ», ни въ другихъ изданныхъ матеріалахъ описываемой нами эпохи.

нашей на пристанѣ находилось большое судно, прибывшее сверху по Волгѣ съ разною изъ толпы злодѣйской, до тысячи человѣкъ изъ каторжныхъ, у коихъ и ноздри рваны и клеймены, сволочью, которые уже, ходя по станицы, грабили дома, а слухъ былъ, что и самъ злодѣй съ толпою въ близости, почему, сбираясь всѣ мы раза съ три въ одно мѣсто, разсуждали, что въ такомъ случаѣ чинить—противу-ли злодѣя иттить, или побѣгомъ спасаться, или же склониться къ нему, злодѣю, и напослѣдокъ всѣ, будучи въ страхѣ, сожалѣя женъ своихъ, дѣтей и имущество, согласились, по малоимѣнію къ сопротивленію людей, къ нему склониться, и для того мы, человѣкъ до сороку, взявъ съ собою три знамя, собравшись, того злодѣя, слѣдующаго уже со всею своею толпою прямо къ нашей станицѣ верстъ за семь встрѣвъ, *по наученію яицкихъ казаковъ, пьшіе, на колѣняхъ, ему поклонились, съ приглашеніемъ своихъ знаменъ;* при чемъ многіе изъ насъ, по тому-жъ наученію, *цѣловали злодѣйскую его руку.* А что при томъ онъ, злодѣй, съ стариками нашими, прозываемыми Забурунными, и другими казаками разговаривалъ, я не слышалъ; а за станицею и всѣ вышедшіе, отъ старова до малова, мужска и женска пола, съ образами и колокольнымъ звономъ, по тому-жъ его, злодѣя, ѣхавшаго верхи на цѣгой лошади, иноходан, также сидя всѣ на колѣняхъ, встрѣтили-жъ; а онъ, злодѣй, верхи, поцѣловавъ у попа крестъ, прямо въѣхалъ въ станицу, и въ домъ нашей станицы казака Родіона Осипова Забурунова съ своими злодѣйскими начальниками обѣдалъ, а бывшихъ къ пріѣзду его въ станицу нашу изъ судна толпы его злодѣевъ, которые грабили по домамъ пожитки и хлѣбъ и

взяли на то судно станищную нашу чугунную пушку да боченокъ пороху, всѣхъ изъ станицы выслалъ.

„Между тѣмъ одинъ бывшій въ нашей Караванской станицѣ казакъ, прозываемой Пряниишниковъ, за выговариванные только о злодѣѣ, при разговорѣ съ другимъ казакомъ, сіи рѣчи, что *„онъ не государь, а душалъ пашимъ пагубникъ“*, по приказу его злодѣйскому яицкими казаками повѣшенъ; бывшіе-жъ въ станицѣ нашей для битія каменьевъ каторжные, двадцать человѣкъ, освобождены и отосланы къ таковымъ же каторжнымъ на судно, а находившійся при нихъ порутчикъ и солдаты, болѣе двадцати, злодѣемъ въ толпу забраты и обрѣзаны у нихъ волосы по казацки.

„Пообѣдавши-жъ онъ, злодѣй, приказалъ станищному нашему атаману Ивану Платонову, забравъ съ собою всѣхъ станищныхъ старшинъ, есаула и казаковъ, въ томъ числѣ и меня, съ станищными знаменами слѣдовать съ нимъ, злодѣемъ. Почему всѣхъ насъ выступило съ нимъ, злодѣемъ, человѣкъ до сороку, а отшедъ отъ нашей станицы, и судно съ злодѣйскою толпою внизъ по Волгѣ отправилось, а сволочь злодѣйская, вступя въ станицу, все имѣніе наше пограбила, какъ и всѣ наши хутора безъ остатка ими разорены. А намѣреніе онаго злодѣя было, чтобъ иттить въ Караванскую и Балыклеевскую станицы, а оттуда въ городъ Дубовку и Царицынъ, а изъ Царицына на Донъ.

„По переночеваніи-жъ на той рѣчкѣ Балыклеѣ, поутру въ пятницу, 15-го числа, онъ, злодѣй, съ толпою и съ нами отправился къ Караваевской станицѣ, а на пути и всѣ съ Караваевской и Балыклеевской станицъ казаки къ нему жъ, злодѣю, за препровожденіемъ посланной за ними злодѣйской толпы, пріѣхали.

*

„На самомъ же семъ походѣ, по приказу злодѣйскому, станищной нашъ атаманъ Иванъ Платоновъ, нарядя меня да другаго казака Кирсана Тарасова, обоихъ насъ представилъ къ злодѣю, ѣхавшему верхи на лошади; а онъ, злодѣй, подавъ намъ державной имъ злодѣемъ, въ своихъ рукахъ запечатанный комвертъ, назвавъ письмомъ, велѣлъ отвесть на Медвѣдицу, въ Березовскую станицу; а потомъ, взявъ оной обратно въ свои руки, приказывалъ намъ отвесть на Донъ, въ Иловлинскую станицу. А какъ на томъ письмѣ надпись была въ Березовскую станицу, то онъ, злодѣй, приговаривая, что въ Иловлѣ будутъ сомнѣваться и не распечатаютъ, велѣлъ писарю своему, яицкому казаку, имѣющему у себя большую рыжую бороду, перечистя, переправить на Иловлинскую станицу, который писарь, отъѣхавъ къ телѣгѣ, и переправилъ, и намъ препоручилъ, съ тѣмъ, какъ злодѣй намъ приказывалъ, чтобъ отвесть то письмо въ тую Иловлинскую станицу, и, въѣхавъ прямо въ домъ той станицы казака Федора Аликова, то письмо ему подать, а онъ де можетъ оное объявить станищному своему атаману и казакамъ, съ которымъ письмомъ послѣ полденъ въ пятницу и отправились въ путь. А въ субботу 16-го числа, въ обѣды, пріѣхавъ мы въ ту Иловлинскую станицу, въѣхали прямо во дворъ къ означенному казаку Аликову, и, подавъ ему, бывшему въ домѣ съ своею семьею то злодѣйское письмо, объявили, что оно къ нему съ нами прислано отъ самозванца, о которомъ онъ, Аликовъ, спросилъ, гдѣ онъ находится, на что мы и сказали ему, что отправился къ Караваевской станицѣ. Онъ же, Аликовъ, тотчасъ съ тѣмъ письмомъ пошелъ къ станищному своему атаману, послѣ чего онъ, Аликовъ, съ протчими казаками, взявъ обоихъ насъ, предста-

вили находившемуся близъ станицы ихъ въ полверсты лагиремъ старшинѣ Василью Манкову, а онъ, Манковъ, взявъ насъ подъ караулъ, отправилъ въ Качалинскую станицу, а оттуда отосланы товарищъ мой Тарасовъ въ Царицынъ, а я къ войску донскому въ Черкаскъ.

„При отправленіи же насъ злодѣемъ съ письмомъ, отъ него намъ другого приказанія, чтобы ѣхать въ другія донскія станицы и чинить объ немъ разглашеніе, не было, а приказывалъ только, чтобъ отвесть то письмо и, отдавъ казаку Аликову, назадъ къ нему возвратиться, точію де обое мы къ возвращенію вовсе намѣренія не имѣли, и никакого нигдѣ о томъ злодѣѣ разглашенія не чинили, и, кромѣ казака Аликова, ни въ которую станицу и ни къ кому не въѣзжали, да и по пріѣздѣ къ Аликову никакихъ къ сообщенію о злодѣѣ рѣчей не говорили, а, называя его злодѣемъ, упоминали, что онъ всѣ наши жилища разорилъ и имѣніе пограбилъ, какъ намъ, при отъѣздѣ отъ злодѣя съ письмомъ, на одинѣ нашей станицѣ казакъ Родіонъ Забурунновъ сказывалъ такія слова, чтобъ мы, будучи въ донскихъ станицахъ, увѣряли всѣхъ, что оной злодѣй точно самозванецъ и варваръ.

„Въ толпѣ-жъ его, злодѣя, видѣлъ я яицкихъ казаковъ до трехъ сотъ, а сверхъ того разная сволочь, какъ-то: казанскіе татары, лакеи, крестьяне, ссылочные и прочая сволочь, коихъ всѣхъ какъ тысячъ до шести, а только почесть оружейныхъ тысячи съ двѣ, а то все безъ всякихъ оружей, и многіе ѣдутъ въ телѣгахъ, коихъ, тоже колясокъ и берлиновъ, въ обозѣ его состоитъ многое число и болѣе пяти сотъ, въ коемъ обозѣ многое число женъ и обоего пола дѣтей. Да слышалъ я въ той толпѣ, что изъ Саратова, по

разоренiи онаго, отправлены отъ него, злодѣя, двѣ партiи, одна къ рѣкѣ Медвѣдицѣ, а другая, по переправленiи черезъ Волгу, на луговую оной сторону, *при предводителѣ*, одна, что за Волгою, *родомъ арапъ*, съ тѣмъ, чтобъ сей заволоцкой партiи сообщиться съ нимъ, злодѣемъ, у Царицына; во многомъ же тѣ партiи числѣ, изъ какихъ людей, и куда точно отправлены, и гдѣ находятся, я не слышалъ. При злодѣйской же толпѣ видѣлъ я шесть мѣдныхъ походныхъ пушекъ и при нихъ изъ солдатъ въ казацкомъ платьѣ канонировъ, да захваченныхъ злодѣемъ въ Петровскѣ и Саратовѣ донскихъ и нашихъ волскихъ казаковъ, распредѣленныхъ по злодѣйскимъ полкамъ, какъ и мы опредѣлены были въ полкъ волскаго войска казака Ивана Козьмина, взятаго злодѣемъ въ Петровскѣ. Да слышалъ я подлинно, что имъ, злодѣемъ, городъ Дмитревскъ весь разоренъ и комендантъ Касперъ Мерлинъ да одинъ капитанъ Агишевъ сколоны. А о заключенномъ съ Отоманскою Портою мирѣ хотя въ толпѣ злодѣйской и слышно, но какъ де онѣ яицкимъ казакамъ о томъ мирѣ въ разговорѣ скажутъ, то онѣ бранятъ ихъ матерно, смѣютца, говоря такъ: „*вотъ де-помирились*!“

„Злодѣй же, какъ я его на свои глаза точно видѣлъ, примѣтами росту средняго, тонокъ, плечистъ, круглоликъ, смуглъ, конопатъ (съ веснушками), волосы на головѣ, усахъ, бровяхъ и бородѣ русые, съ малою сѣдиною, а борода небольшая, носъ съ небольшою на немъ горбиною, конецъ его къ верху загнулся и кожа лупится. Что же при немъ жена и дѣти находятся, того я не слышалъ, а только при злодѣѣ видѣлъ одну женку въ нѣмецкомъ платьѣ, съ сыномъ лѣтъ осьми, да трехъ въ такомъ же платьѣ взрослыхъ дѣвокъ.“

Въ этомъ любопытномъ документѣ для насъ непонятно одно обстоятельство, которое мы не могли разъяснить себѣ съ помощью всѣхъ имѣющихся у насъ матеріаловъ изъ разсматриваемой нами эпохи: Черниковъ говоритъ, что по слухамъ, которые онъ успѣлъ схватить въ толпѣ самозванца, Пугачевъ отправилъ изъ Саратова двѣ партіи, одну на Медвѣдицу и Воронежъ, другую за Волгу, *подъ предводительствомъ* какого-то начальника, *родомъ арапа.* О первой партіи мы имѣемъ разнообразныя свѣдѣнія: къ этой партіи, конечно, принадлежала и шайка Иванова; всей партіи, отправленной въ Медвѣдицу и Воронежъ, считалось тысячъ до девяти (см. послѣднюю цитату предшествовавшей главы). Кто же былъ этотъ предводитель „родомъ арапъ,“ послѣдовавшій съ другою партіей за Волгу, мы не знаемъ. Документъ этотъ, т. е. показаніе казака Черникова, разъясняетъ намъ и то обстоятельство, какимъ образомъ поддалось самозванцу волжское войско, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему мнѣнію, можетъ служить комментаріемъ одного мѣста въ „Исторіи походовъ Суворова“, г. Антинга, который говоритъ о пышномъ пріемѣ Пугачева однимъ изъ начальниковъ волжскаго войска, хотя г. Антингъ и относитъ мѣсто пированья самозванца у этого начальника къ г. Камышину, а не къ станицѣ Антиповской (1). Обѣдалъ Пугачевъ, вѣроятно, у

---

(1) „En passant à Demitrowska (Камышинъ), les cosaques du Don le (т. е. Пугачева) quittèrent pour un sujet, qu'il fit naître lui-même. Il y fut somptueusement traité par un chef des cosaques du Wolga, qui s'y trouvaient cantonnés, — tous les autres avaient fui à son approche. Tandis que les convives étaient en pleine ivresse, les cosaques d'Uralsk avaient decouvert quelques canons appartenant aux cosaques du Wolga qui étaient cachés, et sur l'assurance, qu'ils en

Забурунова, о которомъ говоритъ Черниковъ, и велѣлъ повѣсить казака Прянишникова, который произнесъ, что Пугачевъ „не государь, а душамъ нашимъ пагубникъ“ (1), но не самого хозяина дома (son hôte), какъ говоритъ Антингъ.

Слѣдовательно, Пугачевъ былъ уже въ землѣ волжскаго войска, когда Ивановъ перевелъ свою шайку опять на правый берегъ Медвѣдицы, намѣреваясь направиться въ бузулуцкія степи, къ Воронежу. Уже за Медвѣдицей нагнали его посланные, которыхъ онъ отправилъ для развѣдыванія о томъ, гдѣ самозванецъ и въ какомъ положеніи его дѣла. Посланные сообщили Иванову, что за „разъѣздными командами,“ они не могли пробраться къ самому Пугачеву, а слышали отъ казаковъ съ иловлинскихъ хуторовъ (вѣроятно, волжскаго войска), что государь идетъ уже къ Царицыну и „въ самоскорѣйшемъ времени оный городъ достанетъ.“

— А волжское войско (говорили посланные) батюшкѣ-царю знамена пригнуло безъ сомнѣнія.

Когда же Ивановъ спрашивалъ о донскомъ войскѣ, посланные отвѣчали:

— Послалъ-де, сказываютъ, государевъ указъ на Донъ, токмо-де донскіе казаки того государева указа не слушаютъ.

— И то они дѣлаютъ себѣ на погибель, замѣтилъ полковникъ.

---

donnèrent à Pougatschew, son hôte fut tout de suite massacré inhumainement à coup de lance.“ Les compagnes du comte Souvoroff-Rymnikski, p. 158.

(1) У г. Щебальскаго (Начало и характеръ Пугачевщины, стр. 111—112), есть это мѣсто, но оно передано ошибочно: онъ-де не государь, а душамъ нашимъ погибнуть». Мѣсто это, вѣроятно, не разобрано г. Щебальскимъ въ рукописи, изъ которой имъ взято (изъ архива военнаго минист., въ Москвѣ).

— Сказывали иловлинскіе казаки, что и царицѣ-де послана разводная, и велѣно ей въ монахини постричься.

Вмѣстѣ съ тѣмъ посланные говорили Иванову, что иловлинскіе казаки видѣли и самый указъ царскій о томъ, чтобы волжское войско учинило ему достойную встрѣчу.

Изъ архивныхъ дѣлъ того времени видно, что Пугачевъ имѣлъ обыкновеніе посылать предувѣдомленіе о своемъ приходѣ въ тотъ городъ или село, куда онъ намѣренъ былъ направить свое шествіе, съ тѣмъ, чтобы жители приняли его, какъ законнаго государя. Тоже дѣлали иногда и начальники отдѣльныхъ шаекъ самозванца, какъ полковникъ Ивановъ, о чемъ мы и говорили выше. Вступивъ въ крайнюю станицу волжскаго войска, въ Караваинскую, самозванецъ отправилъ указъ въ станицу Антиповскую. Редакція этого указа довольно плохая: видно, что все дѣлалось спѣшно, на бѣгу, какъ это и видно изъ показанія Черникова, который гововилъ, что писарь Пугачева исправлялъ письмо самозванца на ходу, „отъѣхавъ къ телѣгѣ.“

„Божіею милостію (говорится въ этомъ указѣ), мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая. Антиповской станицы господину атаману Ивану Платонову, старшинамъ и всей Антиповской станицѣ объявляетца во всенародное извѣстіе. Уповательно вся Россія не безъизвѣстна, которая уже большая половина подъ скипетромъ и корону нашу добропорядочнымъ образомъ склонилась, и признавъ насъ и обстоятельно увѣрясь о точномъ нашемъ имени, а особливо не только донскаго и волскаго войска оказываютъ въ нашей службѣ ревность и усердіе, того ради и вамъ господину атаману Платонову съ войскомъ посылаемъ всемилостивѣйшій нашъ именной указъ съ монаршимъ и отече-

скимъ милосердіемъ, и повелѣваемъ, по прибытіи нашемъ съ арміею, учинить пристойное стрѣтеніе, понеже завтра въ половину дня прибыть имѣемъ, для чего быть готовымъ въ нашу службу, а злодѣевъ дворянъ стараться искоренять. Въ вѣрность чего, за подписаніемъ собственной нашей руки и съ приложеніемъ короне, сей указъ данъ августа дня 1774 года. Петръ.“

Такимъ образомъ, получивъ благопріятныя извѣстія о положеніи дѣлъ главнаго скопища, предводительствуемаго самимъ Пугачевымъ, предводители отдѣльныхъ шаекъ въ родѣ Иванова могли дѣйствовать смѣлѣе, разсчитывая на популярность имени самозванца.

VII.

Пока донской походный атаманъ Луковкинъ, полковникъ Серебряковъ и войсковые старшины Кульбаковъ и Вуколовъ приводили въ возможно-полный комплектъ свои отряды и стягивали ихъ къ мѣстамъ, наиболѣе угрожаемымъ толпами пугачевцевъ, шайка Иванова снова вступила въ донскія земли, которыя въ верховьяхъ медвѣдицкихъ и безулуцкихъ станицъ были населены весьма мало, такъ что всегда давали и въ прежнее время возможность дѣйствовать разбойничьимъ шайкамъ и укрываться въ медвѣдицкихъ лѣсахъ. Пройдя Каменновъ хуторъ, шайка безпрепятственно подошла къ слободѣ Даниловкѣ. Слобода эта населена малороссіянами, которые въ прошломъ столѣтіи цѣлыми обществами переселялись въ земли войска донскаго и въ Поволжье. Въ настоящее время слобода эта имѣетъ нѣсколько тысячъ душъ.

Въ имѣющихся у насъ дѣлахъ мы не могли найти подробностей о взятіи пугачевскою шайкой Даниловки, но въ самой Даниловкѣ намъ удалось слышать много подробностей весьма характерныхъ, о пребываніи тамъ этой шайки. Въ разсказахъ, по обыкновенію, упоминается о томъ, что предводитель шайки въѣзжалъ въ слободу на конѣ, „верхи.“ Хотя предводителя этого и называютъ *Пугачемъ*, однако нѣтъ сомнѣнія, что въ разсказѣ принимается за самаго самозванца просто пугачевскій полковникъ. Около него, тоже верхами, ѣхали другіе конные, принадлежавшіе къ шайкѣ. Во время вшествія шайки въ слободу „дзвоны дзвонили, якъ на великдень,“ т. е. какъ на пасху. Впрочемъ въ слободу входила не вся шайка, а только часть, а остальная толпа народа расположилась за слободою таборомъ, и оттуда, съ разрѣшенія полковника, нѣкоторые приходили въ слободу за провизіей. Полковникъ остановился въ домѣ управляющаго слободою, который волей-неволей долженъ былъ уступить помѣщеніе для такого дорогаго и опаснаго гостя, а самъ бѣжалъ въ лѣсъ, находящійся между озеромъ, надъ которымъ расположена Даниловка, и рѣкою Медвѣдицею (1).

---

(1) Когда пугачевцы искали его въ лѣсу, то онъ, для своего спасенія, прибѣгнулъ къ способу, къ какому обыкновенно прибѣгали, въ опасныхъ случаяхъ, запорожцы. Когда на запорожцевъ нападалъ непріятель (татары и пр.), къ которымъ они не находили въ себѣ достаточно силы побиться въ открытомъ полѣ, или когда запорожцы желали скрыться отъ татаръ, чтобъ, выслѣдивъ ихъ движенія, удачнѣе напасть на нихъ, то самымъ безопаснымъ убѣжищемъ (какъ всѣ славяне, по свидѣтельству древнихъ писателей) они считали воду и прятались въ водѣ между тростниками, камышемъ и другими растеніями. Когда же непріятель старался отыскать ихъ и въ водѣ, то они брали въ ротъ

У крыльца дома, занятаго полковникомъ, стояли часовые, которые и пропускали всѣхъ, имѣвшихъ дѣло до полковника, но предварительно спрашивали приходящихъ: „за кого идете—за царя, чи за царицю?“, и если вопрошаемые отвѣчали, что „за царя,“ то ихъ пропускали, а отвѣчавшихъ противное тотчасъ брали подъ караулъ и допрашивали. Слобода должна была поставить отрядъ конныхъ охотниковъ, которые и присоединились къ шайкѣ. Изъ благоволенія къ слободскому „атаману“ полковникъ крестилъ у него ребенка и пировалъ на крестинахъ. Погулявши, полковникъ, говорятъ, затѣялъ домашній обрядъ крещенія новорожденнаго и, когда принесенъ былъ ребенокъ, онъ обратился къ кумѣ со словами:

— Цураешься сатаны и всѣхъ дилъ его?

Та должна была отвѣчать за ребенка: „Цураюсь.“

— Дунь и плюнь.

Та исполнила приказанье.

— Цураешься пана и всѣхъ дилъ его?

— Цураюсь, отвѣчала та.

— Дунь и плюнь.

— Служитимешь Богу и государю вѣрою и правдою?

— Служитиму.

камышинку, одинъ конецъ которой выходилъ изъ воды, ныряли въ воду, такъ чтобы изъ воды выходилъ только конецъ камышинки, и сквозь это отверстіе дышали, имѣя такимъ образомъ возможность пробыть подъ водою сколько угодно. Къ этому же средству спасенія прибѣгъ и управляющій слодою Даниловкою, безъ сомнѣнія знакомый съ обычаями запорожцевъ, такъ какъ самъ былъ выходцемъ изъ Украйны (онъ былъ роднымъ дѣдомъ автора настоящей статьи, по фамиліи Слѣпченко-Мордовець).

— Будешь бить пановъ и панiй съ панинятами и панянками?

— Буду.

— Цилуй шаблю и пидстоли.

Кума должна была поцѣловать саблю и пистолеты полковника.

Въ Орѣховой слободѣ (Мариновка), отстоящей отъ Даниловки въ 25 верстахъ и тоже населенный малороссiянами, слобожане жаловались полковнику на своего писаря, который притѣснялъ ихъ. Тотъ велѣлъ привести писаря. Несчастнаго привели, вытащивъ изъ погреба, куда онъ спрятался со страху, забившись въ большую кадку. Судъ разбойниковъ былъ коротокъ: велѣли выкатить кадку, въ которую спрятался было писарь, и наполнили ее дегтемъ.

— Ты человѣкъ письменный? спросили писаря разбойники.

— Письменный.

— О страшномъ судѣ читавъ?

— Читавъ.

— О пекли читавъ?

— Читавъ.

— У пекли що горить?

— Смола горить.

— А у тiй смоли кто сидить?

— Гришники.

— А ты гришникъ чи праведникъ?

— Гришникъ.

— Лизь же у кадушку.

Такимъ образомъ обвиненнаго народомъ посадили въ кадку съ дегтемъ, такъ что изъ дегтя видѣлась только голова писаря.

Затѣмъ Пугачъ (т. е. пугачевскій полковникъ) взялъ ружье и началъ цѣлиться въ голову обвиненнаго. Когда раздался выстрѣлъ, обвиненный въ страхѣ опустился ниже и голова его окунулась въ деготь. Послѣ того голова опять показалась надъ поверхностью кадки, облитая дегтемъ. Тогда на него снова направляли ружейное дуло, раздавался выстрѣлъ, и тотъ снова окунулся въ деготь. Измучивъ несчастнаго до полусмерти, Пугачъ велѣлъ зажечь деготь въ кадкѣ.

— Ты не бувъ у пекли?

— Ни, не бувъ.

— И не бачивъ?

— Не бачивъ.

— Такъ я тоби покажу яке пекло.

Деготь былъ зажженъ и пламя охватило голову несчастнаго. Тотъ снова окунулся въ деготь; но это было безполезно: деготь продолжалъ горѣть, и несчастный писарь задохся въ пламени.

Такія жестокости были въ духѣ того времени, хотя, сколько мы могли замѣтить, жестокости рѣдко допускались не только Пугачевымъ, но и его сообщниками безъ особенной причины. Только дворянъ не щадили. Были впрочемъ мѣры нечеловѣческой жестокости. Еще въ первое время, когда Пугачевъ взялъ только Татищевскую крѣпость, допущена была ужасная, звѣрская жестокость. Комендантомъ этой крѣпости былъ полковникъ Елагинъ. Когда крѣпость была взята, то съ Елагина, который былъ очень тучный человѣкъ, содрали кожу, и пугачевцы, озлобленные долгимъ сопротивленіемъ Елагина, вынимали изъ него сало и этимъ саломъ мазали свои раны. Самъ Пугачевъ былъ менѣе все-

го жестокъ. Это видно по всѣмъ современнымъ свидѣтельствамъ и по его личнымъ показаніямъ, въ которыхъ проглядываетъ что-то болѣе мягкое, чѣмъ въ другихъ разбойникахъ ([1]).

Противъ безцѣльной жестокости, какъ мы видѣли выше, говоря о похожденіяхъ Иванова въ Баландинскомъ городкѣ, возставали нерѣдко и предводители отдѣльныхъ партій, подобные Иванову, которые должны были помнить, что всѣ они, начиная отъ Пугачева и кончая послѣднимъ самозваннымъ есауломъ въ отдѣльной шайкѣ, подняты народнымъ словомъ: „смерть дворянамъ и милость народу“, что слова эти должны быть написаны на каждомъ знамени, за которымъ они идутъ. Всѣ жестокости ихъ должны были оправдываться этимъ же девизомъ: „смерть дворянамъ и притѣснителямъ народа“, хотя, подъ увлеченіемъ страсти и въ порывѣ пьянаго разгула, жестокости и выходили изъ круга, очерченнаго ближайшею цѣлью возстанія. Съ Елагина содрали кожу за то, что онъ былъ немилостивъ къ народу; марпновскаго писаря сожгли въ бочкѣ смолы за то, что онъ притѣснялъ народъ; казанскихъ помѣщиковъ душили гирями за народъ же; помѣщицѣ разрѣзали животъ и вложили въ утробу ея живаго младенца за то, что младенецъ этотъ пилъ молоко кормилицы-крестьянки, у которой эта помѣщица уморила ребенка, чтобъ молоко мамки не раздѣлялось между барченкомъ и хамовымъ отродьемъ; помѣщику Скосыреву привязали гири къ тайному органу за то, что онъ усиленно

([1]) Антингъ говоритъ, что „Pugatschew n'était ni vindicatif, ni cruel, comme on l'en accuse, mais les cosaques d'Uralsk commettaient toutes las atrocités ou le forçaient de les commettre.“ (Les campagn., p. 159).

бралъ у крестьянскихъ дѣвушекъ то, что онѣ предназначали для своихъ жениховъ; чиновницѣ солили изсѣченную розгами спину за то, что она не давала соли своимъ людямъ; сызранскому канцеляристу жгли трутомъ животъ тоже въ отмщеніе за пожары деревень.

Въ Мариновкѣ же (на сосѣднемъ съ Мариновкой казацкомъ хуторѣ, за Медвѣдицей) намъ разсказывали, что когда Пугачъ, казнивъ въ смоляной бочкѣ провинившагося противъ народа слободскаго писаря, направился къ Даниловкѣ, то на дорогѣ передовая его партія наткнулась на казацкую команду, которая, какъ видно, расположилась на этой дорогѣ, ведущей въ станичныя юрты, сторожевымъ пикетомъ. Такъ какъ волненіе крестьянъ было повсемѣстное, то казаки, для острастки другимъ, устроили такого рода пикетъ: Они поймали одного крестьянина, бѣжавшаго въ шайки бунтовщиковъ, и посадили на колъ. Колъ этотъ вмѣстѣ съ посаженнымъ на него бунтовщикомъ перенесли на высокій курганъ и поставили тамъ въ видѣ маяка. Затѣмъ сами расположились по близости кургана, заварили себѣ кашу и, упражняясь въ стрѣльбѣ, распѣвали любимую казацкую пѣсню:

На линіи было, на линеюшкѣ,
На славной было на сторонушкѣ,
Тамъ построилась новая редуточка:
Во этой редуточкѣ стояла командушка,
Команда казацкая...

Стрѣльба состояла въ томъ, что казаки сдѣлали мишенью посаженнаго на колъ „музлана“ и въ него пускали свои пули „изъ любимой изъ винтовушки.“ Когда партія пугачевцевъ, вышедшая изъ Мариновки, наткнулась на эти упраж-

ненія казаковъ, казацкія лошади были не въ порядкѣ и паслись на островѣ стреноженныя путами. Казаковъ тотчасъ переловили и привели къ Пугачу.

— Кому вы служите? спросилъ Пугачъ.

— Великой государынѣ и славному войску донскому, отвѣчали казаки.

— Великой государыни нѣтъ: она за грѣхи свои въ монастырѣ Богу молится; а есть государь Петръ Ѳедоровичъ,— покоритесь ему.

— Не покоримся.

— Почему не покоритесь?

— Потому не покоримся, что онъ не государь, а бѣглый зимовейскій казакъ Амелька.

Тогда Пугачъ велѣлъ сдѣлать длинный-предлинный шестъ, а наконечникъ къ шесту велѣлъ придѣлать желѣзный, острый какъ казацкій дротикъ. Шестъ этотъ воткнули въ землю, и Пугачъ говоритъ къ казакамъ:

— Покоритесь вы мнѣ?

— Нѣтъ, не покоримся.

И велѣлъ Пугачъ посадить одного казака на колъ, какъ они сажали пугачевца. Тогда опять спрашиваетъ казаковъ:

— Покоритесь вы мнѣ?

— Нѣтъ, не покоримся.

И прошелъ тотъ шестъ „насквозь казака“ и вышелъ тотъ шестъ у самаго затылка. Тогда велѣлъ Пугачъ посадить на тотъ же колъ другаго казака—и опять прошелъ тотъ шестъ насквозь казака и вышелъ у самаго затылка. Казаки все не покорялись. Пугачъ разсердился пуще прежняго и велѣлъ сажать на тотъ же колъ третьяго казака. Посадили, — а они все не покоряются. Такимъ образомъ посадили на одинъ

колъ девять казаковъ и сидѣли они другъ на дружкѣ, такъ что тотъ казакъ, что первымъ былъ посаженъ на колъ, опустился до самой земли, а на верху шеста осталось столько, что можно было посадить только одного. И посадили на верхушку шеста десятаго. Это былъ самый храбрый казакъ, родомъ изъ Тушкановыхъ хуторовъ. И говорилъ казакъ, сидя на колу, который прошелъ ему въ самую утробу, только до сердца не дошелъ:

— Коли ты, Амелька, подлинный царь, такъ докажи, и мы тебѣ покоримся.

— А чѣмъ доказать?

— Докажи ты, Амелька, вотъ чѣмъ: вонъ видишь ли тамъ въ небѣ летаетъ шугай (коршунъ)... Коли ты царь, такъ пущай твои стрѣлки застрѣлятъ изъ винтовки того шугая на лету.

И говоритъ Пугачъ:

— Кто у меня лучшій стрѣлокъ?

— Я лучшій стрѣлокъ, говоритъ одинъ „музланъ.“

— Стрѣляй въ того шугая, что летаетъ по поднебесью, говоритъ Пугачъ.

Стрѣлокъ выстрѣлилъ—промахнулся.

— Такой же ты стрѣлокъ! сказалъ Пугачъ и велѣлъ его повѣсить.

А казакъ изъ Тушкановскихъ хуторовъ, что сидѣлъ на колу, и говоритъ:

— А вотъ я тебѣ покажу, Амелька, какіе бываютъ царскіе стрѣлки.

— Покажи, говоритъ Пугачъ.

Дали этому казаку винтовку. Взявъ винтовку, онъ при-

цѣлился въ шугая, да разомъ поворотилъ дуломъ книзу, прицѣлился—и выстрѣлилъ въ Пугача.

— Вотъ какъ стрѣляютъ царскіе стрѣлки!

Пуля угодила Пугачу въ правую руку—и съ тѣхъ поръ Пугачъ не показывалъ своей руки, потому что рука была перешиблена, и никогда не подписывалъ указовъ. Вскорѣ потомъ войсковое правленіе выслало противъ Пугача генерала Платова и генералъ Платовъ поймалъ Амельку, когда тотъ подходилъ уже къ Черкасску.

Разсказъ этотъ носитъ на себѣ отпечатокъ казацкаго хвастовства, которое проявляется не только въ настоящихъ народныхъ повѣствованіяхъ о прежнихъ подвигахъ донцовъ, но проглядываетъ и въ офиціальныхъ бумагахъ лицъ, непосредственно дѣйствовавшихъ противъ самозванца, какъ это мы видѣли выше въ донесеніяхъ полковниковъ Кутейникова и Грекова, которые доносили войску донскому, что они при рѣчкѣ Пролейкѣ, „соединясь съ легкою полевою командою, не убоясь того злодѣя Пугачева, а особливо наблюдая свою присяжную должность, стремительнымъ образомъ сочиня съ нимъ баталію и *разбивъ*, толпы его до нѣсколько побито да въ полонъ взято тожъ.“ Между тѣмъ изъ большинства письменныхъ источниковъ того времени видно, что битва при Пролейкѣ далеко не такъ была благопріятна для самолюбія казаковъ, какъ они старались показать. Народный разсказъ приписываетъ и окончательную побѣду надъ самозванцемъ тоже казаку, — именно Платову, любимцу и гордости донскаго войска, прославившемуся впрочемъ гораздо позже Пугачева, именно въ 1812 году, во время партизанскихъ дѣйствій нашихъ войскъ противъ французовъ. Платовъ, правда, дѣйствовалъ противъ самозванца, и объ немъ мы находимъ

упоминаніе во многихъ бумагахъ этой смутной эпохи, но тогда Платовъ дѣйствовалъ въ очень ограниченныхъ размѣрахъ какъ начальникъ небольшаго отряда, да притомъ мы еще не можемъ сказать утвердительно, тотъ ли это Платовъ, который, въ 1812 году сдѣлалъ нашихъ казаковъ извѣстными всей Европѣ по своей дикой и беззавѣтной храбрости, ловкости, военной хитрости и сталъ героемъ такихъ разсказовъ, которые въ состояніи создать только своевольное народное творчество.

Вообще все въ приведенномъ нами разсказѣ носитъ на себѣ характеръ эпическаго народнаго творчества: и эта стрѣльба казаковъ въ пугачевца, посаженнаго на колъ и сдѣлавшагося мишенью для выстрѣловъ, и это сажанье на другой колъ десяти казаковъ, одного на другаго, и эта стрѣльба въ „шугая“, и эта рана, которую тушкановскій казакъ нанесъ Пугачу въ правую руку, вслѣдствіе чего Пугачъ пересталъ подписывать указы и потомъ окончательно былъ разбитъ Платовымъ у Черкасска,—все это продукты народнаго творчества, въ основаніи котораго, впрочемъ, лежитъ историческая истина, которая и выражаетъ взглядъ казаковъ на описываемую нами эпоху. Пугачевъ, какъ самозванецъ, не заходилъ въ войско донское; а въ описываемой нами мѣстности, т. е. въ Мариновкѣ, Даниловкѣ и около верховыхъ медвѣдицкихъ станицъ, какъ видно изъ имѣющихся у насъ бумагъ, былъ полковникъ Ивановъ и другіе, подобные ему, предводители и есаулы пугачевскихъ шаекъ.

VIII.

Все это происходило въ послѣднихъ числахъ августа, въ самые критическіе дни для самозванца. Онъ побѣдоносно прошелъ по землѣ волжскаго войска и подступилъ къ Царицыну, куда привелъ съ собою и волжскихъ казаковъ, образовавшихъ собою въ его арміи особый полкъ, подъ названіемъ „дубовскаго полка.“ Мы имѣемъ подъ руками неопровержимыя доказательства того, что волжское войско передалось на сторону Пугачева: кромѣ показаній казака Черникова и другихъ документовъ, свидѣтельствующихъ объ измѣнѣ волжскаго войска, кромѣ прямыхъ указаній на то, что въ этомъ войскѣ самозванца встрѣчали съ царскою честью, съ колокольнымъ звономъ, съ крестами, съ колѣнопреклоненіемъ и преклоненіемъ предъ нимъ войсковыхъ знаменъ, кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что самозванецъ пировалъ въ домахъ начальниковъ волжскаго войска и посылалъ войску свои указы и манифесты, которые войско принимало, у насъ еще есть небольшой документъ, обличающій измѣну волжскаго войска. Документъ этотъ—рапортъ поручика Савельева, который, проѣзжая на суднѣ изъ Астрахани вскорѣ послѣ того, какъ самозванецъ былъ разбитъ Михельсономъ ниже Царицына и выйдя изъ любопытства на берегъ, чтобъ посмотрѣть на мѣсто недавняго пораженія Пугачева, между трупами, валявшимися по полю и оставшимися непогребенными, нашелъ бумагу, на которой написана была вѣдомость казакамъ волжскаго войска, перешедшимъ на сторону само-

званца и получившимъ отъ него жалованье. Это и была вѣдомость „дубовскаго полка“, которую Савельевъ и представилъ 1 октября царицынскому коменданту Цыплетеву ([1]).

Безъ сомнѣнія Ивановъ не зналъ, что въ нѣсколько послѣднихъ дней произошли очень важныя перемѣны въ положеніи дѣлъ главнаго пугачевскаго скопища и даже въ самой судьбѣ самозванца, а иначе онъ не рѣшился бы, конечно, дѣйствовать такъ же смѣло, какъ онъ началъ.

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ивановъ бралъ Березовскую станицу, которая, какъ видно изъ рапорта войсковаго старшины Кульбакова, „въ осаду засѣла“; но мы имѣемъ письмо Иванова, адресованное къ атаману этой станицы, и по этому письму можемъ заключить, что Березовская станица, по мѣрѣ возможности, защищалась. Вотъ это любопытное, хотя не вполнѣ грамотное, письмо, представленное березовскимъ станичнымъ атаманомъ по начальству:

([1]) Вотъ этотъ важный документъ: «Высокоблагородному... и т. д. Во время проѣзда нашего судномъ изъ Астрахани, при урочищѣ Селениковой ватаги, на плацу разбитія господиномъ полковникомъ Михельсономъ злодѣя Пугачева, вышли мы на берегъ изъ любопытства съ поручикомъ Штихеусомъ, конторы опекунства иностранныхъ казначеемъ, и между погибшими злодѣями поднятъ мною листъ бумаги, на которой написанъ его же злодѣйскій списокъ казакамъ вольскаго войска, которые въ ономъ и названы дубовскимъ полкомъ, съ произведеніемъ каждому, по разному числу, на подъемъ денежнаго жалованья, которыи я тогожъ почти числа объявилъ ѣдущему изъ Астрахани сухопутно господину статскому совѣтнику Михайлѣ Михайловичу Ладыженскому и стоящему на той Селениковой ростовскаго карабинернаго полку господину ротмистру Мажарову, и занужное почелъ оный списокъ для разсмотрѣнія представить вашему высокоблагородію, который при семъ и подношу. Поручикъ Илья Савельевъ».

„Упованельно и никоему сомнѣнію не подлежитъ, что уже вся Россія и все войско донское довольно и обстоятельно удостовѣрено о склоненіи подъ скипетръ и корону истиннаго императора Петра Ѳедоровича всѣхъ россійскихъ всякаго званія людей и протчихъ его императорскаго величества подданныхъ, тожъ и войскъ яицкаго, волскаго и донскаго.

„Только въ тебѣ, станичный атаманъ Березовскій станицы, примѣчаю и великое твоего сердца закоснѣніе и недоумѣваю о толикой твоей дерзости, паче же — рещи по просту — о твоей бабій глупости. Пребывая въ своемъ невѣжествѣ, или — истину рещи — пресущимъ будучи скотомъ, гласа господина своего невѣдающа, ты ли дерзнешь супротивъ войскъ его императорскаго величества твою омраченную чадомъ глупости и тебѣ подобныхъ дураковъ головы въ поле вывести, когда я подвигну на вашу станицу ввѣренную мнѣ отъ самаго батюшки царя команду! Истинно говорю тебѣ, преклони твою глупость на разумѣніе, пожалуй, батюшка, окажи преклонство сущему помазаннику, не губи напрасно себя и станишниковъ, не проливай крови неповинной, да не заслужишь казнь въ сей жизни и муку вѣчную въ аду, уготованную діаволу и всѣмъ слугамъ его.

„Если же и послѣ сего дружественнаго моего посланія въ склонность не придешь и извиненіевъ твоихъ гнусныхъ не возчувствуешь, то быть тебѣ, за твое окаянство, по дѣйству сатанину, повѣшену какъ собакѣ, и за грѣхъ сіе передъ Богомъ не почитаю. Кому ты служишь? На кого ты лаешь, несъ смердящій? Вѣдаешь ли ты, глупый атаманишка, б....ъ сынъ, что по дѣйству твоему кнута тебѣ мало, веревки жалко, а раздавить тебя приличествуетъ, какъ бѣшеную собаку.

„Затѣмъ скратя, симъ оканчиваю и пребываю въ благополучномъ мѣстѣ съ командою.

„Посланный отъ его императорскаго величества главной арміи полковникъ *Иванов*ъ.“

Письмо это подослано было въ станицу съ однимъ казакомъ, который и объявилъ, что толпы Иванова разсѣяны „въ великомъ множествѣ“ по границамъ донскаго войска съ россійскими поселками, что самъ полковникъ родомъ „изъ россійскихъ людей“, что толпище его злодѣйское“ идетъ безъ всякаго порядка, какъ стадо, что къ пушкамъ, къ знаменамъ и къ барабанамъ приставлены простые мужики въ „казацкомъ образѣ“ и что „въ толпищѣ“ этомъ съ самимъ полковникомъ ѣздитъ „чернецъ.“ Надо полагать, что приведенное нами письмо принадлежитъ краснорѣчивому перу этого чернеца, потому что вычурный и не совсѣмъ приличный для „полковника“ слогъ его обнаруживаетъ въ авторѣ раскольничьяго начетника.

О томъ значеніи, какое имѣли раскольники въ *созданіи* самой пугачевщины, какую роль они играли вообще въ развитіи этой драмы, мы намѣрены поговорить особо и надѣемся посвятить этому предмету особую монографію; а теперь прослѣдимъ послѣднія похожденія Иванова и его шайки, а равно и соприкасавшихся съ этою шайкою „злодѣйскихъ толпищъ.“

По всѣмъ имѣющимся у насъ бумагахъ мы должны съ вѣроятностію заключить, что Березовская станица уцѣлѣла, не смотря на грозное посланіе Иванова. Само собою разумѣется, уцѣлѣли дальнѣйшія станицы, лежащія внизъ по Медвѣдицѣ, Молодельская, Заполянская и прочія, хотя въ бумагахъ есть указанія на то, что въ Раздорской станицѣ

была битва съ пугачевцами. Но о дѣйствіяхъ другихъ шаекъ мы поговоримъ особо, такъ какъ похожденія ихъ составляютъ отдѣльныя, совершенно законченныя драмы, служа пополняющими эпизодами общей великой драмы.

Такимъ образомъ, не рѣшаясь двинуться прямо на станицы, Ивановъ поворотилъ свое „толпище“ къ Бузулуку, Хопру и Воронежу, держась, по возможности, россійскихъ поселковъ, „гдѣ удобнѣе было разгуляться за неимѣніемъ разъѣздныхъ командъ и откуда представлялась возможность“ пробраться во внутреннія губерніи, а затѣмъ и въ Слободскую Украйну, гдѣ послѣ уничтоженія Запорожской Сѣчи, все еще замѣтно было броженіе. Притомъ въ Воронежѣ еще до Пугачева проявился самозванецъ, который и произвелъ немалую смуту именемъ Петра III, хотя своевременно былъ схваченъ и отданъ въ руки правосудія. Это—самозванецъ Кремлевъ, о которомъ есть особое дѣло въ государственномъ архивѣ и о которомъ императрица Екатерина II, въ письмѣ къ графу Панину, отъ 20 ноября 1774 года (чрезъ двѣ недѣли послѣ того какъ Пугачевъ былъ уже привезенъ въ Москву и допрашивался въ секретной комисіи), писала между прочимъ, дѣлая распоряженія по дѣлу Пугачева, котораго называетъ „уродомъ“: втораго самозванца казнь я благоразсудила ушеньшить, о чемъ указъ мой прямо въ Воронежъ и отправленъ; но не знаю еще ко времени-ли дошелъ“ (1). Все, по видимому, говорило въ пользу того мнѣнія, что шайкамъ Иванова благоразумнѣе было обойти донское войско и хотя по окраинамъ его пробраться въ юж-

---

(1) Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн. росс. 1858 г. к. II, отд. II, стр. 54.

ныя губерніи или, возвратившись на саратовско-астраханскую дорогу, соединиться съ главными силами самозванца. Мы говоримъ, *шайки* Иванова, и это потому, что Ивановъ заправлялъ не одною толпою, а въ распоряженіи его была цѣлая армія сброда, которая дѣлилась на полки и отдѣльныя шайки. Отдѣльными шайками управляли особые начальники, которые, какъ и Ивановъ, назывались полковниками, но по отношенію къ самому Иванову, были ни больше ни меньше, какъ простые есаулы. Были случаи, что надъ толпою, предводительствуемою особымъ полковникомъ, принималъ главное начальство Ивановъ и присоединялъ эту толпу къ своему „толпищу,“ и эти субалтерные полковники повиновались главному полковнику и исполняли его приказанія. Такъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда шелъ Ивановъ, главную роль собственно игралъ *полковникъ Каменскій*, родомъ изъ города Острогожска, слѣдовательно уже изъ украинскихъ мѣстностей Россіи. У полковника Каменскаго было болѣе 2000 человѣкъ, своя артилерія, свои знамена, свои барабаны и т. д. Но когда Иванову понадобилось сосредочить всѣ свои силы, чтобы дать отпоръ донскимъ отрядамъ, находившимся подъ главнымъ начальствомъ донскаго походнаго атамана, извѣстнаго полковника Абросима Луковкина, тогда полковникъ Каменскій остался уже на второмъ планѣ, что мы сейчасъ и увидимъ.

Но Ивановъ не зналъ, что ему уже нельзя было соединиться съ главными силами самозванца, ни обойти войско донское, чтобы хотя за предѣлами его, если не удастся взволновать Слободскую Украйну, примкнуть къ Пугачеву. Дни самого Пугачева были сочтены.

Мы видѣли, что онъ торжественно пропелъ по землямъ

волжскаго войска. Но впереди его лежала Царицынская крѣпость и Царицынская военная линія, усѣянная крѣпостцами и форпостами, загораживавшая собою всю равнину, лежащую между Волгою и Дономъ — естественный путь, по которому самозванецъ думалъ проскользнуть на Кубань, а пожалуй въ Персію и Турцію, по примѣру некрасовцевъ...

— Я не иначе принялъ высокое званіе (императора), какъ подъ симъ названіемъ возмутя яицкихъ казаковъ, съ ними и съ раскольниками идти некрасовскимъ путемъ, говорилъ Пугачевъ.

Счастливыя обстоятельства измѣнили его намѣренія, и онъ было рѣшился идти завладѣть цѣлою Россіею, покинувъ мысль о побѣгѣ за границу, подобно Некрасову.

— Будучи заведенъ успѣхами и обстоятельствами, я простиралъ *далье* свое злодѣйство...

Вотъ въ чемъ сознался самозванецъ.

Но неудачи подъ Казанью и боязнь Москвы и Петербурга заставили его воротиться къ прежнему намѣренію: ускользнувъ отъ войскъ императицы и навербовавъ съ собою волжскихъ и донскихъ казаковъ, вмѣстѣ со всѣми своими толпами „идти некрасовскимъ путемъ.“

Въ то время, когда Ивановъ и остальные пугачевскіе полковники распоряжались на сѣверныхъ окраинахъ земель войска донскаго и уже приближались къ Новохоперской крѣпости, единственно укрѣпленному пункту въ той мѣстности; въ то время, когда воронежскій губернаторъ Шетневъ убѣжалъ изъ своей резиденціи въ Павловскъ, чтобы, какъ онъ выражался, „защищать“ этотъ городъ, въ которомъ находилось 600 пушекъ и 3000 пудовъ пороху, а Воронежъ бросилъ на произволъ судьбы; въ то время, когда сотоварищамъ

Иванова, какъ Каменскому и другимъ, являлась уже возможность овладѣть Воронежемъ, а тамъ зажечь всю Слободскую Украйну,—Пугачевъ переживалъ послѣдніе часы своей силы, хотя объ этомъ не знали не только Ивановъ и Каменскій, но даже такіе люди какъ Суворовъ, князь Багратіонъ, генералъ Мансуровъ, князь Дондуковъ, Кандауровъ, Михельсонъ и всѣ мѣстные губернаторы, начиная отъ фонъ-Рейнсдорпа и форъ-Брандта (оренбургскій и казанскій) и кончая Шетневымъ и Кречетниковымъ (1 воронежскій, 2 астраханскій и саратовскій). Шетневъ, какъ мы видѣли, бѣжалъ, Кречетниковъ все еще собирался идти на встрѣчу самозванцу и пробирался до того, что получилъ вѣсть о взятіи Саратова и о дальнѣйшихъ успѣхахъ самозванца. Когда же было ѣхать на встрѣчу страшному врагу, да и съ чѣмъ ѣхать? Надо было ограничиться бумажными распоряженіями, да и то никто не зналъ какія принять распоряженія, когда одинъ день, одинъ часъ опрокидывали вверхъ ногами всѣ мудрыя распоряженія. Приходилось ограничиваться *вопросами*: гдѣ тотъ-то? куда дѣвался такой-то полкъ? цѣлъ-ли такой-то городъ? куда идти? куда посылать приказанія? куда бѣжать? Да и кого спрашивать? кто дастъ отвѣты на эти вопросы? Приходилось обратиться за отвѣтами къ Цыплетеву, царицынскому коменданту, на котораго упала вся тяжесть послѣднихъ дней смуты.

Получивъ чрезъ курьера извѣстіе, какъ выражается Кречетниковъ, „о приключеніи города Саратова отъ злодѣевъ,“ и о томъ, что Цыплетевъ, „по таковой опасности,“ отправилъ отъ себя нарочнаго къ генералу князю Багратіону, прося его „о скорѣйшемъ поспѣшеніи“ прямо на Царицынъ для соединенія съ калмыцкими войсками, астраханскій гу-

бернаторъ присовокуплялъ, что онъ „сіе весьма апробуетъ“ (т. е. одобряетъ), и между тѣмъ ставитъ множество вопросовъ, на которые Цыплетевъ едва-ли могъ отвѣчать, да и безполезно было отвѣчать, когда нужно было дѣйствовать. Вотъ между прочимъ какіе вопросы задавалъ онъ Цыплетеву:

1) „Какія были обстоятельства при происшествіи нападенія на городъ Саратовъ?

2) „Гдѣ послѣ находится бывшая при бывшей опекунской конторѣ артилерійская команда съ ея орудіями?

3) „Гдѣ находится тамошній гарнизонъ и казаки?

4) „Гдѣ самъ комендантъ и вольское войско?

5) „Въ какомъ состояніи нынѣ злодѣи?

6) „Гдѣ оные нынѣ имѣются?

7) „Гдѣ находятся и что дѣлаютъ наши войска, отъ стороны Казани посланныя?

8) „Куда поѣхалъ отъ васъ посланный отъ меня маіоръ Звѣревъ — на Новохоперскую ли крѣпость или, у вашей линіи чредою переправляясь, на Воронежъ поѣхалъ? и т. д.“

Всѣ эти вопросы получены Цыплетевымъ 15 августа, когда самъ Цыплетевъ ничего не зналъ и не могъ знать; что дѣлается за 20 верстъ отъ его крѣпости. Что же онъ могъ отвѣчать? На эти вопросы въ состояніи отвѣчать только послѣдующая исторія, которая собрала всѣ факты того времени и находитъ, что Цыплетевъ на большую часть предложенныхъ ему вопросовъ долженъ былъ отвѣчать — „не знаю,“ „не вѣдаю,“ „не слыхалъ“ и т. п. Уже послѣ стало извѣстно, какія были обстоятельства при происшествіи „нападенія на городъ Саратовъ.“ Въ тотъ день, когда Цыплетевъ получилъ эти вопросы, въ Царицынъ прибылъ саратов-

скій комендантъ Бошнякъ, бѣжавшій изъ Саратова и пробившійся съ горстью солдатъ саратовскаго батальона сквозь ряды непріятеля; но Бошнякъ тоже ничего не могъ сказать Цыплетеву кромѣ того, что Саратовъ взятъ Пугачевымъ, а какъ—это уже было безполезно знать Кречетникову. Только теперь мы можемъ отвѣчать на вопросы Кречетникова съ достаточною полнотою. На первый мы уже отчасти отвѣтили. На второй приходится отвѣчать, что бывшая въ Саратовѣ артилерійская команда, во время жаркаго дѣла, выхватя изъ подъ пушекъ клинья и фитили, бѣжала къ самозванцу: на третій,—что тамошній гарнизонъ и казаки передались на сторону Пугачева и только Бошнякъ успѣлъ пробиться сквозь толпы самозванца съ ничтожнымъ числомъ неизмѣнившихъ; на четвертый,—что комендантъ Бошнякъ прискакалъ въ Царицынъ, спасаясь отъ вѣрной смерти, а вольское войско передалось самозванцу; на пятый, — что силы злодѣя велики; на шестой,—что злодѣи эти очень близки, но гдѣ—этого никто не зналъ въ Царицынѣ; также никто не зналъ, и еще менѣе Цыплетевъ, гдѣ находились наши войска, когда ихъ ждали, какъ спасенья, а они не приходили.

Между тѣмъ, задавъ эти неразрѣшимые для Цыплетева вопросы, Кречетниковъ предписывалъ ему, чтобъ „какъ наискорѣе велѣть господину полковнику князю Дондукову съ калмыцкими войсками и казаками поспѣшить къ Царицыну, также изъ дербетевыхъ калмыкъ въ самоскорѣйшемъ времени къ себѣ призвать и, совокупясь съ нимъ, генералъ-маіоромъ Багратіономъ, общими силами дѣйствовать во отпоръ и недопущеніе злодѣевъ и всѣми силами стараться ихъ разбить и искоренить по вѣрноподданической должности съ край-

нимъ усердіемъ;“ въ то же время Кречетниковъ приказывалъ Цыплетеву „о всѣхъ движеніяхъ злодѣевъ ежедневно чрезъ нарочныхъ курьеровъ рапортовать и городъ Парицынъ привесть въ надежное укрѣпленіе и за собою его удержать и до злодѣйскихъ рукъ не допустить, и во время ихъ приближенія всѣ суда и лодки сжечь, или, отведя на другой берегъ, затопить; равнымъ образомъ и проѣзжающія изъ верховыхъ городовъ къ той же сторонѣ удалить и отъ захвата и переправы туда злодѣевъ крайне предстеречь.“

Все это легко было предписывать, но не легко было исполнять, когда было ужъ слишкомъ поздно. Видно однако, что Кречетниковъ былъ въ волненіи; ордеры Цыплетеву до половины написаны его собственною рукою—такъ много нужно было сказать, о многомъ спросить! То и дѣло въ орденахъ попадается фраза: „весьма мнѣ нужно знать“, крайне нужно знать“ и т. д. „Весьма нужно, чтобы на Волгѣ ватаги были очищены и лодокъ всѣхъ бы не было, того для имѣете вы ихъ или въ Астрахань отправить, или же лодки прорубя затопить, а людей къ себѣ на оборону взять.“ Но опять таки повторямъ: поздно было это предписывать. Не будь Цыплетева, а будь другой комендантъ и жди онъ ордеровъ отъ начальства—Царицынъ былъ бы взятъ Пугачевымъ, а тамъ неизвѣстно, удалось ли бы Михельсону разбить его...

Эта то канцелярская, такъ сказать, сторона и важна въ исторіи пугачевской смуты. Все дѣлалось наобумъ, ощупью—и неудивительно, что самозванецъ нѣкоторое время сталъ мечтать о владычествѣ надъ всею Россіею или, по его собственнымъ словамъ, „простиралъ *далѣе* свое злодѣйство.“

Въ тотъ же день, о которомъ мы говоримъ, полученъ

былъ Цыплетевымъ другой ордеръ Кречетникова. Онъ увѣдомляетъ коменданта, что получилъ его рапортъ „о извѣстныхъ злодѣйскихъ умноженіяхъ“, и что князь Дондуковъ приблизился съ калмыцкимъ войскомъ къ царицынской линіи, но только войскъ у него мало — одни не досланы, другія отпущены еще изъ подъ Гурьева и изъ подъ Ахтубинскаго городовъ въ свои дома; артиллеріи у Дондукова также оказалось мало, и онъ просилъ „о снабденіи“ его орудіями. Кречетниковъ предписывалъ, чтобы Дондуковъ съ своимъ войскомъ дѣлалъ разъѣзды по царицынской линіи до новохоперской крѣпости (куда, по видимому, направлялись шайки Иванова и Каменскаго) и соединился съ княземъ Багратіономъ. Всѣмъ этимъ войскамъ Кречетниковъ давалъ „на защищеніе жительства и на пораженіе злодѣевъ пристойныя наставленія“, хотя самъ не зналъ, гдѣ эти злодѣи, что они дѣлаютъ и можно ли давать пристойныя наставленія войскамъ, которыя, можетъ быть, уже уничтожены или разсѣяны, какъ это и дѣлалось почти каждый день. Но Кречетниковъ подтверждалъ „чинить наиточнѣйшее исполненіе, не смотря на злодѣйскіе подвиги дѣлать на искорененіе воинскими силами потребное распоряженіе“, и — прибавлялъ губернаторъ Цыплетеву — „елико успѣете лучшее, тѣмъ самимъ вамъ можемъ быть похвальнѣе, въ каковомъ случаѣ я несомнѣнно надѣюсь на вѣрность и усердіе ваше къ ея императорскаго величества службѣ, что вы всеудобовозможнымъ образомъ поспѣшите въ томъ содѣйствовать къ пользѣ высокаго ея императорскаго величества интереса и всего общества соединенными силами и стараться всѣми мѣрами тѣхъ злодѣевъ поразить и въ конецъ истребить, за что и удостоитесь высочайшаго ея императорскаго величества награж-

денія.“ Тутъ же онъ велитъ для регулированныхъ войскъ и калмыковъ приготовить заблаговременно „довольное число провіанта, испеча оной въ сухари, и содержать во всякомъ береженіи.“ Когда же было распоряжаться за тысячу верстъ о сухаряхъ — вѣдь Пугачевъ прошелъ уже Дубовку? Но при всемъ томъ Кречетниковъ не переставалъ обѣщать, что онъ пріѣдетъ на помощь: „я и самъ съ особливою командою на помощь къ вамъ *вскорѣ* прибыть имѣю.“ Когда же это *вскорѣ*? Между тѣмъ и объ артилеріи, въ которой нуждался князь Дондуковъ, Кречетниковъ пишетъ, что „полевою артиллеріею *вскорѣ за сими* онъ снабженъ будетъ.“ Онъ писалъ въ калмыцкое Зарго ко всѣмъ правителямъ, владѣльцамъ и приставамъ, чтобы выслали къ Дондукову калмыковъ „при надежныхъ зайсангахъ“ съ исправнымъ оружіемъ и лошадьми. И опять приписываетъ своей рукой на ордерѣ: „Весьма мнѣ нужно знать, какъ скоро Дербетева и князя Дондукова калмыки къ вамъ въ Царицынъ къ которому числу придутъ, то имѣете меня съ полученія сего увѣдомить, *чтобы я самъ къ вамъ поспѣшалъ*; войска же всегда къ вамъ черезъ два дня поступать начнутъ, *а за ними и я самъ выйду*.“ Конечно, за войсками было безопаснѣе выѣхать; но все-таки онъ не выѣхалъ, и буря прошла безъ его вѣдома, безъ его присутствія, и эту бурю выдержали одинъ Цыплетевъ да нѣсколько офицеровъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, да горсть солдатъ.

IX.

Не легко было Цыплетеву успѣвать исполненіемъ всѣхъ распоряженій, которыя шли къ нему со всѣхъ сторонъ и шли

не во время, когда нужно было защищать крѣпость и всю линію. Но онъ все сдѣлалъ, что было въ его силахъ (1). Въ Царицынъ, какъ извѣстно, явился въ это время Бошнякъ, саратовскій комендантъ, и съ нимъ прибыли на суднѣ всѣ, успѣвшіе спастись изъ Саратова, въ томъ числѣ дѣвицы Юнгеръ, дочери бывшаго саратовскаго коменданта Томаса Юнгеръ, изъ которыхъ одна заслужила право на историческое безсмертіе тою энергіею, которую она проявила въ отношеніи къ самозванцу (но этотъ случай не идетъ къ настоящему дѣлу).

Прибывъ въ Царицынъ, Бошнякъ тоже обратился съ письмомъ къ Цыплетеву, прося снабдить его команду патронами и пулями, которые, какъ онъ выражался, „употреблены въ пальбу всѣ безъ остатку.“ Изъ письма видно, что съ Бошнякомъ спаслось изъ Саратова всего только 35 человѣкъ—это остатки того войска, которое въ Саратовѣ противопоставлено было всѣмъ силамъ самозванца!

Вотъ это историческое письмо человѣка, заслужившаго такую громкую извѣстность, какъ своею личною отвагою, такъ и знаменитою ссорою съ Державинымъ (2):

„Высокоблагородный и т. д. Бывшими со мною противу государственнаго бунтовщика и вора Пугачева, саратовскаго баталіона военнослужащими чинами положенные по штату патроны съ пули употреблены въ пальбу всѣ безъ остатку, и для того вашему высокоблагородію симъ сообщаю, чтобы

---

(1) О дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ Цыплетева подробно изложено въ нашей статьѣ «Пугачевщина» (Вѣстн. Евр. 1866, кн. I).

(2) О подробностяхъ и главныхъ мотивахъ этой ссоры мы будемъ говорить особо. Эта ссора бросаетъ невыгодный свѣтъ на нашего поэта Державина.

благоволено было на состоящихъ нынѣ при мнѣ унтеръ-офицерамъ, капраламъ и рядовымъ, всего на тридцать на пять человѣкъ, на каждаго по тридцати по пяти, всего тысячу-двѣсти-двадцать-пять патроновъ съ пули посланному при семъ саратовскаго баталіона казначею, подпоручику князю Мансыреву, отпустить. Впрочемъ пребуду съ моимъ почтеніемъ вашего высокоблагородія, государя моего, покорный слуга Иванъ Бошнякъ.“

Но вотъ начался новый и послѣдній актъ драмы. Пугачевъ осадилъ Царицынъ. Это было 21-го августа, въ 2 часа по полудни.

Подробности осады Царицына изложены нами въ особой статьѣ („Пугачевщина“), а здѣсь мы укажемъ только на нѣкоторыя подробности, которыя особенно характеризуютъ и эпоху, и дѣйствовавшихъ тогда людей, и средства, которыми они располагали.

Кромѣ шаекъ, которыя отдѣлились отъ самозванца подъ предводительствомъ такихъ полковниковъ, какъ Ивановъ, Каменскій, Обрываловъ, Вороновъ, Молотилинъ и другіе, и пошли по направленію къ Медвѣдицѣ, Хопру и Воронежу, или подъ начальствомъ какого-то *арапа* потянулись луговой стороной Волги, по самой Волгѣ,—рядомъ съ главною толпою Пугачева тянулась особая флотилія на судахъ, баркахъ, расшивахъ, на косныхъ и простыхъ лодкахъ. Въ этой флотиліи попадались и такія суда, на которыхъ не было никого кромѣ мотавшихся на снастяхъ человѣческихъ труповъ. Когда самозванецъ громилъ Царицынъ „*сильною пушечною единорожною и мортирною пальбою, ядрами разныхъ калибровъ, гранатами десятифунтовыми* и *одного пуда бомбами* съ *втораго по седь-*

мой часъ по полудни,“ какъ доносилъ потомъ, по отраженіи самозванца, своему начальнику, Цыплетеву, командовавшій во время осады царицынскою артиллеріею, маіоръ Харитоновъ, въ это время пугачевская флотилія тянулась Волгою, разсчитывая, конечно, при благопріятномъ исходѣ приступа, кинуться на городъ. Хотя нестройная эскадра эта тащилась мимо Царицына цѣлыхъ два дня, 21 и 22 августа, однако изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно, чтобы она бомбардировала городъ съ берега. Канонада шла только съ сухаго пути, гдѣ командовалъ самъ Пугачевъ, и на эту канонаду преимущественно отвѣчали орудія изъ Царицына. Царицынскія пушки не оставляли впрочемъ въ покоѣ и флотиліи пугачевской; пушки эти поставлены были на судахъ и стрѣляли по проходившимъ Волгою судамъ Пугачева, вѣроятно, не рѣшаясь напасть на нихъ и овладѣть ими. Такимъ образомъ береговая пловучая артиллерія въ Царицынѣ выпустила по пугачевской флотиліи 250 зарядовъ. На канонаду съ сухаго пути, т. е. отъ стана самозванца, крѣпостная артиллерія отвѣчала 600 пушечными выстрѣлами, преимущественно изъ двѣнадцати и шестифунтовыхъ пушекъ и изъ трехпудовыхъ мортиръ. Бомбъ изъ крѣпости было брошено 25. Отъ непріятельской канонады большихъ поврежденій ни городу, ни артиллеріи не причинено, но сами жители при приближеніи самозванца сожгли предмѣстье города. Въ крѣпости повредилась одна двѣнадцатифунтовая пушка съ двадцать-четвертаго заряда да отъ непріятельскихъ картечей взорвало нѣсколько зарядовъ съ ядрами и картечами и повреждены три бомбы.

Когда непріятель, видя сильную крѣпостную оборону, „отступя ретировался чрезъ линію внизъ по Волгѣ,“ какъ

пишетъ Харитоновъ по отступленіи отъ стѣнъ крѣпости Пугачева, и когда въ городѣ уже могли спокойно обсудить все, что произошло въ эти страшные послѣдніе дни, Харитоновъ писалъ Цыплетеву, что „сего августа въ 21-й день, во время происшествія атаки сей крѣпости города Царицына сухимъ путемъ злодѣемъ и варваромъ Емелькою Пугачевымъ,“ особенно отличились при оборонѣ крѣпости — „съ праваго фаза артилеріи господинъ капитанъ Елчинъ, съ лѣваго штыкъ-юнкеръ Харковъ, а изъ средины, противъ коей первая атака начата была, съ трехъ бастіоновъ — съ линейнаго штыкъ-юнкеръ Ушаковъ, съ московскаго сержантъ Ченцовъ, а съ донскаго цейхшрейберъ Власовъ, коп стрѣляли весьма цѣльно, такъ что ни одинъ ихъ выстрѣлъ безъ дѣйствія не былъ.“ Къ этой рекомендаціи Харитоновъ добавлялъ, что „и подпоручикъ Ильинъ, какъ онъ состоялъ на береговой батареѣ и хотя до его орудій очереди не доходило, однако онъ прикомплектованіи праваго фаза артиллеріи оказывалъ себя исправнымъ, и денно и нощно при своемъ постѣ былъ неотлученъ.“ Наконецъ Харитоновъ отзывается съ похвалою обо всѣхъ, кто находился при артиллеріи, при отдѣльныхъ батареяхъ, батальонные офицеры и проч. Мало того, Харитоновъ прибавляетъ, что и „шелковаго (ахтубинскаго) завода господинъ капитанъ Свербеевъ со своимъ кондукторомъ Духанинымъ при оной же командѣ поступали неустрашимо и артиллерійскихъ и прочихъ служителей своимъ примѣромъ ободряли, а къ тому и здѣшній воеводскій товарищъ, господинъ секундъ-маіоръ Фатьяновъ, получа отъ меня позволеніе, при нѣкоторыхъ батареяхъ находясь, не только военнослужащихъ, но и жителей здѣшнихъ (и подвозомъ орудій умножалъ) ободрялъ, показывая собою примѣръ неустраши-

мости, кои всѣ съ бодрымъ духомъ готовились къ сильнѣйшему отраженію непріятеля.“

Все это писалось по горячимъ слѣдамъ за уходомъ Пугачева, когда еще можно было ожидать, что онъ воротится и опять нагрянетъ на городъ съ болѣе неотразимою стремительностію. Все это говорилось, когда еще Михельсонъ не настигъ самозванца, который со своими любовницами, отъ усталости послѣднихъ дней и отъ этой нравственной такъ сказать передряги, отдыхалъ въ Сарептѣ, а „проклятая его волокита тянулась надъ Волгою,“ какъ говорили въ своихъ донесеніяхъ донцы Денисовъ, Манковъ, Поздѣевъ и Грековъ, дрогнувшіе было при нападеніи самозванца на Царицынъ, а потомъ гнавшіеся за нимъ по пятамъ (1).

По горячимъ слѣдамъ, такъ сказать, и Цыплетевъ пишетъ атестацію лицамъ, особенно отличившимся при отраженіи Пугачева отъ Царицына. Атестацію эту онъ пишетъ на рапортѣ Харитонова своею рукой отъ начала до конца: „рекомендовать артиллеріи маіора Харитонова и подпоручика Муханова, а притомъ и находящихся при дѣлѣ артиллерійскаго маіора, а также и всѣхъ написанныхъ въ семъ рапортѣ; изъ гарнизонныхъ, бывшихъ противъ самой его воровской батареи, состоящей изъ 12-ти орудіевъ — князя Андроникова, маіора Тимашева и кто еще былъ; а наконецъ всѣ господа штабъ и оберъ-офицеры, солдаты и купечество имѣли крайнюю неустрашимость, желали истребить злодѣя безъ остатка, и еслибы вблизи находящійся деташементъ князя Багратіона подоспѣлъ, тогдабъ, *ободрясь*,

---

(1) О томъ, въ какой степени измѣнили донскіе казаки въ пугачевщину, мы скажемъ особо.

донскіе старшины, которые крайнее усердіе имѣли, но опасаясь своихъ казаковъ, изъ которыхъ калмыки побѣгъ въ тоже время учинили, напавъ на злодѣя при самой крѣпости, во всемъ искоренили изъ крѣпости съ малымъ числомъ, и какъ крѣпость была вся окружена, то идтить на вылазку, безъ подкрѣпленія легкихъ войскъ, способу не было.“

Это личное свидѣтельство человѣка, распоряжавшагося защитой крѣпости. Оно писано подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній еще дрожащею отъ усталости рукою. Но въ этомъ свидѣтельствѣ ближайшаго очевидца мы не видимъ того, что говоритъ Пушкинъ въ „Исторіи пугачевскаго бунта.“ У Пушкина вся честь защиты, по видимому, принадлежитъ Бошняку. „Въ семъ городѣ—читаемъ у Пушкина—хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ полковникъ Цыплетевъ, съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21-го августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостію. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи донскихъ казаковъ; но только четыреста воротилось: остальные предались“ (Ист. пугач. бунта, стр. 154). У Цыплетева нѣтъ указанія на то, чтобы донскіе казаки, которыхъ выслали противъ Пугачева, измѣнили. Еслибы это было, то онъ не преминулъ бы указать на этотъ фактъ, для него лично выгодный, чтобы доказать, что онъ не могъ окончательно разбить самозванца за измѣною донскихъ казаковъ. А онъ, напротивъ, говоритъ, что „донскіе старшины крайнее усердіе имѣли,“ а только опасались своихъ казаковъ, изъ которыхъ *калмыки* побѣгъ учинили.“ Бѣгство калмыковъ не новый фактъ; они бѣгали не одинъ разъ; бѣгство дербетевскихъ калмыковъ

было причиною и гибели храбраго Дица, въ сраженіи 13 августа.

Пушкинъ же говоритъ, что на другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги и былъ *опять* отбитъ Бошнякомъ (155 стр.). Между тѣмъ намъ извѣстно, что съ Волги Пугачеву и зайти было нельзя. Въ донесеніи Харитонова прямо сказано, „что до береговой батареи, которою командовалъ Ильинъ, „очереди не доходило.“ А если Пушкинъ подъ нападеніемъ Пугачева съ Волги разумѣетъ то, что мимо Царицына тянулась пугачевская флотиліи, въ которую стрѣляли съ судовъ, по берегу разставленныхъ, то это не значитъ, чтобъ Пугачевъ подступалъ къ Царицыну со стороны Волги. Вообще вся эпоха Пугачева, а тѣмъ болѣе исторія этой эпохи Пушкина подлежитъ строгой критической оцѣнкѣ.

Изъ-подъ Царицына Пугачевъ бѣжалъ 22 августа. Въ этотъ же день въ Царицынъ явился „грозный гонитель“ самозванца, какъ Пушкинъ называетъ Михельсона.

Надо читать подлинныя бумаги того времени, писавшіяся, можно сказать, подъ выстрѣлами, чтобы понять и прочувствовать всю драматичность положеній, въ которыя были поставлены тогда дѣйствовавшія лица и вся масса населенія. Толпы Пугачева только что скрылись изъ глазъ изумленныхъ и отчаявавшихся жителей Царицына; ждутъ новаго приступа; тѣла убитыхъ валяются за городомъ; собаки таскаютъ обезображенные трупы; мальчишки катаютъ по улицамъ пушечныя ядра. Что будетъ — неизвѣстно: говорятъ, донскіе казаки измѣнили; калмыки бѣжали; волжское войско и его знамена виднѣлись между осаждающими. Кому вѣрить? кого слушаться? кому повиноваться—*той* ли, знаменъ ко-

торой не видно, или *тому*, котораго бѣлое съ раскольничьимъ крестомъ знамя облетѣло всю Россію и вездѣ наводило ужасъ.

И едва улеглась за городомъ пыль, поднятая толпами самозванца, какъ съ противоположной стороны опять встаетъ облако пыли. Это скачетъ „грозный гонитель“ Пугачева со своей неутомимой конницей. Но ему останавливаться въ Царицынѣ некогда. Ему надо гнать грозный призракъ, который уже становился его жертвой. Конница его изнурена. Фуража нѣтъ, а идти надо, потому что въ то страшное время одинъ часъ стоилъ Россіи большихъ жертвъ.

Входя въ Царицынъ, Михельсонъ писалъ Цыплетеву; „Вслѣдствіе даннаго мнѣ отверстаго повелѣнія, объявленнаго вашему высокоблагородію, прошу, къ достиженію государственнаго злодѣя Емельки Пугачева, приказать явиться наискорѣе въ команду мою, какъ донскаго, такъ и волжскаго войска начальникамъ съ ихъ казаками, набравъ оныхъ елико возможно болѣе, въ подкрѣпленіе моей изпуренной конницы; равномѣрно ваше высокоблагородіе прошу, въ разсужденіи степнаго мѣста, коимъ я долженъ буду идти, приказать нагрузить судно фуражемъ и провіантомъ, сѣномъ до пяти тысячъ пудъ, овса пятьсотъ четвертей, который фуражъ и провіантъ, нагрузивъ на судно, прошу, дабы елико возможно скорѣе приказать за конвоемъ отправить внизъ по Волгѣ, съ наставленіемъ находиться всегда въ равной дистанціи противу деташемента; ежели же толикаго числа фуража заготовленнаго не имѣется, то, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, прошу приказать оный брать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только найдется, подъ квитанціи или за деньги, на счетъ казны провіантской суммы.“

Это было за двое сутокъ до пораженія самозванца, который, бѣжавъ изъ-подъ Царицына, остановился въ 20 верстахъ отъ этого города „коротать ночь“, какъ доносили въ этотъ-же день Цыплетеву донскіе казаки, гнавшіеся за бѣглецами и отбившіе у нихъ по дорогѣ пушку, „двѣ хоругви“ (два знамени) съ большимъ числомъ плѣнныхъ.

Вступая въ Царицынъ, Михельсонъ писалъ также Цыплетеву: „при семъ посылаются въ толпѣ разныхъ командъ девяносто, крестьянъ сто девяносто человѣкъ, которые отдаются на разсмотрѣніе вашего высокоблагородія. Посланныхъ въ конвоѣ малороссійскихъ казаковъ прикажите отдать въ команду ротмистру Савельеву, а мещеряковъ и башкиръ прошу довольствовать провіантомъ по даннымъ имъ атестатамъ. Впрочемъ съ отмѣннымъ почтеніемъ имѣю честь именоваться..... полковникъ Михельсонъ.“

Михельсонъ оставлялъ такимъ образомъ лишнюю тяжесть, чтобъ съ легкою конницею удобнѣе было настигнуть самозванца. Не остановись Пугачевъ „коротать ночь“ ниже Царицына и не промедли цѣлыя сутки со своими наложницами въ Сарептѣ, Михельсонъ, можетъ быть, и не успѣлъ бы застигнуть его при Солениковой ватагѣ. Но самозванецъ, вѣроятно, не предполагалъ, что за нимъ гонится такая неутомимая личность, какъ Михельсонъ.

Послѣ этого прошло два дня. Въ архивномъ дѣлѣ, изъ котораго мы извлекаемъ эти подробности, каждая бумага говоритъ о какой-то горячечной поспѣшности, съ которою совершалось одно событіе за другимъ. Между бумагой, содержащей въ себѣ письмо Михельсона къ Цыплетеву, писанное въ день вступленія въ Царицынъ, и извѣстіемъ, сообщеннымъ ему Михельсономъ же о пораженіи самозванца, вы пе-

релистываете въ дѣлѣ цѣлую кучу бумагъ, подшитыхъ въ эти два критическіе дня и содержащихъ въ себѣ рапорты и письма лицъ, бывшихъ съ самозванцемъ или гнавшихся за нимъ или разбитыхъ имъ.

Наконецъ на 240 страницѣ вы видите опять знакомую вамъ руку Михельсона. Это--радостное извѣстіе о побѣдѣ надъ Пугачевымъ, о побѣдѣ, которая такъ высоко поставила имя Михельсона въ ряду знаменитыхъ историческихъ дѣятелей, которая пріобрѣла ему громкую страницу въ исторіи XVIII вѣка и которая впослѣдствіи выдвинула Михельсона изъ ранга дюжинныхъ полковниковъ въ званіе главнокомандующаго военными силами Россіи. Этого документа мы нигдѣ не видѣли напечатаннымъ, хотя, безъ сомнѣнія, въ свое время онъ облетѣлъ всю Россію, цитировался въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ ордеровъ, рапортовъ, промеморій, указовъ и писемъ, читался и лицами, заправлявшими судьбою Россіи, и послѣдними изъ ея подданныхъ. Драгоцѣнный документъ этотъ коротокъ и хотя своей сжатостью не напоминаетъ знаменитаго цезаревскаго донесенія римскому сенату (veni, vidi, vici), однако для Россіи и ея спокойствія значилъ больше, чѣмъ хвастливый рапортъ Цезаря для римской республики и ея подданныхъ.

Вотъ этотъ драгоцѣнный документъ:

„Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и царицынскій комендантъ, милостивый государь мой! Сего числа, на разсвѣтѣ, я злодѣя Пугачева атаковалъ, съ небольшимъ урономъ съ нашей стороны, совершенно разбилъ, всѣ пушки, числомъ девятнадцать, единороговъ четыре, мортиръ пудовыхъ одну и весь обозъ отнялъ; на мѣстѣ побитыхъ болѣе двухъ тысячъ; живыхъ взято тысячъ шесть; въ

числѣ коихъ вся саратовская и оставшая легкая полевая команда. Злодѣй съ малымъ числомъ бѣжитъ. Вся моя конница его преслѣдуетъ. О чемъ вашему высокоблагородію сообщаю, дабы вы могли взять свои мѣры и предосторожности, когда въ случаѣ злодѣй захочетъ пробраться въ близости вашей крѣпости. Арестантовъ сего числа къ вашему высокоблагородію отправляя, прошу изготовить для нихъ провіанта. Судно съ овсомъ и сѣномъ ко мнѣ прибыло. Въ протчемъ съ почтеніемъ моимъ имѣю честь именоваться“ и т. д...

Разсказываютъ, что когда Суворовъ узналъ о послѣднемъ пораженіи самозванца Михельсономъ, онъ сказалъ:

— Михельсонъ... все Михельсоны!.. Отчего-жъ не Михайловъ?

— Такого нѣтъ здѣсь полковника, отвѣчали ему.

— Какіе же есть? спросилъ онъ.

— Муфель, Меллинъ.... (1)

— Помилуй Богъ! Это все Михельсоны: они поймаютъ Емельку.... А еще кто его ловитъ?

Ему назвали нѣсколько русскихъ фамилій, въ томъ числѣ неудачно бившихся съ самозванцемъ генераловъ, которыхъ именъ мы не приводимъ.

— Помилуй Богъ! Они упустятъ Емельку.

Что выражалъ своими словами Суворовъ — иронію ли надъ нѣмцами или похвалу имъ — мы не беремся рѣшить.

Какъ бы то ни было, но Михельсонъ нанесъ рѣшитель-

---

(1) Михельсонъ, Муфель и Меллинъ дѣйствовали быстрѣе прочихъ командировъ. Когда другіе генералы отставали отъ самозванца, эти постоянно гнались за нимъ по пятамъ.

ное пораженіе Пугачеву. Послѣ этого пораженія ему оправиться было уже не легко. Побѣдитель недолго медлилъ на мѣстѣ битвы. На другой же день отправилъ онъ къ Цыплетеву, за особымъ конвоемъ, толпы плѣнныхъ, отнятую у Пугачева артиллерію, боевые патроны, въ которыхъ не имѣлъ недостатка, „и не малое число дворянскихъ дѣвицъ и дворянъ, коимъ (писалъ онъ при этомъ Цыплетеву) прошу дѣлать всякое вспомоществованіе въ квартирахъ и въ отправленіи въ ихъ домы.“ Арестантовъ просилъ разобрать и „сумнительныхъ держать подъ крѣпкимъ карауломъ.“ Къ этому Михельсонъ присовокуплялъ: „о злодѣѣ имѣю извѣстіе, что перебѣжалъ черезъ Волгу человѣкахъ въ тридцати, да еще въ разныхъ мѣстахъ человѣкъ со сто, о чемъ вашему высокоблагородію къ взятію своей предосторожности и дѣланія всевозможные поиски по той сторонѣ Волги сообщаю, и объ отправленіи прилагаемаго при семъ конверта покорно прошу.“

Въ такомъ положеніи находились дѣла самозванца, когда Ивановъ, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлаетъ Пугачевъ, и опасаясь прямо врываться въ станицы донскихъ казаковъ, повелъ свои „толпища“ къ Бузулуку, Хопру и Медвѣдицѣ.

X.

Посмотримъ теперь что дѣлалъ въ этотъ промежутокъ времени Ивановъ со своими „толпищами.“

Вѣсть о пораженіи самозванца дошла къ нему очень поздно. Когда самозванецъ, видя безполезность усилій устоять

противъ своего „грознаго гонителя“, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ приближенныхъ обратился въ бѣгство и перекинулся за Волгу, унося съ собой свое бѣлое знамя, ничтожные остатки толпы его, спасшіеся отъ плѣна, разсѣялись по степи. Кто не попался въ плѣнъ, тотъ утонулъ въ Волгѣ, другіе погибли подъ казацкими пиками и подъ саблями михельсоновской конницы. Большую часть плѣнныхъ погнали къ Цыплетеву. Тѣ, которые ушли въ степь, должны были подумать о своихъ головахъ. Въ донскія станицы было не безопасно пробираться. По саратовской дорогѣ, къ Царицыну, также не было проходу за войсками правительства, которыя прибывали деташементъ за деташементомъ. Невзятые въ плѣнъ, скитаясь по нѣскольку дней безъ пристанища и пищи, сами шли въ Царицынъ и въ другіе города и отдавались въ руки законныхъ властей. Болѣе виновныя или болѣе безпокойныя личности искали спасенія въ бродяжничествѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ набрели на шайку Иванова, которая, какъ мы упомянули выше, дѣйствовала у окраинъ земли войска донскаго, придерживаясь преимущественно „россійскихъ селеніевъ“, гдѣ мѣстныя власти, хотя и смотрѣли за всѣмъ „недреманнымъ окомъ“, только ничего, кажется, не видѣли.

Эти-то бѣглецы и принесли Иванову вѣсть о пораженіи самозванца.

— Какъ Богъ милуетъ нашего батюшку, царя всемилостивѣйшаго? спрашивалъ Ивановъ бѣглецовъ.

Тѣ отвѣчали, что царь проигралъ битву, что „проклятые-де злодѣи и измѣнники учинили ему великую баталію“ за Царицынымъ и „продерзостно“ въ самого царя стрѣляли...

— Сбили царское знамя и, атаковавъ, обозъ захватили... Наше войско, оторопѣвъ, натиску не сдержало.

— Гдѣжъ находится государь со своими генералами?

— Самимъ намъ невѣдомо, гдѣ пребываетъ и что съ нимъ... Сказывали вѣрные люди, что вся-де армія въ полонъ взята, а самъ государь со своимъ „дворомъ“ путь свой къ Гурьеву-городку наклоняетъ.

— Сказывали-де и то, что Кабарду замыслилъ вести на непокорную россійскую державу.

— Съ отоманской портой миръ, слышно, заключенъ на вѣчныя времена, замѣтилъ монахъ, бывшій при Ивановѣ, какъ мы говорили выше.

— О мирѣ сказываютъ, что это ложно выдумано, для страху, говорили бѣглецы.

При этомъ они разсказали о самомъ началѣ битвы при Солениковой ватагѣ. Она началась на разсвѣтѣ 25 августа. Когда прояснилось и пугачевцы увидѣли „злодѣйскую“ (т. е. правительственную) „конницу“, самозванецъ выбѣжалъ къ своему войску.

— Стойте, други, за вѣру и за царя своего законнаго; постою и я за васъ, коль скоро прародительскій престолъ достану, говорилъ самозванецъ къ народу.

— Постоимъ, государь, за тебя и за наслѣдника твоего Павла Петровича.

Тогда самозванецъ перекрестился и велѣлъ ударить на Михельсона.

— Идите смѣло, дѣтушки!.. Богу неугодно было отдать меня въ руки злодѣйскія (обратился онъ къ донскимъ и волжскимъ казакамъ, которые вмѣстѣ съ яицкими составляли передовой отрядъ): за ихъ окаянство послѣдуетъ жестокое имъ наказаніе, а вамъ и вашимъ дѣтямъ и внукамъ, до самаго послѣдняго потомства, будетъ моя царская милость

и отъ наслѣдниковъ моихъ возвышены будете надъ проклятымъ родомъ дворянъ.

Мы не знаемъ, о какомъ „царскомъ знамени“ говорится здѣсь. Изъ архивныхъ дѣлъ мы видѣли, что у Пугачева было много знаменъ, начиная отъ простыхъ бѣлыхъ съ раскольничьими на нихъ крестами и кончая знаменами съ изображеніями разныхъ святыхъ. Но у Пугачева было еще „гольштинское знамя“, до сихъ поръ остающееся загадкой для историковъ той эпохи. Нѣтъ никакого указанія на то, какимъ образомъ знамя это могло попасть къ самозванцу, если только не допустить очень сложную и очень широкую интригу, пружины которой тщательно прятались въ самомъ Петербургѣ, можетъ быть даже во дворцѣ (1) и пожалуй въ кабинетахъ иностранныхъ недоброжелателей Россіи. Быть можетъ, подъ „царскимъ знаменемъ“ разумѣется это таинственное „гольштинское знамя“, но, сколько намъ извѣстно, оно утрачено было самозванцемъ подъ Царицынымъ, хотя въ царицынскихъ архивныхъ дѣлахъ и нѣтъ указанія на это обстоятельство.

Ивановъ, получивъ эти нерадостныя вѣсти о пораженіи самозванца, строго („накрѣпко“) запретилъ бѣглецамъ распускать въ толпѣ эти слухи, а напротивъ воспользовался ихъ приходомъ для своихъ цѣлей. Между этими бѣглецами было двое яицкихъ казаковъ, которые служили въ толпѣ самозванца отъ самаго появленія Пугачева, въ качествѣ царя, передъ Яицкомъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ войскѣ самозван-

---

(1) Вѣдь подбрасывались же въ самые покои императрицы «воровскія», т. е. пугачевскія письма, и никто не могъ знать, чья «предерзостная рука» шалила такъ отважно во дворцѣ (см. нашу «Пугачевщину»).

ца „хорунжимъ“, т. е. держалъ во время сраженій „хоругвь“ (хоругвь, знамя).

Когда Михельсонъ сталъ одолѣвать скопище Пугачева при Солениковой ватагѣ, когда „царское знамя“ упало и большая часть пугачевцевъ „въ бѣги обратились“, хорунжій этотъ, видя, что и на него несется партія гусаръ, сорвалъ знамя съ древка и спряталъ его за пазуху „для сбереженія царской чести.“ Съ этимъ знаменемъ онъ и убѣжалъ, когда увидѣвъ общее смятеніе и бѣгство. Онъ показалъ это знамя Иванову. Оно было изъ числа старыхъ знаменъ, принадлежавшихъ яицкому войску.

Тогда онъ приказалъ сдѣлать сборъ своему „толпищу.“ Это было у верховьевъ рѣки Бузулука, на степи, гдѣ толпы Иванова останавливались на ночлегъ. Барабанщики били въ барабаны, а конные разъѣзжали по толпѣ и кричали къ народу, чтобы всѣ шли къ палаткѣ полковника „слушать царскую милость.“ Толпа обступила палатку, гдѣ оставлена была небольшая площадка, окруженная цѣпью конныхъ и пѣшихъ, которые держали собою „начало.“ Когда всѣ собрались, изъ палатки вышелъ Ивановъ со своимъ братомъ, за ними вышли нѣкоторые изъ яицкихъ казаковъ, находившіеся въ толпѣ Иванова, извѣстный уже намъ раскольничій монахъ и бѣглецы, принесшіе вѣсть о пораженіи самозванца. Вынесли изъ палатки и знамя, которое принесъ съ собой пугачевскій хорунжій. Ивановъ взялъ знамя и поднялъ его надъ головою. Тутъ онъ сталъ говорить, чтобъ всѣ его слышали, что „всемилостивѣйшій государь Петръ Ѳедоровичъ, по разбитіи и искорененіи злодѣйскихъ войскъ“ ниже Царицына, получивъ извѣстіе о неизмѣнной вѣрности къ нему той части его арміи, которая была съ Ивановымъ,

жалуетъ своимъ „дѣтушкамъ“, по своей царской милости, одно изъ самыхъ старинныхъ и почитаемыхъ „вѣрными яицкими казаками“ знаменъ. При этомъ яицкіе казаки и другіе конные бросали вверхъ шапки и кричали:

„Рады служить и впредь его царскому величеству!“

Въ толпѣ тоже стали бросать шапки вверхъ.

— Подождите, атаманы-молодцы, дайте послушать, что еще намъ отъ царя наказано.

— Царская воля наказана—бить злодѣевъ и супротивниковъ, кричали казаки.

— Наказалъ государь, говорилъ Ивановъ, что скоро отъ подушнаго окладу и рекрутскаго набору будутъ всѣ вольны.

— Дай Богъ здравія батюшкѣ-государю, кричала толпа.

— Почемъ соль приказалъ государь отпущать? спрашивали другіе.

— По двадцати копѣекъ пудъ.

Въ толпѣ долго раздавались крики. Народъ радовался. Всѣ цѣловались другъ съ другомъ и поздравляли одинъ другаго, что „помѣщиковъ больше не будетъ.“

Между тѣмъ и противъ Иванова съ его толпищемъ собиралась гроза. Какъ мы говорили выше, казаки, которыми располагало войско донское, всѣ соединились въ отряды подъ предводительствомъ походнаго атамана Абросима Луковкина и подъ начальствомъ полковниковъ и войсковыхъ старшинъ Грековыхъ, Денисовыхъ, Кутейникова, Кульбакова, Манкова, Янова, Поздѣева, Вуколова и другихъ, и одна часть ихъ расположилась по царицынской линіи и слѣдовательно должна была участвовать въ битвахъ съ толпами самозванца и съ самимъ Пугачевымъ выше Царицына,

около Царицына и ниже этого города, а другая растянулась отдѣльными отрядами по окраинамъ земель донскаго войска, гдѣ онѣ соприкасаются съ „россійскими мѣстами.“ И тѣмъ и другимъ отрядамъ предстояло не мало работы, хотя послѣднимъ партіямъ не выпало на долю биться противъ самого Пугачева. За то имъ предстоялъ трудъ остановить пожаръ возмущенія въ мѣстностяхъ, соединявшихся съ наиболѣе населенными нашими губерніями.

Въ первыхъ числахъ сентября, когда Пугачева безполезно старались схватить за Волгой, гдѣ гонялись за нимъ со своими отрядами Суворовъ, Муфель, Меллинъ и другіе, Абросимъ Луковкинъ между прочимъ писалъ: „Я съ командою моею на рѣчку Мачиху, которая за Филоновскою станицею къ русскимъ поселкамъ состоитъ въ шестидесяти верстахъ, прибылъ, гдѣ и занялъ въ удобномъ мѣстѣ дистанцію. Господъ полковниковъ расположилъ: Янова на Кардаилѣ, выше Зубриловыхъ хуторовъ, Вуколова на бузулуцкомъ перелазѣ, а старшину Кульбакова на Медвѣдицѣ, за Березовскою станицею.“

Такимъ образомъ вся линія, ведущая отъ русскихъ поселковъ къ донскимъ землямъ, была оцѣплена отрядами. Отряды эти расположились слѣдовательно на пути, по которому приходилось подвигаться шайкамъ Иванова и гдѣ онъ рыскалъ уже нѣсколько недѣль, безпрестанно мѣняя направленіе: то его видѣли на Бузулукѣ, слѣдовательно недалеко отъ „бузулуцкаго перелаза,“ о которомъ говоритъ Луковкинъ, то выше Березовской станицы, на Медвѣдицѣ, въ Даниловкѣ, Мариновкѣ и Каменовыхъ хуторахъ, то на Хопрѣ. Избравъ опредѣленную позицію, Луковкинъ разсылалъ небольшіе отряды казаковъ для развѣдыванія о зло-

дѣяхъ. Одна изъ такихъ партій, посланная имъ въ „великороссійскіе поселки,“ наткнулась на подобную же партію, посланную товарищемъ Иванова тоже—въ необходимыхъ случаяхъ—называвшимъ себя полковникомъ. Надо замѣтить, что Ивановъ, какъ и самъ Пугачевъ, впереди всей толпы, которою онъ предводительствовалъ, всегда посылалъ своихъ эмисаровъ, которые и должны были извѣщать по дорогѣ жителей о томъ, что „вотъ-де отъ государя Петра Ѳедоровича, черезъ день или два, съ милостію пріѣдетъ команда и онѣ-бъ ее встрѣтили всѣ отъ старова до малова, при попѣ, съ колокольнымъ звономъ,“ что „при ней-де будетъ подполковникъ или полковникъ.“ Эти эмисары кромѣ того вербовали въ свои шайки народъ, приказывали готовить провіантъ и лучшихъ людей вооружать и высылать въ царскую „вольную“ службу. Вотъ на такихъ-то эмисаровъ набѣжала передовая казацкая партія, отряженная Луковкинымъ для развѣдыванія и „поимки языка.“ Эмисары были захвачены въ селѣ Красавкѣ и шестеро изъ нихъ „изловлены“ и представлены къ Луковкину. Другіе девять успѣли спастись бѣгствомъ.

Отъ эмисаровъ (одинъ изъ нихъ назывался Зиновьевымъ, другой Ельгуновымъ; былъ между ними и казакъ хоперской крѣпости Фенинъ и выключенный изъ симбирскаго баталіона капралъ Апачковъ) Луковкинъ узналъ, что они посланы „толпы злодѣйской отъ предводителя, изъ крестьянъ, называющаго (ся) полковникомъ, Ивана Михайлова (кажется, это имя Каменскаго, товарища Иванова и отчасти подчиненнаго ему), съ села Аркадаку въ селы Пещанку и Острова для набору людей и заготовленія провіанта и фуража къ ево приходу, въ коей толпѣ злодѣевъ болѣе тысячи

человѣкъ, разнаго званія мужиковъ и хохловъ и пять самыхъ малыхъ пушачакъ, изъ коихъ двѣ мѣдныя, а три чугунныя, и оныя три не болѣе какъ аршина.“ Луковкинъ успѣлъ также узнать, что „идетъ та толпа отъ Пензы, и намѣрены итти, по ихъ объявленію, съ села Тростянки на село Засѣцкое и къ городу Саратову, въ соединеніе злодѣя и тирана Пугачева.“

Или эмисары эти ложно показывали, или они сами хорошенько не знали, куда ведутъ ихъ предводители, только едва-ли можно думать, чтобъ партіи пугачевскихъ полковниковъ, бродившія у окраинъ войска донскаго, располагали идти на Саратовъ и чтобъ онѣ выбирали такой кривой путь—отъ Пензы къ границамъ донскаго войска, а оттуда назадъ въ Саратовъ, когда Пугачевъ давно прошелъ уже Царицынъ, былъ разбитъ Михельсономъ и за Волгой рыскалъ какъ вѣтеръ, укрываясь отъ отрядовъ Суворова, Муфеля, Меллина и другихъ генераловъ и полковниковъ. Можетъ быть и то, что захваченные Луковкинымъ эмисары принадлежали къ той части „толпищъ“ Иванова, которою предводительствовалъ Каменскій или одинъ изъ его подполковниковъ или есауловъ, что и подтверждается послѣдующими реляціями Луковкина.

Получивъ эти извѣстія, Луковкинъ изъ Мачихи отправился къ своимъ отрядамъ, а захваченныхъ эмисаровъ отправилъ „по способности“ въ Нохоперскую крѣпость. Надо было дѣйствовать стремительно. Эмисары говорили, что въ ихъ толпѣ болѣе тысячи человѣкъ и пять пушекъ; но на ихъ слова не вполнѣ можно было положиться: могло быть въ толпѣ и нѣсколько тысячъ, да и артилерія могла состоять не изъ пяти только „пушачакъ“.

Приготовивъ все необходимое къ битвѣ, Луковкинъ писалъ Цыплетеву: „Я, призвавъ Бога въ помощь, по соединеніи съ командою моею, для поиску слѣдовать имѣю къ оной толпѣ.“

Но Ивановъ не дожидался нападенія отрядовъ донскаго войска, а заблаговременно принялъ свои мѣры. По видимому, вѣсть о пораженіи Пугачева сильно смутила его, хотя онъ и разыгралъ комедію передъ народомъ, объявляя всѣмъ, что самозванецъ разбилъ „московское войско,“ прислалъ на толпу Иванова жалованное знамя въ знакъ своей милости. Надо было думать или о спасеніи, или о соединеніи съ самозванцемъ, чтобъ лично узнать, какая ожидаетъ ихъ всѣхъ участь. Къ тому же въ народѣ начали ходить слухи, что скопища Пугачева дѣйствительно разбиты и что онъ пропалъ безъ вѣсти.

Вслѣдствіе всего этого Ивановъ рѣшился дѣйствовать, но только не по прежней программѣ дѣйствій. У него оставался еще одинъ выходъ — поручить начальство надъ своимъ „толпищемъ“ одному изъ своихъ помощниковъ и поразвѣдать о средствахъ выхода изъ этого двусмысленнаго положенія.

Тогда онъ обратился къ раскольникамъ. Въ его шайкѣ, какъ мы видѣли, находился раскольническій монахъ, и съ нимъ вмѣстѣ они задумали спасти свои головы съ помощью такихъ средствъ, какими могли располагать одни только раскольники.

Вообще участіе раскольниковъ въ пугачевской интригѣ далеко не объяснено. И Пушкинъ, и Щебальскій касались этого вопроса; но далеко не уяснили его тайныхъ сторонъ.

А что были и остались тайныя стороны въ этой интригѣ— это несомнѣнно.

Раскольники первые подали Пугачеву мысль назваться именемъ умершаго государя, когда Пугачевъ, въ качествѣ бѣглаго, косилъ траву въ Добрянкѣ, пробираясь изъза польской границы, куда онъ бѣжалъ, послѣ разныхъ провинностей, изъ своей родной станицы. Раскольники дали ему денегъ и послали его отъ польской границы на Иргизъ, гдѣ уже были тогда раскольничьи скиты. По дорогѣ отъ польской границы до Саратова и до самаго Иргиза Пугачевъ вездѣ находилъ пріютъ у раскольниковъ, которые снабжали его весьма крупными суммами денегъ и отправляли далѣе, совѣтуя ему зайти къ такому-то „доброму человѣку“, а этотъ добрый человѣкъ, снабдивъ бѣглеца съ своей стороны деньгами, отправлялъ его еще къ какому нибудь „доброму человѣку.“ На Иргизѣ онъ также жилъ у раскольничьихъ старцевъ ([1]). Въ Казани, когда Пугачевъ сидѣлъ въ острогѣ, ему тоже покровительствовали раскольники. Раскольники устроили его бѣгство изъ казанской тюрьмы. Раскольники же руководили и дальнѣйшимъ ходомъ интриги. Не даромъ у самозванца было раскольничье знамя. Не даромъ въ манифестахъ своихъ онъ жаловалъ русскій народъ „крестомъ съ бородою“. А кому неизвѣстно, какія средства употребляютъ раскольники для тайныхъ сношеній, какъ между своими членами, такъ и съ правительственными лицами. Только въ послѣднее время стали раскрываться эти интриги; но еще далеко до полнаго ихъ обнаруженія. И въ прошломъ вѣкѣ между раскольниками

([1]) „Допросы Пугачеву“, въ Чт. Моск. Общ. за 1858 г.

было безъ сомнѣнія не мало такихъ, которые, и не принадлежа къ расколу по убѣжденіямъ, могли дѣйствовать заодно съ раскольниками для извѣстныхъ политическихъ цѣлей.

Раскольническій монахъ рѣшился провести и Иванова въ иргизскіе скиты, чтобы или скрыться тамъ отъ преслѣдованія властей, или выйдти на сцену съ большею увѣренностію на успѣхъ (1).

У насъ было подъ руками дѣло изъ стараго архива города Петровска, гдѣ находится показаніе одного петровскаго купца, раскольника, бывшаго въ шайкѣ Иванова. Фамилія этого купца—Чуринъ.

Когда до Иванова дошло извѣстіе о роковой для самозванца „баталіи“ при Солениковой ватагѣ, онъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій, поручивъ начальство надъ всею своею шайкою другому лицу, можетъ быть Каменскому, съ нѣсколькими другими казаками, съ раскольничьимъ монахомъ и Чуринымъ отправился въ ночное время по направленію къ слободѣ Руднѣ, стоящей на Медвѣдицѣ верстахъ въ 30 или 40 выше границъ донскаго войска. Въ Руднѣ они остановились у тамошняго обывателя, родомъ малороссіянина, тоже раскольника, имѣвшаго, какъ видно, сношенія съ иргизскими и другими раскольниками.

---

(1) Что на Иргизѣ удобно было скрыться отъ всякихъ поисковъ, видно изъ «Исторіи походовъ Суворова» Антинга, который безъ сомнѣнія воспользовался для своей исторіи документами не всѣмъ доступными или такими, которые могъ сообщить ему самъ Суворовъ, и говоритъ, что когда сообщники самозванца, послѣ пораженія его Михельсономъ, рѣшились выдать его правительству, то многіе изъ нихъ, несогласные съ этимъ рѣшеніемъ „au nombre de'nviron cent hommes étaient restés épars chez les hermites“ См. Anthing, I v., p. 163.

Поздоровавшись съ хозяиномъ, Ивановъ заговорилъ, что для Россіи настаютъ опять тяжелыя времена.

— Дошли и до насъ слухи о томъ, что государевы арміи разбиты злодѣями, замѣтилъ хозяинъ.

— А вѣдомо-ль, гдѣ государь обрѣтается? спросилъ Ивановъ.

— Сего доподлинно знать невозможно, отвѣчалъ хозяинъ.

Тогда пріѣзжіе стали совѣтоваться съ хозяиномъ, что имъ дѣлать.

— Сему горю помочь еще можно, сказалъ хозяинъ.

— Какимъ же способомъ? спросили его.

— Есть у меня, други мои, отвѣчалъ хозяинъ, и въ Саратовѣ, и въ Малыковкѣ, и на Иргизахъ благопріятели, почтенные люди: отъ нихъ я узнаю, какое намъ рѣшеніе принять въ нашемъ дѣлѣ.

— А какъ скоро сіе совершить можешь?

— Жду я вѣрнаго человѣка изъ города Саратова: что онъ привезетъ, о томъ и вы извѣстны черезъ меня будете.

„А что привезетъ, того не объявилъ,“ добавилъ Чуринъ въ своемъ показаніи.

Въ Руднѣ они пробыли сутки, но никого не дождались изъ Саратова. Такъ какъ Иванову нельзя было дольше оставаться тамъ, то они и простились съ хозяиномъ, прося его извѣстить ихъ о томъ, что они должны будутъ предпринять, сообразуясь съ вѣстями, которыя должны были получиться изъ Саратова.

— Если и послѣдуетъ на васъ гоненіе, то вамъ дано будетъ на Дону убѣжище, и я къ тому вамъ способствовать буду, говорилъ хозяинъ на прощаньѣ.

XI.

Съ этого времени Ивановъ какъ бы пересталъ дѣйствовать. Получилъ ли онъ какія-либо вѣсти изъ Саратова, были ли эти вѣсти сколько нибудь благопріятны для него—этого ничего не видно изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ. Но хотя самая личность Иванова и исчезаетъ, однако шайка его продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока не была разбита окончательно и главные ея коноводы не разсѣялись или не были взяты въ плѣнъ. Можно полагать, что раскольники дѣйствительно дали ему способъ укрыться отъ преслѣдованія властей. Въ дѣлѣ есть указаніе на то, что Абросимъ Луковкинъ разыскивалъ Иванова у какого-то раскольничьяго попа Евсея въ слободѣ Хрущевкѣ, но тамъ сказали, что никакого у нихъ злодѣйскаго полковника не было.

Мы видѣли выше, что въ первыхъ числахъ сентября Луковкинъ, получивъ отъ пойманныхъ имъ пугачевцевъ извѣстіе о приближеніи злодѣйской толпы, предводительствуемой какимъ-то полковникомъ Иваномъ Михайловымъ, пошелъ противъ нея со своимъ отрядомъ.

Въ Баландинскомъ городкѣ (1) онъ настигъ эту толпу, но только не въ тысячѣ человѣкъ, а въ двухъ тысячахъ, и разбилъ ее на голову.

---

(1) Баланда или Баландинскій городокъ находится въ аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи.

„Вчерашняго числа на разсвѣтѣ, писалъ Луковкинъ Цыплетеву, я съ господами полковниками Лащилинымъ и Вуколовымъ и чугуевскаго казацкаго полку порутчикомъ Пасмуровымъ команды моей съ донскими и малой части чугуевскими и новокрепскими (новохоперскими?) казаками, призвавъ всевышняго Бога въ помощь, толпу злодѣйскую, ту, которая волочилась въ числѣ дву тысячъ человѣкъ, при называющемъ злодѣйскомъ полковникѣ Каменскомъ, который родомъ житель города Острогожска, по рѣкамъ Воронѣ и Хопру, по разнымъ селамъ и чинилъ немалыя разоренія, вѣшалъ дворянъ и разныхъ чиновъ людей, пензенскаго уѣзду въ слободѣ Баландѣ въ прахъ разбилъ безъ всякаго съ нашей стороны урону, и болѣе трехъ сотъ злодѣевъ въ смерть побито, а въ плѣнъ взято девяносто-семь человѣкъ разнаго званія“ и т. д.

Хотя Луковкинъ и говоритъ, что толпою этою предводительствовалъ полковникъ Каменскій, однако, какъ увидимъ ниже, всѣми этими нестройными массами, бродившими въ описываемой нами мѣстности, располагалъ собственно Ивановъ. Не видно только, принималъ ли онъ участіе въ битвѣ или благоразумно уклонился, хотя скорѣе можно думать, что послѣ поѣздки въ Рудню, гдѣ ему раскольники обѣщали дать возможность уйти благополучно на Донъ, онъ уже не принималъ личнаго начальствованія надъ принадлежавшими ему полками, хотя и распоряжался, какъ главный начальникъ всѣхъ мѣстныхъ скопищъ.

Въ описываемой нами битвѣ Луковкинъ отбилъ у злодѣевъ шесть пушекъ, три чугунныхъ и три мѣдныхъ, а также немалое число „дротиковъ“ (пикъ), которые и розданы были казакамъ. Взятъ былъ также одинъ барабанъ.

Въ этой битвѣ погибъ и предводитель шайки, Каменскій. Спасаясь отъ преслѣдующихъ его казаковъ, онъ бросился въ протекающую тамъ рѣчку и утонулъ, и только на другой день посланные Луковкинымъ казаки вытащили изъ воды его трупъ посредствомъ невода (1). Разбитая „сволочь“ также большею частью бросилась вплавь черезъ рѣку и также многіе изъ нихъ потонули; другіе разбѣжались по лѣсамъ; но и тамъ многіе казаками половлены.

Неизвѣстно, какъ великъ былъ отрядъ, которымъ начальствовалъ Луковкинъ, на какъ бы то ни было, побѣда, одержанная имъ, была немаловажна, тѣмъ болѣе, что она должна была имѣть благопріятныя послѣдствія, уничтоживъ то обаяніе, которое вообще слѣдовало за толпами, прикрывавшимися именемъ, украденнымъ у давно умершаго государя. До сихъ поръ мы видѣли, что побѣда всегда была на сторонѣ, враждебной правительству, что даже отдѣльныя шайки, дѣйствовавшія совершенно независимо отъ главнаго пугачевскаго скопища, вносили съ собою торжество демократико-анархическаго начала всюду, куда ни появлялись. Но въ нѣсколько дней счастіе измѣнило Пугачеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно отвернулось и отъ всѣхъ, принимавшихъ его сторону. Притомъ надо замѣтить, что и самые дни несчастій, постигавшихъ самозванца и его сторонниковъ, какъ бы совпадали по какому-то странному указанію осмысленнаго случая: 13-го

---

(1) „А бывшій въ тої толпѣ предводитель полковникъ Каменскій, бросаясь въ предрѣченную рѣчку Баланду, утопился, которой сего числа изъ тої рѣчки изъ воды, посланными отъ меня казаками, по глубокости рѣчки, приволокою вытащенъ и всѣми обывателями признанъ.“

сентября вытащили трупъ Каменскаго изъ воды; 13-го же сентября яицкіе казаки, бѣжавшіе послѣ пораженія самозванца Михельсономъ за Волгу, сговаривались уже выдать своего лжеимператора, а 14-го числа взяли Пугачева въ его уединенной ставкѣ. Пугачевъ могъ сказать, что несчастіе одно не приходитъ. Имя его уже теряло то страшное обаяніе, которымъ какъ-бы околдована была вся Россія въ продолженіи почти цѣлаго года.

Въ Баландѣ послѣ только-что описанной нами битвы Луковкинъ напалъ на слѣдъ и самаго Иванова, хотя за всѣми его усиліями не могъ выслѣдить.

Это было такимъ образомъ: въ числѣ взятыхъ Луковкинымъ въ плѣнъ въ баландинскомъ сраженіи находилась жена погибшаго полковника Каменскаго, да тутъ-же былъ взятъ въ плѣнъ дворянинъ Чевкинъ. Они-то и указали Луковкину на слѣдъ главнаго предводителя помянутыхъ шаекъ. „Изъ нихъ плѣнныхъ (говоритъ Луковкинъ) чрезъ одного дворянина, Николая Чевкина, также и жену злодѣя Камеленова Варвару я свѣдалъ, что за рѣкою Хопромъ, выше Аркадаку и отъ села Ключей въ трехъ верстахъ, въ слободѣ Хрущевкѣ у раскольничьяго попа Евсея кроитца злодѣйскій полковникъ Иванъ Ивановъ съ братомъ его, изъ простыхъ людей, а какихъ не знаютъ,—будто бы *отъ всею объявленною толпою повелѣваетъ*.“

Луковкинъ узналъ, что недѣли двѣ или три тому назадъ Ивановъ самъ пріѣхалъ къ своей толпѣ и пригналъ партію „мужиковъ“, которую и отдалъ въ распоряженіе Каменскаго. Самъ же изъ толпы взялъ себѣ тридцать человѣкъ *лучшихъ людей* и отправился куда-то такъ, что никто не зналъ куда именно. Говорили только Луковкину, что пред-

водители шаекъ соглашались соединиться съ самимъ злодѣемъ Пугачевымъ.

Безъ сомнѣнія, все это происходило послѣ свиданія Иванова и другихъ приближенныхъ его съ руднинскимъ раскольникомъ. Надо полагать, что Ивановъ счелъ за нужное дѣйствовать по возможности скрытнѣе, вслѣдствіе полученныхъ имъ изъ Саратова неблагопріятныхъ для ихъ дѣла извѣстій. Какъ бы то ни было, но Ивановъ исчезъ, и о дальнѣйшей его судьбѣ мы не находимъ въ дѣлахъ никакихъ указаній. Какъ всѣ предводители тогдашнихъ шаекъ и разбойничьи атаманы, Ивановъ безъ сомнѣнія былъ не тѣмъ лицомъ, за какое выдавалъ себя; фамилія его, вѣроятно, была другая; а какъ фамилія Иванова самая удобная, то онъ изъ предосторожности и принялъ ее, чтобы въ случаѣ опасности онъ могъ свалить свои преступленія на десятки и сотни другихъ Ивановыхъ. Можетъ быть, что онъ и попался въ руки правительства и объ немъ, вѣроятно, производилось розыскное дѣло, но только подъ другимъ именемъ. Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ Ивановъ пропалъ безъ вѣсти.

Но Луковкинъ не отказывался отъ намѣренія выслѣдить этого опаснаго бунтовщика. Съ одною донскою командою онъ отправился на поиски самъ, но поиски его были напрасны.

Въ то смутное время, когда началась расправа надъ провинившимися массами и правительственныя власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пострадавшіе чиновники и дворяне стали заботиться о томъ, какъ бы воротить свое потерянное, разграбленное и уничтоженное добро и хоть чѣмъ нибудь выместить на народѣ, провинившемся и передъ ними и передъ закономъ, — народъ боялся всего, что только имѣло видъ раз-

спросовъ и допросовъ. При Пугачевѣ они напуганы были вопросами: „за кого стоите?“ „кому служите?“.—потому что за неудачный отвѣтъ, за невпопадъ сказанное слово несчастныхъ кололи, стрѣляли и вѣшали. Но когда стала проходить пугачевская гроза, стало еще страшнѣе. Тамъ крестьяне знали что отвѣчать на вопросъ, за кого стоите? Отвѣчать: „за государыню“—страшно, отвѣчать: „за государя“—еще страшнѣе. Сегодня спрашивали ихъ тѣ, которые служили невѣдому для нихъ государю; завтра спрашиваютъ другіе, служащіе столь же мало вѣдомой для нихъ государынѣ. Какъ мужику разобрать, кто правъ: можетъ быть, живъ государь, а можетъ статься и нѣтъ. Для „народа темнаго“ это была неразрѣшимая дилемма. Надо было по неволѣ отвѣчать въ угоду тому, чья сабля поднималась надъ головой вопрошаемаго. Когда вѣтеръ повернулъ въ другую сторону, крестьянъ опять спрашивали все тоже, повидимому „законные начальники“ (а кто ихъ разберетъ, законные ли они?..): „Видали ли злодѣевъ?“ „Принимали у себя злодѣевъ?“ А до перемѣны вѣтра другія лица, тоже по видимому законные начальники, спрашивали ихъ: „гдѣ злодѣи дворяне?“ Что же было дѣлать крестьянину? И кто въ концѣ концовъ были въ самомъ дѣлѣ злодѣи—они ли, другіе ли? Приходилось по этому всѣмъ отвѣчать: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Луковкину, такимъ образомъ, предстоялъ такой трудъ, который едва-ли могъ принести какіе-либо положительные результаты. Луковкинъ прошелъ со своими казаками села Ольшанку, Борки, Уварово, Колѣно, Голицыно, Ключи, лежащія недалеко отъ тракта, ведущаго изъ Саратова на Тамбовъ. Но въ слободу Хрущовку, гдѣ по полученнымъ имъ

извѣстіямъ, скрывался полковникъ Ивановъ съ братомъ у раскольническаго попа, Луковкинъ почему-то самъ не пошелъ, а командировалъ туда съ отрядомъ, изъ села Голицына, полковника Вуколова. Само собою разумѣется, что Вуколовъ ничего не могъ тамъ найдти.

— По прибытіи моемъ въ ту деревню Хрущевку, говорилъ Вуколовъ, я, съ командою, вышеписаннаго злодѣйскаго полковника Иванова съ братомъ старался сыскивать, но не нашелъ; а жители той деревни объявили, что у нихъ не только во укрывательствѣ злодѣйскаго полковника Иванова съ братомъ ево не имѣлось, но и раскольничьяго попа Евсея никогда не бывало, въ чемъ и подписку дали.

Странно было и ждать другаго отвѣта отъ напуганныхъ крестьянъ. Еслибъ они видѣли Иванова у раскольничьяго попа и не поймали, они были бы виноваты въ своей оплошности и „нерачительности“ къ пользѣ ея императорскаго величества интересу.“ Слѣдовательно, если они и видѣли его, то не признались въ этомъ. Если же они видѣли его и скрывали, то еще меньше можно было ожидать отъ нихъ признанія. Такимъ образомъ обыватели Хрущовки дали Вуколову подписку, что черезъ ихъ деревню слѣдовала злодѣйская партія, а „въ какомъ числѣ, того знать было не можно“, и прибавляли къ этому: „слышали, что при оной партіи назывался полковникомъ Иванъ Михайловъ, а гдѣ оной дѣвался, и по нынѣ не знаемъ. Подъ нашимъ же укрывательствомъ такожъ и называемаго полковника Ивана Иванова съ братомъ его, какъ въ нашей деревнѣ, такъ и попа Евсея, ихъ не было и никогда не видали, а если впредь таковые злодѣи являтца будутъ, то оные въ деревню нашу впущены не будутъ; должны таковыхъ изловить и по командѣ

посылать, въ чемъ мы всею деревнею по христіанской должности подписку дали.“

Какъ бы то ни было, хотя Луковкину и не удалось захватить главнаго руководителя смуты, однако онъ могъ гордиться, что поразилъ непріятеля самымъ чувствительнымъ образомъ и главное — лишилъ его предводителя. При имѣющемся у насъ дѣлѣ находится поименный списокъ всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ Луковкинымъ въ баландинской „баталіи.“ Первое мѣсто въ спискѣ занимаетъ *полякъ*. Это — какъ выражено на бумагѣ — „польскій гусаринъ Николай Степановъ“, только фамиліи этого поляка не показано.

У Пугачева, какъ извѣстно, служило немало поляковъ. Это были большею частію польскіе конфедераты, взятые русскими въ плѣнъ и находившіеся въ ссылкѣ въ отдаленныхъ губерніяхъ, какъ напримѣръ въ Казани и въ Сибири. Въ Казани какимъ-то образомъ находились знаменитые Пулавскіе, приставшіе потомъ къ самозванцу, графъ Потоцкій и другіе извѣстные конфедераты ([1]). Само собою разумѣется, что поляки приняли сторону самозванца и служили ему. Они же находились въ другихъ толпахъ, предводительствуемыхъ пугачевскими полковниками. Къ этимъ конфедератамъ, надо полагать, принадлежалъ и такъ называемый „польскій гусаринъ“, захваченный Луковкинымъ въ шайкѣ Иванова и Каменскаго. Въ этой же шайкѣ захвачено было и нѣсколько помѣщиковъ, какъ-то отставной корнетъ В. Д. Васильевъ, помѣщикъ же, отставной подпоручикъ Н. Н. Чевкинъ (который и указалъ Луковкину на слѣды Иванова) съ женою,

---

([1]) О значеніи поляковъ при Пугачевѣ см. у Пушкина, Щебальскаго и въ нашей „Пугачевщинѣ.“

помѣщикъ же, отставной поручикъ А. Л. Евсюковъ. Что дѣлали въ шайкѣ эти помѣщики, были ли они плѣнными или сами пристали къ разбойникамъ въ качествѣ демократовъ и партизановъ Пугачева,—мы не знаемъ. Но въ первомъ случаѣ они давно были бы повѣшены пугачевцами, а потому есть основаніе предполагать, что они пошли въ толпу охотою, подобно знаменитому секретарю самозванца Шванвичу, сыну бывшаго кронштадскаго коменданта. Взятъ былъ въ плѣнъ и полковой писарь Волковъ, бывшій дворовый человѣкъ князя Кольцова-Масальскаго. Взятъ былъ одинъ турокъ, который тоже попалъ въ толпу пугачевцевъ. Схваченъ былъ и „злодѣйскій барабанщикъ“ Капустинъ. Въ числѣ плѣнныхъ находилось немало малороссіянъ („малороссійской націи“), были и мордва, и чуваши,—солдаты. Тутъ же находились и два нарочныхъ, которые были отправлены съ пакетами изъ Новохоперской крѣпости и попались въ плѣнъ къ пугачевцамъ. Наконецъ, какъ мы сказали выше, взята была и жена предводителя шайки, Каменскаго. Она была взята имъ у помѣщика Мосалова изъ села Свищовки „изъ сѣнныхъ“ (горничная), Варвара Ивойлова.

Побѣда Луковкина надѣлала немало шума въ то горькое для Россіи время, когда побѣды внутри своего государства надъ своими же соотечественниками такъ мало давались русскимъ генераламъ и полковникамъ, и имя Луковкина съ именами Каменскаго и Иванова стало повторяться во множествѣ ордеровъ, промеморій, рапортовъ и реляцій. Объ этой побѣдѣ донское войско донесло и знаменитому Григорію Александровичу Потемкину, въ то время еще не свѣтлѣйшему князю таврическому, но уже генералъ-аншефу и военной коллегіи вице-президенту. Луковкина поздравляли съ побѣдой,

и въ томъ числѣ поздравилъ его Юрій Бибиковъ, который съ отрядомъ своимъ, въ числѣ прочихъ войскъ, тоже было вышелъ на встрѣчу шайкамъ Иванова и другихъ ему подобныхъ. Побѣда Луковкина вновь доказывала, что для войскъ правительства не окончательно была потеряна надежда на побѣды надъ страшнымъ врагомъ, который являлся уже не въ лицѣ одного Пугачева, а подобно призраку вставалъ въ каждой деревнѣ, куда только доходила вѣсть о томъ, что какой-то Петръ Ѳедоровичъ всѣмъ даруетъ свободу, а соль велитъ отпускать по 20 копѣекъ пудъ. Побѣда Луковкина надъ Ивановымъ или надъ его factotum, Каменскимъ, была тѣмъ же отчасти, чѣмъ была и побѣда Михельсона надъ самимъ самозванцемъ. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь коноводы шаекъ спаслись: Пугачевъ бросилъ свои нестройныя толпы и кинулся въ заволжскія степи; Ивановъ раньше подумалъ о своемъ спасеніи и отдѣлался счастливѣе Пугачева. Тамъ для пораженія Пугачева высланъ былъ Суворовъ; здѣсь для удержанія „толпищъ“ Иванова и ему подобныхъ шелъ Бибиковъ. Но и Суворовъ, и Бибиковъ опоздали: перваго предупредилъ Михельсонъ, втораго Луковкинъ ([1]).

([1]) Вотъ что писалъ Бибиковъ Луковкину, по поводу его побѣды: «Сейчасъ получилъ отъ васъ рапортъ изъ деревни Голицыной. Читая оный, иного вамъ сказать ничего не могу, какъ всѣ сдѣланныя распоряженія къ разбитію и конечному истребленію злодѣевъ относятся къ вашей похвалѣ, о чемъ я и къ его сіятельству, г. генералъ-аншефу, сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру графу Петру Ивановичу Панину донесу. Поворотъ, вами сдѣланный, также резонно, ибо конечно вамъ дѣлать уже въ томъ мѣстѣ нечего, гдѣ есть войска, а совѣтую вамъ обратиться къ рѣкѣ Воронѣ и посмотрѣть, не шатаютца ли изъ разбитыхъ вами

Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ надъ Ивановымъ и его соумышленниками Луковкинъ отъ села Ключей направился внизъ по Хопру на село Аркадакъ. Оттуда онъ командировалъ полковника Вуколова вверхъ по Большому Аркадаку вплоть до селъ Колѣна и Белгазы—родины разбойника Череватаго, восьмидесятилѣтняго старца, который, какъ мы видѣли выше, съ пятью своими родными сыновьями участвовалъ въ убійствѣ ѣхавшаго въ Саратовъ на должность воеводы Лихарева. Другой отрядъ, подъ предводительствомъ походнаго старшины, Луковкинъ отправилъ по рѣчкѣ Кистендеи и оттуда внизъ по малому Аркадаку — для розыска и истребленія шаекъ бунтовщиковъ. Но шаекъ уже не было: одна удачная битва — и дѣла совершенно перемѣнились. Страхъ напалъ на пугачевцевъ, особенно когда уже перестало быть тайной, что и самъ Пугачевъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Такимъ образомъ „злодѣйскихъ толповъ“, какъ выражались казаки, уже не видно было ни въ степяхъ, ни въ лѣсахъ, ни въ селеніяхъ, по коимъ они проходили, ни „во околичностяхъ“, т. е. во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ, и Луковкинъ могъ справедливо сказать, что „злодѣйскихъ толповъ, нигдѣ не предвидитца, и всѣ опасныя мѣста очищены, и *настала благополучность.*“ Въ это время кромѣ Юрія Бибикова съ регулярными войсками и Луковкина съ подчиненными ему полковниками и походными старшинами Вуколовымъ, Лащининымъ, Яновымъ, къ Воронѣ прибылъ съ отрядомъ регулярнаго войска Міюковичъ, который и произ-

---

разбойниковъ малыми шайками и не дѣлаютъ ли селеніямъ вреда, а особливо по хуторамъ. Поздравя васъ со всѣми вашими успѣхами и желая впредь всякаго вамъ благополучія, остаюсь»... и т. д.

водилъ разъѣзды по этой рѣкѣ. Луковкинъ такимъ образомъ могъ дать роздыхъ своимъ изнуреннымъ казакамъ, которые имѣли полное право на отдохновеніе: лучшія части донскаго войска были въ разгонѣ — кто за границей, въ войнѣ съ турками, кто за Волгой, въ погоняхъ за Пугачевымъ. Войско донское опустѣло. У Луковкина были большею частію оборыши, такъ сказать, донскаго войска: это были „казаки престарѣлые, дряхлые, больные и калѣки“, по словамъ Луковкина. Даже малолѣтки и выростки, казацкія дѣти — все было въ разгонѣ, все было въ дѣлѣ. Понятно, что отряды Луковкина изнурились, особенно когда принять въ соображеніе, что въ самое короткое время они успѣли сдѣлать нѣсколько походовъ — спачала съ Медвѣдицы на Волгу до Царицына, а оттуда къ верховьямъ Хопра. Притомъ же они постоянно гонялись то за той, то за другой шайкой, день и ночь были на конѣ и подъ ружьемъ, а тутъ наставало холодное осеннее время. Вслѣдствіе всего этого Луковкинъ расположилъ свои отряды по разнымъ селамъ на временныя квартиры. Яновъ расположился въ селѣ Мордовскомъ Караѣ, Вуколовъ — въ Покровскомъ Меликѣ. Къ прежде отправленной въ Новохоперскую крѣпость партіи плѣнныхъ Луковкинъ еще отправилъ туда 59 человѣкъ, захваченныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ во время разъѣздовъ.

XII.

О послѣдующей судьбѣ той женщины или дѣвушки, которая слѣдовала за толпою въ колескѣ Иванова, въ каче-

ствѣ его жены, мы не нашли въ дѣлахъ никакихъ свѣдѣній. Объ ней упомянуто какъ бы мимоходомъ, вскользь, когда Ивановъ проходилъ село Воскресенское, нынѣшній городъ Хвалынскъ, и съ тѣхъ поръ объ ней уже ничего не упоминается. Слѣдовала ли она за толпою все время, оставлена ли своимъ мужемъ или любовникомъ на дорогѣ, или, когда Ивановъ задумалъ спасти свою собственную голову передъ баландинскимъ пораженіемъ и исчезъ безъ слѣда, она послѣдовала за нимъ — неизвѣстно. Но что ея не было при пораженіи шайки въ Баландѣ, это несомнѣнно, а иначе она была бы взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ прочими, какъ была взята жена Каменскаго.

Такимъ образомъ, за истребленіемъ пугачевскихъ партій, отдѣлившихся отъ главной толпы съ такими предводителями, какъ Ивановъ, Каменскій, Обрываловъ, Вороновъ и другіе, проходившими со своими шайками по направленію къ Воронежу, Тамбову, Новохаперской крѣпости и землямъ войска донскаго, и за конечнымъ пораженіемъ и поимкою Пугачева, пугачевщина могла считаться уже дѣломъ покончennымъ. Бродили еще толпы пугачевцевъ, но предводителей уже не было; этихъ бродившихъ было много, но они уже не шли, какъ сила неотразимая, какъ нѣчто власть имѣющее, а скрывались по лѣсамъ, степямъ, оврагамъ и по пристанодержательскимъ домамъ; ихъ еще продолжали бить и ловить, но они сами уже не били и не нападали.

Народъ присмирѣлъ, стушевался.

Началась тогда конечная расправа съ этимъ народомъ за всѣ учиненные имъ вольные и невольные проступки. Цѣлыя толпы плѣнныхъ сидѣли по острогамъ; а какъ остроговъ не хватало, то ихъ запирали въ землянки, забивали въ колод-

ки, навязывали на канаты, въ ожиданіи суда и казни. Иные сами являлись съ повинною, другихъ приводили. И явившихся, и пойманныхъ судили, разграничивая степени вины: кто явился съ раскаяніемъ, тому одно наказаніе; взятые въ плѣнъ или съ оружіемъ въ рукахъ—казнились болѣе строго. Когда буря немножко поулеглась, со всѣхъ сторонъ, отъ помѣщиковъ и чиновниковъ посыпались къ комендантамъ и воеводамъ объявленія и жалобы на крестьянъ. Судъ чинился быстрый. Никто уже не могъ жаловаться на „волокиту“ дѣлъ — рѣшеніе о жизни и смерти десятковъ обвиненныхъ писалось въ нѣсколько минутъ. Воеводамъ и комендантамъ даны были полномочія на жестокое наказаніе виновныхъ и на смертную казнь. Висѣлица опять пошла въ ходъ. Но теперь уже вѣшали тѣхъ, которые сами вѣшали.

Императрица лично была милостивѣе всѣхъ воеводъ и комендантовъ. Изъ всей безчисленной толпы бунтовщиковъ *она* приказала казнить только шестерыхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ страшной драмы—Пугачева, Перфильева, Чику, Шигаева, Подурова и Торнова. Но учрежденныя графомъ Панинымъ комиссіи для суда надъ виновными въ провинціяхъ чаще прибѣгали къ такимъ наказаніямъ, какія только въ состояніи было вынудить то страшное время и то настроеніе умовъ, для оцѣнки котораго недостаточно безпристрастія историка.

Вотъ какимъ образомъ производился тогда судъ надъ виновными:

Къ коменданту Аршеневскому (Новохоперской крѣпости) или къ Цыплетеву поступаетъ отъ помѣщика или помѣщицы „доношеніе“, что вотъ-де „между захваченными изъ толпы извѣстнаго государственнаго злодѣя Пугачева“ находится

столько-то „моихъ крѣпостныхъ людей“, которые виновны въ томъ-то и въ томъ-то. Доношеніе по обыкновенію оканчивается такъ: „того для ваше высокоблагородіе покорно прошу означенныхъ моихъ людей изъ крестьянъ, за показанныя продерзости и въ страхъ другимъ, *наказавъ кнутомъ и отрѣзавъ уши*, отдать на роспиcку человѣку моему „такому-то“ и для проходу ихъ въ показанное село дать билетъ, а хто онѣ по имянамъ, при семъ прилагаю списокъ.“

Комендантъ, получивъ доношеніе, справляется по спискамъ плѣнныхъ и охотою явившихся бѣглецовъ и, отмѣтивъ указанныхъ преступниковъ, кладетъ такую резолюцію: „крестьянъ“ такихъ-то „за оказанное ими съ шайкою называющагося злодѣйскаго полковника Иванова или самого государственнаго злодѣя, варвара и тирана Емельки Пугачева, убивство, грабительство и воровство, къ прекращенію впредь таковыхъ злостей, на страхъ другимъ, какъ оные въ самой злодѣйской толпѣ и послѣ того, при другихъ злодѣяніяхъ, до самаго пораженія господиномъ полковникомъ Луковкинымъ или Михельсономъ, продолжались, взяты побѣдою, по усугубленіи злодѣйскихъ поступковъ противъ оружія ея императорскаго величества, что все составляетъ, по ихъ бывшей измѣнѣ, гнусность, почему заслуживаютъ сугубое наказаніе, и для того, по данной власти и по собственному того господина или той госпожи (кому принадлежатъ крестьяне) желанію, онъ, комендантъ, опредѣлилъ: *публично высѣчь кнутомъ* и, *урѣзавъ ушей, по одному* (уху), отдать на роспиcку показанному человѣку такому-то; буде они коснулись полученія кормовыхъ денегъ, оныя отъ него истребуя, на приходъ тѣхъ людей дать письменный пропускъ.“

На такія судебныя рѣшенія коменданты были уполномо-

чены графомъ Паниным̀ъ, который назывался „главным̀ъ повелителемъ для прекращенія внутренняго безпокойства“ и которому дана была „полная мочь“ дѣйствовать во всем̀ъ взволнованном̀ъ краѣ, как̀ъ ему заблагоразсудится. Комендантам̀ъ-судьям̀ъ дана была инструкція, главнѣйшим̀ъ пунктом̀ъ которой был̀ъ слѣдующій: *„взятым̀ъ въ плън̀ъ изъ злодейской толпы, за их̀ъ преступленія, важным̀ъ злодѣям̀ъ—чиненіе смертной казни, протчим̀ъ—черни, холопям̀ъ боярским̀ъ—тѣлесныя наказанія, съ урѣзаніем̀ъ ушей.“*

„Урѣзаніе ушей“ было поэтому таким̀ъ позорным̀ъ клеймом̀ъ, которое отличало пугачевских̀ъ соучастников̀ъ отъ других̀ъ обыкновенных̀ъ преступников̀ъ и каторжников̀ъ, у которых̀ъ вырывались ноздри и на лице клались позорные знаки. Память объ этом̀ъ позорном̀ъ клеймѣ до сих̀ъ поръ сохранилась между старыми казаками донскаго войска. Они говорятъ, что надѣвать шапку на ухо не годится. „Надѣвай киверъ на бекрень, чтобъ всякій видѣлъ, что у тебя не „урѣзаны уши“,—это было чѣм̀ъ-то въ родѣ поговорки у донских̀ъ казаков̀ъ, когда память о пугачевщинѣ еще не изгладилась послѣдующими событіями. Русскіе музланы, говорятъ казаки, оттого привыкли надѣвать шапку на уши, что их̀ъ отцы так̀ъ ходили, а отцы их̀ъ дѣлали это для того, чтобъ прикрыть шапкою урѣзанныя *уши*. Въ старых̀ъ бумагах̀ъ попадаются публикаціи о розыскѣ бѣглых̀ъ и въ этих̀ъ публикаціях̀ъ, между примѣтами бѣжавшаго, вы читаете: „росту средняго, волосом̀ъ рыж̀ъ, глаза желтокаріе, носъ посредственный, одно ухо рѣзано.“

Весь поволжскій край въ то время и особенно въ первые мѣсяцы по пораженіи Пугачева и его полковников̀ъ, коман-

довавшихъ отдѣльными шайками, представлялъ вообще ужасную картину. То встрѣчались по дорогамъ партіи крестьянъ съ обрѣзанными ушами, больныхъ, истощенныхъ, оборванныхъ, которыхъ разводили по ихъ роднымъ селамъ; то на длинныхъ канатахъ вели по этимъ же дорогамъ другія партіи оборванныхъ и изнуренныхъ людей, — это тѣ, которые шли на судъ и на разбирательство. Оковъ недоставало для преступниковъ, желѣзо было слишкомъ дорого и потому подсудимыхъ навязывали на канаты и такими сворами проводили отъ села къ селу, отъ города къ городу. Умершихъ въ пути бросали у дороги и въ овраги, засыпая землей, чтобъ отъ труповъ ихъ не было смраду. А между тѣмъ коменданты продолжали получать отъ помѣщиковъ доношенія за доношеніями на продерзости „подлыхъ“ людей: вспоминались старыя продерзости, совершенныя до Пугачева, вспоминалась всякая обида и грубость — и подлыхъ людей брали и „въ страхъ другимъ, чинили имъ наижесточайшее плетьми наказаніе.“

Достаточно было проговорить одно неосторожное слово, чтобъ быть схваченнымъ и приведеннымъ въ комендантскую канцелярію для допросовъ. Смертная казнь, урѣзаніе ушей и кнутъ предназначались для тѣхъ, которые были увлечены общимъ движеніемъ и ушли за толпами Пугачева, Ивановыхъ, Обрываловыхъ, Каменскихъ; но плеть гуляла по спинѣ всякаго, кто хоть съ-пьяна сболтнулъ „продерзливое“ или „неприличное“ слово.

Вотъ примѣры, которые, въ связи со всею смутною эпохою, обрисовываютъ все то время рельефнѣе цѣлыхъ томовъ, исписанныхъ о царствованіи Екатерины II:

20 октября, въ царицынскомъ словесномъ судѣ президентъ

нижегородскаго губернскаго магистрата Кокоревъ жаловался на нѣкоего Ружейникова. Ружейниковъ нанялся доставить изъ Нижняго въ Астрахань принадлежащіе Кокореву „запасы“ и не доставилъ ихъ. Причиною этого было, конечно, смутное время, когда всякій бѣжалъ, куда глаза глядѣли, лишь бы уйти отъ бѣды. Опознавъ Ружейникова въ Царицынѣ, Кокоревъ позвалъ его къ суду съ тѣмъ, чтобъ взыскать съ виновнаго убытки. И вотъ по этой-то просьбѣ „Ружейниковъ чинилъ немалое запирательство и между его, Ружейникова, споромъ и протчими разговоры, при словесномъ судѣ называлъ государственнаго злодѣя и разорителя Пугачева *„батюшкою.“* Перепуганный этимъ словомъ, словесный судъ тотчасъ отослалъ Ружейникова въ царицынскій магистратъ, „для разбору по той просьбѣ, а паче объявляемаго имъ при словеспомъ судѣ такого важнаго дѣла.“ Магистратъ съ своей стороны испугался и не рѣшался разбирать дѣла, а постановилъ: „какъ того Ружейникова проговоръ принадлежитъ важности, то по просьбѣ Кокорева въ деньгахъ разобраніе оставить, а отвесть онаго Ружейникова въ царицынскую комендантскую канцелярію.“ Ружейникова допрашивалъ Цыплетевъ и нашелъ, что подсудимый назвалъ Пугачева „батюшкою“ съ-пьяну. Цыплетевъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Ружейниковъ показалъ, что въ проговорѣ имъ о злодѣѣ Пугачевѣ коснулся не съ тѣмъ, чтобъ служило похвальное слово, но въ пьянствѣ своемъ выговорилъ неосторожно жалобное, сказавъ такими словами, что *„батюшкины и меня разорили.“* А объ немъ (т. е. о Пугачевѣ) инаго разсудкомъ своимъ не заключаетъ, какъ самой злодѣй, душегубецъ и разбойникъ, въ чемъ клятвенно по самой справедливости нынѣ и впредь признавать будетъ. А

какъ сіе послѣдовало не инаково, а съ пьянства, и пьяной онъ тогда и здѣсь былъ признанъ, онъ же предъ симъ присланъ съ собственнымъ его судномъ изъ Дмитріевска отъ молдавскаго гусарскаго полку за казеннымъ овсомъ, котораго и нагружено въ то судно тысяча-пятьсотъ четвертей, поставкою сего до Дмитріевска коронѣ онъ для принесенія услуги потребенъ, того ради царицынскій комендантъ опредѣлилъ его, изъ-подъ караула освободя, вступить ему въ сію должность велѣть, а притомъ за легкомысленность и проговоръ непристойныхъ словъ, въ страхъ другимъ, а ему на осторожность, чтобъ отъ всякихъ пустыхъ враковъ удержался, наказать плетьми.“

2 октября въ Царицынѣ на базарѣ взятъ былъ подъ карауль бурлакъ, который, „ходя по городу, разглашалъ, будто послѣ разбитія воръ Пугачевъ овладѣлъ Нижнимъ-Новгородомъ и Симбирскомъ.“ Оказалось, что бурлакъ этотъ говорилъ „непристойныя слова“ потому, что слышалъ ихъ отъ другаго бурлака. Взяли и другаго. Другой показалъ, что онъ слышалъ эти разглашенія въ Дмитріевскѣ на базарѣ же. Цыплетевъ положилъ резолюцію: „на страхъ имъ и другимъ учинить наказаніе плетьми нещадно.“

Судъ надъ виновными производился во всѣхъ городахъ югговосточной половины Россіи. Одни судились и наказывались тамъ, гдѣ были захвачены войсками, другихъ отправляли для очныхъ ставокъ въ тѣ города, гдѣ могли оказать болѣе дѣйствительныя улики ихъ виновнымп. Почти всѣ, принадлежавшіе къ толпѣ Иванова и Каменскаго, судились въ Новохоперской крѣпости, комендантомъ которой былъ комендантъ Аршеневскій. Только нѣкоторые изъ нихъ допрашиваемы были въ Саратовѣ, Петровскѣ, Дмитріевскѣ и Царицынѣ.

Всѣ болѣе или менѣе важные преступники, пугачевскіе генералы, полковники и есаулы сосланы были въ Сибирь. Наказаніе имъ нельзя было ограничить кнутомъ и урѣзаніемъ ушей, какъ прочимъ провинившимся, которыхъ они водили за собой въ качествѣ предводителей; ихъ нельзя было водворить въ мѣста ихъ прежняго жительства.

Впрочемъ всѣ другія подробности, не имѣющія прямаго отношенія къ взятому нами, для настоящей статьи, эпизоду пугачевщины, но необходимыя для полнаго и живаго воспроизведенія одной изъ самыхъ кровавыхъ эпохъ въ жизни русскаго народа, не должны быть преданы забвенію, и на обязанности историка должна лежать забота спасти отъ уничтоженія всепоглощающимъ временемъ какъ то, что уцѣлѣло въ архивахъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе истлѣваетъ, расхищается и погибаетъ отъ огня, такъ и то, что вынесено изъ этой эпохи народною памятью, которая, какъ и все прочее, повинуется общимъ законамъ всепоглощающаго времени. Для насъ, для нашего поколѣнія слишкомъ важна эта эпоха и каждый фактъ изъ нея для насъ болѣе драгоцѣненъ, чѣмъ вся наша древняя исторія. Всѣ мы, все наше поколѣніе, XIX вѣкъ, все это продуктъ XVIII вѣка гораздо болѣе, чѣмъ XVII-го, а еще менѣе XVI-го и болѣе отдаленныхъ. Какъ бы то ни было, но насъ выработалъ XVIII вѣкъ съ его горькимъ опытомъ и не менѣе горькими, но полезными уроками. Вотъ почему намъ дорогъ XVIII вѣкъ и особенно тѣ его стороны, на которыхъ легла мрачная тѣнь: изъ-за этой тѣни ярче и отраднѣе выдаются свѣтлыя стороны нашего вѣка.

Въ своемъ предисловіи къ „Исторіи пугачевскаго бунта“ Пушкинъ говоритъ:

„Будущій историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ, конечно несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцева, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства.“

Это говорилось въ 1833 году.

Въ 1867 году ([1]) историкъ сказалъ бы иначе. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцева, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина не должна быть потеряна для потомства не потому только, что на ней встрѣчаются эти имена, которыя и безъ того не будутъ забыты потомствомъ, а именно потому, что эти страницы вмѣщаютъ въ себѣ имена Пугачева, Чики, Хлопуши, Иванова, Череватаго, Каменскаго и другихъ вышедшихъ изъ среды того народа, который въ другія историческія эпохи является такимъ великимъ народомъ и который способенъ дать изъ себя, въ замѣнъ великихъ злодѣевъ, и великихъ дѣятелей человѣчества. Повторяемъ, эта страница не должна быть потеряна для потомства не потому, что на ней встрѣчаются свѣтлыя личности, а именно потому, что на ней больше мрачныхъ личностей и мрачной тѣни: изъ-за этой тѣни ярче и отраднѣе выдаются свѣтлыя стороны и болѣе свѣтлыя личности нынѣшняго вѣка.

([1]) Писано въ 1867 году.

КТО БЫЛЪ УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

Г. Анучинъ, въ изслѣдованіи своемъ, помѣщенномъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ ([1]), усмирителемъ пугачовщины называетъ графа Петра Панина. Задавшись мыслью, во что бы то ни стало, доказать это, г. Анучинъ собираетъ всѣ доступные ему факты, разставляетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и, нанизывая ихъ на предвзятую мысль, какъ на длинную нитку, силится дотянуть эту нитку до благопріятнаго вывода, и—не дотягиваетъ. Гнилая нитка рвется, и разсыпавшіеся факты обличаютъ полную несостоятельность мысли, которою задался авторъ: факты ясно говорятъ, что ихъ надо низать не на ту гнилую нитку, на которую они нанизаны г. Анучинымъ, а на другую, которая почему-то пришлась г. Анучину не по душѣ.

Г. Анучинъ, взявъ подъ свое покровительство графа Панина, нѣсколько недружелюбно относится ко всѣмъ писавшимъ о пугачовщинѣ и не раздѣлявшимъ съ г. Анучинымъ

([1]) Графъ Панинъ, усмиритель пугачовщины („Рус. Вѣст.“ кн. 3—6 за 1869 г.).

его симпатій къ графу Панину. Такъ г. Анучинъ недоволенъ Бибиковымъ, Державинымъ, Пушкинымъ, г. Лебедевымъ и въ особенности Мордовцевымъ.

Источникъ помянутаго недовольства г. Анучина для насъ попятенъ. Въ лицѣ графа Панина, а также въ лицѣ Голицына, Чернышева, Кречетникова, Бранта, Рейнсдорпа, Шетнева, Фреймана и Кара, которымъ никто изъ историковъ пугачовщины не приписываетъ чести усмиренія этого крупнаго народнаго возстанія, г. Анучинъ видитъ обиженными всѣхъ генераловъ второй половины прошлаго вѣка, этихъ „орловъ изъ стаи великой Екатерины“, которые оказались безсильными передъ простымъ „вороненкомъ“, какъ назвалъ себя Пугачевъ графу Панину, и его вороньей стаей. Г. Анучину показалось обиднымъ, что мужики съ безграмотнымъ казакомъ во главѣ заставили трепетать блистательныхъ генераловъ, во главѣ которыхъ стояли такіе всесильные вельможи, какъ графъ Панинъ. Къ сожалѣнію, мы въ этомъ невиноваты, и надо винить исторію, которая такъ безжалостна къ генераламъ, хотя бы это были генералы двѣнадцатаго года.

Разсмотримъ, однакожь, обстоятельнѣе вопросъ, поставленный въ заголовкѣ нашей статьи и вызванный изслѣдованіемъ г. Анучина.

Въ основѣ всего изслѣдованія г. Анучина лежитъ капитальная ошибка, которой были повинны всѣ историки старой исторической школы, нынѣ уже отвергнутой. По этой школѣ, исторія государствъ, судьбы народовъ, движеніе человѣческихъ массъ и человѣческой мысли, поступательный ходъ человѣчества къ совершенству, успѣхи и неудачи, страданія и надежды людей—все вращалось около королей, полководцевъ и генераловъ. Короли, полководцы и генералы, ихъ войны,

побѣды и пораженія, взаимная вражда, придворныя интриги и происки представлялись какъ бы руководителями исторіи и руководителями массъ и судебъ всего человѣчества.

Эту негодную историческую мѣрку г. Анучинъ прилагаетъ къ исторіи пугачовщины. Ничтожное передъ общимъ ходомъ историческихъ судебъ русскаго народа имя одного графа г. Анучинъ хочетъ связать съ великимъ актомъ движенія народныхъ массъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, движеніемъ, не Пугачевымъ вызванное, и не генералами и графами усмиренное. Движеніе это было продуктомъ всей исторической жизни русскаго народа и того своеобычнаго государственнаго склада, который долженъ былъ вызвать если не пугачовщину, то что-нибудь подобное этому, или даже худшее, страшнѣйшее, именно „крестьянщину“, поголовное возстаніе народныхъ массъ. Эту простую мысль мы и высказали въ нашей первой монографіи объ этой эпохѣ, въ „Пугачовщинѣ“, помѣщенной въ первой книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1866 годъ, и эту же мысль проводили въ другой монографіи („Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка и Пугачевъ“), напечатанной въ „Отеч. Запискахъ“ за 1868 годъ. Мало того, во всѣхъ нашихъ историческихъ трудахъ проводилась эта же мысль, потому что другая мысль и проводиться не могла, какъ ложная и несовременная. Эта мысль сама собою вытекаетъ изъ фактовъ, когда къ нимъ относится безъ предубѣжденія не всякій близорукій историкъ, не думающій, что источникъ всего сущаго—генералы.

Какъ пугачовское движеніе, собственно движеніе народное, связанное только съ именемъ Пугачева, было продуктомъ всей исторической жизни русскаго племени, такъ и усмиреніе этого движенія не было результатомъ усилій ни графа

Панина, ни генерала де-Колоига, ни всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ генераловъ и графовъ. Усмиреніе это лежало внѣ ихъ личной дѣятельности, потому что оно было выше ихъ единичныхъ силъ и выше ихъ ума, какъ бы онъ ни былъ свѣтелъ и обширенъ.

Движеніе это началось по неизбѣжнымъ историческимъ законамъ, отъ извѣстныхъ, весьма сложныхъ, весьма мелкихъ и весьма крупныхъ историческихъ причинъ, и также улеглось по тѣмъ же историческимъ законамъ, отъ извѣстныхъ, весьма сложныхъ, весьма мелкихъ и крупныхъ причинъ, какъ по извѣстнымъ законамъ природы начинается буря и затѣмъ ослабѣваетъ, падаетъ и улегается окончательно. Генералы и графы тутъ не при чемъ. Поднимается народное движеніе совокупными усиліями *всѣхъ* (людей знатныхъ и ничтожныхъ, графовъ и мужиковъ) и отъ *всѣхъ* причинъ совокупно взятыхъ (причинъ крупныхъ и мелкихъ), точно такъ, какъ и усмиряется оно совокупными силами *всѣхъ* — и графовъ и мужиковъ, генераловъ и простыхъ солдатъ.

Эти-то неизбѣжные и неизмѣнные историческіе законы, законы человѣческой жизни, эти-то сложныя причины, и самыя крупныя и самыя мелкія, эти-то живые матеріалы, изъ которыхъ строится сама собой исторія государствъ и всего человѣчества, и слѣдуетъ подмѣчать и изучать историку, а не копаться въ послужныхъ спискахъ генераловъ и графовъ и ставитъ крупные, хотя прискорбные акты проявленія народныхъ движеній въ зависимость отъ этихъ послужныхъ списковъ и жалкихъ усилій двухъ — трехъ генераловъ и графовъ. А этихъ сложныхъ, самыхъ мелкихъ и потому самыхъ важныхъ причинъ, объясняющихъ источникъ движенія такихъ же мелкихъ народныхъ единицъ, въ совокупности составляющихъ

гораздо бо̀льшую цифру и гораздо бо̀льшую силу, чѣмъ цифра и сила всѣхъ генераловъ и всѣхъ графовъ вмѣстѣ взятыхъ— этихъ мелкихъ причинъ народныхъ движеній нельзя изучить ни въ государственныхъ архивахъ министерствъ, куда сообщаются свѣдѣнія о явленіяхъ и причинахъ явленій только крупныхъ и потому менѣе важныхъ для историка, чѣмъ причины и явленія мелкія, ни даже въ личной перепискѣ графа Панина съ императрицей и высшими сановниками государства. Эти мелкія, первичныя причины народныхъ движеній можно изучать только въ мелкихъ провинціальныхъ архивахъ, въ глуши, гдѣ зачинались эти первичныя явленія и движенія, въ архивахъ, въ которыхъ рылся пишущій эти строки и, перебравъ для отысканія этихъ мелкихъ причинъ тысячи старыхъ дѣлъ, отыскалъ доказательства того, что едва-ли графъ Панинъ и другіе генералы были усмирителями пугачовщины. А этого г. Анучину не хотѣлось бы. Inde iгае г. Анучина.

Все изслѣдованіе г. Анучина противорѣчитъ современнымъ и основнымъ требованіямъ исторической науки. Для него не существуютъ причины явленій и онъ ихъ не старается уразумѣть. Для него это кажется совершенно излишнимъ. Для него графъ Панинъ и причина явленій и ихъ послѣдствіе во всей его полнотѣ: не будь Панина, не было бы и конца пугачовщинѣ. Мало того, онъ серьезно называетъ Панина „спасителемъ отечества“ отъ пугачовщины, тогда какъ въ сущности роль Панина въ спасеніи Россіи отъ пугачовщины была едва-ли не ничтожнѣе роли капитолійскихъ гусей въ спасеніи Рима: гуси по крайней мѣрѣ во̀ время разбудили римлянъ и тѣмъ дали имъ возможность во̀ время отразить непріятеля, а Панинъ самъ проснулся только

тогда (во второй половинѣ августа), когда пугачевщина уже кончалась.

Такимъ, повидимому, рѣзкимъ отзывомъ мы нисколько не думаемъ унижать значеніе графа Панина въ русской исторіи, хотя насъ и могутъ обвинить (но обвинить несправедливо) въ томъ, будто мы бросаемъ грязью въ свѣтлыя личности нашего славнаго прошедшаго. Ни бросать грязью, ни восхвалять мы никого не желаемъ, потому что слишкомъ уважаемъ разумное отношеніе исторической критики къ историческимъ личностямъ. Мы хотимъ только показать, что не тамъ надо искать разгадку крупныхъ историческихъ явленій, гдѣ ихъ ищутъ писатели, подобные г. Анучину. Въ исторической наукѣ совершается крутой поворотъ къ лучшему, и представители ея пришли къ тому убѣжденію, что для того, чтобы исторія была дѣйствительнымъ критеріумомъ судебъ народовъ, чтобы вполнѣ выяснились причины слишкомъ медленнаго роста человѣчества, надо по возможности меньше заниматься королями, полководцами, графами и генералами, а изучать въ совокупности возможно большее число мелкихъ явленій, вполнѣ примѣняя къ исторіи статистическій методъ съ его средними величинами, выводимыми изъ суммы возможно бдльшаго числа однородныхъ мелкихъ опытовъ. Надо оставить въ покоѣ героевъ, а заняться простыми смертными и показать, почему эти смертные голодали или страдали, почему медленно подвигалось ихъ развитіе и почему они иногда, какъ, напримѣръ, въ пугачовщину, причиняли большія безпокойства генераламъ и графамъ, и безъ сомнѣнія, будутъ причинять таковыя, пока исторія будетъ заниматься не ихъ судьбою, а судьбою генераловъ и графовъ.

Г. Анучинъ, повидимому, не понимаетъ этого. Онъ даже

обвиняетъ г. Лебедева въ томъ, что этотъ послѣдній, въ своей монографіи о графахъ Никитѣ и Петрѣ Паниныхъ (1), не избралъ ихъ „героями“ своего разсказа. Мало того, г. Лебедевъ обвиняется въ томъ, что онъ писалъ монографію о Паниныхъ „не для нихъ самихъ.“ Графы Панины, особенно Петръ, по словамъ г. Анучина, „не пользовались симпатіей г. Лебедева“, и онъ, г. Лебедевъ, „выбралъ ихъ героями своего разсказа не для нихъ самихъ.“

Всѣ, напротивъ, кромѣ г. Анучина, должны бы ставить это въ заслугу г. Лебедеву. Онъ, дѣйствительно, выбралъ Паниныхъ „героями своего разсказа не для нихъ самихъ“, а для той исторической правды, которая должна была болѣе или менѣе выясниться его изслѣдованіемъ. Г. Лебедеву, какъ надо полагать, нужны были не лица, не „герои“, не графы, а тотъ историческій циклъ, въ которомъ они являлись ничтожными атомами въ процессѣ организованія тѣхъ историческихъ явленій, къ коимъ имена графовъ Паниныхъ могутъ быть пріурочены такъ же, какъ можетъ быть пріуроченъ ничтожный листокъ къ процессу организованія развѣсистаго, столѣтняго корабельнаго дуба. Тутъ не должно быть и рѣчи о „геройхъ“ и о „симпатіяхъ“ или антипатіяхъ къ нимъ. Эти-то герои и симпатіи къ нимъ историковъ и были причиною того, что исторія человѣческихъ обществъ до настоящаго времени являлась или сборомъ оффиціальныхъ лжей, или восхваленіемъ героевъ. Герои и генералы были причиною того, что даже исторія нашей отечественной войны страдаетъ отсутствіемъ правильной оцѣнки

---

(1) Графы Никита и Петръ Панины.

этого великаго акта исторической жизни русскаго народа, потому что каждый изъ генераловъ 12-го года, подобно генералу Бетрищеву, желалъ непремѣнно имѣть своихъ Тентетниковыхъ въ историкахъ 12-го года.

Выяснивъ теперь понятія г. Анучина о задачѣ историка и опредѣливъ точку его зрѣнія, его историческій аршинъ, мы поймемъ, почему г. Анучину непремѣнно хотѣлось доказать, что Панинъ былъ не только усмирителемъ пугачовщины, но и „спасителемъ отечества“ — сильно сказано! Спаситель отечества! да такихъ вся міровая исторія не представляетъ, хотя и есть лица, получившія себѣ не по заслугамъ это безсмысленное римское когномент.

Для того, чтобы доказать несообразный историческій афоризмъ, г. Анучину ничего не оставалось болѣе, какъ насильно натягивать всевозможные факты и даже предположенія на тотъ непрочный тезисъ, который онъ выставилъ въ видѣ вѣшалки для фактовъ. Но вѣшалка не выдерживаетъ тяжести фактовъ, большею частью противорѣчащихъ тезису, и вѣшалка съ фактами, какъ съ негоднымъ лохмотьемъ, падаетъ. Оттого г. Анучинъ и сердится на всѣхъ писавшихъ о Пугачевѣ и не восхвалившихъ Панина съ прочими генералами. Оттого г. Анучинъ и недоволенъ Державинымъ, Бибиковымъ, Пушкинымъ, г. Лебедевымъ и въ особенности мною, пишущимъ сію скромную отповѣдь. Онъ потому собственно негодуетъ на меня, что въ моихъ изслѣдованіяхъ о пугачовщинѣ нескромно высказано о „героѣ“ г. Анучина, будто онъ, главнокомандующій войскъ, ратовавшихъ противъ пугачовщины, не видалъ и въ глаза пугачовщины, а командовалъ войсками изъ своей пензенской или керенской усадьбы.

По убѣжденіямъ г. Анучина, всѣ писавшіе о Панинѣ были неправы. Нелестность отзывовъ Державина о Панинѣ защитникъ послѣдняго объясняетъ личной враждой Державина къ Панину „Бибиковъ и Пушкинъ не имѣли о Панинѣ никакихъ матеріаловъ (почему же никакихъ?) и написали о немъ всего нѣсколько словъ.“ Значитъ, они не считали особенно важнымъ для исторіи писать о Панинѣ больше. Г. Лебедевъ, по словамъ г. Анучина, хотя и сообщилъ о Панинѣ весьма интересные факты, но не питаетъ къ нему „симпатіи.“ За то, пишущій это, написалъ о Панинѣ совершенныя небылицы.

„Г. Мордовцевъ (говоритъ г. Анучинъ) своими историческими монографіями пріобрѣлъ какъ бы авторитетъ по вопросу о пугачовщинѣ, но авторитетъ этотъ опирается не на достоинствахъ его статей, а на той смѣлости, съ которою онѣ написаны.“ Послѣдній нашъ трудъ („Русскіе государственные дѣятели второй половины прошлаго вѣка и Пугачевъ“), печатавшійся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1868 годъ, „заключаетъ въ себѣ, по словамъ г. Анучина, столь невѣроятныя вещи, что рѣшительно недоумѣваешь, какъ можно было *рѣшиться написать* ихъ.“ При всемъ томъ, у насъ достало рѣшимости сказать правду о Панинѣ, и это приводитъ г. Анучина въ недоумѣніе. Рѣшимость и смѣлость наша заключалась въ томъ, что, приведя въ своей статьѣ текстъ объявленія Панина о поимкѣ Пугачева, объявленія, подъ которымъ подписано было: „дано на маршѣ“ 25-го сентября—мы осмѣлились спросить: „на какомъ это маршѣ?“ — и пояснили, что собственно графъ Панинъ не дѣлалъ никакихъ *маршевъ*, что „онъ не былъ съ войсками, хотя и считался ихъ главнокомандующимъ, а

жилъ въ своей деревнѣ.“ Что-жъ тутъ невѣроятнаго? Во-первыхъ, странно было печатать подъ объявленіемъ: „дано на маршѣ,“ когда объявленіе это печаталось, какъ видно, въ Москвѣ или Петербургѣ, а не на маршѣ, и вовторыхъ, Панинъ дѣйствительно жилъ въ своей деревнѣ въ самые горячіе дни того періода пугачовщины, который еще захватилъ Панинъ въ качествѣ главнокомандующаго.

Посмотримъ же, дѣйствительно ли Панинъ былъ „усмирителемъ пугачовщины,“ и такова ли была его дѣятельность, чтобы она давала право на память въ потомствѣ подъ великимъ именемъ „спасителя отечества.“

Г. Анучинъ самъ сознается, что „первый актъ дѣятельности“ Панина былъ—разосланное имъ объявленіе, по переходѣ Оки, 23-го августа! Первый актъ дѣятельности его совершился, такимъ образомъ, уже тогда, когда пугачовщина кончалась, когда „толпища“ Пугачева, ошеломленныя первою крупною неудачею—отбитіемъ ихъ отъ Царицына, какъ бы сразу потеряли вѣру и въ свое призваніе и въ водившую ихъ на побѣды таинственную личность, и когда самъ Пугачевъ, послѣ первой крупной неудачи подъ Царицыномъ, какъ-будто самъ потерялъ вѣру въ себя, и махнувъ на все рукою, цѣлыя сутки пьянствовалъ въ шатрѣ съ своими любовницами, и въ эти одни сутки потерялъ все, что пріобрѣлъ въ теченіе цѣлаго кроваваго года. Вотъ когда только графъ Панинъ проявилъ „первый актъ своей дѣятельности,“ то-есть когда уже было поздно и когда дѣятельность эта была уже никому не нужна. Да и какой это, впрочемъ, „актъ дѣятельности?“ Объявленіе, которому никто не вѣрилъ и котораго никто не боялся. Въ теченіе кроваваго

года народъ привыкъ къ этимъ объявленіямъ, какъ къ правительственнымъ, такъ и къ пугачевскимъ.

Сущность разосланнаго Панинымъ объявленія заключалась въ томъ, что онъ повелѣвалъ всѣхъ бунтующихъ крестьянъ „цѣлованьемъ евангелія и креста“ утвердить въ повиновеніи начальникамъ и помѣщикамъ — и только. Да развѣ эту афишку можно назвать „актомъ дѣятельности?“ Это объявленіе — не что иное, какъ угроза, напоминаніе о томъ, чтобы *впредь* того *не было*, что *было* да *прошло*, только безъ помощи Панина. Такія объявленія можно было писать только послѣ 21-го августа 1774 года, когда кровавая народная смута, пройдя чрезъ всѣ фазисы ужасовъ, уже улегалась сама собой, какъ бы отъ усталости, какъ улегается сама собой буря, сдѣлавъ свое естественное дѣло, какъ отливало море послѣ прилива, когда уже успѣло омочить ноги Канута, приказывавшаго бить кнутомъ разъяренныя волны.

Всѣ государственные дѣятели эпохи пугачовщины были не что иное, какъ Кануты, которые били кнутомъ по морю въ моментъ прилива.

Нѣсколько раньше объявленіе Панина не имѣло бы смысла. Но въ то время, когда оно писалось, въ Россіи уже выработывалось другое убѣжденіе—именно, что пугачовщина проходитъ, а потому и можно угрожать крестьянамъ, чтобъ они снова возвратились подъ помѣщиковъ. Въ разгаръ пугачовщины не было недостатка въ такихъ объявленіяхъ и „увѣщеваніяхъ“: они были и въ манифестахъ императрицы, и въ ордерахъ, и въ промеморіяхъ, читались и въ церквахъ, и на базарахъ — но не достигали своей цѣли.

Итакъ, первый актъ дѣятельности Панина проявился

тогда только, когда, когда пугачовщины въ сущности уже не было. Въ самый же разгаръ пугачовщины этотъ актъ дѣятельности бы, по меньшей мѣрѣ и былъ безполезенъ.

Во всей первой части своего изслѣдованія г. Анучинъ силится (и надо отдать ему справедливость, съ ревностію, достойной лучшаго дѣла) доказать благовидность „причинъ, непозволявшихъ графу Панину выѣхать изъ Москвы тотчасъ по полученіи увѣдомленія о назначеніи его главнокомандующимъ“ (стр. 138).

Во всей этой части мы видимъ положительныя усилія автора натянуть факты на свой тезисъ; но въ то же время видимъ, что это ему положительно не удается. Наконецъ, мы даже согласны допустить, что причины эти достаточно благовидны, достаточно извинительны; но все-таки вопросъ не въ томъ: виноватъ или не виноватъ Панинъ въ своей медлительности: вопросъ въ томъ. былъ ли онъ въ нужное время на мѣстѣ дѣйствія? Не былъ, отвѣчаютъ факты, собранные г. Анучинымъ. А когда не былъ на мѣстѣ рѣзни, то и усмирять ея не могъ. А отъ этого до спасенія отечества еще очень далеко.

Главное препятствіе для Панина къ выѣзду изъ Москвы—боязнь выѣхать безъ войска. Причина очень извинительная, но войскамъ, гонявшимся въ это время за Пугачевымъ, отъ этого было не легче. И если спасеніе отечества зависѣло отъ личности графа Панина, а не отъ тѣхъ мелкихъ единицъ, причинъ и явленій, изъ которыхъ слагается исторія, то Панину, сильному вѣрою въ самаго себя, нечего было выжидать войскъ, этихъ мелкихъ единицъ, этихъ Петровъ и Сидоровъ, которыхъ исторія не заноситъ на свои страницы. Вѣдь Панинъ былъ положенъ въ свой

фамильный склепъ съ именемъ „спасителя отечества“, а не тѣ Петры и Сидоры, легшіе въ свои безвѣстныя могилы, можетъ быть, безъ савановъ, а можетъ быть безъ ногъ и безъ рукъ, потерянныхъ ими для того, чтобы графу Панину можно было лечь въ свою историческую могилу съ когноменомъ „спасителя отечества.“ Вѣдь Суворовъ, зная силу своего имени, не побоялся же ѣхать къ Пугачеву безъ войска.

Панинъ выѣхалъ изъ Москвы только *17 августа*. Указъ же о назначеніи его главнокомандующимъ состоялся, по свидѣтельству однихъ историковъ, 29 іюля, по другимъ— 19-го. Слѣдовательно, онъ промедлилъ въ Москвѣ или 19, или 29 дней! Даже г. Щебальскій, котораго г. Анучинъ почему-то не считаетъ въ числѣ недоброжелателей своего героя, Панина, вынужденъ былъ сказать по этому поводу: „нельзя не замѣтить здѣсь, что графъ Панинъ не обнаружилъ въ этомъ случаѣ той быстроты, которой требовали обстоятельства ([1]).

По нашему мнѣнію, Россія и не нуждалась въ быстротѣ Панина. Дѣло дѣлалось безъ него, само собой, и безъ него же страшная машина, заведенная годъ тому назадъ, остановилась сама собой, когда улеглась сила, толкавшая приводъ машины, и когда поистерлись шестерни и колеса, да поломался становой валъ машины.

Какъ бы то ни было, Панинъ, наконецъ, выѣхалъ изъ столицы, чтобы ѣхать къ войску.

„Итакъ, не съ веселыми надеждами выѣзжалъ графъ Панинъ изъ Москвы — говоритъ г. Анучинъ на стр. 142-й,

---

([1]) Начало и характеръ пугачовщины, стр. 84.

въ тирадѣ, не лишенной поэзіи и сентиментальности — тяжелыя мысли подавляли его. Онъ твердо рѣшился употребить самыя крайнія мѣры, чтобы...“ и т. д. Точно Панинъ самъ дѣлился съ г. Анучинымъ своими „чувствами“ и „тяжелыми мыслями.“ Точно г. Анучинъ былъ въ душѣ у Панина и видѣлъ, на что онъ „твердо рѣшился.“ Намъ нѣтъ дѣла до того, что̀ чувствовалъ Панинъ, да историку едва-ли и нужно знать „твердо ли рѣшился“ Панинъ на то или другое. Историкъ обязанъ говорить не о томъ, на что кто рѣшился, а о томъ, что кто *дѣлалъ* и что *сдѣлалъ*.

Впрочемъ, г. Анучинъ самъ изобличаетъ, что Панинъ принималъ далеко не не посредственное участіе въ усмиреніи пугачовщины, и какъ ни рвался къ дѣятельности, дѣятельность ему не давалась въ руки.

Вотъ эти обличенія:

1) „Театръ военныхъ дѣйствій и войска, преслѣдовавшія Пугачева, были отдѣлены отъ него (Панина) на весьма значительное разстояніе“ (сознаніе г. Анучина).

2) „Какъ ни спѣшилъ онъ (Панинъ) идти впередъ, обстоятельства требовали отъ него отдѣленія небольшихъ отрядовъ и приведенія окрестныхъ мѣстъ въ порядокъ“, и потому „онъ самъ подвергался тѣмъ же самымъ задержкамъ, которыя прежде задерживали на пути графа Меллина и Михельсона“ (гдѣ? когда?.. Михельсонъ, гоняясь за Пугачевымъ, по дну рѣкъ таскалъ свои пушки, и скакалъ не хуже Пугачева).

3) „Графъ Панинъ, лишенный возможности руководить непосредственно военными дѣйствіями“, предписывалъ только Михельсону „настойчиво преслѣдовать врага“ (когда Михельсонъ это дѣлалъ уже и до назначенія Панина главно-

командующимъ, и послѣ, не выжидая его ордеровъ). Но льстя Михельсону, Панинъ прибавлялъ: „нашъ герой Михельсонъ ничего изъ виду не упуститъ“ (стр. 143).

4) „Онъ (Панинъ) нашелъ нужнымъ дѣйствовать съ крайней энергіею“ (стр. 144); а какъ дѣйствовалъ — неизвѣстно, потому что тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, г. Анучинъ говоритъ: „однако, какъ ни рвался Панинъ къ дѣятельности, она не могла начаться, *онъ не входилъ еще въ предѣлы подчиненнаго ему края*“, то-есть не дошелъ еще до Оки!

Но вотъ прискакалъ къ нему Суворовъ — и Панинъ видимо скорѣе начинаетъ двигаться впередъ. Въ Шацкѣ онъ получилъ извѣстіе объ отбитіи Пугачева отъ Царицына, т. е. о первой дѣйствительной побѣдѣ существующаго государственнаго порядка надъ анархіею, о побѣдѣ силы центростремительной надъ силою центробѣжною, — и только тутъ „въ первый разъ Панинъ примѣнилъ къ дѣлу одно изъ своихъ распоряженій“: сжегъ манифесты Пугачева. — Отчего же не раньше?

Но тутъ же представляется обстоятельство весьма сомнительнаго свойства. Оно заслуживаетъ того, чтобъ исторія поставила надъ нимъ „нота бене“.

Въ Керенскѣ, 2-го сентября, Панинъ получилъ донесеніе Цыплетева объ отраженіи Пугачева отъ Царицына и „не только не наградилъ его, но и осыпалъ насмѣшками за то (?), что Цыплетевъ послалъ свое донесеніе одновременно и ему и самой императрицѣ“ (146 стр.). За что же? За то, что не самъ Панинъ раньше Цыплетева похвастался этою побѣдою передъ императрицею?

Дальнѣйшія обличенія неучастности Панина въ усмиренія пугачовщины.

5) „Командировки войскъ (по окрестностямъ, гдѣ находился самъ Панинъ) заставили Панина значительно промедлить въ Керенскѣ“, такъ что въ Нижній Ломовъ онъ прибылъ только 10 септября, когда разбитый Пугачевъ давно уже метался за Волгою, какъ волкъ, загоняемый въ тенета.

6) Изъ Пензы Панинъ *поспѣшилъ* въ Симбирскъ, куда Суворовъ везъ уже Пугачева“ (стр. 156).

Наконецъ, 7) самъ Панинъ не принималъ никакого участія въ направленіи войскъ, гонявшихся за Пугачевымъ, и поимка самозванца состоялась, такъ-сказать, мимо его“... (стр. 148).

Вообще вся дѣятельность Панина заключалась въ разсылкѣ „увѣщеваній“ и „объявленій.“ Онъ велѣлъ то же дѣлать и синоду. Но въ силу „этихъ увѣщаній“, по словамъ самаго же г. Анучина, мало вѣрили *даже* въ Петербургѣ, а въ мѣстностяхъ, которыя были расшатаны пугачовщиною, объявленія Панина „мало дѣйствія имѣли.“

Гдѣ же эти „марши“ Панина, сомнѣніе въ коихъ, выраженное въ нашемъ послѣднемъ изслѣдованіи о пугачовщинѣ, такъ обидѣло г. Анучина? Эти „марши“ и въ настоящее время, несмотря на документы, опубликованные г. Анучинымъ, продолжаютъ оставаться подъ крѣпкимъ сомнѣніемъ.

Кто же дѣйствительно былъ усмирителемъ пугачовщины?—Никто.

Назначеніе Панина главнокомандующимъ послѣдовало тогда, когда пугачовщина начала уже издыхать сама собой. Пугачевъ, переправясь на правый берегъ Волги, уже самъ

потерялъ вѣру въ свою несокрушимую силу. Онъ уже боялся идти на Москву. Онъ уже досмотрѣлъ своимъ зоркимъ, „страховитымъ“ окомъ, что въ средѣ самыхъ близкихъ его сомятежниковъ гнѣздится измѣна. Перфильевъ продавалъ его въ Петербургѣ. Народная вѣра въ „подлинность“ царя пошатнулась. Являются подставные цари — Фирска разбойникъ, Мосякинъ съ крестами на рукахъ, приказывающій одурѣвшему въ смутахъ народу пить царскія (т.-е. Мосякина) помои. Пугачовщина распадается на мелкія пугачовщины съ самостоятельными предводителями, обезумѣвшими отъ самовластія надъ обезумѣвшимъ народомъ. Пугачевъ бѣжитъ уже изъ Россіи, но въ своемъ бѣгствѣ становится еще страшнѣе, хотя послѣдніе ужасы въ сущности были предсмертныя корчи сильнаго звѣринаго организма, издыхавшаго въ мукахъ и тѣмъ свирѣпѣе терзавшаго свои жертвы. Убѣгая изъ Россіи и все предавая огню и жестокому истязанію (еслибы онъ надѣялся остаться въ Россіи и еслибы не считалъ свое дѣло проиграннымъ, онъ этого не дѣлалъ бы изъ боязни потерять репутацію „милостиваго царя“), онъ еще надѣялся на помощь Дона. Но подъ Царицынымъ онъ увидѣлъ, что и донцы опрокинулись на него, и онъ былъ отбитъ. Съ отчаянья онъ махнулъ на все рукой и заперся въ шатрѣ съ любовницами, пьянствуя цѣлыя сутки, забывая, что Михельсонъ уже у него за спиною.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, не знаютъ этого, и ужасъ, нанесенный переходомъ за Волгу бѣгущаго Пугачева, усиливается. Въ Петербургѣ только слышится страшное рыканіе издыхающаго звѣря, но тамъ еще не знаютъ, что звѣрь издыхаетъ, и императрица пишетъ къ Потемкину, что она не желала бы назначить Панина главнокомандующимъ, что

назначеніемъ этимъ „я сама ни малѣйше не сбережена (говоритъ императрица), что предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля, и мнѣ персонально оскорбителя, побоясь Пугачова, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю„ (1).

И вотъ въ это время является Панинъ, когда уже никого не нужно было. Толпище Пугачова могли добывать отряды Михельсона, Мансурова, Муфеля и казацкія пики донцовъ—пугачовцы сами шли съ повинною къ начальству, потому что ѣсть было нечего: начался голодъ!

Вмѣсто полководцевъ и войскъ требовались уже только канаты, на которыхъ пугачовцовъ возвращали домой, да хлѣбъ, который прокормилъ бы голодающую Россію.

Такимъ образомъ, ужь если нужно кого-нибудь назвать усмирителемъ пугачовщины—такъ это голодъ. Вообще же усмирителемъ пугачовщины не былъ никто, а всего менѣе графъ Панинъ.

---

(1) Лебедевъ, Щебальскій.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, домъ № 64, противъ Аничкова дворца

ПРОДАЮТСЯ:

Мордовцевъ Д. Политическія движенія русскаго народа. 2 тома.	4 р. — „
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ его жизнь и сочиненія, съ портр. Пушкина.	— „ 50 к.
Альберсъ. Очеркъ патологіи и терапіи душевныхъ болѣзней.	1 „ — „
Андре-Лео. Возмутительный бракъ, романъ.	1 „ 20 „
Байронъ. Соч. въ переводѣ русскихъ поэтовъ. 5 томовъ.	6 „ 75 „
Бутузовъ В. Словарь особенныхъ словъ, фразъ и оборотовъ англійскаго народнаго языка и употребительнѣйшихъ американизмовъ, не введенныхъ въ обыкновенные словари.	1 „ 50 „
Бушю. Дѣтскія болѣзни.	3 „ — „
Вагнеръ. Дарвинъ и его законъ переселеній, переводъ подъ редакціею Андреевскаго.	— „ 50 „
Вернъ Ж. Восемдесятъ тысячъ верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана, съ 112 рисун. худ. Ріу, переводъ Марка Вовчка.	4 „ — „
Вернъ Ж. Приключенія капитана Гатраса. Необыкновенное путешествіе, съ 259 рис. худ. Ріу, пер. Марка Вовчка.	3 „ 50 „
Вернъ Ж. Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе, съ 172 рис. худ. Ріу, пер. Марка Вовчка.	4 „ — „
Данкевичъ. Недоразумѣніе, повѣсть въ 3 частяхъ.	2 „ — „
Гекторъ Мало. Приключенія Ромена Кальбри, съ 42 рис. худ. Баяра, пер. Марка Вовчка.	3 „ — „
Гринвудъ. Подлинная исторія маленькаго оборвыша, романъ, пер. Марка Вовчка.	2 „ — „

Цѣна за оба тома 4 р. с.